

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№ 1(5)

Смоленск
2009

Редакционный совет

Е.В. Козин (*Смоленск, председатель*), А.Г. Егоров (*Смоленск, зам. председателя*),
Н.А. Богомолов (*Москва*), В.Д. Будаев (*Санкт-Петербург*),
Х. Духхардт (*Майнц, ФРГ*), А.Л. Журавлёв (*Москва*),
Э.Г. Кирьяцкий (*Вильнюс, Литва*), В.И. Кузицин (*Москва*),
В.Я. Лыкова (*Смоленск*), К.В. Макаров (*Москва*),
М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*), Р. Маннинг (*Бостон, США*),
М.А. Розов (*Москва*), А.П. Сманцер (*Минск, Республика Беларусь*),
З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*),
В.А. Холоднов (*Санкт-Петербург*), Е.А. Шмидт (*Смоленск*)

Редакционная коллегия

А.Г. Егоров (*гл. редактор*), И.В. Романова (*зам. гл. редактора*),
Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), В.С. Баевский, М.Ю. Гильденков,
Ю.А. Грибер, В.П. Дьяконов, С.П. Евдокимов, Ю.Е. Ивонин, О.В. Козлов,
Н.Д. Круглов, Г.С. Меркин, К.М. Расулов, Н.П. Сенченков, Г.Г. Сильницкий,
А.В. Славин, В.А. Сонин

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)383157
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Баевский В.С.</i> Три истории литературы в одной	6
<i>Штерн М.С.</i> Другой всадник, или петербургский текст Ивана Бунина	19
<i>Полухина В.П.</i> Побег смысла: поэзия Татьяны Щербины.	25
<i>Степанов А.Г.</i> Стих и визуальность: замечания к проблеме	37
<i>Козлова М.С.</i> М. Исаковский – наставник молодых литераторов (1930-е годы)	45
<i>Пазникова А.Д.</i> Сатирические циклы Аркадия Аверченко: художественный синтез.	52

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Смирнова Л.Г.</i> Парадигматические отношения слов с оценочным компонентом значения в русском языке	61
<i>Троицкий Е.Ф.</i> Система языка и сочинительная конструкция	72

ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ

<i>Нюбина Л.М.</i> Категория «стиль» в современном понимании.	85
<i>Ермоленко Г.Н.</i> Особенности пасторальных жанров в поэзии П. Ронсара	98
<i>Тихонова М.П.</i> Богатство, которое остается на всю жизнь: о литературной, издательской и просветительской деятельности Жака Шарпантро	110
<i>Макарова Н.Е.</i> Система сравнений в романах Бориса Виана.	121
<i>Ретинская Т.И.</i> Алгоритм описания французских профессиональных арго (из опыта смоленской школы арготологии)	127
<i>Степанова О.В.</i> Арго пригородов в фильме комедийного жанра	136
<i>Осаволук О.И.</i> Стихотворение-комикс как креолизованный текст	144
<i>Власова Ю.Н.</i> Грамматическая метафора в индивидуальном стиле Ремона Кено	150

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Керов В.В.</i> «Труд благой Бога ради»: трудовая этика раннего староверия	157
<i>Кретинин С.В., Смехнов Р.Ю.</i> Проблема массовых выселений судетских немцев в современной общественно-политической мысли	165
<i>Борисов В.И.</i> «Военный коммунизм»: теория вопроса	176

<i>Якушев П.А.</i> Из истории создания и деятельности сельхозкоммун на территории Смоленской губернии в годы гражданской войны (1918–1921).	190
<i>Красильников И.Б.</i> Состояние образовательных и культурно-просветительских учреждений Смоленской области в период немецкой оккупации	198
<i>Кирчанов М.В.</i> Первый опыт комплексной биографии Карла Каутского в российской германистике.	211

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Соколова М.Г.</i> Проблема тела в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века в контексте христианской антропологической традиции.	215
<i>Пименов В.Ю.</i> Философия свободы Льва Шестова в контексте постнеклассического философского дискурса.	223
<i>Ивенкова О.А.</i> СССР в 1920 – 1930-е годы: повседневное сознание и политическое мифотворчество	230

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Боровикова Т.В., Фоменков А.И.</i> Практика применения социально-педагогического мониторинга в управлении общеобразовательным учреждением	238
<i>Селиванов В.С.</i> Принципы гуманистического личностно-ориентированного воспитания	247
<i>Сенченков Н.П.</i> Биогенетическая концепция развития ребенка в педологии П.П. Блонского: онтологический аспект	253
<i>Савельева О.Е.</i> Современные подходы к нравственному воспитанию в школах США	262
<i>Денисович Т.Е.</i> Противоречия современной теории педагогической культуры	268
<i>Симоненко М.А.</i> Теоретическое исследование уровневой структуры сознания	275
<i>Селиванов В.В.</i> Личностные характеристики субъекта мышления	282
<i>Десятых С.Ю.</i> Динамика сексуальной активности и показатели ее интенсивности в связи с возрастом полового созревания.	294

ДИССЕРТАЦИИ

<i>Баевский В.С., Максимчук Н.А.</i> Информация о работе диссертационного совета в 2008 году	303
<i>Романова И.В.</i> Обзор диссертаций, защищенных аспирантами СмолГУ в советах других вузов в 2008 году	305

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Власова Ю.Н. Научная школа профессора Э.М. Береговской 308

КОНФЕРЕНЦИИ

Павлова Л.В., Романова И.В. Кафедра истории и теории литературы –
Году русского языка 318

Каяниди Л.Г. Студенческая научная конференция «Дебют»
5 марта 2008 года 324

Дюндик А.А. Студенческая конференция
«Золото и серебро русской литературы» 327

Дюндик А.А. «Структура, тематика, семантика...»:
отчет о проведении аспирантской конференции
кафедры теории и истории литературы 6–7 октября 2008 года 330

Ливанова М.В. 56-я студенческая научная конференция
Смоленского государственного университета. 26 апреля 2008 года.
Секция «Журналистика» 338

Ивонин Ю.Е. Международная научная конференция
«Христианство и представления о национальной идентичности:
Россия, Франция, Европа XVI–XX вв.» 340

Ивонина Л.И. Международная научная конференция
«Британия: история, культура, образование» 342

Книги 343

Сведения об авторах 347

Информационное письмо 351

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

В.С. Баевский

Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1.0

ТРИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ В ОДНОЙ

Ключевые слова: *Пушкин; Пастернак; поэма; «Сестра моя жизнь»; история литературы; текстология.*

В истории литературы мы обычно бессознательно и довольно бессистемно объединяем три истории литературы. Только одна из них бывает представлена более или менее полно – история публикации произведений. Другая, история создания произведений, чаще всего бывает представлена фрагментарно и поверхностно. Третья, история переизданий, – только отдельными разрозненными упоминаниями.

В истории литературы мы обычно смешиваем, бессознательно и довольно бессистемно объединяем три истории литературы. Только одна из них бывает представлена более или менее полно, другая фрагментарно и поверхностно, третья отдельными разрозненными упоминаниями. Более или менее полно, в зависимости от задач издания, бывает представлена история публикации произведений. Это, так сказать, парадная история литературы. Фрагментарно и поверхностно представляется, чаще всего, история создания произведений. Отдельными разрозненными упоминаниями представлена бывает история переизданий произведений. А ведь переиздания нередко активно участвуют в историко-литературном процессе. Бывает, что отсутствующие переиздания становятся высоко значимы. Превращаются в нулевые факторы структуры.

Поясню свою мысль примерами.

Академик Д.С. Лихачев выделил в древней русской литературе жанровые образования разных уровней. «Произведения древнерусской письменности находятся в сложных отношениях взаимопроникновения. Подобно тому,

как в феодальном обществе каждая политическая ячейка составляет часть более крупной, в древнерусской письменности одни произведения входят в состав других. Соответственно и жанры не равноправны и не однородны, а составляют своеобразную иерархическую систему. Есть “жанры-сюзерены и жанры-вассалы”» [5, т. 1, с. 322]. Летопись – жанр-сюзерен; она включает в себя воинскую повесть, хождение, житие и другие жанры-вассалы. Пчела – жанр-сюзерен; это сборник поучительных изречений, притч, афоризмов, исторических анекдотов из Библии, отцов церкви, античных, византийских и русских авторов (в частности, из житий). Тематика Пчелы охватывала нравственность, быт, исторические сведения. Материал подбирался в главы по темам: *мудрость, бедность, любовь, братство, женщина, суд, Александр Македонский и т. д.* Таких глав могло быть до 70.

Подход Лихачева можно перенести, *mutatis mutandis*, на литературу нового времени. Замена следующая. Если в древней русской литературе летопись или Пчела материально включает в себя жанры-вассалы воинскую повесть, хождение, житие, договор Олега с греками, текст из Священного Писания, притчу и др., то в литературе нового времени жанры-сюзерены и жанры-вассалы находятся в логических отношениях рода и вида. Роман как жанр-сюзерен, как родовое понятие, включает в себя исторический роман, роман воспитания, роман в стихах, научно-фантастический роман, философский роман и др. формы как жанры-вассалы, как видовые понятия. Лирика как жанр-сюзерен, родовое понятие, включает в себя элегию, балладу, послание, сатиру и др. формы как жанры-вассалы, как понятия видовые.

Так вот, мы нашу мысль о трех историях литературы, заключенных в одной, проиллюстрируем на примере пушкинской поэмы как жанра-сюзерена и книги Пастернака «Сестра моя жизнь».

Творческий путь Пушкина, начавшийся в 1811 и завершившийся в 1836 году, длился 26 лет. За это время он написал 10, а опубликовал 8 поэм. В данном случае употребляем этот термин для обозначения поэмы как жанра-сюзерена, т.е. стихотворного произведения большого объема, за исключением романа в стихах. В дальнейшем нам придется употреблять термин *поэма* в значении и ‘сюзерен’, и ‘вассал’, поэтому при употреблении этого слова во втором значении будем сопровождать его символом (в).

В начале XIX века жанр поэмы в сознании литераторов и образованной, читающей публики стоял выше всех других жанров. В таком отношении к поэме проявлялась традиция, шедшая еще от классицизма, считавшего эпическую, героическую поэму высоким жанром, а эпос – наивысшим поэтическим родом. И хотя в течение последней трети XVIII века и первых двух десятилетий века XIX такое понимание жанра поэмы было сильно поколеблено и место героического эпоса заняла иронико-комическая, сатирическая поэма,

жанр поэмы на рубеже второго – третьего десятилетий XIX века стоял выше других жанров. Напомним широко известную надпись Жуковского на своем портрете, подаренном Пушкину: «Победителю ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, когда он окончил свою поэму “Руслан и Людмила”». С точки зрения Жуковского и Пушкина, именно превосходство в поэме определило первое место Пушкина в литературе.

Первую поэму Пушкин опубликовал в 21 год, в 1820 году, и с этого времени поэмы Пушкина выходили в свет со значительной интенсивностью: 8 поэм за 17 лет. Колонка 1 Приложения показывает, что первые три поэмы вышли в свет с промежутком в два года. Следующая, «Цыганы», – через три года, зато «Цыганы» и следующие за нею две поэмы появлялись перед публикой ежегодно. Далее мы видим перерыв в четыре года, после чего две поэмы выходят два года подряд. В последние два года творческой жизни Пушкина новых его поэм публика не получала. Девятая поэма, «Медный всадник», при жизни Пушкина была запрещена Николаем I и вышла в свет с его позволения после смерти поэта с серьезной правкой Жуковского, выполненной по требованию царя. Десятая поэма, «Гавриилиада», из-за ее скабрёзного и кощунственного содержания впервые увидела свет в 1861 году за границей и в 1918 году в России.

Заголовок «Руслан и Людмила» сопровождался жанровым определением *поэма*, который указывал на традицию классицизма – предромантизма. В рукописи Пушкин назвал поэмой «Гавриилиаду», поскольку она была связана с традицией предромантизма, в первую очередь – «Орлеанской девственницы» Вольтера. (См. колонку 3 Приложения.) Впредь с жанровым определением *поэма* была издана еще только «Полтава». В ней романтическая струя переплетается с героической, наличие которой и позволило Пушкину еще раз вспомнить высокий жанр классицизма.

Второй поэмой Пушкина, которую публика получила после «Руслана и Людмилы», стал «Кавказский пленник». Первое издание его вышло в свет в 1822 году, жанр Пушкин определяет так: *повесть*. Это первая байроническая поэма Пушкина. Байрон свои поэмы называл повестями (*tales*). Впредь Пушкин, публикуя свои поэмы, жанровых определений избегал. После названия печаталось: «Сочинение Александра Пушкина».

В 1835 году он издал «Поэмы и повести» в двух томах. Очевидно, поэмы там «Руслан и Людмила» и «Полтава». Остальные произведения – повести. Это жанровое определение ориентировано на байроновскую и реалистическую послебайроновскую эстетику. Так, совместное издание «Графа Нулина» Пушкина и «Бала» Баратынского называлось «Две повести в стихах». При печатании «Анджело» подзаголовок не было, но в рукописи остался: «Повесть, взятая из Шекспировской трагедии *Measure for measure*».

Последняя пушкинская поэма «Медный всадник» имеет подзаголовок «Петербургская повесть». Таким образом, пушкинская большая стихотвор-

ная форма прошла путь от поэмы «Руслан и Людмила» до петербургской повести «Медный всадник» (Приложение, колонка 3) [15, с. 400].

Двухлетний и трехлетний перерывы 1825–1826 и 1830–1832 годов можно связать первый – с освобождением из ссылки, которое повлекло за собой радикальную перестройку всего жизненного уклада поэта, второй – с женитьбой, которая второй раз потребовала от поэта радикального изменения образа жизни.

Однако кроме таких внешних обстоятельств имели значение, по-видимому, глубокие внутренние процессы, совершившиеся в творческой личности поэта. Пройдя тяжелый и преимущественно плодотворный кризис в годы южной ссылки, Пушкин вышел из него возмужавшим, могучим поэтом-пророком. У древних греков, откуда слово *кризис* пришло в европейские, в том числе русский, языки, оно обозначало ‘решительный поворот событий’, не обязательно плохой. Приблизительно то, что в художественном произведении Аристотель назвал перипетией (‘поворотом от хорошего к плохому или от плохого к хорошему’).

В 1826 году написано стихотворение «Пророк». Об этом сложном стихотворении много и хорошо сказано. Мы видим в нем свидетельство выросшего самосознания поэта, полного понимания им своего пророческого гения:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей». [14, т. 3, с. 31]

До сих пор мы рассматривали творческий путь Пушкина в связи с *публикацией* его поэм. Подчеркиваем слово *публикацией*. Теперь обратимся к колонке 2 Приложения. Она иллюстрирует вторую историю литературы, которая изучает творческий процесс. Какие краски добавит она к уже намеченной картине?

Она показывает, что *написание* десяти завершенных Пушкиным поэм четко делится на два периода. С 1817 по 1825 годы поэт работал над поэмами постоянно и написал за девять лет шесть поэм. Потом наступил трехлетний перерыв, который мы связали с освобождением из ссылки, с благотворным кризисом, пережитым в южной ссылке, с переходом к реализму, с полным осознанием своего гения поэта-пророка. До этого перерыва Пушкин, кроме шести поэм и лирики, довел до главы четвертой «Евгения Онегина» и написал «Бориса Годунова». Это два величайших его произведения. В 1828 году началась работа над «Полтавой», и в течение последних девяти лет жизни Пушкин написал еще четыре поэмы.

Однако история работы Пушкина над поэмами выглядит так, если мы держим в поле зрения только завершённые пушкинские поэмы. Вторая история литературы, *творческая история творческого пути*, вносит новые уточнения, и немалые, в диахронию пушкинского поэмого творчества (колонка 4 Приложения).

Оказывается, первую свою поэму Пушкин задумал ещё на младшем курсе Лицея, в 1813 году, так что над поэмами он работал почти всю свою творческую жизнь, 24 года. Не удивительно, что этот замысел четырнадцатилетнего поэта, как и следующий, поэма-сказка «Бова», задуманная в 1814 году, был оставлен в самом начале. И только в 1817 году, незадолго до окончания Лицея, Пушкин принимается за «Руслана и Людмилу».

Ранее было сказано о плодотворном кризисе, пережитом поэтом в южной ссылке. Эта мысль получает подтверждение в его поэмом творчестве. За четыре года с 1821 по 1824 поэт разработал десять поэменных сюжетов – половину освоенных им на протяжении всей жизни. Но главное, конечно, не количество. Замечательно расширился творческий кругозор, скажем: эстетический кругозор молодого поэта. Замыслы «Монаха» и «Бовы» тяготеют, что естественно, к традиции ирои-комической поэмы предромантизма. «Руслан и Людмила» – поэма значительно более сложная по эстетической природе, но все-таки в основном ориентированная на разные течения предромантизма, от легкой поэзии до Оссиана. Но уже с первой южной поэмой, «Кавказским пленником», Пушкин вступает в область высокого романтизма байронического извода. И далее мы видим переслоение разных стилей (см. колонку 5). Если в трех лицейских поэмах место действия – Новгород и Иерусалим, а время действия – Средние века («Монах»), сказочный хронотоп, как сказал бы Бахтин («Бова»), вообще не соотносимый с географическими представлениями и историческим временем, и Киевская Русь X века, весьма условно представленная («Руслан и Людмила»), то в последовавшем «Кавказском пленнике» нам представлен современный Пушкину Кавказ, в довольно далеко продвинутом «Вадиме» – Новгород IX века, а «Братья разбойники», тоже довольно далеко продвинутые, написаны на современном Пушкину материале и изображают событие из жизни средней полосы России. Таким образом, место и время действия пушкинских поэм сразу приблизилось к читателю. Только «Гавриилиада» имеет фантастический сюжет, а место и время действия относит в Палестину около Рождества Христова.

Та же тенденция видна далее. Замысел поэмы о гетеристах не успел получить авторского названия. Гетеристы были участники восстания против турок в 1821 году. Пушкин собирался написать поэму по живым следам трагических событий. Сюжеты его переполняли. Отложив этот, он надумал обработать, по-видимому, с изрядной долей иронии, древнегреческий миф об Актеоне и Диане, от него, вспомнив Лицей, возвратился к сказке о Бове, от

нее – к героической поэме о князе Мстиславе (Киевская Русь, X век). Об этих замыслах мало что известно. В главе первой «Евгения Онегина», которая писалась в 1823 году, есть такое место:

LIX

.....
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу <...> [14, т. 6, с. 30]

Обещание написать поэму песен в двадцать пять, то есть обширную по примеру поэм классицизма, и сообщение о том, что поэт уже обдумывал план поэмы и выбрал имя ее героя, т. е. главного действующего лица, намекает на замысел о Мстиславе. Как нередко, здесь Пушкин скользит между лиризмом и иронией. Иронической составляющей это место в конце первой главы переключается с концом главы седьмой, где поэт отдает честь классицизму, пародируя вступление героической поэмы.

Вслед за оставленным замыслом поэмы о Мстиславе Пушкин осуществил две байронические поэмы: «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы». Как и полагается поэмам высокого романтизма, их действие заключено в экзотическую обстановку, но отнесено в недалекое прошлое. «Граф Нулин» еще приближает действие к читателю. Это обработка бытового анекдота из жизни современной поэту провинции. «Полтава» построена на событиях XVIII века, «Газит», оставшийся в замыслах, должен был бы изображать нравы воинственных сынов Кавказа, «Анджело» построен Шекспиром, а вслед за ним Пушкиным на итальянских средневековых и ренессансных преданиях. Три последние поэмы, из которых две были осуществлены, а одна, «Езерский», вылилась в «Медного всадника», ориентированы на современного поэта Петербург.

Так во второй истории литературы четко прослеживается путь Пушкина в поэме от предромантизма к реализму, от сказки и далекого прошлого к современности, от географической экзотики к Петербургу.

Эти наблюдения и другие, здесь не эксплицированные, позволяют поставить вопрос об основных структурных связях, благодаря которым поэма

Пушкина и может и должна рассматриваться как единый жанр-сюзерен. В качестве таких структурных связей выступают самые разные явления поэтики: стихотворный размер; традиция; тематика; Raumzeit (хронотоп).

Первая и вторая связи показывают, что замысел «Монаха» был далеко не детской шалостью, а органичен для всего поэмого творчества Пушкина. Разные его стороны отзывались в разных опытах в разные периоды его творческой жизни. Этот замысел (разумеется, в развитии) был реализован в первой завершенной поэме, потом в двух не осуществившихся опытах и, наконец, в стоящей как бы особняком поэме «Анджело». Вторая связь оказывается самой длинной в структуре пушкинской поэмы-сюзерена: она пронизывает ее всю.

Показательна четвертая по нашему счету связь, основанная на традиции ирои-комической поэмы. Она принесла полный успех в первой завершенной поэме, потом стала актом протеста против ссылки поэта и своеобразным проявлением его свободолюбия в поэме второй. Вряд ли «Гавриилиада» доставила ему много радости, особенно когда ему пришлось оправдываться в кощунстве перед Николаем I. Попытка написать нечто напоминающее ирои-комическую поэму на безобидный сюжет из древнегреческой мифологии показала ему, можно думать, эстетическую и хронологическую несовместимость ирои-комической поэмы с байронической повестью, и эта линия была навсегда закрыта.

Три байронические *повести* образуют столь тесное единство, что с определенной точки зрения могут рассматриваться как единый сверхтекст в рамках поэмы-сюзерена. Замыслы «Тазита» и «Русской девушки и черкеса» тесно сюда примыкают. Их объединяет сопоставление европейской цивилизации с сознанием и образом жизни народов, живущих естественной жизнью на лоне природы. Второй из замыслов мы решили сюда отнести, несмотря на то, что несколько строк, оставленных нам Пушкиным, относятся к хорею, а не к ямбу. Может быть, потому он и не был осуществлен, что байроническая традиция для Пушкина с самого начала была осознана как четырехстопно-ямбическая. Другой извод этой связи возникает, когда к цепи байронических произведений и замыслов присоединяется «Полтава». Судьба Марии и Мазепы вполне достойна байронической поэмы, поэма имеет эпитафию из Байрона и ссылку на его поэму, но здесь отсутствует конфликт европейской цивилизации и народа, живущего естественной жизнью.

Мы решили в этой работе ввести в поле зрения читателя цикл «Песни западных славян». Осторожно, с оговорками. По нашему мнению, написанный в 1834 году, он стал эквивалентом поэмы, объясняющим отчасти отсутствие произведений этого жанра в последние годы жизни Пушкина. Наряду с другими трудами, которые завершаются «Капитанской дочкой», и с обстоятельствами, которые привели к последней дуэли. Обагранные кровью «Песни Западных славян» естественно завершают линию «Братьев разбойников» и поэмы

о гетеристах [2]. И перед концом бросаются в глаза три тематические линии, связанные между собой и содержащие одна – бытовую составляющую, другая – историческую составляющую, а последняя – петербургскую тематику.

Третью историю литературы, историю изменения текстов при их переизданиях, трудно проследить на примере пушкинских поэм. Цензура вмешивалась обычно при первом издании, а в дальнейшем относительно редко и была не так придирчива. Поэтому чтобы рассказать о третьей истории литературы, об истории изменений текстов при их переизданиях и отсутствии переизданий, удобнее обратиться к XX веку.

При изучении поэзии полезно опираться на одно из основных положений теории информации: разнообразие повышает информативность системы. Наблюдения над историей русской поэзии показывают, что на протяжении 250 лет действует ясно выраженная тенденция увеличения разнообразия стиховых форм. Наблюдения над структурой отдельно взятой историко-литературной ситуации в области поэзии (хронологического среза приблизительно в 20 лет) показывают, что структурное разнообразие стиховых форм у новаторов, как правило, значительно превосходит структурное разнообразие стиховых форм у традиционалистов [3, с. 221 и др.].

К самым ярким новаторам в русской поэзии XX века принадлежит Пастернак. Около середины 1922 года тиражом 1000 экземпляров в Москве вышла в свет его книга «Сестра моя жизнь» [6], которая в глазах знатоков поэзии утвердила за ним репутацию первого современного поэта (после умершего в 1921 году Блока). При всей многосторонности ее тематизма «Сестра моя жизнь» – это книга о страстной любви. Она стоит в нашей поэзии, и отнюдь не только по времени, непосредственно вслед за «Стихами о Прекрасной Даме».

И это книга не только о любви мужской, но и о любви Евангельской к людям, ко всему живому и даже ко всему сущему. Название ее, как и вся книга, отражает влияние мировоззрения и учения Франциска Ассизского, которое было значимо для Пастернака на протяжении всей его жизни. Именно с «Сестры» началось последовательное всеобъемлющее одухотворение и олицетворение Пастернаком живой и неживой природы, ставшее одной из основ его поэтики. Традиция католической поэзии, основанная Франциском Ассизским, нашла отзвук в творчестве французского поэта-символиста П. Верлена. 21-е стихотворение первого раздела его книги «Мудрость» содержит словосочетание «жизнь – это твоя сестра», которое и привлекло внимание Пастернака.

Его стали соотносить с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, а его книгу стали называть классической. Тынянов отметил стремление Пастернака, «стоя уже на новом пласте стиховой культуры, использовать как материал XIX век, не отправляясь от него как от нормы, но и не стыдясь родства с отцами» [16, с. 182]. Как раз в это время Брюсов опубликовал замечатель-

ную монографическую статью «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», в которой впервые была дана панорама современной в широком смысле слова поэтической культуры первых пяти лет советской власти. Наибольшее внимание уделено расстрелянному ЧК Гумилеву. Здесь читаем: «Стихи Пастернака удостоились чести, не выпадавшей стихотворным произведениям (исключая те, что запрещались царской цензурой) приблизительно с эпохи Пушкина: они распространялись в списках. Молодые поэты знали наизусть стихи Пастернака, еще нигде не появившиеся в печати, и ему подражали полнее, чем Маяковскому» [4, т. 6, с. 517]. «Ни один поэт так часто не встречается в стихах у других поэтов, как Пастернак», – свидетельствует Тынянов [16, с. 187]. В 20-х годах литературные критики предостерегали молодых поэтов от *пастернакини* и *мандельштамна*. Цветаева писала из-за границы: «Пастернак – большой поэт. Он сейчас больше всех» [17, с. 13]. Не раз отмечалось, что творчество Пастернака созвучно революции. «У Пастернака нет отдельных стихотворений о революции, но его стихи, может быть, без ведома автора, пропитаны духом современности» [4, т. 6, с. 518]. В «Сестре», при всем ее авангардизме, запечатлена и могучая романтическая традиция [3].

Какая же судьба ждала «Сестру» в печати?

На следующий же год вышло в свет второе издание, в Берлине; тираж его не известен. Одновременно с подзаголовком «Четвертая книга стихов» вышли в свет «Темы и варьяции», связанные с «Сестрой» общностью поэтики и тематики (в центре книги – разрыв с любимой). Тираж не известен.

20-е годы были промежутком, по слову Тынянова, и временем еще вегетарианским, по словам Ахматовой. Советские критики и руководители государства любили воспитывать Пастернака, упрекать его в отсутствии интереса к современности, к политическим событиям в стране. Жизнь показала, что на самом деле он постигал действительность, в которой существовал, едва ли не лучше всех своих непрошенных учителей. В 1925 году кончил жизнь самоубийством Есенин; в 1930 – Маяковский. Было и много других сигналов, по которым Пастернак понял, что промежуток скоро кончится и что страну, народ ждут времена отнюдь не вегетарианские. В стихотворении из следующей за «Сестрой» книги «Темы и варьяции» сказано:

А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно, что жилы отворить. [9, с. 163]

Похоже, что Пастернак предвидел и нечто наподобие «социалистического реализма» – категорического требования от писателей произведений, угодных примитивному вкусу Сталина и его окружения. И Пастернак при переизданиях стал перерабатывать свои стихи, упрощая их, стремясь изгладить саму память о его принадлежности в молодости к литературному авангарду. Это было грустное знамение времени.

Две первые книги, «Близнец в тучах» и «Поверх барьеров», он вообще ни разу не переиздал. В 1929 и в 1931 годы Пастернак двумя изданиями по 3000 экземпляров опубликовал книгу «Поверх барьеров», лишь отдаленно напоминающую раннюю книгу под таким названием. Несколько раньше, в 1927 году, из печати вышел двумя тысячами экземпляров сборник Пастернака «Две книги». Открыв его, читатель видел после титульного листа шмуцтитул: «Первая книга: Сестра моя жизнь». Это было, в сущности, третье издание замечательной книги Пастернака. Однако он демонстративно объявил, что это первая книга. Шмуцтитул перед «Темами и варьяциями» был украшен надписью: «Вторая книга». Пастернак отрекся от двух ранних книг, «Близнеца» и «Барьеров». Объявил их небывшими. Он их переработал: часть текстов вообще изъял, другие упростил. В таком виде под общим названием «Начальная пора» эти тексты неоднократно перепечатывались. Пастернак требовал от издательств, чтобы его новые книги даже внешне ничем не напоминали кубистическое оформление обложек в книгах 10-х – первой половины 20-х годов. В 1930 году «Две книги» были переизданы. На этот раз 3000 экземпляров.

В «Двух книгах» тексты «Сестры» сохранились, но структура ее значительно обеднела. В первых двух изданиях она была выстроена так, что критики называли ее романом в стихах, состоящим из одних лирических отступлений. Нумерация стихотворений, названия и нумерация разделов, шмуцтитулы и колонтитулы – все эти элементы структуры, противоречившие друг другу и дополненные прозаическими скрепами, побуждали читателя искать спрятанные вторые и третьи смыслы, придавали лирике эпический аспект. В «Двух книгах» все перечисленные элементы структуры «Сестры» убраны, эффект единого сверхтекста резко ослаблен. Перед нами 50 замечательных стихотворений; но тому, кто знает «Сестру» в двух первых изданиях, суждено глубокое разочарование.

В 1933 году небывалым еще для Пастернака тиражом 5500 экземпляров вышел в свет его сборник «Стихотворения. В одном томе». Здесь времени сделаны новые уступки. Название книги, открывающей сборник, напечатано через тире: «Сестра моя – жизнь». Пастернаку было особенно важно, чтобы слова *сестра* и *жизнь* не были разделены тире, чтобы слитность этих двух понятий утверждалась и на уровне знаков препинания. С первого и по четвертое издание так и печаталось. В 1932 году постановлением ЦК ВКП(б) были упразднены все литературные группировки, и на их месте началось создание единого большого писательского колхоза – Союза советских писателей. Одновременно интенсивно пошло нивелирование писательских индивидуальностей во всех областях творчества – языка их произведений, тематики, идеологии и эстетики. Пастернака заставили между подлежащим и сказуемым, выраженными именами существительными, поставить тире. Все шмуцтитулы в этой книге набраны красным цветом. В 1933 году красный цвет еще был символом

Октябрьской революции. «Стихотворения. В одном томе» были переизданы в 1935 году опять-таки самым большим для Пастернака тиражом – 10 000 экземпляров. Через год был допечатан второй завод этого издания – еще 20 000 экземпляров. Заметим попутно, что в заглавии следующей за «Сестрой» книги Пастернаку пришлось отказаться от разговорной формы, которую он постоянно культивировал, и вместо *варьяции* печатать книжную форму *вариации*.

За 14 лет с 1922 по 1936 год «Сестра» была опубликована семь раз. Общий ее тираж составил приблизительно 42–43 тысячи экземпляров. И это все. До конца жизни Пастернака лучшая его книга у него на родине не переиздавалась и не перепечатывалась. А прожил он еще 34 года.

Но и после смерти поэта поругание его авторской воли продолжалось. В годы диктатуры КПСС было принято лицемерное правило: произведения писателей после их смерти переиздаются в их последних прижизненных редакциях якобы согласно последней авторской воле. Выглядело это как уважение последней авторской воли, на деле же отражало волю идеологического отдела ЦК партии, которую проводили цензоры, издательские редакторы, а, сверх того, внутренний редактор, как стали говорить: автор стремился ценой компромиссов, уступок требованиям власти провести свои произведения в печать и сам портил их. Пастернак пережил общую судьбу. Если бы современный читатель «Тихого Дона» прочитал первые два тома романа в их первых изданиях, он бы их с трудом узнал.

Увы, с отменой цензуры продолжают действовать текстологические предрассудки периода диктатуры. Мне дважды пришлось готовить к печати полное собрание стихотворений Пастернака. Первый раз – в начале перестройки, второй раз – в послеперестроечное время [12; 13]. Оба раза у меня были соавторы, оба раза над нами были редакторы. В пору подготовки первого издания еще была жива Л.Я. Гинзбург. Мы с нею были близко знакомы, она с глубокой заинтересованностью следила за перипетиями работы. «Огорчительно, что в качестве основных, очевидно, опять будут напечатаны тексты ранних вещей, которые он сам беспощадно испортил; особенно “Сестру мою жизнь”, – написала она мне однажды. – Я запретила бы законом поэтам передельывать в семьдесят лет то, что они написали в двадцать пять – тридцать».

К сожалению, вся эта третья история литературы не нашла должного места в известных мне историях литературы. В том числе, должен я сказать с грустью, в написанных мною. Мысли, изложенные на этих страницах, посещали меня давно, но как-то бессистемно. И только сейчас я привел их в порядок настолько, что в состоянии предложить их вниманию коллег. Недавно настоящая работа была представлена в виде доклада на 344-м заседании Филологического семинара кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. Во время обсуждения был высказан ряд мыслей, которые помогли мне подготовить данную статью. Всем участникам заседания приношу сердечную благодарность.

**Пушкинская поэма
(диахрония и структура)**

Колонка 1	Колонка 2	Колонка 3
ПУБЛИКАЦИЯ	НАПИСАНИЕ	ЖАНР
Руслан и Людмила. 1820	1817 – 1820	Поэма
Кавказский пленник. 1822	1820 – 1821	Повесть
Бахчисарайский фонтан. 1824	1821 – 1823	(Повесть)
Цыганы. 1827	1824	(Повесть)
Граф Нулин. 1828	1825	Повесть
Полтава. 1829	1828 – 1829	Поэма
Домик в Коломне. 1833	1830	(Повесть)
Анджело. 1834	1833	(Повесть)
Медный всадник. 1837	1833	Петербургская повесть
Гавриилиада. 1861	1821	Поэма

Колонка 4

Колонка 5

НАПИСАНИЕ ВСЕХ ПОЭМ,
ЗАВЕРШЕННЫХ И
НЕЗАВЕРШЕННЫХ,
И ЗАМЫСЛЫ

RAUMZEIT

*Монах. 1813	Новгород, Иерусалим. Ср. века
*Бова (I). 1814	Сказка
Руслан и Людмила. 1817 – 1820	Киевская Русь. X в.
Кавказский пленник. 1820-1821	Кавказ. XIX в.
5. Гавриилиада. 1821	Палестина. Ок. Р.Х.
*Вадим. 1821 – 1822	Новгород, IX в.
*Братья разбойники. 1821 – 1822	На Волге. XIX в.
<***Поэма о гетеристах>. 1821 – 1822	Греч. восстание. 1821 г.
**Актеон. 1821 – 1822	Древнегреческий миф
10. **Бова (II). 1822	Сказка
<*** Поэма о Метиславе>. 1822	Киевская Русь. X в.
Бахчисарайский фонтан. 1821 – 1823	Крым. 1760-е гг.
Цыганы. 1824	Бессарабия. XVIII – XIX вв.
Граф Нулин. 1825	Поместье. XIX в.
15. Полтава. 1828 – 1829	Полтава. XVIII в.
**Русская девушка и черкес. 1829	Закавказье
*Тазит. 1829 – 1830	Закавказье
Домик в Коломне. 1830	Петербург. XVIII – XIX вв.
*Езерский. 1832. – 1833, 1835, 1836	Петербург. XIX в.
20. Анджело. 1833	Италия. Ср. века и Возрождение
[Песни Западных славян]. 1834	
21. Медный всадник. 1833	Петербург. Ноябрь 1824 г.

* Незавершенные поэмы.

** Замыслы, планы, упоминания в печати и в письмах.

В колонке 5 художественное время действия поэм и художественное географическое пространство носят более или менее условный характер.

СТРУКТУРНЫЕ СВЯЗИ

1. Монах, Руслан и Людмила, Вадим, Поэма о Мстиславе. *Весьма условная Русь IX–X вв. Начало 1813; конец 1823.*
2. Монах, Анджело. *Чужое средневековье и Возрождение. Начало 1813; конец 1833.*
3. Бова, Бова. *Сказочный хронотоп. Начало 1814; конец 1822.*
4. Руслан и Людмила, Гавриилиада, Актеон. *Традиция ирои-комической поэмы. Начало 1817; конец 1822.*
5. Кавказский пленник, Бахчисарайский фонтан, Цыганы, Тазит, Русская девушка и черкес. «Юг». *Четырехстопный ямб (кроме Русской девушки); Чуждые нравы. Начало 1820; конец 1830.*
6. Кавказский пленник, Бахчисарайский фонтан, Цыганы, Тазит, Русская девушка и черкес, Полтава. *Четырехстопный ямб (кроме Русской девушки); страсти роковые. Начало 1820; конец 1823.*
7. Братья разбойники, Поэма о гетеристах, [Песни Западных славян]. *Четырехстопный ямб; кровавая борьба. Начало 1821; конец 1822 [1834].*
8. Поэма о гетеристах, Актеон. *Четырехстопный ямб; Греция. Начало 1821; конец 1822.*
9. Граф Нулин, Домик в Коломне, Езерский, Медный всадник. *Быт. Начало 1825; конец 1833.*
10. Полтава, Езерский, Медный всадник. *Четырехстопный ямб; история России. Начало 1828; конец 1833.*
11. Домик в Коломне, Езерский, Медный всадник. *Петербург. Начало 1830; конец 1833.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Баевский В.С. Художественное исследование русского народного характера и природы человека в творчестве Пушкина 30-х годов // Русская филология. Ученые записки. Смоленск: Смоленский гос. университет, 2004. Т. 9.
3. Баевский В.С., Романова И.В. Поэтика книги Б. Пастернака «Сестра моя жизнь» // Известия РАН. Серия лит. и яз. 2008. № 5.
4. Брюсов В.Я. Собр. соч. Т. 1–7. М.: Художественная литература, 1975.
5. Лихачев Д.С. Избранные работы. Т. 1–3. Л.: Художественная литература, 1987.
6. Пастернак Б. Сестра моя жизнь. Лето 1917 года. М.: Издательство З.И. Гржебина, 1922.
7. Пастернак Б. Сестра моя жизнь. Лето 1917 года. 2-е изд. М.; Берлин: Издательство З.И. Гржебина, 1923
8. Пастернак Б. Две книги. М.; Л.: ГИЗ, 1927.
9. Пастернак Б. Пастернак Б. Две книги. 2-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1930.
10. Пастернак Б. Стихотворения. В одном томе. Издательство писателей в Ленинграде, 1933.
11. Пастернак Б. Стихотворения. В одном томе. Издание второе. Издательство писателей в Ленинграде, 1935.
- 11а. Пастернак Б. Стихотворения. В одном томе. Издание второе. [Второй завод]. Издательство писателей в Ленинграде, 1936.

12. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. В двух томах / Б-ка поэта, б. серия. Л.: Советский писатель, 1990.
13. Пастернак Б. Полное собрание стихотворений и поэм / Б-ка поэта, б. серия. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект». СПб., 2003.
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1–16. Sine loci: изд. АН СССР, 1937–1949.
15. Томашевский Б.В. Пушкин. М.; Л.: АН СССР, 1956. Т. 1.
16. Тынянов Ю.Н. Поэтика, теория литературы, кино. М.: Наука, 1977.
17. Цветаева М.И. Световой ливень. Поэзия вечной мужественности // Эпопея. 1922. № 3.

V.S. Baevskij
Three Histories of Literature in the One

Key words: *Pushkin; Pasternak; Long Narrative Poem; My Sister, Life; History of Literature; Textual Criticism.*

In the history of literature we usually combine, unconsciously and without system, three histories of literature. Only one of them is presented in whole: it is the history of publications. The other, that is the history of the literary work creation, is mostly developed in a fragmentary and perfunctory manner. The third one, the history of reeditions, is only presented by some scattered, uncoordinated mentions.

М.С. Штерн
Омский государственный
педагогический университет

УДК 821.161.1.0+929 Бунин

**ДРУГОЙ ВСАДНИК,
ИЛИ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ ИВАНА БУНИНА**

Ключевые слова: *петербургский текст Бунина; апокалиптический код; сакральная проблематика петербургского текста; эмблематика и символика пространства; два всадника.*

В статье рассматривается семиотическая модель и пространственная форма петербургского текста Ивана Бунина, выявляется его своеобразие, реконструированы актуальные для писателя мотивы в мифологии Петербурга – города-бездны, чье пространство насыщено символикой смерти. Однако и в Петербурге Бунин находит начало почвенного, восточного, «скифского», «сарматского» – то есть истинно национального. Воплоще-

нием этого начала является статуя «другого всадника» (не «Медного всадника», который даже не упомянут ни разу) – конная статуя Александра III, стоящая на площади перед Николаевским вокзалом. В статье также прослежена эсхатология петербургского текста, представленная в творчестве Бунина, – в поэзии, прозе, мемуаристике.

Топос Петербурга занимает, на первый взгляд, периферийное положение в художественном пространстве бунинской прозы. До сих пор не осмыслена в полной мере принадлежность бунинских текстов «петербургскому тексту» русской литературы, их специфическая включенность в данный сверхтекст. Тема «Петербург в изображении Бунина», как правило, размещается внутри другой исследовательской темы: «Бунин и Достоевский». Сложное отношение «продолжателя классической традиции» и «мастера внешней изобразительности» Бунина к наследию «пророка», «ясновидца духа» Достоевского лишь в последние десятилетия исследуется с необходимой глубиной и корректностью, о чем свидетельствуют работы Ю. Лотмана, В. Туниманова, А. Станюты и др. [4, т. 3, с. 172-184; 6, с. 5-73; 1, с. 700-713].

Внимательный взгляд литературоведа-культуролога, опирающегося на методологию структурно-семиотического анализа, позволяет сделать вывод о наличии в творчестве Бунина оригинального петербургского метатекста, не столь уж оппозиционного семантическим парадигмам и культурно-художественным кодам «петербургского текста» русской литературы (хотя, действительно, эти коды порой причудливо и полемически трансформируются Буниным). Ориентируясь на предложенную В.Н. Топоровым трехуровневую модель петербургского текста, включающую природно-ландшафтный, материально-культурный и духовно-культурный уровни, попытаемся реконструировать бунинский петербургский текст и определить его, по выражению В.Н. Топорова, «сакральную проблематику» [5, с. 259-367].

Начнем с первого и второго уровней и дадим характеристику хронологической модели бунинского петербургского текста, обратив внимание на положение Петербурга внутри географического пространства России, как оно воссоздано в произведениях писателя. Герой Бунина (лирический герой стихов, Алексей Арсеньев, субъект повествования и персонаж рассказов, новелл, прозаических миниатюр) всегда оказывается в Петербурге чужим, пришельцем. Он приезжает в столицу империи либо с юга России, либо из Малороссии, которая воспринимается автором как почва, взрастившая древние корни славянства. Герой прибывает на Николаевский (нынешний Московский) вокзал. Далее очерчивается обжитое Буниным пространство Петербурга, своего рода бунинская петербургская ойкумена. Ее образуют Николаевский вокзал и площадь возле него; далее герой останавливается в гостинице «Северная», планирует по Невскому, заглядывает в трущобы

и значные места Лиговки, бродит по Гончарной, задерживается на Владимирской площади, наблюдает с Аничкова моста «водоворот коней и автомобилей». Освоенное героем пространство – привокзальное, он кружит по нему, возвращаясь к его центральной точке (какой – скажем позднее), всегда готовый сорваться и убежать на Юг, как Арсеньев, раствориться в ночной мгле, как Соколович («Петлистые уши»), ощутить свою отчужденность и неприютность в столице, как герой стихотворения «На Невском». Сразу же отметим актуальность оппозиции Север – Юг для семантической организации художественного пространства, а также важность мотива окраинного положения Петербурга. Значение этой оппозиции проясняется в гоголевском контексте, к которому у Бунина есть прямая отсылка (в романе «Жизнь Арсеньева»). Арсеньев, объясняя Лике свое отношение к Петербургу и пересказывая гоголевский сон о России, не совсем точно цитирует письмо Гоголя В.А. Жуковскому из Рима от 30 октября 1837 года. Гоголь: «Если бы Вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию! Она моя! Никто в мире не отнимет ее у меня. Я здесь родился. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – все это мне снилось. Я проснулся опять на родине» [3, т. 7, с. 158]. Бунин: «Петербург, снега, подлецы, департамент – все это мне снилось. Я проснулся опять на родине. Вот и я так же проснулся тут (в Малороссии – *М.Ш.*)» [2, т. 5, с. 260].

Бунин развивает гоголевскую и общерусскую романтическую аналогию: Италия – Малороссия. При этом возникает антитеза: Юг – Север; Италия (Малороссия) – Петербург (Россия); родина художника – чужбина. У Бунина появляются две разнонаправленные семантические цепочки: 1) Юг (Малороссия) – это Россия, а Север (Петербург) – не Россия (в контексте высказывания Арсеньева). 2) Север (Петербург) – Россия, а Юг (Рим) – не Россия (в контексте высказывания Гоголя). Данная контаминация противоположных значений является имплицитным, вероятно, не осознанным автором выражением здесь же прямо высказанного героем двойственного отношения к Петербургу, к «его сложному и зловещему величию».

Касаясь материально-культурного уровня бунинского метатекста, отметим урбанистический петербургский пейзаж, соотносимый с «петербургским текстом» Достоевского. Петербург воссоздан у Бунина как самодовлеющее, замкнутое, враждебное пространство, в архитектурном наполнении которого просматриваются мифологические модели, характеризующие пространство испытания, пограничное между жизнью и смертью (пещера, таинственный дом, колодец). Петербургское пространство – это затягивающая воронка, поглощающая бездна. Часто возникает мотив падения вниз, погружения во тьму, вовлечения в водоворот, и все это на фоне типичных субстратных элементов климатического метеорологического уровня петербургского текста русской

литературы: снега, ветра, дождя, сырости, тумана, низкого пасмурного неба, отсутствия солнца и т.п.

Говоря о сакральной проблематике бунинского петербургского текста, необходимо учесть его включенность в более масштабный семиотический комплекс: «апокалиптический текст» Бунина (можно говорить и о соотносительности бунинских текстов с «апокалиптическим кодом» петербургского текста русской литературы). Апокалиптический комплекс отчетливо обозначается уже в цикле рассказов 1916 года о кризисе современной цивилизации («Господин из Сан-Франциско», «Отто Штейн», «Петлистые уши»). Именно в период мировой войны и революции Бунин начинает ощущать основной нерв петербургского текста – его эсхатологию.

Еще в первый год мировой войны Бунин пишет А.А. Измайлову: «Твердо знаю, что нынешнее Рождество может быть не последним кровавым Рождеством, что человечество живет еще Ветхим Заветом, что люди еще слишком звери <...> Не могу позволить себе с легким духом пророчествовать о судьбах мира, где за последнее столетие все же свершились беспримерные в истории политические, социальные и научные катастрофы» (цит. по: [6, с. 63]). Здесь любопытно значение, которое вкладывается в определение «ветхозаветности» человечества: в нем слышны отголоски столь популярного в культуре Серебряного века противопоставления «ветхого Адама» «новому Адаму» – Христу, человечества, отягощенного грехопадением, человечеству очищенному и преображенному. Примечательно, что Бунин «не смеет» пророчествовать о грядущем преображении: «Да и мыслимо ли, не будучи Исайей, пророчествовать в те дни, когда во всяком мало-мальски человеческом сердце идут такие приливы и отливы, смены надежд и скорби <...>». «Горе тебе, Вавилон, город крепкий! – эти страшные слова Апокалипсиса неотступно звучали в моей душе, когда я писал “Братья” и задумывал “Господина из Сан-Франциско”», – заметит позднее Бунин [6, с. 63].

Мотив умирающего города возникнет в «Окаянных днях» в связи с упоминанием о возможном взятии финнами Петербурга в апреле 1917-го. Проклятый город должен погибнуть, исчезнуть в дебрях лесов, из которых он возник, погрузиться в топи ингерманландских болот. Петрополь превращается в «некрополис», что напоминает о мандельштамовском тексте 1918 года «На страшной высоте мерцающий огонь...» с его рефреном: «Твой брат, Петрополь, умирает...». Время повествования у Бунина не случайно ограничено Скорбной Седмицей и не доведено до Пасхи. Петербургу, по мысли Бунина, суждена смерть без Воскресения. Бунинскую эсхатологию можно охарактеризовать как Апокалипсис, осуществленный наполовину: современная цивилизация рухнула, но за катастрофой не последовало преображение. Вавилон не стал небесным Иерусалимом.

Вторую часть Апокалипсиса Бунин допишет позднее, уже в эмиграции, когда утраченное пространство России будет воскрешено в «образной памя-

ти» художника. В эсхатологической философии Бунина наиболее проработаны историософский и антропологический аспекты. Подчеркивается разрушение «состава частей» духовной и физической природы человека. Он превращается в выродка («Петлистые уши»), живого мертвеца, призрачного, бесчувственного властелина мира («Господин из Сан-Франциско», «Отто Штейн»). В крайнем случае, в «безумного художника», чье потрясенное сознание не в силах принять и осмыслить катастрофизм бытия («Безумный художник»). Позднее, возвращаясь к творчеству в эмиграции, Бунин осознает себя живым посланцем умершего мира. Сложная игра семантики «живого» и «мертвого» возникает как следствие неосуществленного Апокалипсиса. В мире Преображения нет, но оно возможно в искусстве, в творческой памяти художника. В ожившем пространстве национального космоса займет свое место и Петербург (при этом он сохранит и свое периферийное, окраинное положение в этом космосе, и характерную для него абсурдно-фантазмагорическую атмосферу).

Любопытна хронология создания Буниным петербургского текста.

Первая глава – 1916 год; пророчество о гибели («На Невском», «Петлистые уши»).

Вторая глава – 1917–1921 годы; гибель Петрополя («Окаянные дни»).

Третья глава – 1930 год; воскрешение традиционных кодов петербургского текста (абсурдность и фантазмагоричность петербургской жизни, ее миражность). Миниатюры «Молодость» и «Грибок» насыщены аллюзиями и парафразами на темы Гоголя и Достоевского.

Четвертая глава – 1927–1952 годы («Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи»). Воскрешение Петербурга, определение его места в русском национально-культурном космосе.

Пожалуй, самое оригинальное и неожиданное в бунинском петербургском тексте – его материально-культурный уровень, оригинальное восприятие и осмысление архитектурной символики города. Необычен его план. В отличие от «петербургского текста» русской литературы, в котором пространство города развернуто к Неве и организовано Невским проспектом и фальконетовским монументом, играющим роль сакрального центра (впрочем, всегда готовым преобразиться в мнимое божество, обернуться мертвым идолом, «медным истуканом»), бунинский Петербург не включает в себя Неву и Сенатскую площадь, статую Медного всадника (эти топосы даже не упоминаются). Он развернут к Фонтанке – именно эта река, а не Нева выступает в качестве водной границы городского пространства. Границы Невского проспекта определяются не двумя площадями – Сенатской (начало) и Александра Невского (конец). Точка отсчета выбирается не от набережной Невы, а от площади Николаевского вокзала, где стоит конная статуя Александра III, другого всадника, заменившего статую Петра, ни разу даже не упомянутую Буниным. Поразительное умолчание, выразительный, хотя и безмолвный

ответ на вечные вопросы русской истории петербургского периода. Вместо царя-просветителя, усмирителя стихии и «строителя чудотворного» – «плечистый, коренастый царь-мужик, на своем упрямом и могучем свиноподобном коньке...» («Грибок»). Не медный, а другой всадник на «ужасно толстой лошади, что вечно гнет свою большую голову, прося повода у своего дородного седока...» («Петлистые уши») – явная противопоставленность легкости и стремительности Медного Всадника с его готовностью к полету, «прыжку над бездной». Бунинский всадник и его конь устремлены книзу, к земле, и тяжестью, дородностью своею всадник напоминает богатыря Святогора.

Семантика петербургского текста становится многоаспектной, и самое примечательное – появление символики «почвенного» в пространстве Петербурга. Это зооморфная символика – «скифская», «сарматская»; кони – и главный из них: свиноподобный конек, могучий, тяжело топчущий землю, вечно гнувший голову, просящий повода у своего дородного седока, – ярчайший пример бунинского не интерпретируемого символа, в котором умолчание становится важнее сказанного.

Таким образом, можно сказать, что Буниным была создана оригинальная эмблематика, свидетельствующая о том, что его «петербургский текст» не только полемически направлен против основных концептов «петербургского текста» русской литературы, но и вступает с ним в диалогические отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боуи Р. Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина // Иван Бунин: pro et contra. СПб., 2001.
2. Бунин И.А. Собр. соч. Т. 1–9. М., 1966.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 1–7.
4. Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (к проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю.М. Избр. статьи. Т. 1–3. Таллинн, 1992.
5. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст» русской литературы // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
6. Туниманов В.А. Бунин и Достоевский (по поводу рассказа И.А. Бунина «Петлистые уши») // Русская литература. 1992. № 3.

M.S. Shtern

Another Horseman, or the Petersburg Text of Ivan Bunin

Key words: the Petersburg text of Ivan Bunin; apocalyptic code; consecrated themes of the Petersburg text; emblems and symbolism of space; two horsemen.

The article deals with the issue of the semiotic pattern and space form in the «Petersburg text» of Ivan Bunin; its originality is established. The actual for the writer motives in St. Petersburg mythology – the city-abyss, the space of which is

saturated with the death symbolism are reconstructed. Nevertheless in St. Petersburg itself I. Bunin reveals the matters of the Asiatic, «skiff» and «sarmat» elements. As the embodiment of these elements serves the statue of «another horseman» (not Peter the Great, whose image isn't even mentioned) – Alexander III, that used to be situated on the square in front of the Nikolaevsky railway station. The article also traces the eschatology of the «St. Petersburg text», presented in Ivan Bunin's literary works – poetry, prose and memoirs.

В.П. Полухина

Кильский университет (Англия)

УДК 821.161.1.0+929 Щербина

ПОБЕГИ СМЫСЛА: ПОЭЗИЯ ТАТЬЯНЫ ЩЕРБИНЫ

Ключевые слова: поэтический мир: Дух, слово, человек, вещь; сквозные темы: русская история, народ, язык, любовь; самоирония; внутренние рифмы; звуковые клетки языка; современная лексика.

В случае Щербины мы имеем дело с миром женщины, современной, красивой, сильной и независимой. Все многообразие мира увидено как бы через телескоп, все время меняющий направление. Ее поэтический мир держится на четырех китах: Дух, Слово, Человек и Вещь. Сквозные темы ее поэзии – русская история, русский народ, язык нации, сотворение души человека. Она вернула тему любви высокой поэзии. Ее словарь не чурается аббревиатур, иностранных слов и словаря компьютера. Щербина – поэт удивительной мощи, интеллектуальной и художественной. Она сканирует социальные модели метафизикой, а мироздание – собственными чувствами.

...в перекладинах смысла волнует
запах
сруба...(1)

Татьяна Щербина

Творчество Татьяны Щербины (2) – лакомое пространство для наблюдения за побегом и прорастанием смысла стихотворения, который питают и запахи звуков: «целуй, цели и, цели подражая, / открой меня!» («Я лепесток, я лепет, я лепешка...», 1984) (3), и приправы префиксов: «развеять развлечь расслабиться» («Марафон», 1997), и протеин тропов: «в раковине рта» («Пасхальный коан», 1986), и «нервные окончания», и даже рифмы-метафоры: «иглы/гиблы» («О душе», 1990), «войны/накалены» («Антивирус», 2001).

Пространство это длиною в четверть века и толщиной в 400 страниц движения речи по жилам поэта включает в себя стихи Щербины из всех опубликованных ею книг и из нескольких неопубликованных. Обычно такие сборники делаются в хронологической последовательности от ранних стихов к сегодняшнему дню. Для Щербины более естественно представить свое творчество в обратной перспективе. Весь первый раздел состоит из стихов, которые не были опубликованы в книгах, все остальное печаталось в разных сборниках, в том числе самиздатских. Читателя ожидает приятный сюрприз – две не печатавшиеся раньше поэмы «Харон» (1979) и «Лебединая песня» (1980). Любопытно, что зрелый поэт отбирает из своих ранних книг.

Щербина – поэт оригинальный и мощный. Художественный спектр ее поэтики совпадает с цветным спектром мира, не зря она «желает знать, где сидит фазан» («Arc-en-ciel», 1996). По цветовой палитре и по способу описания мира ее можно сравнить с Иосифом Бродским, а по звуковому богатству – «Снег истоптан, испит и истаскан» («Все – зима, все краса, все забыто...», 1980) и силе страсти с Мариной Цветаевой: «Весь город озарен влечением, / все улицы – мои следы...», 1991). Если от Бродского она унаследовала сам тип художественного мышления, то от Цветаевой – упругость стиховой ткани. Все конкретное многообразие мира увидено через телескоп, все время меняющий направление. Меняется и сам глаз, в него смотрящий: «как выглядит мир, если глазом не нашим смотреть» («Как действует рок, как бороться с ним ныне и впредь?..», 1998).

Она не отказывается от знакомой нам императивной интонации Бродского и не чурается внезапных переходов с торжественной речи на пародию, иронию и чистую лирику. Ирония, особенно самоирония – редкое качество у поэтов-женщин. Щербина обладает ею сполна:

За коня за призрак отдала полмира,
целый мир, коль внутренний брать мир.
Грустно ль, знать хочу, вдове вампира,
что ушел в иной, бескровный мир.

(«За коня за призрак отдала полмира...», 1998)

Вот так по-мужски, с шекспировским эхом, описывает она потерянную любовь, заговаривая её тавтологией слова «мир». Любовная лирика Щербины кажется нарочито прозаичной и будничной: «я всё как лошадь, загнанная в мыле / под стать качку» («Жизнь без тебя», 1996), пока не заметишь по цветаевски неожиданные концовки: «жизнь без тебя, в раздоре и печали, / моя любовь» или «Я хочу быть с тобой до последнего дня / и потом, и потом, если можно» («Говорят, если гложет тоска, измени...», 1995). Она безусловно вернула тему любви высокой поэзии. Однако несмотря на обилие любовных стихов в книге «Жизнь без», в них мало эротики. Один из ее натюрмортов («Чтоб не было видно, ночами кончается лето...», 1994) – выцветший купаль-

ник, халат, грубая листва, ботинки и подруга в траве с «дураком длинноносым» – напоминает картину Фрэнсиса Бэкона (Francis Bacon): голая электрическая лампочка без абажура, матрас из старых газет на полу, стул, полотенце и неуклюжие тела. Предметы конкретного мира и люди, без намека на эротику. Такие стихи вас больше беспокоят, нежели волнуют. Поэт осознает, что остались еще «линии и пятна, / не пойманные в сети натюрморта» («Я лепесток, я лепет, я лепешка...», 1984).

И все-таки мы имеем дело с миром женщины, современной, красивой, сильной, независимой и трезвой:

Надежда умирает не последней.
Любовь и в коме дергает крылом.
Копытом или вот еще намерд
пошевелила сломанным ребром.

(«Надежда умирает не последней...», 1995)

Не менее мужественны и блистательно ироничны её автопортреты: «Я, всадник табуреточный на кухне» («Ноль Ноль, ты вовсе не величина», 2. «Обращение»); «Я пахну любовью, наверно, спермой и потом» («От Рождества», 1992). Она может быть по-пушкински игрива: «Душа <...> сидит с огарочком в руке, / отгалкивая землю ножкой» («Болит рука, болит нога...», 2003).

Ее стихи наполнены конкретными вещами и предметами: «я против глаголов / и за – предмет» («Письмо Татьяны», 1989), о них можно сказать то же, что Франческо Берни сказал о стихах Микеланджело: «Он говорит вещи, а вы говорите слова» (*Egli dice cose e voi parole*). Даже лирическое «я» овещается в метафоре, создавая живописный стих: «Я – засушенная роза, замороженный карась» («Я засушенная роза...», 2001).

Сквозные мотивы ее поэзии – русская история, русский народ, язык нации и поэзии, сотворение души человека. Поэт живёт в потоке истории и чувствует все её запруды и водопады. Щербину интересуют люди, города, история, социальное время. Даже самые изощренные её стихи уходят корнями в наше историческое прошлое, каким бы оно ни было brutальным. Так, собрание насекомых – муха, комар, клещ, слепень, шершень – в стихотворении «Милицейские жезлы березок» (2003) – всего лишь историческая метафора:

Слепень действует крадучись, тенью
Пьет, казалось, последнюю кровь,
Но к любителю русской природы
Злобный шершень уже подоспел.
Пролетают стрекозы, как годы
Над горой искалеченных тел.

Достоверность описания нашего заблудившегося отечества пугает своей дерзостью: «а страна такая зверская большая, / выпить кровь ее медвежью

или бычьё <...> / смерть с серпом глядит исламским игом» («Голем миксером сбивает и мешает...», 1989), где народ гуляет «по тропе империи». Для СССР она находит метафору-неологизм: «И любые узоры от бритв – / это кровавые полосы кода: / СССР – Трагедистан» («Он поет в микрофон, как в цветок...», 1988). Её стихи не закрыты для событий сегодняшнего дня: «себя начиняют взрывчаткой зловещие тени» («Личный состав», 2004). Не менее дерзки и парафразы пословиц и цитат-клише: «А русская душа – костер в потемках» («Ветерок», 1989) или «А я не заслужила лучшего / в российских судорогах родиться, / я здесь зависима, приручена...» («А я не заслужила лучшего...», 1990). Она не отчуждается от потока истории и никого не винит: «но в том, что здесь начнется нами, / никто не будет виноват» («Теперь чего-то созидать бы...», 1990). Историю она изучает постоянно и видит ее в движении и некоей неизбежности, видит все точки бифуркации истории. Так же она воспринимает и человеческую жизнь – как многослойный процесс, как многосоставной мир.

Книга «Диалоги с ангелом» (1999) свидетельствует о том, что у Щербина есть своё представление о небесной иерархии и что она озабочена вечными вопросами:

Почему не живётся легко, как по маслу, по льду?

.....
мы же знаем, какими должны были стать или
быть
сами мы, наши связи друг с другом, и с Богом.

(«Почему не живет легко...», 1999)

Как и Бродский, Щербина поёт гимн русскому языку, гимн кириллице, находя самые нежные слова для самых нежных букв: «Л – легкий листик лесной и лисичкина льнущая ласка» («Алфавитный порядок», 1999); «А в цинке и в меди / бедные буки, важные веди, / дутая дельта, сигма соседей в омеге окна» («У художника Дмитрия Плавинского», 1985). Язык во всём цвете его метонимий описан то в терминах предмета, то наделён свойствами человека:

Попирая глаголы Земли, мы лежим на снегу
поэзии, рукой обводящей
наготу
сцены.
И я беру её руку – строку.

(«Письмо Татьяны», 1985)

Язык и реальность то отождествляются, то отделяются. Вы чувствуете, что язык начинает жить собственной жизнью, диктует поэту следующее слово, и тогда пространство словно раздвигается. Пленясь магией звука, как в стихотворении «Часы Ч» (2002), поэт творит свою симфонию:

Печаль початая, как ноль влечения,
как боль внучатая от источения
волны с частицею частей волнующих.
О чем печалиться в мечтах все чующих:
что вскок не выскочит, в печенках сидючи,
и слов не выцедит, продувшись в ситечко,
фонтан не вспучится пучком безбашенным
над очи-черными, над отче нашими...

Мелодия «ч», прорастая звуками, «продвигая громоздкое тело речи к его итогу» («Сад», 1985), склеивает стихотворение в единое осмысленное целое, оставляя на сердце читателя столько же царапин, сколько раз повторяется звук «ч» в этом стихотворении. А «ч» чирикает, как птичка, в каждой строчке. Мы как бы видим язык в действии: звуковые волны выплёскивают за пределы логики: «Алезья из языка изъята» («Париж», 2002), поэт прислушивается: «Что за секрет на ушко / мне шепнут?» («Хвост», 2002). Ей словно открываются звуковые клетки языка:

Что нет мучения – в том плюсик скрюченный
в плюс к ощущению, что жизнь замучила
по совокупности и по чуть-чуточке.
Несусь по улочке, всей дозой суточной
конечность чувствуя, час ч – причастия
себя к отсутствию. Сейчас я в частностях,
в изжоге ягодной и в кофе чашечкой,
в лучах нарядные блестят мордашечки.

(«Часы Ч», 2002)

Редко кто умеет так виртуозно оркестровать звуки, образы и композицию, создавая неповторимую мелодию: «Слова скользят и пенятся в строке» («Как объяснить безветрие, мой друг?», 1980). Смыслы не только летят, бегут, они текут и исчезают: «Смыслы смылись, оставив в руке обмылки» («У меня в голове опилки...», 2003). Иногда её аллитерации достигают устрашающей красоты «буйств, безумств и бесчинств» («У меня в голове опилки...», 2003) и хочется повторить вопрос поэта: «Сколько вас, химеры смысла?» («Стихи, написанные ночью во время бессонницы», 1985). Отточенное мастерство Щербины поощряет наши поиски.

Размах крыла поэта выдают словарь и рифмы. Рифмы, как правило, именные, то внутренние, то тройные, а нередко и сложно-составные, они уютно располагаются на любой ветке стиха – в начале, в середине, в конце: «Такая грустность на меня напала / напалом имени Сарданапала» («Такая грустность...», 2003). На «гр» грустности отзывается воронье эхо «кр-рк» – кровь, наркотик, вечером. В других стихах рифмы начала строк звучат, как выстрелы: «Суд! Абсолют. / Спасут! Абсолют. / Салют! Абсолют» («Поэма об

абсолютном», 1985). Через строфу они повторяются, меняя позицию и силу удара: «То суд, то спасут, то салют – быть не может...». Внутренние рифмы для Щербины – норма: «Я сжалась в горстку зерен, и лист руки, узорен» («Всегда в июле лето, всегда в июле зелень...», 1985). Похоже, как и Бродский, она знает все русские рифмы наизусть, никогда не повторяется, ищет новые, иронизирует над старыми, рифмуя «кровь» с «морковь» («Я сплю в твоём свитере...», 1988), а «бытия» – с «ея» («Что для вегетатики события...», 1987). Бродский гордился тем, что нашел новую рифму для слова «любовь»: «любви / Лови!». Щербина, словно соревнуясь с ним, рифмует «ТиВи / любви» («Что поет сирота?», 1989), или полноценное слово со служебными, а то и просто с буквами: «постель» с «Те же л...» («Люди», 1989). Как и Бродский, она может освежить рифму иностранным словом: «yes/лес» («С возрастом улучшается память...», 1996), «кровь / off» («Побег смысла», 2003). Несмотря на то, что у них разные метрические системы, Щербина, как и Бродский, рифмует между собой преимущественно имена существительные и только изредка существительные с глаголами или служебными словами:

Я в итернет, как в интернат
сиротка, семеню на ощупь,
все в паутине, под и над
тем, что душа взыскует в ночи.

(Дневной и ночной дозор, 2002)

Её словарь не чурается аббревиатур: «www – новопрестольный город» («Рунет», 2001) и иностранных слов: «Букв охапки / я шлю ему в Times New Roman» («Объятыя», 2002), «Не знаю, не знаю, какая там вита нова, / какая нью лайф» (1987), технических терминов: «сканер» («Женщина», 2002), «килобайт» («Рунет», 2001), разговорного стиля: «взопрею» («Яблочный спас», 1995), «жисть» («Хорошо жить в столице», 1984) и даже самых смелых вульгаризмов: «говна» («Кровать», 2001), «блядь» («Душа не может сдаться телевиденью...», 1990), «хуетень» («Саффо и Алкей», 1986). «Все мы дети какого-то словаря» («Поэма барокко», 1985), – пишет Щербина. Сама она вышла не только из Даля и Ушакова, но и из Рунета, ибо явно покровительствует словарю компьютера, назвав стихотворение «Рунет» (2001), а сборник эссе «Лазурная скрижаль» – светящаяся доска экрана: «Лазурная скрижаль – новое возвращение к скрижали каменной или глиняной: есть я и мироздание, между нами – возможность откровения». Разум она напрямую связывает с компьютером: «мой мозг, жесткий диск, называемый интеллект, / пьет музыку речи, как воду» («Личный состав», 2004). Это можно истолковать как попытку понять себя, зайти с обратной стороны. Ее стихи вопрошают высшие силы и в то же время адресованы сегодняшнему читателю уже одним выбором современной компьютерной лексики. Включив терминологию современ-

ной техники в поэтическую речь, Щербина справедливо может чувствовать себя первооткрывателем:

На современном русском языке
людей колбасит, плющит и ломает,
и мне в моём закукленном мирке
набор из грустных слов достался к маю.

(Весенний призыв, 2001)

Она сшивает слова в поэтические образы: «Пчелароза – ария лета» («Сад», 1985), «Я Микровенера» («От Рождества», 1992).

Щербина признается, что она страдает комплексом Колумба, потребностью путешествовать и что-то открывать, не столько для человечества, сколько для себя, ибо путешествия для нее – это попытка проникнуть в другое – время, обычаи, людей:

Прошу тебя, уедем далеко!
Не слушай: я пою и мне легко.
А дом, куда зову, в таком пути,
Что никого не взять, одной идти.

(Просьба, 1982)

Она много ездит по миру. В 1990 году у нее было турне с выступлениями в университетах США, а в 2002 – в университетах Великобритании. Будучи постоянным автором радио «Свобода», она в 1991 году жила в Мюнхене, а с 1992 по 1995 год – в Париже. Принимала участие в международных фестивалях в Квебеке, в Люксембурге, в Лиссабоне, в Лондоне, в Галвэй (Ирландия), в Сербии и Македонии, посетила Турцию и Тунис, регулярно бывает в Израиле. История, культура и обычаи этих стран описаны ею в стихах и в прозе. В сборнике эссе «Лазурная скрижаль» (2002) мы найдем эссе и стихи о многих столицах мира и российской провинции. Всё, о чем пишет Щербина, исследовано ею и тщательно изучено. Её зрение, как у орлицы, с той разницей, что смотрит она на мир не с птичьего полета, а изнутри самой жизни, замечая в ней «царапинки на дереве стола» (эссе «Зрение», 2004) и «след / ступни / бабочки» (У художника Дмитрия Плавинского, 1985). В ранних стихах ее внутреннее зрение особенно острое. В зрелых оно переместилось вовне, поэт стал дальновзорким и видит общий замысел Вселенной. В описании человека она предпочитает синекдоху, хотя отдает дань и метафорам-копулам: «сердце – ком воображенья» («Скисает молоко – его душа туманна...», 1984); понимая, что «у тела тыла нет и веры нету» («Нешопеновский этюд», 1987), она расчленяет тело на части: «рана рта» («Поэма царства и лаборатории», 1986), «кровь – самородное вино из бочек» («Такая грусть на меня напала...», 2003). Бабочка-душа «сыплет <...> пыльцу на лету» («Нешопеновский этюд», 1987),

перелетая из стихотворения в стихотворение. Не менее трезво описано вдохновение:

Гул в башке, спазм башенных перекрытий и балюстрад,
 будто землетрясение где-то там под настилом, молниевый разряд.

(«Я ухожу в занавешенный угол, как предок к обедне...», 1989)

А процесс рождения стихотворения очищен от романтических красок: «В раковине рта булькает вода: / буква пробка кляп» (Пасхальный коан, 1986).

Речь идет о глубинном восприятии глубинного же процесса творчества. Мы догадываемся, что заставляет поэта «обуквивать» («Я ухожу в занавешанный угол...», 1989) увиденное и прочувствованное: «и тянется одна большая фраза, / слова в ней неопрятны и легки» («Тридцать секстин», 1980).

Щербина не держится за один определенный стиль или за один излюбленный жанр, хотя предпочтение отдает короткому стихотворению. Но разнообразие удивляет нас. В каждом сборнике мы найдем то поэму, то сонеты, а то и драму в стихах. Она упражняется в хайку и в лимериках. Замечательно, что в этот сборник включены стихи из ранних книг, теперь совсем не доступных. Они отражают интенсивные поиски своего пути и расцвет таланта Щербины. Она никогда не мечтала стать поэтом, уничтожая все написанное. И только, когда фонтан прорвался, она поняла, что поэтическая речь – это её естественный язык. Писать для нее стало возможностью узнать что-то новое. Ее стихи регулярно появлялись в самиздате, а с 1986 года и в официальной прессе. С самого начала в учителя она выбрала Бродского, которого считала и считает первым поэтом России: «Мне хотелось подражать Бродскому, не его характерной интонации, не его манере письма, поскольку я вовсе другой человек, другого пола, возраста, опыта, Но его отношение к языку, к рифме, дисциплину слуха я старалась перенять» [2, с. 345-346]. Сознательно или неосознанно она переняла у него, возможно, самое главное: его отношение к языку, что позволило ей перестроить пути трансформации реального мира в поэтический. Как у Бродского, метафорическая поэтология Щербины зиждется на четырёх китах: Дух – Слово – Человек – Вещь. Язык и вся его метонимия отождествляются, сравниваются, противопоставляются всему остальному миру: «Язык тесноват как тело, хоть вешайся, выйди из языка. / Стихи – такие же люди, пальцы рифм дрожат...» («Сад», 1985). Слово для Щербины – её двойник: «Как слово, ползаю по многоточью...» («Лебединая песня», 1980), её тень, её Дух: «чтоб в дурной бесконечности вставить слово» («Неужели я больше тебя никогда не увижу...», 1996). «Я», мерой которого является человек, может быть трансформировано и в вещь, и в слово. «Я» перед Богом – больше самого себя: «Кто идет пред словом – знак дарит» («Иоанн Креститель», 1982). Сравнение и отождествление языка, его слов, его букв с

человеком («мне бы букву вниз протолкнуть как тромб», «Пасхальный коан», 1986) столь же убедительно, сколь и подозрительно. Одновременная несовместимость этих категорий и их тождество объясняют истинную природу ее поэтики: «и прочий мир, открытый и большой, / где самой главной фишкой было слово» («Ко мне пристал банный лист...», 1996). Щербина в своём квадрате соединяет противоположные края зияющей пропасти между Духом и Ничто, тем самым максимально усложнив концепцию человека: «Что ж, получился б я “никто”, / Раз не узрит меня никто? / – Напротив, – шкура мне в ответ, / Кто “где”, тот “кто”, ну так иль нет?» («Харон», 1979)

Наше внимание должно привлечь то, как личность автора отражается в тексте: «Я – суть избытка, излишеств, изобретений!» (Личный состав, 2004). В стихотворении «Хвост» (2002), которое начинается интригуяюще: «Мой позвоночник требует развития вовне» лирическое «я» нарисовано средствами самого рассудочного тропа – метонимии: голова, уши, зубы, копчик, хвост, скелет. Так еще никто из женщин не рисовал автопортрет:

А сердце счастья требовало, ныло,
эгоистично топая ногой...

(«Жить хорошо во что бы то ни стало...», 2000)

Проблема автопортрета выводит нас на множество других вопросов, так или иначе связанных со стратегией лирического письма Щербины. Так в описании отражения смотрящей «в зеркальце» Сапфо («Сапфо и Алкей», 1986) можно усмотреть попытку уточнения отношений между поэтическим словом и бытием вещи. В образе зеркальца можно увидеть указание на невозможность полного слияния звучащего слова и «призванного» им сущего. Ее осмысление проблемы взаимосвязи зеркальной сущности текста и знака особенно интересно. Мы можем настаивать на взаимосвязи «письма» (и тем самым лирического «я») с метафизикой времени. Тут следовало бы проследить так называемые негативные факторы, порождённые концепцией времени и влияющие на лирическое «я». Как тотальности «я» у Бродского постоянно грозит Ничто, так движение времени и приближение смерти, как «низкий потолок, зависли» («Где будущего коготки?», 2001) над высказыванием:

Я старею, то есть, живу быстрее.
Душа умеет, а тело
не выдерживает времени, пущенного в пустоте.
Я думаю, что смерть – это достижение скорости света.

(«Поэма царства и лаборатории», 1986)

Время – один из основных сюжетов ее поэзии. Но в отличие от Бродского она приказывает себе «с временем не изменять Творцу» («Врачевание», 1982). Приняв метафорический квадрат Бродского с его двусторонним

движением трансформаций смысла, Щербина достигает той полноты выражения «я», которая была невозможна в классической поэтике:

Гася тридцать третий бычок,
за тридцать четвертую «Яву»
хвагаюсь как хрен за сучок,
впечатав в офсетный сачок
трахейную сласть и отраву...

(«Гася тридцать третий бычок...», 1988)

«Бродит близкий = Бродский» («Пуль не надо, сердце рвется само...», 1987). «Тридцать третий бычок» отсылает к последней букве русского алфавита (ср. «Как тридцать третья буква, / я пячусь всю жизнь вперед») [1, т. 3, с. 183].

Стихи Бродского Щербина впервые прочитала, будучи школьницей, и тренировала свое сердце и свой стиль на его стихах. Она признается, что жила «с бумажным Бродским» (эссе о Бродском «Жидкие кристаллы», 1989) восемнадцать лет, пока не встретила с ним лично на Роттердамском фестивале в 1989 году:

Протянув восемнадцать лет, наконец и вдруг
я протягиваю все свои восемнадцать рук
не будучи спрутом, но по органу в год
вырастало от ожиданья...

(«Можно угрожать...», 1989)

Она считает Бродского «демиургом, пророком, философом, представителем Христа, абсолютно бесстрашным, но безукоризненно ответственным. Даже страх Божий у Бродского был не страхом, а служением» [2, с. 346].

Культурный фон поэзии Щербины впечатляет, он включает в себя классиков русской и мировой литературы и многих поэтов XX века. Особенно часто встречаются аллюзии на стихи Пушкина и Блока, Ахматовой и Пастернака, а также на французских поэтов, которых она хорошо знает. Она переводила балладу Вийона, стихи Поля Элюара и поэму Стефана Малларме «Полдень Фавна». Щербина составила и перевела антологию современной французской поэзии (1995). Она настолько хорошо владеет французским языком, что, живя во Франции, публиковалась во французской прессе и даже издала книгу стихов, написанных на французском («L' âme deroutée» (Ecrits des Forges, Quebec & Le dé bleu, France, 1995)).

Щербина не страдает современной болезнью «дефицита собственной личности» («Люди», 1989), напротив, как бы тяготится своей индивидуальностью, стараясь быть как все: «А я ведь с постной рожей уже давным-давно / хожу, мороз по коже, часотка заодно» («Начало весны», 1996). Понимая, что объективное знание о лирическом «я» невозможно принципиально, Щербина

пошла по оптимальному пути, показав, что «я» поэта – это не только отношение к самому себе и к другому, это одновременно многообразие точек зрения на это «я». Порой она намеренно сближает, казалось бы, несовместимые точки зрения. Причина – в стремлении преодолеть стереотипы. Неизбежным следствием такого подхода становится то, что экзистенциалистское истолкование негативных состояний «я» отодвигает в тень уравновешенность Ничто божественным Словом и божественной волей. При этом она понимает, что «на небе есть такие вещи, / никак не обрастают слогом» («Можно улететь на самолете...», 1999). Поэт озабочен многослойностью внутренней жизни лирического «я», однако не позволяет себе заменять «я» на «мы». «Никакое “мы” для меня абсолютно невозможно», – признаётся она в частном разговоре и в стихах: «Я – это уникальный объект, что не каждому ясно» («Алфавитный порядок», 1999). Она убеждена, что «истина может открыться (приоткрыться, приблизиться) только через личный опыт, через меня, как инструмент, который должен быть в рабочем состоянии и хорошо настроен» (эссе «По образу и подобию», 2004).

Щербина – поэт удивительной мощи, интеллектуальной и художественной. Созданная ею ёмкая образность расширяет сжатое пространство стиха, в котором аллитерации держат напряжение (оль – оль – оро – ол – ор – оли):

Стыд, как комар, живет не больше суток.

А боль, как ворон – триста долгих лет.

Порыв – до первой саранчи и моли.

(«Хайку», 1998–1999)

Побег смысла вырастают в невиданные доселе цветы–концепты как памятники самим стихам и буквам русского алфавита («Алфавитный порядок», 1999). Иногда они напоминают огонь:

Из вязких слов леплю который день

Огонь. Какой он липкий и густой!

Такой густой бывает только тень.

(*Просьба*, 1988)

Когда мы читаем стихи Татьяны Щербины, нас не подстерегает опасность «шлепнуться в колючий кустик скуки» («Можно улететь на самолете...», 1991). Они свободны от традиционной риторики, от повествовательности, свободны «от всего, и от бытия и от небытия» («Жидкие кристаллы», 1989). Как Бродский, она сканирует социальные модели – метафизикой, а мироздание – собственными чувствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский Иосиф. Стифы // Бродский И. Сочинения. Т. 1–7. СПб., 1997.
2. Полухина Валентина. Бродский глазами современников: интервью с Татьяной Щербиной. СПб.: Звезда, 2005.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эпиграф взят из стихотворения Татьяны Щербины «Не стар, не бестселлер – мичуринский опыт мутаций...», 1989.
2. ЩЕРБИНА Татьяна Георгиевна родилась 15 сентября 1954 года в Москве, закончила филологический факультет МГУ по специальности «французская литература», поэт, эссеист. До 1986 года публиковалась в самиздате, стихи переведены на 15 языков, член международного ПЕН-клуба.
3. Все цитаты взяты из присланной автором рукописи сборника «Хроники. Стихи». После каждой цитаты дано название стихотворения или первая его строка и дата написания. Опубликованные стихи можно найти в сборниках, указанных в библиографии. Статья написана в качестве предисловия к этому сборнику, публикация которого не состоялась.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги Татьяны Щербины

Ноль Ноль (стихи). М.: Изд-во Р. Элинина, 1991.

Parmi les alphabets (poèmes). Ed. «Le Castor Astral» (France), перевод К. Зейтуниан-Белоус, 1992

L'âme deroutée (poèmes écrits en français). Ed. «Ecrits des Forges» (Canada, Quebec)/ «Le dé bleu» (France), 1995.

Жизнь без (стихи). М.: Изд-во «Золотой век», 1997.

Диалоги с ангелом (стихи). М.: Изд-во Р. Элинина, 1999.

Книга о плюсе и минусе, хвостом времени... в стихах и прозе. М.-Прага: Изд. Митин Журнал, 2001.

Прозрачный мир. М.: ЛИА Р. Элинина, 2002.

La vie sans (poèmes), ed. Paris: Lettres russes, 2002.

Лазурная скрижаль (эссе, стихи). М.: Изд-во ОГИ, 2003.

Score of the game (poems), ed. Zephyr press, USA, перевод Jim Kates (2003).

Life without, ed. Bloodaxe Books, Great Britain, перевод Sacha Dugdale (2004).

L'antivirus (poèmes), изд. «Ecrits des Forges» – Canada/ «L'idée bleue» – France, в переводе Christine Zeytounian-Belous, 2005.

Запас прочности (роман). изд. ОГИ, Москва, 2006.

Исповедь шпиона (эссе, повесть). М.: Наука, серия Русский Гулливер, 2007.

Франция: магический шестиугольник (сб. эссе), изд. ЗебраЕ, 2007.

*англоязычные книги – SHCHERBINA

франкоязычные – SHTCHERBINA

(написание фамилии автора)

Самиздатские книги:

Цветные решетки. М., 1980 – приблизительный тираж – 50 экз.

Лебединая песня, повесть в стихах, 1981 – около 100 экз

Новый Пантеон, стихи, эссе, 1983 – около 100 экз.

Натюрморт с превращениями (с предисловием Льва Аннинского и послесловием Михаила Ямпольского), Москва, 1985 – примерно 200 экз.

Пространство, рисованная книжка, 1986 – около 100 экз. (частично воспроизводилась в жж. «Искусство» и «Декоративное искусство», 1987-89).

V. Polukhina

Sprigs of Sense: Poetry of Tatyana Shcherbina

Key words: *poetic world; Spirit, Word, Man, Thing; constant topics; Russian history, people, language, love; self-irony; inner rhyme; sound cells of language; modern lexis.*

In Shcherbina's case we are dealing with the world of a modern woman, beautiful, strong and independent. The actual multiform world is seen as through a telescope, which is constantly changing its direction. Shcherbina's poetic world rests upon the four whales of Spirit, Word, Man, Thing. The main themes of her poetry are Russian history, her people and her language. She has transformed the theme of love into poetry of the highest order. Her vocabulary does not eschew abbreviations, foreign words and the lexicon of the computer age. Shcherbina is a poet of amazing power in both intellectual and aesthetic terms. She scans social models by metaphysical means and the universe – by her own feelings.

А.Г. Степанов

Тверской государственный университет

УДК 821.09

СТИХ И ВИЗУАЛЬНОСТЬ: ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОБЛЕМЕ

Ключевые слова: *визуальность; изображение и слово; поэтическая графика; семантика стихотворной формы; визуальное восприятие поэтического текста.*

Статья посвящена проблеме визуальности стихотворного текста. Основной тезис – стихотворный текст всегда визуален, поскольку графически маркирован по отношению к прозе. Это оказывается возможным благодаря изобразительности, чей потенциал присутствует в графике любого стихотворения. Его начертательность связана с любопытным парадоксом: стихотворение в силу пространственной организации словесного материала стремится выйти за пределы чистой словесности и приобретает элементы образной природы изобразительного искусства.

Уже при первом взгляде на текст мы, как правило, сразу распознаем, что перед нами: стихи, проза или драматическое произведение. В случае с прозой, которую принято считать нейтральным членом оппозиции стих / проза, «само расположение текста, наличие (или отсутствие) красных строк, величина абзацев и количество знаков от точки до точки <...> не только регулируют

чтение (интонацию, внутреннее звучание), но и оказывают непосредственное воздействие – на глаз» [10, с. 321] (1). Но если прозу можно считать визуальным объектом лишь с известными оговорками, то стихотворный текст всегда визуален, так как «является графически маркированным по отношению к другим видам текста: об этом говорит его подчеркнутая вертикальность в пространстве страницы с графическим акцентированием стиха» [28, с. 136].

Вертикальный характер текстовой фигуры обладает, по-видимому, глубинной семантикой, восходящей к архаическим моделям пространственного восприятия мира человеком. Такова, например, мифопоэтическая природа сонета. По мнению В.Н. Топорова, «есть основания полагать, что в известном смысле сонет может рассматриваться как позднейшая и притом вторичная филиация того типа текстов, которые некогда описывали схему мирового дерева. Во всяком случае, генетическое прошлое сонета, отложившееся в его структурных особенностях, не исключает возможности видеть в этой форме видоизмененную и переинтерпретированную запись архаичной мифопоэтической схемы» [22, с. 38].

Отвлекаясь от многообразия поэтических форм в диахронии, можно предположить, что стихотворение стремится стать графически целостным образом, который по контрасту с линейно развивающейся прозой локализует вневременной и обозримый душевный опыт. Когда В.Я. Брюсов в пору своих стиховедческих исканий определил стих как «деление речи, легко обозримое в своем целом» [7, с. 127], он едва ли мог предположить, насколько справедливым окажется это утверждение для всей типологии стиха и актуальным для изучения графической семантики стихотворных текстов. Понадобилось сто лет, прежде чем с позиций гештальтпсихологии удалось объяснить, почему нам не нравится, когда стихотворение делится на фрагменты и переходит на следующую страницу [2, с. 109-110]. С. Малларме, например, считал, что «поэзию должна окружать тишина, и поэтому какой-либо лирический отрывок или небольшое стихотворение, располагаясь в центре страницы, занимает, как правило, ее треть» [17, с. 270].

Это убеждение согласуется с данными психологии о том, что мы связываем существующие изолированно элементы в единое целое и сразу воспринимаем их как некоторую структуру, гештальт. «Например, черная точка на большом листе бумаги, даже будучи единственной, не может быть воспринята как изолированный элемент, потому что она выделяется в качестве “фигуры” на “фоне”, образованном бумагой, и это отношение “фигура” × “фон” предполагает организацию всего визуального поля» [19, с. 112]. Нечто подобное происходит, когда мы видим напечатанное стихотворение, «управляемое» свободным от типографских знаков полем. Текст и незаполненное пространство страницы воспринимаются нами как единство. У этого единства – своя, визуальная, эстетика: «значительные поля приятны; в спусках и концах текста, где

объем полей усиливается, и в белых листах с незначительным содержанием текста <...> всюду в книгу врывается как бы воздух» [24, с. 104-105].

Сегодня уже не выглядит преувеличением суждение о том, что «вся напечатанная поэзия – это визуальная поэзия в широком смысле; в том смысле, что, когда мы читаем стихотворение, визуальная форма влияет на то, как мы читаем его, и таким образом соучаствует в формировании нашего опыта в восприятии звука, движения и значения стихотворения» [30, с. 1364]. Некоторые поэты даже настаивают на том, что «стихотворение доходит лучше, когда его читают глазами. Воспринимающий сразу занимает особую позицию по отношению к стихотворению, когда он видит, насколько оно велико и какова структура строф» [4, с. 159]. О роли графической формы в восприятии текста, обнаруживающей его версификационные признаки, писал Н.В. Недоброво: «<...> Стихи искони изображаются на бумаге особым условным способом, который служит не только к открытию глазам, что сейчас будут стихи вообще, но нередко еще и дает понять, какого именно рода. Кто, по одному взгляду, не узнает элегического дистиха, эпода, сонета, рондо, терцин? Не зря первые буквы разноstopных стихов печатаются не по одной отвесной линии, а то правее, то левее, и притом на определенные расстояния, так что, взглянув на лист, знаешь уже, где шестистопный, где четырехстопный и где трехстопный стих» [18, с. 17].

Обозревая стихотворный текст, мы, как правило, не отдаем себе отчета в том, что его прямоугольная форма с «фокусным положением поэтического столбца в окружении белых полей страницы <...> выполняет важнейшую роль концентрации внимания при восприятии текста и служит кодовым знаком переключения нашего сознания на определенный тип восприятия» [1, с. 6]. Это оказывается возможным благодаря изобразительности, чей потенциал присутствует в графике любого стихотворного текста. Его начертательность связана с любопытным парадоксом: стихотворение в силу пространственной организации словесного материала стремится выйти «за пределы чистой словесности и приобретает элементы образной природы изобразительного искусства» [29, с. 41] (2). В рецептивном плане «внимательное прочтение стихотворения требует значительного количества возвращений назад и продвижений вперед и напоминает разглядывание картины, поскольку стихотворение раскрывает свои тайны лишь в одновременном присутствии всех своих частей» [2, с. 110].

Между тем изобразительное искусство также может нарушать видовые границы, заходя на территорию литературы. Особым типом письменности была средневековая изобразительность, использующая принципы словесного повествования. В миниатюрах и иконах той поры «мы имеем дело с рассказом, в котором слова заменены изобразительными знаками, а фразы – условно изображенными сценами. Это своеобразно сокращенное изло-

жение новозаветного текста» [9, с. 34]. Подобная ситуация объясняется тем, что изобразительность средневековья «тяготеет не к образам восприятия, а к образам представления. Точнее говоря, не представления формируются на основе восприятий, а, напротив, восприятия поставлены в зависимость от представлений» [9, с. 36]. Изображение в средневековом искусстве призвано вывести зрителя за пределы субъективной и потому неподлинной чувственности, проложить умопостигаемый мост в сверхчувственное, от образов к первообразам.

Вопрос о соотношении словесного и изобразительного искусства был предметом эстетической мысли еще в XVIII веке. Так, французский сенсуалист Ж.-Б. Дюбо полагал, что живопись обладает большей, чем поэзия, властью над людьми, поскольку «воздействует на наше зрение» и «не пользуется, как Поэзия, искусственными знаками, а употребляет только естественные» [11, с. 221]. Другая причина, дающая право говорить о преимуществе живописи над поэзией, – в неравномерности восприятия словесных и зрительных образов. «Самые трогательные стихи могут взволновать нас лишь постепенно, приводя в действие различные механизмы нашей души в определенной последовательности», в то время как «изображаемые на картине объекты, будучи естественными знаками, должны действовать на нас гораздо быстрее, чем действуют искусственные» [11, с. 222–223]. Как видим, еще задолго до создания семиотики и введенной Тыняновым сукцессивности / симультанности была сделана попытка дифференцировать знаковую природу поэзии и живописи, указав на различный характер их художественного развертывания.

Вскоре Лессинг, отталкиваясь от рассуждений Дюбо, установил законы эстетического восприятия живописи и поэзии, «весьма различных как по предметам, так и по роду подражания». Согласно Лессингу, форма в изобразительных искусствах пространственна, потому что зрительно предметы «представляются расположенными друг подле друга» в единый момент времени. Поэзия же пользуется языком, состоящим из слов, которые расположены друг за другом во временной последовательности; следовательно, поэтическая форма изначально основывается на последовательности, отражающей длящееся действие [16, с. 186–187]. Отсюда неизбежные ограничения, которые накладывает эстетическое восприятие на поэзию: «То, что глаз охватывает сразу, поэт должен показать нам медленно, по частям, и нередко случается так, что при восприятии последней части мы уже совершенно забываем о первой. А между тем лишь по этим частям мы должны составлять себе представление о целом. Для глаза рассматриваемые части остаются постоянно на виду, и он может не раз обозреть их снова и снова; для слуха же раз прослушанное уже исчезает, если только не сохранится в памяти» [16, с. 202]. Как видим, у теоретиков эпохи Просвещения было достаточно оснований для

того, чтобы вопрос о границах поэзии и изобразительных искусств сделать одной из актуальных проблем эстетической мысли.

Если контуры поэзии и живописи были очерчены уже в XVIII веке, то переход с языка одного искусства на язык другого стал объектом рефлексии лишь в веке XX, когда поэтика искала пути взаимодействия изображения и слова. Неадекватность словесного образу в живописи проблематизировал Ю.Н. Тынянов: «Чем живее, ощутимее поэтическое слово, тем менее оно переводимо на план живописи. Конкретность поэтического слова не в зрительном образе, стоящем за ним <...> она – в своеобразном процессе *изменения значения слова*, которое делает его живым и новым» [23, с. 311]. Подчеркивая неприменимость для живописи специфически литературных приемов (сравнений, метафор), ученый приводит пример сцены Чичикова у Бетрищева, в которой герой, «наклоня почтительно голову набок и расставив руки наотлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками». Упоминаемый поднос, по мысли Тынянова, конкретен отнюдь не в живописном смысле, а как индексальный знак лакейства Чичикова. «Вычтите в рисунке невидимый поднос, вычтите ораторские приемы Чичикова (а это неминуемо при переводе на план живописи) – и перед вами получится подмена неуловимой словесной конкретности услужливой стопудовой “конкретизацией” рисунка» [23, с. 311]. Исследователь допускает две формы «законного сожительства» рисунка со словом: в первом случае он может окружать текст, будучи при этом «подчинен принципу графики, конструктивно аналогичному с принципом данного поэтического произведения»; во втором случае рисунок может быть уподоблен слову, стать его графическим эквивалентом, как бутылка у Рабле или рисунок ломаной линии у Стерна. Обе эти формы – «вне иллюстрации» [23, с. 316].

Хотя требование неиллюстративности к рисунку, оформляющему книгу, может показаться излишне категоричным, суждение о невозможности предметной визуализации словесного текста вполне справедливо. Тынянов пишет о невербальных формах репрезентации: в частности, о рисунках Пушкина на полях рукописей. Эти рисунки являлись «по большей части теми взмахами пера, которые удачно сопровождали стиховые моторные образы (и часто поэтому не имели к ним внешнего отношения). В последнем случае перед нами явление, сходное с явлением автоматической криптографии» [23, с. 314]. Подобные образы «обладают синтетическими характеристиками значимой линейности письма и изобразительной, контурной линейностью» [8, с. 68].

Рисунки можно встретить не только в рукописях поэтов, но и прозаиков. Располагаясь на листе вместе с записями, они образуют сложное графическое целое. Это позволяет подойти к отдельному листу (странице) как к единому элементу творческого процесса, признав его минимальной единицей публикации. «Рукописный лист един даже в том случае, когда он был запол-

нен в разное время и записями разного содержания» [3, с. 141]. В частности, отмечалось, что рукописи Достоевского, в которых использованы рисунок и каллиграфия, насыщены психосемантически. Их визуальная составляющая неотделима от словесной. Такая рукопись «не просто словесный текст плюс графические элементы, это скорее единый текст на визуальном языке, структура которого может быть осмыслена лишь после описания механизма соотношения разных элементов во времени и пространстве» [3, с. 149–150].

Смысловая роль графики своеобразно проявляется в процессе работы поэта над стихотворением. Б.В. Томашевский одним из первых заметил, что Пушкин, создавая поэтический текст, предварительно набрасывал его общую метрико-графическую схему [21, с. 30–45]. Автором строился лексико-графический «каркас», где «“пунктиром” обозначались предметы, действия, признаки, отношения предметов, которые служили для поэта опорными точками представляемой ситуации» [15, с. 35–36]. Впоследствии Пушкин заполнял метрико-графическую схему лексическим материалом, приводя его в ритмическое и грамматическое соответствие с визуальными контурами высказывания. Вот один из примеров семантического «прорастания» четверостишия из первоначального наброска, содержащего структурное ядро из рифм и ключевых слов:

Риго был пред Фердинандом грешен,
И повешен
Но должно ли не с горяча
Ругаться нам над жертвой палача?

Риго был, конечно, очень грешен,
Согласен я – но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, с горяча
Ругаться нам над жертвой палача?

[21, с. 34]

Здесь графический облик строфы – необходимое условие для ее семантического развертывания. Пушкину важен симультанный, целостный образ четверостишия, который наиболее отчетлив при зрительном восприятии текста. Строфический сегмент не просто прочитывается слово за словом, подобно прозаическому фрагменту, а рассматривается поэтом с последующим «обнаружением» в графических пустотах «правильных» лексических единиц. Как можно убедиться, материализованная в графике стиховая сегментация «служит основой для тематико-композиционного распределения слов в пространстве стихотворения», а приведенный пример, «отражающий письменную форму работы над стихотворением, показывает, что сама графическая форма стихотворения имела для Пушкина исключительно важное значение» [15, с. 43] (3).

Внешний вид текста иногда зависит от случая, способного изменить задуманный вариант. Так произошло со стихотворением «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», первая строка которого в рукописи имела другой вид: «Все тихо – на Кавказ ночная тень легла». Исследование автографа показало, что Пушкин букву «е» в «легла» написал без «петельки», «так что в начертании это слово случайно совпало со словом “мгла”» [6, с. 19]. Эта посторонняя причина дала новое направление мысли. Пушкин «зачеркнул слова “ночная тень” и, надписав над ними “идет ночная”, оставил без изменения небрежно написанное слово “легла”; оно просто обозначало теперь “мгла”» [25, с. 40].

На изменение текста может повлиять не только авторская описка, но и чужая неточность: графическая (типографская) случайность. Об опечатке наборщика, придающей «смысл целой вещи», писал В. Хлебников. Он считал ее «одним из видов соборного творчества» и приветствовал «как желанную помощь художнику. Слово цветы позволяет построить мветы, сильное неожиданностью» [27, т. 5, с. 233]. В. Маяковский стал как-то свидетелем ошибки машинистки, которая, перепечатывая трагедию «Владимир Маяковский», случайно набрала «музчина». Поэт пришел в восторг от опечатки, «запретил ее исправлять и проследил, чтобы наборщик оставил “музчину” в неприкосновенности» [14, с. 185].

Таким образом, утверждение о том, что графическая субстанция письменно-печатного текста «не содержит никакой собственной информации», так как «графическое означающее языковых знаков является незаметным, т.е. “прозрачным” для значения» [13, с. 8], требует существенных уточнений (4). Вполне справедливое по отношению к прозе и драме, оно излишне категорично или во всяком случае неполно в отношении стихотворных текстов. Наиболее очевидно это представлено в тех случаях, когда стихотворная графика включается в языковое сообщение и приобретает знаковый характер. Примером могут служить фигурные стихи, представляющие разновидность визуальной, т.е. активизирующей пространственное расположение словесного материала, поэзии, в которой графическое построение текста является частью языкового знака и непосредственно связано с его означаемым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абиева Н.А. Пространственная симметрия стиха // Текст как объект изучения и обучения: сб. науч. ст. Псков, 1999. С. 5–10.
2. Арнхейм Р. Язык, образ и конкретная поэзия // Новые очерки по психологии искусства. М., 1994. С. 105–118.
3. Баршт К. Рукописи Достоевского: рисунок и каллиграфия // Текст и культура: учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1983. Вып. 635. Тр. по знаковым системам; [сб.] 16. С. 135–152.
4. Бенн Г. Проблемы лирики // Вопросы литературы. 1991. № 7. С. 133–161.
5. Бернштейн С. Мои встречи с А. А. Блоком // День поэзии. 1964. Новые стихи, заметки о поэзии, публикации, воспоминания друзей, пародии, стихи детям. Л., 1964. С. 167–186.

6. Бонди С. Черновики Пушкина. Статьи 1930 – 1970 гг. 2-е изд. М., 1978.
7. Брюсов В.Я. Что такое стих // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 127.
8. Горных А.А. Формализм: от структуры к тексту и за его пределы. Минск, 2003.
9. Даниэль С. М. Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л., 1990.
10. Дарк О. Байтов зимой, или Описание дороги // Новое лит. обозрение. 1995. № 16. С. 321–328.
11. Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о Поэзии и Живописи: пер. с фр. М., 1976.
12. Капр А. Эстетика искусства шрифта : тез. и маргиналии со 152 ил. / пер. с нем. В. П. Милютина. М., 1979.
13. Клюканов И.Э. Структура и функционирование параграфических элементов текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратов. гос. ун-т. Саратов, 1983.
14. Ковтун Е.Ф. Русская футуристическая книга. М., 1989.
15. Константинова-Витт Н.Г. Композиционные функции авторских правок А.С. Пушкина: Устойчивый лексический стержень при работе над метрико-графическим каркасом стихотворения // Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения: Рус. яз. : межвуз. сб. науч. тр. М., 1987. С. 35–44.
16. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / общ. ред., вступ. ст. и примеч. Г.М. Фридендера. М., 1957.
17. Малларме С. Сочинения в стихах и в прозе / сост. Р. Дубровкин ; предисл. С. Зенкина ; коммент. Р. Дубровкина, И. Стаф, Е. Лившиц. М., 1995.
18. Недоброво Н.В. Ритм, метр и их взаимоотношение // Труды и дни. 1912. № 2. С. 14–23.
19. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М., 1969.
20. Семьян Т.Ф. Визуальный облик прозаического текста. Челябинск, 2006.
21. Томашевский Б. Работа Пушкина над стихом // Лит. учеба. 1930. № 4. С. 30–45.
22. Топоров В.Н. Сонеты Дю Белле: к предыстории жанра // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 33–45.
23. Тынянов Ю.Н. Иллюстрации // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 310–318.
24. Фаворский В.А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М., 1986.
25. Федотов О.И. Основы теории литературы: [учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений]. Ч. 1–2. М., 2003. Ч. 1: Литературное творчество и литературное произведение.
26. Харьковская О.В. Шрифт как инструмент воздействия на массовое сознание в прессе Третьего Рейха // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2008. № 1. С. 71–78.
27. Хлебников В. Собрание произведений Велимира Хлебникова. Т. 1–5 / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л., 1933.
28. Штайн К.Э. Графика поэтического текста // Вестн. Ставропол. гос. пед. ун-та. Соц.-гуманит. науки. 1995. Вып. 1. С. 135–145.
29. Штейнер Е. Картины из письменных знаков (заметки об авангардной визуальной поэзии) // Сознание в социокультурном измерении. М., 1990. С. 41–56.
30. Berry E. Visual Poetry // The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, 1993. P. 1364–1366.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О визуализации художественной прозы см. [20].
2. Вероятно, этим объясняется использование вместо картины стихотворений Бодлера, тщательно переписанных и убранных под стекло дез Эссентом — героем романа Ж.-Ш. Гюисманса «Наоборот».
3. Ср. у других поэтов. Если А. Белый, Мандельштам и Маяковский сочиняли стихи в движении, сопровождая это бормотанием, проговариванием строк, то Блок признавался, что стихи «создает всегда на бумаге, не произнося их в процессе творчества и не проверяя написанных стихов на слух, что он по многу раз перечеркивает и исправляет написанное и что все варианты ему необходимо видеть перед собой, для того чтобы сделать из них окончательный выбор: слова возникают и живут в его сознании в зрительной, письменной форме...» [5, с. 171–172].
4. Одно из них касается шрифта, форма которого влияет на восприятие текста. Трудно не заметить «различие между религиозным характером готической текстуры и веселым свободомыслием гуманистического минускула, между холодно-деловым гротеском футура и стремительным курсивом гарамон» [12, с. 23]. История знает случаи идеологического противостояния шрифтов, например, антиквы и фразатуры в прессе нацистской Германии [26, с. 71–78].

A.G. Stepanov

Verse and Its Visualization: Notes to the Problem

*Key words: **visuality; image and word; poetical graphics; verse form semantics; visual reception of the verse text.***

The article deals with the problem of the verse text visual nature. Its main issue is as follows: verse text is always visual, because it is graphically marked in relation to prose. This is made possible due to the pictorial character immanent to the graphics of any poem. This pictorial quality is connected with a curious paradox: a poem, due to the spatial character of the verbal material organization, tends to go beyond the limits of pure literature, and acquires elements of imagery belonging to pictorial arts.

М.С. Козлова

Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1.0+929 Исаковский

М. ИСАКОВСКИЙ – НАСТАВНИК МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ (1930-е ГОДЫ)

*Ключевые слова: **смоленская поэтическая школа; 1930-е годы; М.В. Исаковский; формальный метод; литературная критика; периодическая печать.***

Настоящее исследование представляет один из аспектов творчества представителя смоленской поэтической школы Михаила Исаковского. Его называли одним из главных организаторов литературного движения на Смоленщине в 1930-е годы. В данной статье рассмотрены две его публикации. В одной из них он рекомендует молодым литераторам книги, опиравшиеся на вытесненный к тому времени из научного обихода формальный метод.

М. Исаковский известен не только как поэт, но и (в меньшей степени) как литературный критик. В пятитомное собрание сочинений Исаковского (1981–1982) вошли несколько десятков литературно-критических статей, в их числе – «О поэтическом мастерстве», «О поэтах, о стихах, о песнях», «Письма о литературе». Ряд важных текстов (например, «Доколе?..» – «статья о стихах и талантах») остался за пределами этого издания. Необходимо отметить, что эта сторона наследия Исаковского изучена в монографиях В.Б. Александрова, К.Я. Ваншенкина, Я.Р. Кошелева, но, на наш взгляд, недостаточно подробно.

На протяжении всей своей жизни, говоря о литературе, Исаковский всякий раз большое внимание уделял языку поэзии. Он остро ощущал зависимость поэта от языка, на котором он пишет.

В 30-е годы в Москве и Смоленске вышли в свет несколько поэтических книг Исаковского. Среди них – «Избранные стихи» (1931 и 1933), «Песни» (1938), «Стихи и песни» (1938) [10, с. 45]. Известны 181 стихотворная публикация Исаковского [10, с. 73-80] и 34 его выступления в печати «по вопросам литературы и искусства» [10, с. 95-96]. Поэт работал «заведующим литературным отделом» в редакции газеты «Рабочий путь», т.е. консультировал начинающих авторов. Многие его материалы «по вопросам литературы и искусства», по сути, являются ответами на письма рабочих, присылавших свои произведения в газету для публикации.

В рамках нашей статьи мы рассмотрим одну из таких публикаций Исаковского – «Над чем надо работать начинающему писателю» [1, с. 3; 7, т. 3, с. 4]. Исаковский начинает ее письмом рабочего-участника литкружка: «Товарищ редактор! Я посылаю Вам свои стихи и надеюсь, что они будут напечатаны. Стихи – самые пролетарские. Не пролетарских не пишу <...>» [1, с. 4]. После письма Исаковский цитирует и те самые «пролетарские» стихи:

Режь, гармошка, весело и звонко,
Звонче пой, гитарная струна!
Сторона – родимая сторонка,
Русь ты, Русь – советская страна <...>

И еще:

Для меня, скажи ты, для меня ли
Ты ушла, где пестрые поля,

Где бывало ветры бушевали,
Где стонала русская земля.
.....
Ты теперь ушла и не сказала,
Только крепче обнялися мы.
И глазами долго провожала,
Но они были почти немые. <...>

Эти стихи Исаковский называет «самой простой и откровенной переделкой Сергея Есенина». Он объясняет, в чем заключается эта «переделка»: «весь строй стиха <...> сделан под Есенина: есенинский ритм, есенинский словарь, есенинская грустная настроенность...» [1, с. 4]. Ошибка автора стихов, по мнению Исаковского, в том, что необходимо преодолеть «есенинскую форму» и заложенные в ней «настроения».

Далее Исаковский говорит о том, что подобное «подражание» свойственно подавляющему числу начинающих авторов. В качестве примера он цитирует стихотворение еще одного начинающего литератора – рабфаковца Макеева:

Платочек, кожанка и взгляд, –
Я полюбил всю эту сбрую
Не потому, что старый сад
Соединил нас поцелуем.
Не потому, что часто там,
За старой низенькой калиткой,
Ты улыбалась по утрам
Секретной девичьей улыбкой.

<...>

Не потому, что ты на днях
Мне назвалась своей любимой,
А потому, что в деревнях
Ты создавала коллективы...

Это стихотворение о любви, пишет Исаковский, по существу является обычным «мещанским» и «пошлым», с наличием всех банальных атрибутов – «старого сада» с «низенькой калиткой», с той лишь разницей, что прибавлены частица «не» и «пришитая белыми нитками» концовка. Исаковский обобщает: к таким «печальным результатам приводят рабское подражание старой форме, механическое перенесение нового содержания в чужой шаблон, поверхностное скольжение по фактам современной действительности» [1, с. 4].

Те же ошибки встречаются у прозаиков. Исаковский анализирует присланный в редакцию рассказ о колхозе «На новом пути». О колхозном строительстве автор рассказывает шаблонно. Начинает с описания традиционной сходки у не менее традиционной избы-читальни, описывает непереносимое яростное сопротивление кулаков созданию колхоза и т.д. [2, с. 7].

Какие выводы должны сделать начинающие литераторы? Чтобы стать пролетарским писателем, нужно проделать над собой огромную работу. По мнению Исаковского, прежде всего необходимо повышать собственную грамотность, а также изучать теорию литературы («и Крайского, и Томашевского, и многих других» [2, с. 7]). Самое же главное – стремиться постичь жизнь и происходящие в ней колоссальные перемены.

В данной публикации Исаковского нас привлекло упоминание двух имен – А. Крайского и Б. Томашевского. Исаковский называет их в связи с необходимостью изучения теории литературы. К середине 1920-х годов ОПОЯЗ распался, а к началу 1930-х сам термин «формальный метод» был вытеснен из научного обихода. И все же в статье 1930 года Исаковский рекомендует начинающим литераторам изучать книги, опирающиеся на формальный метод. Это был в известной степени рискованный поступок.

Судя по всему, речь идет о книгах «Что надо знать начинающему писателю» А. Крайского и «Краткий курс поэтики» Б.В. Томашевского (обе вышли в свет в 1928 году).

Алексей Петрович Крайский (настоящая фамилия – Кузьмин) родился 5 февраля 1891 года в Новгороде. Юношей перебрался в столицу. «Работал в Петербурге приказчиком и конторщиком. Первые стихи опубликовал в 1916. После революции участвовал в изданиях петроградского Пролеткульта». Издал книги стихов «Улыбки солнца» (1919) и «На панельных квадратах» (1930). «Погиб на фронте в нар^{одном} ополчении» в декабре 1941 года [7, т. 3, с. 797].

С 1924 по 1939 год А. Крайский руководил литературной студией при журнале «Резец» – печатном органе ЛАПП [8, с. 41] (и в этом хочется отметить сходство биографий Исаковского и Крайского). Итогом этой деятельности стала книга «Что надо знать начинающему писателю». В предисловии автор рассуждает о сходстве и различии стихов и прозы. Это не случайно: основной текст книги поделен на две части – «Построение рассказов» и «Построение стихов». Автор, стараясь не слишком вдаваться в подробности теории литературы, на протяжении 182 страниц рассказывает о том, как строятся прозаические и стихотворные произведения, на конкретных примерах. К ним он и отсылает читателя: так, чтобы понять, что такое остранение, в конце главы, посвященной этому приему, Крайский советует перечитать «Холстомера» Толстого, «Чорта» Зошенко, «Шинель» Гоголя, «Сапоги» и «Орден» Чехова [6, с. 53]. Или, чтобы понять, что такое ритм и метр, читателю дано задание прочитать стихотворение «Бесы», отбивая метр [6, с. 121]. Автор строит свою книгу, опираясь на формальный метод: это выражается, например, в том, что есть глава, посвященная приему остранения. Вся книга, в сущности, посвящена разбору приемов построения литературного произведения, что свойственно формальному методу.

Книга Б.В. Томашевского «Краткий курс поэтики» (1928) была издана примерно в одно время с такими его трудами, как «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения» (1925), «Теория литературы. Поэтика» (1925), «Писатель и книга. Очерк текстологии» (1928) [7, т. 7, с. 571]. «Краткий курс поэтики» (130 страниц) имеет подзаголовок «В помощь преподавателю-словеснику» и среди вышеназванных трудов Томашевского занимает свое особое место. Это краткое пособие, отражающее основные положения формальной школы. Автор объясняет, что такое литература, что такое язык, что такое поэтический язык и каковы его средства. В конце каждого параграфа дается упражнение для самостоятельной работы. Например, «разобрать рифмы Маяковского и Есенина» [13, с. 81] после параграфа «Рифма в современном стихосложении».

Появление такой книги было необходимо. С преподаванием и обучением литературе возникали немалые сложности. Двухсотлетний пласт культуры был разрушен, литература – расколота. Власть считала, что с помощью указаний свыше может контролировать литературный процесс. В литературу шли люди, участвовавшие в революции, первой мировой и гражданской войнах, с большим необыкновенным жизненным опытом, но далекие от культуры, не имеющие надлежащего образования. Власть стремилась приобщить их к литературе, и для этой цели нужны были доступные пособия, литературные консультации (студии), литературные отделы в периодических изданиях и, наконец, литературные периодические издания. Так, в вяземской газете «Большевицкий путь» был помещен материал под названием «Бьем тревогу. Литература на рабфаке – заброшенный участок». Автор – один из учащегося рабфака – описывает ситуацию так: «С начала учебного года (1 сентября 1931 года) до 3 января 1932 года на четвертом курсе проработан только “Буревестник” М. Горького; на третьем дано было прочитать студентам “Капитанскую дочку”, “Дубровского”, “Ревизор”, а 3 января только подводили итог прочитанному; на втором “Чаадаеву”, “Деревня”, “Дубровский” Пушкина <...> на первом – отрывок “Трактор победил” из романа Панферова “Бруски”. Вот и все» [3, с. 2].

Обе книги – и А.П. Крайского, и Б.В. Томашевского – служили одной задаче. Был объявлен призыв рабочих-ударников в литературу. Для этого и публиковали пролетарских поэтов, и создавали литературные консультации при журналах и газетах. Было ясно, что начинающим литераторам нужно повышать свою грамотность (или же вовсе приобретать ее).

Исаковский был согласен с этой идеей и развивал ее в своих последующих работах. Так, в статье 1934 года «Что нужно знать начинающему поэту» он пишет: «Малограмотный человек никогда хороших стихов написать не может» [9, с. 201]. Там же, не ссылаясь уже ни на кого, Исаковский сообщает «первоначальные сведения о стихосложении» [9, с. 210]: что та-

кое ритм и рифма, поэтический язык. Говоря о поэтическом языке, о том, как передать «свои мысли, свои наблюдения <...> в форме образной, яркой, художественной» [9, с. 208], Исаковский приводит как пример стихотворение А. Блока:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие,
В зеленых – плакали и пели.

Желтые и синие, объясняет Исаковский, – вагоны первого и второго класса, где ездили состоятельные люди; зеленые – третьего класса, где размещалась бедные. Такими словами А. Блок ярко рисует картину России. Исаковский говорит о том, что то же самое можно было бы описать обычными словами вне стихотворной речи, но тогда яркой картины не будет.

В статье Исаковский также осторожно высказывает мысль о том, что поэтический талант определяется качеством, а не количеством. Эту же мысль более чем определенно Исаковский высказал и незадолго до смерти в статье «Доколе?..»: «Непомерное обилие стихов – это <...> вовсе не рост нашей поэзии. Это инфляция поэзии, ее обесценивание» [4, с. 69].

Ускоренными темпами на месте вековой культуры строить новую, начиная с обучения грамоте, было утопической затеей. И все же в потоке графоманов попадались настоящие таланты. Именно таким путем с помощью Исаковского в литературу вошли Н. Рыленков и А. Твардовский. Н. Рыленков с благодарностью вспоминает наставничество Исаковского: «Большой поддержкой для меня были письма Исаковского, в то время уже известного поэта. Он, подхватывая каждую удачную строчку в моих стихах, беспощадно высмеивал мое пристрастие к цветистости, к словесным вычурам» [11, с. 59]. А. Твардовский неоднократно упоминал о том, как повлиял на его творческое развитие Исаковский. Вот одно из писем А. Твардовского (1939): «...горячо благодарю тебя за исправление стихов. Я просто очень рад, что они попали тебе и прошли через твои руки» [12, т. 5, с. 258]. А вот более позднее высказывание (1969): «И нынче, говоря о нем, мне трудно отстраниться от собственной биографии – таким значительным в ту пору было влияние на меня поэзии, да и личности Исаковского» [12, т. 5, с. 217].

В литературу с помощью Исаковского вошли другие поэты, составившие смоленскую поэтическую школу: Дмитрий Дворецкий, Василий Ардаматский, Алексей Машков, Тимофей Ефимцов, Виталий Незлобин. Д. Дворецкий в своих воспоминаниях говорит о большом влиянии Исаковского на молодых авторов: он «был первым наставником и добрым другом пишущей молодежи» [5, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Большевистский молодняк. 1930. 5 октября. № 232.
2. Большевистский молодняк. 1930. 6 октября. № 233.
3. Большевистский путь (орган Вяземского райкома ВКП (б), райисполкома и райпрофсовета). 1932. 30 января. № 25.
4. Вопросы литературы. 1968. № 7.
5. Дворецкий Д. Дорогие сердцу имена (воспоминания). М.: Московский рабочий, 1987.
6. Крайский А.П. Что нужно знать начинающему писателю. Л.: Красная газета, 1928.
7. Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 1–9. М.: Советская энциклопедия, 1962 – 1978.
8. Литературный энциклопедический словарь / под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.
9. Наступление. 1934. № 9-10.
10. Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. М.: Книга, 1987. Т. 10.
11. Рыленков Н. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. и примеч. В.С. Баевского. Л.: Советский писатель, 1981.
12. Твардовский А. Собрание сочинений. Т. 1–6. М.: Художественная литература, 1980.
13. Томашевский Б.В. Краткий курс поэтики. Л.: Государственное издательство, 1928.

M.S. Kozlova

M. Isakovskiy – a Tutor of Young Men of Letters (1930-s)

Keywords: Smolensk poetical school; 1930-s; M.V. Isakovskiy; formal method; literary critique; periodic editions.

This study presents one of the aspects of the creative activity of Mikhail Isakovskiy – a representative of Smolensk poetical school. He was named one of the main organizers of the literary movement in Smolensk region in 1930-s. In the article two his publications are considered. In one of them he recommends the young men of letters the books, based on the formal method displaced by then from scientific everyday life.

САТИРИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ

Ключевые слова: цикл; художественная циклизация; жанр; сатира; гротеск; художественный синтез.

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей формирования циклов А.Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» и «Двенадцать портретов». Вскрываются процессы и закономерности образования художественных сатирических циклов в рамках художественного синтеза. В результате исследования мы заключаем, что «Дюжина ножей в спину революции» и «Двенадцать портретов» – целостные циклические единства.

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925) – известный в дореволюционной России писатель, драматург, издатель, театральный критик, а также главный редактор и идеолог знаменитого сатирико-юмористического журнала «Сатирикон» (с 1913 по 1918 годы «Новый Сатирикон»). В рамках нашего исследования особый интерес представляет эмигрантское наследие писателя, нами осуществляется анализ циклов А.Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» [2] и «Двенадцать портретов (в формате “Будуар”»)» [1] с точки зрения формирования и реализации в них принципов образования циклических единств.

О.В. Сергеев замечает: «Тема изгнания, мотивы смятения чувственно звучат в рассказах, отражающих жизненный путь самого А.Т. Аверченко – время “врангелевского сидения в Крыму”, эмиграция в Турцию и Чехословакию» [4, с. 332]. Красной нитью проходят через произведения эмигранта Аверченко темы революции, гражданской войны и новой власти в России. Находясь в Константинополе, А.Т. Аверченко выпускает книгу «Дюжина ножей». В нее входят рассказы, публиковавшиеся некогда писателем в газетах «Юг» и «Юг России» в Севастополе. «Дюжина ножей» была издана в парижском издательстве «Bibliothèque Universelle» в 1921 году. Книга состоит из авторского предисловия и двенадцати рассказов. С сатирико-обличительных позиций преподносит А.Т. Аверченко революцию и ее последствия. Не менее критичной, но при этом более беспощадной оказывается книга А.Т. Аверченко «Двенадцать портретов», представляющая сатирическую оценку деятельности «новых» властителей России. Она была выпущена издательством «Internationale Commerciale Revue» в 1923 году. Эта книга содержит тринадцать

рассказов, часть которых была написана и опубликована А.Т. Аверченко в севастопольских газетах «Юг» и «Юг России» и в константинопольском журнале «Зарницы», и авторское предисловие, озаглавленное «От автора». Если «Дюжина ножей» обладала достаточной степенью обобщенности и в меньшей степени имела адресную закреплённость, то «Двенадцать портретов» явились непосредственным разоблачением знаковых фигур периода революции 1917 года, гражданской войны 1918 – 1922 годов, времени становления советской власти.

В основе любого художественного цикла заложено концептуальное единство. Цикл – это всегда возможность вариативной реализации авторского видения мира и человека. Каждое произведение-компонент несет в себе общую концепцию цикла и одновременно обладает суженными до какой-либо грани рассматриваемого вопроса темой, проблемой, идеей. Одним из значимых циклообразующих факторов является сквозной образ автора, а зачастую и читателя. Для классического прозаического цикла XIX века базовым было наличие сюжетной четкости каждого произведения цикла, общность героев, общность рамочной композиции (фиксация героя-повествователя, присутствующего в той или иной степени в каждом произведении цикла, пространственная и временная закреплённость и т.п.). В циклах XX века сюжетная четкость уходит на второй план. Смысловая целостность произведения-цикла строится на ассоциации, обеспечивается единым пафосом, художественной атмосферой, общностью лейтмотивов и образов каждого произведения-компонента, а также лексико-синтаксической наполненностью (разговорная лексика, слова и обороты официально-делового стиля, цитаты из различных литературных источников и т.п.). Увеличивается значение заголовочно-финального комплекса, который приобретает роль своеобразного «кода» к смысловой составляющей каждого произведения, в частности, и всего цикла, в общем. Е.В. Пономарева замечает: «Для цикла характерно не только единое топографическое, но и эмоциональное пространство, задаваемое первыми новеллами как камертоном и завершающими – как логическим и эмоциональным финалом» [3, с. 108]. Следовательно, не менее важно учитывать авторскую расстановку произведений-компонентов внутри цикла.

Главную роль в определении циклической природы «Дюжины ножей в спину революции» и «Двенадцати портретов (в формате “Будуар”»)» играет наличие общности авторского замысла. В рамках цикла «Дюжина ножей» реализуется тема революции в России и ее последствий, проблема – необходимость доказать несостоятельность и преступность революции и ее вершителей, идея – Россия и русский народ стали жертвой революции. В цикле «Двенадцать портретов» разрабатывается тема пособников становления советской власти, проблема – необходимость доказать бандитскую сущность советского режима, идея – «новые царствующие особы» в России – послед-

ние убийцы и каторжники, «устроившие из всей великой России один общий котел: Помойную яму» [1, с. 25].

Единство концепции цикла «Дюжина ножей» поддерживается активным авторским присутствием. В авторском предисловии задается общий тон и направленность в рассмотрении проблемы, а также формулируются причины создания цикла.

Может быть, прочтя заглавие этой книги, какой-нибудь сердобольный читатель, не разобрав дела, сразу и раскудахчется, как курица:

– Ах, ах! Какой бессердечный, жестоковыйный молодой человек – этот Аркадий Аверченко!! Взял да и воткнул в спину революции ножик, да не один, а целых двенадцать!..

Да ему не дюжину ножей в спину, а сотню, – в дикобраза его превратить, чтобы этот пьяный, ленивый сутенер, вцепившийся в наш загорбок, не мешал нам строить Новую Великую Свободную Россию! («Дюжина ножей»).

Наряду со сквозным образом автора в цикле «Дюжина ножей» присутствует и сквозной образ читателя. Например:

Правильно я говорю, друзья-читатели? А?

И если каждый из вас не бестолковый дурак или не мошенник, которому выгодна вся эта разруха, вся эта «защита революции», – то всяк из вас отдельно и все вместе должны мне грянуть в ответ:

– Правильно!!! («Дюжина ножей»).

Таким образом, цикл «Дюжина ножей» – это вариативная реализация понимания А.Т. Аверченко революции и «нынешнего» положения России. Наличие сквозных образов автора и читателя цементирует и поддерживает общность авторской концепции цикла.

Концептуальное единство цикла «Двенадцать портретов» также обеспечивается активным авторским присутствием. Заметим, что, по сравнению с циклом «Дюжина ножей», авторское «я» в цикле «Двенадцать портретов» носит более публицистический характер. Возрастает оценочность характеристик, которые становятся адресными. Отношение А.Т. Аверченко к советской власти беспощадно и бескомпромиссно. Позиция писателя утверждается как истинная и непреложная. Например:

...Петерс сказал:

– Это вы называете голодом?! Разве это голод, когда ваши ростовские помойные ямы битком набиты разными отбросами и остатками?! Вот в Москве, где помойные ямы совершенно пусты и чисты, – будто вылизаны – вот там голод!

Итак, ростовские рабочие могут воскликнуть, как запорожские казаки:

– Есть еще порох в пороховницах! Есть еще полные помойные ямы – эти продовольственные склады Советской власти!

Почему-то фраза Петерса промелькнула в газетах совершенно незаметно: никто не остановил на ней пристального внимания.

Это несправедливо! Такие изречения не должны забываться...

Моя бы власть – да я бы выпустил огромные афиши с этим изречением, высек бы его на мраморных плитах, впечатал бы его в виде отдельного листа во все детские учебники, мои глашатаи громко возвещали бы его на всех площадях и перекрестках:

– Пока в городе помойные ямы полны – почему рабочие говорят о голоде?.. («Двенадцать портретов»).

Таким образом, циклическое единство «Двенадцати портретов (в формате “Будуар”))» обеспечивается наличием единой авторской концепции, которая реализуется в адресном разоблачении знаковых фигур времени. Одновременно единая концепция поддерживается сквозным образом автора.

В определении циклической природы «Дюжины ножей в спину революции» и «Двенадцати портретов (в формате “Будуар”))» большое значение имеет авторская заданность композиции. Ее обуславливает наличие общей рамы: общих заглавий и авторских предисловий.

Цикл «Дюжина ножей» составляют двенадцать произведений. Авторское предисловие выполняет своеобразную функцию общего тезиса, а произведения-компоненты цикла – аргументов, доказывающих с различных позиций предложенное утверждение. Маркированными в цикле являются начало («Фокус великого кино»), конец («Осколки разбитого вдребезги»), середина («Новая русская сказка», «Короли у себя дома»). «Начало» представляет собой обратный «просмотр» событий, которые явились катализаторами революции и гражданской войны 1918–1922 годов, что является своеобразной попыткой осмыслить произошедшее в России. «Конец» – констатация того, к чему привела революция различных людей. Заканчивается цикл риторическим вопросом: «За что они Россию так?..». Данная фраза в сфокусированном виде формулирует идею всего цикла, являясь и его основным лейтмотивом, и «ударной», смысловой концовкой. Таким образом, «начало» и «конец» играют своеобразную роль пролога и эпилога. Имеющие трагический подтекст, они пропитаны болью утраты «прошлой страны». В середине цикла размещаются произведения с яркой адресной политической окрашенностью (затрагиваются фигуры Троцкого и Ленина) в отличие от всего остального художественного материала, носящего обобщенный характер. Размещение Троцкого и Ленина в смысловом центре цикла – авторская фиксация тех лиц, которые являются основными виновниками революционных событий. Итак, циклическое единство «Дюжины ножей в спину революции» определяется наличием четкой авторской композиционной логики.

Цикл «Двенадцать портретов» составляют тринадцать произведений, что противоречит заданному заглавием количеству «12». Название цикла нам

видится возможным понимать как установку на некое сакральное начало, что соответствует смысловой эмблеме «12», тогда как сам цикл оказывается воплощением профанного, аномального мира – «13».

К раскрытию композиционной логики цикла «Двенадцать портретов» можно подходить с нескольких позиций. Во-первых, важно рассмотреть маркированные компоненты цикла: начало («Мадам Ленина»), центр (произведения, посвященные изображению Керенского), конец («Артистка образца 1922 года»). Начало и центр отличаются использованием библейских реминисценций («Мадам Ленина» – Богородица, «Керенский» (все три портрета) – Спасителя-Иуды). Концовка – некое обобщенное представление о женщине, которая готова «дружить» с большевиками ради собственной выгоды. Учитывая яркую библейскую окрашенность центра, в котором помещается «перевернутая» фигура Спасителя-Иуды-Керенского, мы считаем возможным видеть в этом аллюзии на построение иконостаса, согласно композиции которого в центре размещается икона, изображающая Христа. Однако в рамках цикла «Двенадцать портретов» сакральное оказывается профанным. И, соответственно, размещение в центре цикла фигуры Керенского свидетельствует о том, что именно его автор считает главным виновником случившегося с Россией несчастья. Данное положение, заявленное еще в предисловии, подтверждается композиционно. Отметим еще одну особенность, связанную с библейскими реминисценциями в рамках цикла «Двенадцать портретов». Общее количество портретируемых героев – тринадцать. Учитывая, что фигура Керенского в контексте цикла соотносится с образом Иисуса-Иуды, мы считаем возможным видеть в количестве персонажей аллюзию на Спасителя и двенадцать апостолов. Также примечательно, что в цикле «Двенадцать портретов (*в формате "Будуар"*)» не затрагиваются в качестве портретируемых Ленин и Троцкий. Автор замечает в предисловии:

Я не дал портретов Ленина и Троцкого, потому что эти два знаменитых человека и так уже всем навязли на зубах... («Двенадцать портретов»).

Однако во всем цикле присутствует либо прямое упоминание вождей революции, либо то, каким образом изображаемые лица помогали становлению советской власти. Таким образом, выведенные А.Т. Аверченко «Спаситель и двенадцать апостолов» предстают адептами «веры», провозглашенной Лениным и Троцким, непосредственными помощниками ее утверждения в России. Естественно, что образы «Спасителя и двенадцати апостолов» оказываются перевернутыми: высокое подменяется низким, сакральное – профанным, добро – злом. И основным мотивом, реализуемым в рамках цикла «Двенадцать портретов», оказывается мотив лицемерия.

Во-вторых, рассматривая размещение произведений-компонентов цикла «сверху вниз», мы можем заметить следующую закономерность:

- а) портреты жен вождей советской России («Мадам Ленина», «Мадам Троцкая»);
- б) портреты глав карательных органов страны Советов («Феликс Дзержинский», «Петерс»);
- в) портреты представителей искусства «новой» России («Максим Горький», «Федор Шаляпин»);
- г) портрет эмигрантских социалистических деятелей («Мартов и Абрамович»);
- д) портреты «бывшего» главы временного правительства («Керенский»);
- е) портреты вымышленных персонажей, воплотивших в своем лице образы людей «революционной» эпохи («Балтийский матрос», «Советский учитель», «Артистка образца 1922 года»).

Получается своеобразный срез тех личностей и слоев населения, которые помогли становлению советской власти. Портреты Керенского оказываются «водоразделом» между портретами реальных лиц и вымышленных. Открывается и заканчивается цикл женским портретом. Начало оказывается ударным, с одной стороны, из-за яркой гротескной образности, которая соотносится с библейским контекстом, с другой – вследствие демонстрации сущности «первой леди» страны Советов. Благодаря последнему, начало рифмуется с концовкой, где дается обобщенный образ лицемерной певицы. Таким образом утверждается лживость и беспринципность «новой» России, где все фальшиво и преступно: от «первой дамы» до «последней артистки». Следовательно, циклическое единство «Двенадцати портретов (в формате “Будуар”))» обеспечивается присутствием авторской композиционной логики.

При анализе произведений-компонентов «Дюжины ножей в спину революции» и «Двенадцати портретов (в формате “Будуар”))» становится очевидна их неоднозначная жанровая природа. Произведения, составляющие цикл «Дюжина ножей», одновременно реализуют жанровые особенности рассказа и фельетона. В цикле «Двенадцать портретов» все произведения-компоненты тяготеют к «рассказовым», «фельетонным» и «портретным» жанровым структурам. Таким образом, мы считаем возможным говорить о присутствии в рассматриваемых циклах явления художественного синтеза. Художественный синтез здесь реализуется на жанровом уровне, то есть воплощается в трансформации жанровых парадигм. Произведения-компоненты цикла «Дюжина ножей» принадлежат к жанровой разновидности, которую мы предлагаем условно обозначить «рассказ-фельетон». В цикле «Двенадцать портретов» мы имеем дело с жанровой разновидностью, обозначенной нами «рассказ-фельетон-портрет». Вместе с тем единая жанровая принадлежность произведений-компонентов обоих циклов также является фактором, влияющим на формирование их циклической структуры.

Отличительной особенностью циклов «Дюжина ножей» и «Двенадцать портретов» является яркий сатирический пафос. В рамках произведений цикла «Дюжина ножей» используются различные приемы сатирического заострения образа. Художественное пространство деформируется, с помощью чего обнажаются негативные черты революции и ее последствия, а также обыгрываются образы ее вождей, чем достигается их дискредитация. Например, в «Эволюции русской книги» автор прикрывается маской независимого, иронизирующего эксперта, демонстрирующего исчезновение книги. Сатирическая критика здесь носит закрытый характер: читатель, сопоставляя этапы «эволюции», должен сам прийти к выводу, что перед ним вовсе не «эволюция», а «деградация» книги. Добавим, что, наряду с сатирическим осмыслением действительности, в тексте цикла можно обнаружить вкрапления юмора и иронии («Трава, примятая сапогом», «Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина»), а также определенные черты, свойственные уже инвективе («Усадьба и городская квартира», «Осколки разбитого вдребезги» — здесь обличение не носит комический характер).

В рамках цикла «Двенадцать портретов» ведущим приемом сатирического заострения образа является гротеск. Поэтому общая художественная атмосфера цикла связана с ощущением деформированного, искаженного мира, в котором все двойственно и аномально. Например:

... Уже в 1918 году можно было видеть на улицах Петербурга эту изысканную публику, одетую в штаны до того широкие, что казалось, на ногах болтались две женские юбки; одетую в традиционные голландки, но с таким огромным декольте, на которое светские дамы никогда бы не осмелились.

Эти странные матросы были напудрены, крепко надушены; на грубых лапах виднелись явные следы безуспешного, но усиленного маникюра; на ногах — туфли с высокими каблуками и чуть ли не с лентами; на груди приколотта роза... («Двенадцать портретов»).

Отметим, что сатирическое осмысление действительности в цикле «Двенадцать портретов» зачастую уступает место инвективе, где обличение лишено категории смеха, а связано с прямой авторской критикой и негодованием. Таким образом, мы можем говорить о наличии в обоих циклах сатирического пафоса, который используется писателем как инструмент беспощадной критики советского режима. Единый сатирический пафос и единая гротескная модель мира (в «Двенадцати портретах (в формате “Будуар”))» обеспечивают целостность циклов.

Не последнюю роль в создании циклических единств «Дюжина ножей» и «Двенадцать портретов» играет единый ассоциативный фон. В цикле «Дюжина ножей» через все произведения проходят «переосмысленные» образы России и революции. Возникают два ассоциативных ряда, характеризующих Россию и революцию (получают маркировку, соответственно, «хорошее»

и «плохое»). В цикле «Двенадцать портретов» с различных ракурсов можно наблюдать присутствие образов императоров-тиранов, «перевернутых» библейских мотивов и образов, а также образов детей в условиях советской действительности. Попытка осмыслить сущность «новой» власти в России рождает прямые ассоциации с деспотическими режимами. Но советские вожди заходят значительно дальше, чем просто тирания: подменяют собой не только царя, но и Бога. С помощью соотнесения «новых властителей» с историческими, культурными, библейскими архетипами А.Т. Аверченко доказывает преступность советской России. Итак, мы можем говорить о наличии в исследуемых циклах единого ассоциативного фона, который также влияет на формирование циклической структуры «Дюжины ножей в спину революции» и «Двенадцати портретов (в формате “Будуар”»).

Таким образом, циклическая структура «Дюжины ножей в спину революции» и «Двенадцати портретов (в формате “Будуар”» формируется благодаря реализации следующих принципов:

- а) общность авторской концепции циклов;
- б) наличие сквозных образов автора (в обоих циклах) и читателя (в цикле «Дюжина ножей»);
- в) наличие общей рамы (общие заглавия, авторские предисловия);
- г) присутствие четкой авторской композиционной логики в циклах;
- д) единая жанровая принадлежность всех произведений-компонентов циклов («рассказ-фельетон» в «Дюжине ножей в спину революции», «рассказ-фельетон-портрет» в «Двенадцати портретах (в формате “Будуар”»);
- е) единый сатирический обличительный пафос произведений циклов;
- ж) наличие в цикле «Двенадцать портретов» единой гротескной модели мира;
- з) единый ассоциативный фон циклов (наличие сквозных мотивов и образов).

Следовательно, «Дюжину ножей в спину революции» и «Двенадцать портретов (в формате “Будуар”» следует считать целостными художественными циклическими единствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверченко А. Двенадцать портретов (в формате «Будуар»). Париж; Берлин; Прага; СПб.: Internationale commerciale revue, 1923. 85 с.
2. Аверченко А.Т. Дюжина ножей в спину революции // Аверченко А.Т. Записки Простодушного: сборник / сост. О.В. Сергеев. М.: Книга и бизнес, 1992. С. 231-270.
3. Пономарева Е.В. Стратегия художественного синтеза в русской новеллистике 1920-х годов. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2006. 451 с.
4. Сергеев О.В. Примечания // Аверченко А.Т. Записки Простодушного: сборник / сост. О.В. Сергеев. М.: Книга и бизнес, 1992. С. 331-340.

A.D. Paznikova

A. Averchenko's Satirical Cycles in the Context of Art Synthesis

Key words: *cycle; art cyclization; genre; satire; grotesque; art synthesis.*

The article considers the issues of formation of A. Averchenko's cycles «Dozen of knives in the back of revolution» and «Twelve portraits». We reveal processes and regularities of formation of art satirical cycles in the context of art synthesis. As a result of research we conclude that «Dozen of knives in the back of revolution» and «Twelve portraits» are complete cyclic unities.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Л.Г. Смирнова

Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1'373

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОВ С ОЦЕНОЧНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке», проект № 08-04-00211а.

Ключевые слова: лексика с оценочным компонентом значения; парадигматика; словообразовательное гнездо; словообразовательная оценочная парадигма; синонимия; антонимия; паронимия.

В статье рассматриваются различные типы парадигматических отношений, в которые вступают лексемы с компонентом оценки в системе языка. Оценочно маркированные лексемы демонстрируют возможность изменения знака оценки в словообразовательных дериватах в пределах словообразовательного гнезда. Фрагменты словообразовательных гнезд, включающие слова разных знаменательных частей речи, могут образовывать словообразовательную оценочную парадигму с ограниченным числом позиций. Отмечается своеобразие в оформлении синонимических, паронимических и антонимических отношений слов, включающих оценочный компонент значения.

Слова с оценочным компонентом значения в русском языке чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Это могут быть лексемы разной стилистической окраски, слова литературного языка и просторечия, жаргонизмы и диалектизмы. Оценочный компонент значения включают знаменательные слова разных частей речи: существительные (*пророк, пастырь, подхалим, подлюга*), прилагательные (*выдающийся, низменный, пошлый, прикольный*), наречия (*величаво, отвратительно, геройски, лажово*), глаголы (*способствовать, умиротворять, подличать, занудствовать*). Содержащие оценочную коннотацию лексемы вступают в определенные отношения между собой в системе языка. Можно выделить три основных типа парадигматических отношений оценочно маркированных лексических единиц. Во-первых, это от-

ношение производящих и производных слов в пределах словообразовательного гнезда, причем семантика производных лексем и характер их оценочных коннотаций определяется во многом морфемами, участвующими в словопроизводстве: *шутить, шутка, шуточка, шутник, шутковать, шутливый, шутейный*.

Второй тип парадигматических отношений – это отношения между однокоренными словами разных частей речи, обладающих сходной семантикой, осложненной оценочным компонентом значения. Однокоренные слова разных частей речи образуют при этом фрагмент словообразовательного гнезда. Семантика подобных однокоренных лексем в меньшей мере определяется значением морфемы, участвующей в словопроизводстве, в большей мере она зависит от категориальной принадлежности слова к определенной части речи – глаголу, существительному определенного типа, прилагательному или наречию: *завидовать, зависть, завистник, завистливый, завистливо; помогать, помощь, помощник; чуткий, чутко, чуткость*.

Наконец, третий тип парадигматических отношений между оценочно маркированными лексемами – это традиционно выделяемые лексикологией отношения на основе синонимических, антонимических и паронимических связей. Эти отношения прослеживаются исключительно на лексическом уровне языка, связи между словами обуславливаются преимущественно их семантикой, частеречная принадлежность слов или их морфемный состав играют при этом второстепенную роль: *браниться, ругаться, лаяться, собачиться; истинный – ложный, щедрость – скупость; тактический – тактичный, дуреть – душить, наследие – наследство*.

Естественно, в подобного типа парадигматические отношения вступают в языке любые лексемы, а не только те, семантика которых осложнена оценочным компонентом, однако оценочно маркированные слова проявляют при этом особую специфику. Эта специфика выражается в наборе оценочно маркированных лексем, представленных в языке, их объединении в тематические и лексико-семантические группы, последовательности включения в их семантику оценочной коннотации, эмотивного и экспрессивного компонентов, в характере взаимодействия лексем, особенностях их функционирования в речи.

Выражение оценочного, экспрессивного значения представлено в русском языке средствами лексического уровня языка в тесном взаимодействии с единицами морфемного и морфологического уровней. Обусловленность богатства лексической системы русского языка разнообразием и сложностью его грамматики и морфемики отмечает А.П. Евгеньева: «Русский язык принадлежит к языкам с богатой и сложной морфологической структурой. Характерной особенностью ее является подвижность словообразующих морфем <>. Богатая разветвленная система производных слов, группирующихся

вокруг какого-либо корня (или основы), являющегося смысловым центром, образует тесно связанное между собой сложное целое, в котором обнаруживаются и синонимические, и вариантыные, и парадигматические отношения» [7, т. 1, с. 12].

Категория оценки – очень сложная языковая категория, поскольку она связана не только с семантикой, но и с языковой прагматикой, с организацией модальности высказывания. Слова с оценочным компонентом значения выполняют в речи важную прагматическую функцию. В соответствии с формулировкой Ю.Д. Апресяна, в процессе конкретного речевого акта говорящий, используя слово с оценочным компонентом значения, направляет адресату скрытый императив «отнесись хорошо» или «отнесись плохо» к объекту, названному данным словом (например, *молокосос – малютка; застрельщик – зачинщик; смелость – дерзость*) [1, с. 159].

Выражение оценки с помощью лексического значения слова является языковой универсалией, одной из существенных характеристик лексико-семантической системы русского языка. Конфигурация лексико-семантических групп слов с оценочным компонентом значения в системе языка является этнически специфичной, отражает особенности национального образа мира носителей языка, обусловленные во многом условиями жизни и историческим опытом народа. Оценочный компонент содержат лишь те лексемы, которые способны выражать отношение человека к тому или иному лицу, предмету, качеству, действию; способны содержать сравнение с нормой, с реалиями действительности, признаваемыми носителями языка в качестве образцовых (слова *небо, ветер, белый, литься* и т.д. с чисто номинативной функцией не содержат оценки).

Для парадигматических отношений слов с оценочной коннотацией важно разграничение двух типов оценки в лексическом значении слова, которые мы обозначим здесь как *понятийная* и *стилистическая* оценка. Понятийная оценка входит в само понятие, обозначенное словом, и отражается в дефиниции: *суета* – «торопливое, беспорядочное движение многих людей, беготня, толкотня»; *клянчить* – «надоедливо выпрашивать что-либо»; *душистый* – «приятно пахнущий». Стилистическая оценка не присуща самому понятию, обозначенному словом, она характеризует конкретный предмет речи и реализуется в высказывании как оценочное отношение говорящего: «Дай пожать твою *ручку*» или «Спрячь свою *ручицу*». Для выражения стилистической оценки в системе языка существует набор суффиксов: *головушка, головешка,ловища, девчонка, девчушка, девонька, ножка, ножища* и т.д. В большей мере стилистическая оценка выражается в именах существительных, которые демонстрируют значительное разнообразие оценочно маркированных суффиксов, в меньшей мере подобная оценка характерна для прилагательных и наречий (*беленький, белехонько*).

Другой способ выражения стилистической оценки – использование стилистически маркированного синонима к нейтральному в оценочном отношении слову: *голова – черепушка, котелок; рука – лапа; нога – копыто; дом – сарай*. Кроме того, в конкретном высказывании стилистическую оценку предмета речи могут создавать интонация (в устной речи), «закавычивание» (в письменной речи), передающее иронию, а также включение лексемы в экспрессивную синтаксическую конструкцию: «Этого “профессора” надо было просто не слушать»; «Голова!»; «Что за работник!».

Наряду со словами, оценочный компонент значения которых эксплицирован, т.е. адекватно понимается всеми носителями языка, отражается в словарных дефинициях, в языке присутствует целый ряд слов, обладающих *потенциальной* положительной или отрицательной оценкой. В лексической системе подобные слова лишены оценочной маркированности, однако положительное или отрицательное отношение носителей языка к обозначаемым ими реалиям проявляется в различных семантических, словообразовательных связях подобных слов, оценки эксплицируются в контекстном употреблении, в определенных синтаксических конструкциях. Так, существительные *дом, семья, мать, отец, ребенок, воля, простор* обладают потенциальной положительной оценкой, существительные *стихия, чиновник, начальство, казарма* – потенциальной отрицательной оценкой. Потенциальную оценку чаще всего обнаруживают слова, которые являются элементами не только языкового, но и культурного национального пространства. В лингвистических работах последних лет они получили различные терминологические наименования: концепт (Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова и др.), лингвокультурема (В.В. Воробьев), ключевые слова культуры (А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев), аксиологическая доминанта (О.А. Корнилов), экзистенциально значимые имена (Л.О. Чернейко), архетипы, категории, прототипы, гештальтные структуры и т.д. Свою потенциальную оценку лексемы-концепты обычно проявляют в контексте.

Первый тип рассматриваемых нами парадигматических отношений оценочно маркированных слов – это однокоренная лексика, входящая в словообразовательное гнездо, «упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [8, т. 1, с. 36]. При всей неоднородности состава словообразовательных гнезд, разном количестве производных, различной частеречной принадлежности исходного производящего слова все словообразовательные гнезда объединяют слова, имеющие общий смысловой элемент, сему, смысловой «ген», передающийся производным словам. Материальным выразителем этого «первосмысла» является корень. В некоторых случаях корень исходного слова гнезда уже содержит компонент положительной или чаще отрицательной оценки в своем лексическом значении (*любить, радость, мучить, лгать, наглый* и т.д.), и

эта оценка чаще всего «по наследству» передается производным словам (*любовь, любимый, радостный, мучение, ложь, лжец, наглость* и др.). В русском языке есть также целый ряд морфем (приставки *не-, без-, обез-, а-*, суффиксы субъективной оценки), которые меняют оценочный знак корня производящего слова на противоположный или подвергают однозначность оценки сомнению, уточняют, корректируют характер скрытого императива, обращенного к адресату высказывания. Но гораздо чаще в языке представлены случаи, когда нейтральное в оценочном отношении исходное слово продуцирует целый ряд оценочно маркированных производных в составе словообразовательного гнезда. При этом оценочные потенции корня реализуются в соответствии с теми глубинными, архаичными, порой мифологическими смыслами, которые содержатся в непроизводных словах и их этимонах.

Чаще оценочные потенции реализуются в производных от переносных значений исходных слов, причем эти лексико-семантические варианты могут образовывать отдельные семантические группировки производных или даже самостоятельные подгнезда. Например, следующие группы производных слов образованы от названий животных, используемых как метафорические наименования человека: *свинья – свинство, свинтус, свинарник, свинюшник, свинский, свински, по-свински, свинячить, свиноподобно, свинообразно, свиньей, свинья свиньей; голубь – голубок, голуба, голубчик, голубушка, голубонька, голубица, голубить*.

Языковая картина мира демонстрирует сложное, диалектическое отношение носителей языка к явлениям действительности, что выражается в наличии производных с различными оценочными знаками в пределах одного словообразовательного гнезда. Например, в гнезде с исходным словом *ум*, кроме слов *умный, умненький, умнейший, умнеть, умница* с положительной оценочной коннотацией, присутствуют слова *умник, заумный, умничать, замуль* с компонентом отрицательной оценки. В одном словообразовательном гнезде соседствуют нейтральные слова *царь, царица, царевич, царевна, царство, царствовать*; производные с отрицательным компонентом значения: *царизм, царедворец*. Производные от слова *царь*, употребляемые в переносном значении, имеют обычно положительную оценку: *царский* – «роскошный, богатый»; *царски, по-царски* – «роскошно, богато»; *царственно* – «величаво, торжественно»; *царствовать* – «первенствовать», превосходить всех в каком-нибудь отношении».

Предоставляя говорящему языковые средства выражения оценки, лексический уровень языка активно взаимодействует не только с морфемным, но и с морфологическим языковым уровнем. Самыми важными частями речи, которые используются для формирования оценочной модальности высказывания, являются существительные и наречия. Не случаен тот факт, что в эмоциональных оценочных реакциях междометного типа говоря-

щие используют в качестве морфологической основы синтаксической конструкции именно существительные и наречия (предикативы): «*Красота!*»; «*Блеск!*»; «*Ужас!*»; «*Замечательно!*»; «*Чудесно!*»; «*Прикольно!*»; «*Паршиво!*». Именно существительные и наречия предоставляют говорящему наибольшее количество языковых единиц для передачи оценочного сигнала адресату сообщения.

В отличие от глаголов имена гораздо более гибки в синтаксическом отношении, они выступают в разнообразных синтаксических функциях, в частности, в функции подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, обстоятельства. Наречие может выступать в функции обстоятельства, а наречие-предикатив в функции сказуемого как в двусоставном предложении, так и в односоставном безличном предложении: «*Она вне конкуренции!*»; «*Этот человек не в себе!*»; «*Чудесно погулять летом в парке!*». Спрягаемые формы глагола выступают только в функции глагольного сказуемого, что ограничивает их возможности в выражении оценочного значения.

Во многих случаях в русском языке одно и то же лексическое значение, включающее оценочный компонент, может быть базовым для слов разных частей речи: *грех, грешить, грешник, грешный, грешно; друг, дружить, дружба, дружный, дружно*. Можно сказать, что оценочная семантика определенным образом грамматикализуется, причем наличие в языке слов разных частей речи с оценочной коннотацией во многом определяется семантикой слова и характером оценочного компонента.

Чем более важным представляется в национальном самосознании определенное явление жизни, тем более разнообразный набор оценочной лексики разных частей речи для его характеристики представлен в языке. Например, действие, обозначенное глаголом *льстить*, для русского человека представляется гораздо более предосудительным и заслуживающим осуждения, чем, например, действие, обозначенное глаголом *клянчить*, и это выражается в том, что первый глагол имеет целый набор производных разных частей речи: *лесть, льстец, льстивый, льстиво*.

Оценочно маркированные слова разных частей речи могут образовывать *словообразовательную парадигму*, являющую собой фрагмент словообразовательного гнезда и включающую набор словообразовательных позиций, в которых представлены слова определенных частей речи. Представляется, что полная оценочная парадигма включает следующие позиции: обозначение *действия* с помощью глагола (*болтать*), обозначение *отвлеченного понятия* (опредмеченного действия или качества, результата действия) с помощью абстрактного существительного (*болтовня*), обозначение *деятеля или носителя признака* с помощью существительного со значением лица (*болтун*), обозначение *признака явления или лица* с помощью прилагательного (*болтливый*) и *признака действия* с помощью наречия (*болливо*).

Оценочные словообразовательные парадигмы далеко не всегда имеют полностью замещенные позиции. В зависимости от семантики исходного слова в них может быть замещено лишь несколько позиций, минимально – две. Слова одной части речи, входящие в одну лексико-семантическую группу, образуют одинаковые по характеру замещенных позиций словообразовательные оценочные парадигмы. Например, манера речи в русском языке характеризуется как положительно, так и отрицательно глаголами и производными от них абстрактными существительными, в некоторых случаях существительными со значением лица: *щебетать, щебетание, щебет, щебетунья; реветь, рев, ревун; бормотать, бормотанье, бормотун; заикаться, заикание, заика; ворковать, воркованье; выть, вой; охать, оханье* и др. Те же две позиции замещаются в парадигмах, образованных от глаголов, дающих зооморфные характеристики манеры речи, оценка при этом отрицательная: *шипеть, шипение; мычать, мычание; мекать, меканье; хрюкать, хрюканье; кудахтать, кудахтанье.*

Оценочная коннотация оказывается значимой при оформлении парадигматических отношений лексических единиц на основе синонимических, антонимических и паронимических связей. При объединении лексических единиц в синонимические ряды весьма значимо наличие или отсутствие оценочного компонента в значении слов. В языке активно появляются синонимы именно к тем лексемам, которые содержат в своей семантике экспрессию, эмотивность и оценочность. Об этом писал Ю.Д. Апресян: «Стремление языка к обновлению своих лексических средств, приводящее к возникновению точных синонимов, полнее и яснее всего проявляется в сфере экспрессивной лексики» [2, с. 225]. Лексика с оценочной коннотацией может включаться в синонимические ряды двух типов. Во-первых, это ряды синонимов с понятийной оценкой, входящей в значение каждой лексической единицы: *враг, неприятель, противник, недруг, вражина* (прост.), *супостат* (книжн.); *добродушный, благодушный, незлобивый, беззлобный; воровать, красть, похищать, грабить, таскать* (разг.), *тащить* (разг.), *тянуть* (разг.), *уводить* (разг.), *уносить* (разг.), *переть* (прост.). Каждый элемент данных синонимических рядов, в том числе и доминанты, включает оценочный компонент значения.

Во-вторых, это синонимические ряды, доминанта которых в оценочном отношении нейтральна или обладает потенциальной оценкой, и лишь производные слова с различными аффиксами получают стилистическую оценку; оценочно маркированными являются и синонимы к нейтральным доминантам. В этом случае в синонимическом ряду могут объединяться слова с оценками разного знака: *голова, головка, головочка, головушка* (положительная оценка в трех последних лексемах), *головища* (разг.), *башка* (прост.), *котелок* (прост.) (отрицательная оценка в трех последних лексемах); *старик*

(потенц. отрицательная оценка), *старец* (книжн. – потенц. положительная оценка), *старичок* (положительная оценка), *старикан* (разг.), *старикашка* (разг.), *старичина* (разг.) (три последних слова имеют отрицательную оценку). Синонимы с наличием стилистической оценки различаются своей прагматической функцией в гораздо большей степени, чем синонимы с понятийной оценкой. Еще Г.О. Винокур писал о том, что «в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: конь или лошадь, ребенок или дитя, дорога или путь и т.п.» [3, с. 85]. Тем существеннее кажется различие между синонимами с оценочным компонентом значения. Выбирая между лексемами *одобрение* или *славословие*, *превзойти* или *обскакать*, *дедок* или *дедушка*, говорящий руководствуется тем, какой оценочный сигнал он хочет передать адресату сообщения, положительно или отрицательно он намерен охарактеризовать предмет речи.

В том случае, если в одном синонимическом ряду объединены слова с разной оценкой, синонимы с противоположными оценочными знаками демонстрируют разные стороны одного предмета, явления, выявляют диалектику восприятия человеком сложных, неоднозначных понятий. В различных по стилистической принадлежности и оценочной коннотации номинациях может актуализироваться многообразие денотатов, соответствующих одному сигнификату: *дом* (потенц. положительная оценка), *жилье* (нейтр.), *жилище* (нейтр.), *логово* (отриц.).

Весьма важны с точки зрения выражения языковой оценки паронимические отношения. Очень часто паронимическая пара объединяет нейтральную и оценочно маркированную лексему (*артистический* – *артистичный*, *диктант* – *диктат*, *поступок* – *проступок*, *двуручный* – *двuruшный*, *ответный* – *ответственный*, *расчетный* – *расчетливый*) или даже лексемы с противоположными оценочными знаками (*томительный* – *томный*, *шутливый* – *шутейный*, *похвала* – *похвальба*, *праздный* – *праздничный*, *оделить* – *обделить*), а в более редких случаях паронимы имеют одинаковый знак оценки (*невежа* – *невежда*, *понятный* – *понятливый*, *безответный* – *безответственный*). Наличие в языке двух однокоренных слов с разными оценками свидетельствует о сложности или даже оценочной амбивалентности семантики корня. Паронимы эксплицируют эту сложность, позволяют сопоставить неоднозначные для человека проявления одного и того же явления. Например, пустое, не занятое работой время, с одной стороны, может обернуться *праздностью*, с другой – *праздником*; с одной стороны, *похвала* – это заслуженная оценка действий человека другими людьми, а с другой стороны, завышенная самооценка оборачивается *похвальбой*. Объединение оценочно маркированных лексем в паронимические пары свойственно в большей мере для прилагательных и соотносительных с ними наречий, в меньшей мере – для существительных и глаголов.

Наиболее значимыми являются в языке связи между выражением оценочной семантики и оформлением антонимических отношений. Если в антонимической паре одна лексема наделена оценочной коннотацией с определенным знаком, то вторая лексическая единица чаще всего будет включать оценку с противоположным знаком: *передовой – отсталый, плодородный – бесплодный, дорого – дешево, талант – бездарность, радоваться – грустить*. Во многих случаях оценочный компонент значения свойствен переносным значениям слов: *авангард – арьергард* (борьбы с терроризмом); *яд* (клеветы) – *противоядие*; *цвести – вянуть* (например, о красоте). В оценочно маркированные антонимические пары объединяются чаще всего прилагательные и наречия, обычно выполняющие в предложении атрибутивные функции (*грязный – чистый, правдивый – ложный, приветливо – враждебно*). Очень многие прилагательные и наречия способны образовывать словообразовательные антонимы с приставкой не-: *ласковый – неласковый, доброжелательно – недоброжелательно*. Реже в антонимические пары вступают существительные с компонентом оценки (*враг – друг*) и глаголы (*создавать – уничтожать*). Большое количество оценочно маркированных существительных не имеет антонимов и не может образовывать антонимическую пару с приставкой не-: *сквалыга* (в языке нет существительного *несквалыга*), *доносчик, плакса* и др.

С антонимией оценочную семантику объединяет то, что она также основана на противоположности, но это противоположность не семантики в целом, а противоположность восприятия действительности в рамках оппозиции «хорошо» – «плохо». Как отмечал Л.А. Новиков, «Можно без всякого преувеличения сказать, что противоположность как понятие («наивное» или строго научное) является одним из характерных проявлений природной склонности человеческого ума и лежит в основе различных представлений в обыденной жизни, научном познании, философских построениях, этике, эстетике, религии. Важно подчеркнуть, что ощущение и восприятие противоположности может в известной степени зависеть от возраста, профессии людей, географических, климатических, социальных и других условий их жизни и быть иногда достаточно субъективным» [5, с. 7]. Столь же субъективным, если не более, может быть оценочное восприятие окружающей действительности, оно зависит от той системы ценностей, которая существует в сознании говорящих. Однако во многом аксиологическая ориентация любого носителя языка соотносится с традиционной общенациональной системой ценностей, которая отражена в том числе и в языке.

Выражение оценки и антонимию сближает еще и тот факт, что далеко не все лексемы языка содержат оценочный компонент значения, точно так же, как и не все лексемы вступают в антонимические отношения. Большинство названий живых и неживых объектов окружающего мира, их качеств и действий все же нейтральны в оценочном отношении. Если же слово со-

держит компонент оценки с определенным знаком, то в системе языка может не быть лексической единицы, соотносительной по семантике и содержащей противоположный знак оценки. Тем не менее соответствующее понятие, маркированное противоположным знаком оценки, может быть выражено описательно: *штрейкбрехеру* может быть противопоставлен человек, солидарный с людьми, отстаивающими свои права, и не идущий на соглашения; *игроку* – трезвый человек, управляющий своими эмоциями и не поддающийся соблазну азартных игр и т.п.

В большей мере оценка присуща тем антонимам, которые в соответствии с семантической классификацией, предложенной Л.А. Новиковым, выражают качественную противоположность: *умный – глупый, бездарный – способный, добро – зло, легко – трудно* [4, с. 217]. В меньшей мере оценка присуща антонимам, которые воплощают противоположную направленность действий, свойств и признаков [4, с. 208]. Однако и среди этих антонимов есть лексемы с компонентом оценки (*заболевать – выздоравливать, полюбить – разлюбить, сторонник – противник, фашист – антифашист* и др.).

Интересно соотношение знаков оценки в антонимических парах, обусловленных разными видами противоположности: контрарной и комплементарной. Контрарная противоположность (*умный – глупый*) предполагает градуальную оппозицию признаков с возможностью плавного перехода от «ума» до «глупости»: *умный – не очень умный – глупый*. Это основной тип противоположности антонимов с компонентом оценки в русском языке [4, с. 226]. Комплементарная противоположность не предполагает возможность третьего, среднего понятия между двумя противопоставленными: *правда – ложь* (то, что не является правдой, обязательно является ложью) [4, с. 233]. В антонимических парах, созданных на основе комплементарной противоположности, если один компонент маркирован положительной оценкой, то второй обязательно отрицательной. В антонимических парах, связанных контрарной противоположностью, положительную оценку, коррелирующую с нормой, может включать как раз промежуточный признак в рамках градуальной оппозиции. Например, в антонимической паре *церемонный – бесцеремонный* оба прилагательных маркированы отрицательно. Промежуточный, положительно маркированный признак может быть обозначен описательно: «простой, тактичный (человек)».

Отметим также не всегда последовательное распространение оценочных антонимических отношений на однокоренные слова разных частей речи. Например, в парах прилагательных *передовой – отсталый, плодородный – бесплодный* наречия на -о образуют только компоненты антонимической пары с отрицательным знаком (*отстало, бесплодно*), это соответствует общей асимметрии оценки, выраженной в явном преобладании в русском языке лексических единиц с отрицательной оценкой [6, с. 173].

Разные типы парадигматического объединения слов представлены в языке в пространстве семантического поля – иерархической структуры множества лексических единиц, объединенных общим инвариантным значением и отражающих определенную понятийную сферу. Как отмечает Л.А. Новиков, «Семантическое поле является наиболее полным и адекватным отражением лексической системы языка, тех разнообразных связей слов, которые существуют в языковом сознании людей» [5, с. 6]. Общая понятийная сфера объединяет в пространстве семантического поля оценочные слова, связанные отношениями словообразовательной производности, слова разной частеречной принадлежности с одинаковым лексическим значением, синонимы, антонимы, паронимы соответствующей семантики.

Главным средством выражения оценочной модальности в русском языке являются лексические единицы, причем характер оценочной коннотации в семантике слова часто обусловлен его морфемной структурой и частеречной принадлежностью. Лексический уровень языка, предоставляя говорящему средства для организации оценочной прагматики высказывания, активно взаимодействует с морфемным и морфологическим уровнями. Русский язык обладает чрезвычайно богатыми лексико-словообразовательными и лексико-грамматическими ресурсами выражения оценки.

Антонимические, синонимические и паронимические отношения между оценочно маркированными лексемами демонстрируют неоднозначность восприятия человеком жизненных реалий, диалектику «перетекания» «хорошего» в «плохое» в их оценке и наоборот. Многоаспектные, сложные связи между словами в русском языке делают его чрезвычайно выразительным, способным передать тончайшие оттенки человеческих эмоций и коммуникативных намерений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. М., 1995. Т. 2.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. 1.
3. Винокур Г.О. Проблема культуры речи // Русский язык в советской школе. 1929. № 5.
4. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во МГУ, 1973.
5. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // М.Р. Львов. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд. М.: Русский язык, 1984.
6. Скляревская Г.Н. Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на материале русского языка) // Оценка в современном русском языке: сб. научных статей. *Studia slavica Finlandensia*, t. XIV. Hlm. Helsinki, 1997.
7. Словарь синонимов русского языка. Т. 1–2. Л.: Наука, 1970.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.

L.G. Smirnova

**Paradigmatic Relations Between Words with Attitudinal Elements
in the Russian Language**

Key words: *words with meanings containing an attitudinal element; paradigmatics; families of words; word-formative attitudinal paradigm; synonymy; antonymy; paronymy.*

The article explores various types of paradigmatic relations, which are built up in the language system by lexemes having attitudinal elements. Attitude-denoted lexemes display an ability to alter the appraisive denotations in the word-formative derivatives within the limits of a family of words. Fragments of a family including different content parts of speech may give shape to a word-formative attitudinal paradigm with a limited number of positions. The author highlights specific features in the shaping of synonymic, paronymic and antonymic relationships between words, which contain appraisive elements.

Е.Ф. Троицкий

Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1'367

СИСТЕМА ЯЗЫКА И СОЧИНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Ключевые слова: *система; грамматика; однородные члены; сочинительное сокращение; утвердительные и другие отношения; структурная схема предложения.*

В систему языка входят частные системы. Среди них сочинительная конструкция. Ее внешние границы очерчиваются грамматикой, далее – синтаксисом предложения, наконец, наличием равноправия.

Внутренняя система сочинительной конструкции едина. В ней разнообразные отношения. Отсутствие в лингвистике структурной схемы предложения с однородными членами следует понимать как результат сочинительного сокращения.

Соотношение системы языка и сочинительной конструкции – обширная область для исследований.

В целях компактного изложения материала укажем и кратко прокомментируем только некоторые ключевые термины из этой области.

Система языка – это целое, состоящее из элементов и отношений между ними.

Система языка – сложное образование. Это система подсистем: фонетико-фонематической, морфо-морфемной, подсистемы словоформ и лексем, подсистем словосочетаний, простых предложений и сложных предложений.

В свою очередь, каждая из подсистем включает в себя системы еще более низкого уровня. Например, есть система сочинительных конструкций. Внутри системы сочинительных конструкций существуют еще более мелкие подсистемы: система сложносочиненных предложений, система предложений с сочинением и подчинением и система простых предложений с сочинительной связью. Каждая из названных последних трех подсистем позволяет выделить внутри себя еще более мелкие подсистемы и т.д.

Темы разных лингвистических статей, как правило, имеют дело с такими небольшими по объему подсистемами.

Единицы всех систем, от самой большой до самой малой, находятся в синтагматических и парадигматических отношениях.

Между единицами разных подсистем этих многочисленных ступеней существуют иерархические отношения, так что эти отношения можно выразить словами *состоит из* или *входит в*.

Например, в систему языка входит синтаксическая подсистема; в синтаксическую подсистему входит система сложносочиненных предложений; в систему сложносочиненных предложений входят предложения с отрицательно-утвердительными союзами; в систему предложений с отрицательно-утвердительными союзами входят предложения, оформленные союзом *не...а*; внутри группы предложений с союзом *не...а* исследователи выделяют еще более мелкие системы, в частности, различающиеся стилистической окраской.

Сочинительная конструкция – это синтаксическая конструкция. Естественно возникает вопрос, к какому уровню она относится: к уровню словосочетаний, уровню простых предложений или к уровню сложных предложений.

Среди структурных схем простого предложения Русская грамматика 1980 года вполне справедливо не называет предложений с однородными членами.

См.: *Грамматика. Предложения с однородными членами*.

Грамматика занимает особое место в системе языка. Ее нельзя выделять наряду с подсистемами: фонетико-фонематической, морфо-морфемной, словоформ и лексем, словосочетаний, простых предложений и сложных предложений.

Грамматикой называются правила образования сложных единиц из простых.

В морфологии это образование грамматических форм из морфем: *клен – клены; клен – клена; белый – белее; делать – сделать*. И т.д. и т.п. Грамматические формы соотносимы со словоформами, а парадигмы – с лексемами: первые имеют в поле зрения грамматическую сторону, вторые – лексическую.

В словообразовании это образование новых слов из морфем: *книг-а, книж-н-ый; уч-и-ть, учи-тель*. И т.д.

В синтаксисе это образование словосочетаний из слов: *зеленый, скатерть – зеленая скатерть; писать, книга – писать книгу*. И т.д.

А также образование простых предложений: *весна, приходит – Пришла весна*. И т.д.

И образование сложноподчиненных и сложносочиненных предложений из простых: *Мы пришли домой. Было темно. – Мы пришли домой, когда было темно; Журчат ручьи. Появились цветы. – Журчат ручьи, и появились цветы*.

Среди сложных предложений есть предложения с сочинением и подчинением. Они также строятся из простых предложений или из блоков: *Журчат ручьи, и появились цветы. Нам очень приятно. – Нам очень приятно, что журчат ручьи и появились цветы*.

Нетрудно заметить близость иерархических отношений к тому, что мы называем грамматикой.

Сходство между ними состоит, во-первых, в том, что и грамматика, и иерархические отношения имеют в виду одно и то же: *входит в* (или *состоит из*).

Во-вторых, и грамматика, и иерархические отношения охватывают отношения между несколькими уровнями: между морфо-морфологическим уровнем и уровнем словоформ и лексем; между уровнем словоформ и лексем и уровнем словосочетаний; между уровнем словосочетаний и уровнем простых предложений; между уровнем простых предложений и уровнем сложных предложений.

Отличие между ними заключается, во-первых, в том, что если иерархические отношения только констатируют вхождение одних единиц в более сложную единицу, то грамматика еще дает правила такого вхождения. Например, чтобы два слова *зеленый, скатерть* образовали словосочетание, нужно поставить слово *зеленый* в том же роде, числе и падеже, которые наблюдаются в слове *скатерть*.

Во-вторых, иерархические отношения существуют между фонетико-фонематическим уровнем и морфемным уровнем, грамматика же здесь «не работает»: морфем мы не образуем, они формируются в языке без нашего сознательного участия.

Сложносочиненные предложения и предложения с разными типами связи образуются по общему правилу образования сложных предложений.

Предложения же с однородными членами не составляют особого уровня в языковой системе наряду с фонетико-фонематическим, морфо-морфологическим и др. Это лишь осложнение структуры простого предложения по законам грамматики.

См.: *Осложнение структуры простого предложения. Предложения с однородными членами в системе языка.*

Осложнение структуры простого предложения причастными оборотами, однородными членами и под. справедливо отличается от распространения его определением и другими второстепенными членами.

Второстепенные члены служат более точному названию предметов, действий и т.д. из окружающего нас мира. Ср.: *Стена – высокая стена; иду – быстро иду.* То есть второстепенные члены обслуживают семантический аспект предложения в узком смысле этого слова.

Напротив, однородные члены имеют касательство к логическому и коммуникативному аспектам предложения. В лингвистике давно замечено, что однородные члены (причастные обороты и под.) имеют дополнительную, второстепенную предикацию. При желании она может быть усилена, в таком случае получается другое предложение. Ср.: *Никифор читает книги и журналы. – Никифор читает книги. Никифор читает журналы.*

Еще не прекратилась дискуссия о том, считать предложения с однородными главными членами простым предложением или сложносочиненным.

Если осложненными предложениями считаются предложения не только с главными, но и с второстепенными членами, то очевидна близость всех таких простых предложений к сложносочиненным.

Грамматика позволяет не повторять те части простых предложений, которые у них одинаковы. Во многих случаях искусственно звучат предложения типа *Никифор читает книги, и Никифор читает журналы.*

То есть происходит *Сочинительное сокращение* (См.).

Сочинительное сокращение – это «вынесение за скобки» слов, которые повторяются в предложениях: Ср.:

Едва она отошла от избы, как уже к ней навстречу бежала Любочка, бежала Вата, и бежала Ната.

Едва она отошла от избы, как уже к ней навстречу бежали (Любочка, Вата и Ната).

Едва она отошла от избы, как уже к ней навстречу бежали Любочка, Вата и Ната (А.П. Чехов).

Сочинительное сокращение является широко распространенным явлением, так что конструкции без него часто воспринимаются как стилистически дефектные. Например:

Доктор замолчал, и доктор стиснул зубы, напряженно придумывая что бы еще такое сказать очень неприятное.

Доктор замолчал и стиснул зубы, напряженно придумывая что бы еще такое сказать очень неприятное (А.П. Чехов).

Предложения с однородными членами в системе языка являются переходным случаем. По некоторым своим свойствам они принадлежат уровню

простого предложения, по другим – уровню сложного (сложносочиненного) предложения.

У предложения с однородными членами структурная схема простого предложения.

В содержательном же аспекте предложения с однородными членами идентичны соответствующим сложносочиненным предложениям. Из окружающей нас действительности одно и то же называют и простое, и сложное предложения.

Ср., с одной стороны: *Галактион читает и рисует.*

И с другой стороны: *Галактион читает, и Галактион рисует.*

В логическом аспекте оба предложения также идентичны. Налицо одно и то же логическое подлежащее *Галактион* и одни и те же два логических сказуемых к нему: *читает, рисует.*

Однородные второстепенные члены отличаются от главных однородных членов с интересующей нас стороны только количеством шагов к сложносочиненному предложению. Ср.:

Никифор читает книги и журналы.

1) *Никифор читает книги и читает журналы.*

2) *Никифор читает книги, и Никифор читает журналы.*

Если предикативная основа предложения состоит только из двух компонентов: логического подлежащего и логического сказуемого, то роли не играет, имеются ли слова, поясняющие грамматическое подлежащее и сказуемое.

В коммуникативном аспекте оба предложения тоже не отличаются друг от друга. И в простом предложении с однородными членами, и в соответствующем ему сложносочиненном предложении есть одна тема и две ремы к ней.

Единство сочинительных конструкций нуждается в обосновании по причине более слабой разработанности вопросов сочинительной связи в лингвистике по сравнению с подчинительной связью.

Единство сочинительных конструкций проявляется:

– в использовании одних и тех же союзов как в предложениях с однородными членами, так и в сложном предложении;

– в наличии тех же соединительных, противительных и т.д. отношений во всех сочинительных конструкциях;

– в возможности преобразований большинства предложений с однородными членами в сложносочиненное предложение. Само наличие предложений с однородными членами легко объяснимо принципом экономии языковых средств;

– в наличии сочинительного треугольника. Даже если преобразование предложений с однородными членами в сложносочиненное предложение не

удается, все равно в сочинительной конструкции есть равноправные компоненты. См.: *Равноправие в сочинительной конструкции*.

Равноправие в сочинительной конструкции чаще всего понималось только в отрицательном смысле: в отсутствии зависимости, которая бывает в подчинительной связи. Сочинительной связи длительное время навязывались свойства подчинения. Например, равноправие однородных членов понималось как одинаковая подчинительная связь их с общим членом: *читаю книги и журналы; читаю книги, читаю журналы*.

Отсутствие – это нуль. В синтаксисе есть три позиции для синтаксических связей. Рассмотрим их между словами в предложении *И днем, и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом*.

1) Нет непосредственной синтаксической связи между словами *кот* и *цепь*. Они непосредственно никак не связаны между собой. Имеется нуль синтаксической связи.

2) Слова связаны подчинительной связью: *ходит кругом*.

3) Слова связаны сочинительной связью: *и днем, и ночью*.

(О предикативной связи здесь нет речи).

Между равноправными компонентами сочинительной конструкции не нуль отношений. Если бы между ними был нуль отношений, то было бы правильным предложение из сочинения абитуриента: *Бедная Лиза рвала цветы и кормила свою мать*. Ведь факт, что *Бедная Лиза рвала цветы*. Известно также, что *Бедная Лиза кормила свою мать*. Пока эти два предложения рассматриваются с нулем отношений между ними, оба они правильны. Как только между ними появляется сочинительный союз, а с ним – сочинительная конструкция, появляется и общая картина, в которой оба фрагмента уже взаимодействуют. Получается то, чего не было в действительности: **Бедная Лиза рвала цветы и кормила ИМИ свою мать*.

Между связанными сочинительным союзом компонентами существуют отношения равноправия, то есть одинаковое отношение к общему третьему. Не между собой непосредственно, а к общему третьему. Им является *общая картина*.

Суть равноправия перед общей картиной выявляется путем сравнения сочинительной конструкции с подчинительной конструкций, а также со сравнительной и пояснительной.

В *подчинительной конструкции* дан один предмет, признак, действие или один факт действительности. Зависимым компонентом он как-то конкретизируется.

В сочинительной конструкции есть не один, а два или более фактов действительности. Сочинительная конструкция не ставит задачей более конкретно подать один факт. Есть много сочинительных конструкций, в которых между равноправными компонентами есть отношения причины, следствия,

уступки и т.д. – тех, которые есть в подчинительных конструкциях. Однако сути дела это не меняет: в предложении делается акцент на наличии двух фрагментов действительности, пусть связанных какими-то отношениями. См.: *Утвердительные конструкции*.

Во многих сочинительных конструкциях отрицается наличие одного факта и утверждается наличие другого. Например: *Не луна светит, а фонари горят*.

Это не противоречит утверждению: в сочинительной конструкции дается не один, а несколько фрагментов действительности. В лингвистике уже определено, почему один из фрагментов отрицается: говорящий не согласен с мнением собеседника. И так, один фрагмент существует по мнению собеседника, а другой – по утверждению говорящего. См.: *Отрицательно-утвердительные конструкции*.

Есть много конструкций, в которых названо несколько фрагментов действительности. Говорящий не знает, что из названного им существует реально. Например: *То ли фонари горят, то ли луна светит*. См.: *Конструкции незавершенного выбора*.

В сравнительных конструкциях описывается только один предмет, фрагмент действительности и т. д., то есть налицо те же отношения, которые есть в подчинительной конструкции: *Петя летит, как стрела*. – *Петя летит стрелой*.

Лучше работать в саду, чем в поле. Речь идет о реальном факте: о работе в поле (*Работа в саду предпочтительнее работы в поле*). Возможно, говорящий раньше работал в саду. Однако его внимание обращено только на трудности работы в поле.

Пояснительные конструкции как-то объясняют, поясняют, конкретизируют предмет, действие и т.д. или объясняют языковое выражение. В пояснительных конструкциях речь идет не о нескольких предметах, действиях и т.д. окружающей действительности, а об одном и том же.

Это, например, отношения между обобщающим словом и однородными членами: *В лесу растут деревья: клены, березы и липы*.

Уточнение: *В избе, в переднем углу, стоял стол*.

Другое наименование реалии: *Лингвистика, то есть языкознание, является интереснейшей наукой*.

Подчинительная конструкция понимается в современной лингвистике широко или узко.

При широком ее понимании в подчинительные конструкции включают сравнительные и пояснительные конструкции.

При узком понимании в нее не включают две последние. При этом сравнительные и пояснительные конструкции а) включают в число сочинительных конструкций; или б) считают особыми конструкциями рядом с под-

чинительной и сочинительной; или в) принимают их за переходные между сочинением и подчинением.

Несогласие лингвистов имеет серьезные основания. С одной стороны, бесспорно ценным и даже необходимым является дихотомия «подчинение – не подчинение». Это деление синтаксических связей на две противостоящие друг другу происходит чаще всего на бессознательном уровне.

Но этому можно привести и обоснование.

Во-первых, важно различие всех сочинительных конструкций со стороны плана содержания. В сочинительных конструкциях говорится о нескольких предметах, признаках и т.д. окружающего нас мира. В подчинительных, напротив, об одном.

Во-вторых, включение сравнительных и пояснительных конструкций в число подчинительных вытекает из необходимости учета общей картины. Эти конструкции, как и собственно подчинительные, всегда выражают только один ее фрагмент. В сочинительных же конструкциях типичным случаем является выражение нескольких фрагментов общей картины. Исключением, подтверждающим это правило, являются *конструкции со вторичной союзной связью и конструкции с разнофункциональными членами*. (См.) В них над подчинительной связью надстраивается сочинительная (*Медленно крепнет экономика. – Медленно, но крепнет экономика*). Или сочинительная связь надстраивается между словами, которые в предложении были связаны опосредованно. Это наблюдается в примере А.М. Пешковского: *Еду на каникулы и к родным и в деревню*.

Причиной надстройки сочинительной связи там, где слова уже введены в предложение, является придание им функции выражения ремы.

С учетом этого в русском языке есть только два явления: с одной стороны – сочинительные конструкции, с другой стороны – собственно подчинительные, сравнительные и пояснительные.

Если же рассмотреть названные синтаксические конструкции не со стороны плана содержания, а со стороны плана выражения, то они распределяются иначе. С одной стороны – собственно подчинительные конструкции, с другой стороны – сочинительные, подчинительные и пояснительные.

В лингвистике есть работы, в которых треугольник рисуют не только для сочинительных конструкций, но и для сравнительных и пояснительных. Ср.:

Ветер надувает занавеску и парус. Ветер надувает занавеску, как парус.

Значит, сравнительные и пояснительные конструкции совмещают в себе признаки и сочинительной, и подчинительной конструкции. Иначе говоря, они объективно являются переходными между сочинением и подчинением.

В лингвистике целесообразно их называть переходными, потому что кроме отражения названного объективного факта признание их переходными не устраняет, а лишь подчеркивает противопоставление двух полярных конструкций: сочинительных и подчинительных. А это противопоставление ценно для объяснения связи языка с мышлением.

Признание сравнительных и пояснительных конструкций переходными дает возможность для их глубокого изучения.

Утвердительные конструкции существуют как среди предложений с однородными членами, так и среди сложных предложений с сочинительной связью. Они характеризуются наличием реальной связи равноправных компонентов с общим третьим. Иначе говоря, все названные в конструкции фрагменты действительности в описываемой ситуации существуют.

Например: *Ночь шумела ветром И прибоем* (К. Паустовский).

Мигнули огни на пристани, И тотчас же поднялся над городом и берегами красный огонь маяка (К. Паустовский).

Один фрагмент может быть более интенсивен, чем другой. Это бывает тогда, когда общая картина складывается при посредстве градационного союза **НЕ ТОЛЬКО... СКОЛЬКО**.

Например: *Ему нравится путешествовать НЕ ТОЛЬКО на лодке, СКОЛЬКО пешком* (Э. Бенцианова).

Один фрагмент общей картины может быть дан как известный, а другой – как новый.

Например: *Получается, что мы рассчитываем на пять лет НЕ ТОЛЬКО конечные результаты, но и пути к ним* (Наука и жизнь. 1981. № 1. С. 5).

Он знал НЕ ТОЛЬКО когда я родился, чем занимались мои родители, какими болезнями я болел, с кем дружил в школе и кого из сотрудников банка не терпел больше других, НО И в кого я был влюблен в восемнадцать лет (Наука и жизнь. 1981. № 3. С. 128).

Один из фрагментов общей картины может быть не предусмотренным заранее (*присоединительная конструкция*).

Например: *Мы закидываем удочку на одной точке – ДА И караулим* (И.С. Тургенев).

Отца он дичился, ДА И сам Иван Петрович никогда не ласкал его (И.С. Тургенев).

Фрагменты общей картины могут чередоваться во времени.

Например: *Я ТО засыпаю, ТО пробуждаюсь, открывая глаза.*

Внутренность роици, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце, или закрывалось; она ТО озарялась вся,

словно вдруг в ней все улыбнулось..., ТО вдруг опять все кругом слегка синело (И.С. Тургенев).

Не все существующие в описываемой ситуации фрагменты общей картины могут быть названы. Это бывает в конструкциях с *цетерой*, то есть при наличии равноправных компонентов типа *так далее, тому подобное*.

Например: *Особенности фотосинтеза в сибирской тайге, в степной зоне и в лесах Америки совсем разные, они зависят от балла облачности, средней температуры. И так далее* (Наука и жизнь. 1986. № 1. С. 61).

Что касается *отношений между фрагментами утвердительной общей картины* (См.), то они разнообразны. Например, есть противительные отношения: *Она слышала, видела, иногда говорила, НО плохо понимала и сознавала только, что ей больно или сейчас будет больно* (А.П. Чехов).

Главным средством выражения утвердительности общей картины являются *утвердительные союзы*.

Отрицательно-утвердительные конструкции существуют как среди предложений с однородными членами, так и среди сложных предложений с сочинительной связью. Они характеризуются тем, что из двух названных равноправных компонентов только один называет реально существующий фрагмент общей картины. Другой из названных фрагментов отвергается: названного им фрагмента в описываемой ситуации нет.

Например: *Он испытал горечь, А НЕ уныние* (В. Шапошникова).

НЕ ты мне надоела, А сам я себе не под силу стал (М. Горький).

То, что в утвердительной общей картине не обязательно, в конструкциях отрицательно-утвердительных всегда присутствует: это характеристика ситуации речи. Отрицаемый фрагмент общей картины характеризует плохую осведомленность слушающего. Ошибку его поправляет говорящий. Естественно, и сам говорящий может ошибаться, однако языковой сути это не меняет: отрицательно-утвердительные конструкции не только характеризуют описываемую ситуацию, но и ситуацию речи: слушающего, говорящего и их взаимодействие.

Главным средством выражения отрицательно-утвердительной общей картины являются *отрицательно-утвердительные союзы*.

Что касается отрицания, выражаемого не союзом, а отрицательной частицей, содержащейся в одном из двух равноправных компонентов, то это принципиально другой вид отрицания в сочинительной конструкции. См.: *Два вида отрицания в сочинительной конструкции*.

Два вида отрицания в сочинительной конструкции различаются тем, что в одних конструкциях отрицание выражается сочинительным союзом, в других – как-то иначе. Ср.:

Елена дружелюбно встретила Берсенева НЕ в саду, А в гостиной (И.С. Тургенев).

Тит не работал, А подарок получил.

Список отрицательно-утвердительных союзов в лингвистике дан противоречиво. Для строгого отграничения конструкций с отрицательно-утвердительными союзами необходимо: а) учесть отношение равноправных компонентов к общему элементу; б) не эпизодически, а закономерно учитывать не отдельные такие сочинительные конструкции, а их большой массив; в) учитывать не только конструктивно-синтаксический аспект, но и коммуникативно-синтаксический.

а) В предложении *Ребенок не спит* существует отрицательная связь между ребенком и сном. Если рядом с отрицательным членом окажется еще один, то отрицание первого сохранится: *Ребенок не спит и играет. Ребенок не спит, а играет.*

б) Исследователи включили в число отрицательно-утвердительных (см. приведенные два последних предложения) союз *не...а*, но не включили *не...и*. Почему?

в) Для номинации описываемой ситуации отрицаемый равноправный компонент не нужен в предложениях *Елена дружелюбно встретила Берсенева не в саду, а в гостиной. Ребенок не спит, а играет.*

В описываемой ситуации есть только то, что может быть названо предложениями и без сочинительной связи: *Елена дружелюбно встретила Берсенева в гостиной. Ребенок играет.*

Наличие отрицаемого сочиненного элемента в конструкциях с отрицательно-утвердительным союзом объясняется не семантическим, а коммуникативным аспектом. Ситуация речи и общественный опыт говорящих навязывают отрицаемый сочиненный элемент: Елена должна была встретить Берсенева в саду.

Чтобы избежать двусмысленности, недоговоренности, чтобы подчеркнуть, что ожидаемое (известное, обычное) не существует, отменено другим, это ожидаемое отвергается в отрицаемом сочиненном элементе. Конструкции с отрицательно-утвердительными союзами употребляются и для выражения несогласия в диалоге.

Если же отрицание выражается не союзом, а чем-то другим, например, отрицанием *не* в одном из сочиненных элементов, то это отрицание нужно для номинации. Достаточно часто такой отрицаемый сочиненный элемент можно заменить на сочиненный элемент без отрицания при сохранении того же содержания. Ср.:

Тит не работал, а подарок получил. – Тит бездельничал, а подарок получил.

Ребенок не спит и играет. – Ребенок бодрствует и играет.

Это не отрицательно-утвердительные, а утвердительные конструкции.

Конструкции незавершенного выбора характеризуются тем, что очерчивается область, в которой фрагменты не складываются в общую картину,

а так объединяются, что остается возможность предположить в реальности только один фрагмент, любой из названных, а также все названные.

Например: *На просторной площадке, у самой кручи, стоял то ли навес, то ли сарай без одной стенки* (Юность. 1978. № 6. С. 73).

Это бывают предложения с однородными членами или сложные предложения:

Немцы то ли хотели помешать вытащить раненых, то ли просто нервничали (К. Симонов).

То ли она хотела испытать этого парня, то ли ей хотелось показать, что она не боится немцев, – она сама не знала, зачем она так сказала (А. Фадеев).

Среди конструкций незавершенного выбора встречаются построения с цетерой. Например: *То ли ее бросил кавалер, то ли еще что-то в таком роде* (Юность. 1978. № 4. С. 58).

Двойная функция сочинительных союзов является следствием существенной стороны сочинительной связи, отличающей ее от подчинительной связи.

Отношения между компонентами подчинительной связи – это отношения господства и зависимости. Связав господствующий компонент с зависимым, мы получаем линию (отрезок).

Отношения между компонентами сочинительной связи – это отношения равноправия связанных союзом компонентов перед общим. Связав это общее третье с каждым из (обязательно двух) равноправных компонентов, мы получаем уже не линию, а треугольник См.: *Подчинительная конструкция*.

В этом треугольнике три стороны, то есть не одна, а три линии. Линии, идущие от общего третьего к каждому из равноправных компонентов, – это отношения равноправных компонентов к общему третьему: *утвердительные, отрицательно-утвердительные и отношения незавершенного выбора*. (См.). Линия, соединяющая равноправные компоненты, – это *отношения между фрагментами общей картины* (См.).

Итак, в системе языка все сочинительные конструкции входят в подсистему сложных предложений.

Подсистему предложений с сочинительными союзами внутри системы современного русского языка можно представить как часть грамматической системы (в которую не входит фонемно-фонетический уровень).

Спускаясь ниже, то есть к более мелким подсистемам системы языка, мы находим, что сочинительные конструкции относятся к подсистеме сложносочиненных предложений.

Все сочинительные конструкции представляют собой единство: в них используются одни и те же союзы; противительные, соединительные и другие отношения бывают как в простом, как и в сложном предложении; во всех

из них есть сочинительный треугольник; наконец, большинство предложений с однородными членами преобразуются в сложносочиненные предложения.

Поэтому выделение уровня предложений с однородными членами в системе языка спорно. Не случайно традиционно конструкции с однородными членами рассматриваются как факты осложнения структуры простого предложения. Однако нельзя не замечать и другого факта: сближаясь с простым предложением в формальном аспекте, предложения с однородными членами близки к сложносочиненным предложениям в семантическом, логическом и коммуникативном аспектах.

Являясь, таким образом, фактом переходности в системе языка, предложения с однородными членами как представители единой сочинительной конструкции включаются в подсистему сложносочиненных предложений, пусть на правах ее периферийного члена.

Во всех предложениях с сочинительными союзами наблюдается равноправие перед общей картиной. При этом во всех сочинительных конструкциях выражаются утвердительные, отрицательно-утвердительные отношения к общей картине или отношения незавершенного выбора. Здесь все сочинительные конструкции в плане выражения близки к сравнительным и пояснительным, в плане же содержания идентичны подчинительным конструкциям.

E.F. Troitsky

The System of Language and Coordinating Construction

Key words: system; grammar; homogeneous parts; coordinating reduction; affirmative and other attitudes; the block diagram of the sentence.

The system of language includes subsystems. Among them a coordinating construction. Its external borders are outlined by grammar, further – by syntax of the sentence, at last, by the presence of equality.

Internal system of a coordinating construction is uniform. It includes various relations. Absence of the block diagram of the sentence with homogeneous parts in linguistics is to be understood as a result of coordinating reduction.

ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ

Л.М. Ньюбина

Смоленский государственный университет

УДК 811.112.2'38

КАТЕГОРИЯ «СТИЛЬ» В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ

Ключевые слова: *дефиниции стиля; стиль как социально-эстетическая и культурно-историческая категория; стиль и теория текста; стиль и тип текста; стиль и модус формулирования в лингвистике.*

В данной статье рассматриваются современные подходы к феномену «стиль». Стиль выступает как феномен более широкий, чем чисто лингвистический, является культурно-исторической и социально-эстетической категорией. Стиль – это прежде всего отбор языковых средств для выражения определенного содержания. Выбор этот, однако, относится, не только к фонетическим, лексическим, грамматическим ресурсам языка, но и к определенным ориентационным композиционно-прагматическим моделям текстопостроения.

Современное понимание категории «стиль» разнообразно и противоречиво – от необычайного расширения этого феномена до его полного отрицания. Так, например, Й. Хейзинга, анализируя кризис культуры, говорит об исчезновении стиля: «С точки зрения эстетической кризисный процесс представляется как утрата стиля», «... утрата стиля культуры – стержень всей культурной проблемы», с поступательным движением культуры неудержимо девальвируется слово, эта разменная монета мысли, распространяясь все легче и во все возрастающих масштабах» [19, с. 490-492]. В терминах Р. Барта девальвированное слово – это «массифицированное» слово, это язык, перегруженный, загроможденный знаками, износившийся во множестве расхожих историй [2, с. 28].

В постмодернизме категория «стиль» – это феномен более широкий, чем чисто лингвистический. Лингвистического понимания текста уже недостаточно. Тексты должны рассматриваться как средоточие различных знаковых систем. Стиль возникает из взаимодействия знаков, принадлежащих различным знаковым системам, и интерпретируется в этой связи как мультимедийный феномен. В качестве ведущей теории взаимодействия различных кодовых систем ученым представляется семиотика, которую Ю.М. Лотман,

У. Эко рассматривают как семиосферу, некое семиотическое пространство, в котором фигурируют все знаковые системы определенной культуры и определенного общества, а стиль предстает как междисциплинарный плюралистический феномен.

В работах известной немецкой исследовательницы по проблемам стиля У. Фикс осуществляется интегративный подход к феномену «стиль», автор затрагивает широкий спектр лингвистических, литературоведческих, культурологических, семиотических и социальных аспектов в трактовке стиля. Главной мыслью автора является положение о том, что стиль не является специфическим феноменом филологии, а предстает как более широкая культурно-историческая, эстетическая и социальная категория, пронизанная междисциплинарными связями и переплетениями с культурными эпохами и направлениями. Стиль есть также всегда эстетический феномен. Если принять тезис, что любой артефакт имеет эстетическую ценность, то и стиль имеет эстетическую значимость. Эстетическое понимается не как элитарное и высокое, а как любое оформление и выделение, направленное на установление коммуникативного контакта, желаемого социального взаимодействия с партнером по коммуникации [24, с. 129].

Интересно также замечание лингвистов о том, что стиль является общественно-культурным и семиотическим феноменом, подверженным моде. Различают стиль в обществе и моде, стилистическую моду определенных эпох, стиль мышления (Denkstil), «общие тенденции мысли», «философские периоды» [16, с. 495], которые, с одной стороны, характеризуют искусство и науку определенных эпох, а с другой – вносят нестабильность, изменчивость, движение и динамику. Между «постоянным» и «изменчивым» располагаются понятия и категории, которые стабильны и надежны, доступны и изменчивы одновременно.

Нельзя сказать, что широкое толкование стиля характерно только для современного времени. Например, Словарь русского языка под редакцией С.Г. Бархударова (1985) дает следующие определения стиля:

1. Совокупность признаков, характеризующих искусство определенного времени и направления или индивидуальную манеру художника в отношении идейного содержания и художественной формы;
2. Совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-л. писателя или литературного произведения, направления, жанра;
3. Функциональная разновидность литературного языка;
4. Способ осуществления чего-л., отличающийся совокупностью своеобразных приемов;
5. Манера вести себя, говорить, одеваться и т.п. [14, т. 4, с. 266].

Как видим из этого перечисления, стиль – это социальный и культурный феномен, охватывающий разные стороны социального взаимодействия человека с обществом, относящийся как к искусству и языковой деятельности человека, так и к типологии его социальных ролей.

С точки зрения лингвистической значительную роль на развитие категории «стиль» сыграли развитие теории дискурса, лингвистики текста, теории речевых актов и прагматики, изучение категорий текста. С момента обращения к тексту с его многоаспектностью значительно расширились исследования по вопросам текстообразования. Стилистические исследования стали больше относиться к выявлению коммуникативной структуры речевого целого и его компонентов, изучению форм и способов реализации прагматических намерений говорящего в реальных текстах, а не только к анализу стилистических значений и функций языковых средств. Стиль манифестируется при этом как в текстовом целом, так и в его частях. «Стиль – императивный приказ целого, повелевающий каждым элементом произведения» [5, т. 1, с. 423]. С другой стороны, «стиль – это фактор социального бытия произведения, осуществление ориентации художника по отношению к обществу» [5, т. 1, с. 423]. Стиль становится, таким образом, и глобальным, и локальным явлением («globale» und «lokale» Erscheinung), выражающим как внутритекстовые, так и экстралингвистические отношения в тексте [27, с. 311].

Чтобы показать разнообразие трактовок категории «стиль», приведем некоторые дефиниции:

Стиль есть «гендерный набор» культуры, обуславливающий тип культурной целостности (Ю.Б. Боров).

Der Stil ist die Physiognomie des Geistes (L. Reiners).

Sprachlicher Stil ist die sozial relevante Art der Durchführung von Handlungen mittels Text oder interaktiv als Gespräch (B. Sandig).

Der Stil ist der Mensch selbst (Comte de Buffon).

Стиль – это специфически человеческое явление (К. Гаузенблас).

«Stil und Stilprägungen» – das sind die vielfältigen, individuell, zeit-oder gruppenspezifisch gefärbten Typen sprachlicher Gestaltung, die in Leittypen der Sprach- und Literaturgeschichte hervorgetreten sind (H. Wellmann).

Стиль есть выражение определенных мыслительных действий человека с помощью текста/текстов, соответствующих по содержанию и форме обстоятельствам когнитивно-речевой деятельности носителя языка и выполняющих коммуникативно-прагматические функции, необходимые и достаточные для целей познания и общения с помощью языковых средств в условиях, заданных коммуникативной ситуацией (Е.А. Гончарова).

Стиль – это прежде всего отличие, отбор (К.А. Долинин).

Die Art und Weise, wie die Sprache/Redeeinheit ausgeformt und ausgestaltet wird, ist der Stil (E. Riesel).

Stil ist Entscheidung (Karl-Heinz Göttert).

Приведенные определения стиля говорят о сложности и многослойности этого феномена и свидетельствуют, что в стиле отражаются и характерные черты культурной эпохи, и авторская индивидуальность, и стиль времени.

Сегодня в научной литературе нередко можно встретить мнение, что стилей очень много, плюрализм этой категории находит все больше и больше сторонников. Говорят о стиле в архитектуре, музыке, спортивном стиле, стиле боевого искусства, стиле питания, стиле жизни, стиле правления и т.д. и т.п. (ср. [21, с. 13-14; 28, 26, с. 9; 9, с. 8] и след.).

Проследим также, какие задачи может ставить стилистическое изучение словесного выражения. Какие средства избираются для выражения определенного содержания (селективная стилистика)? В какой связи, для чего, в какой ситуации употребляются языковые средства (прагмастилистика)? Кем определяется стилистическое оформление речевого произведения (индивидуальный стиль)? Для кого, какой аудитории предназначено определенное высказывание (рецептивная стилистика)? Почему так, а не иначе оформлено определенное содержание (функциональная стилистика)? С чем согласуется, от чего отклоняется стилистическое оформление текста (нормативная стилистика)? От чего отличается форма текста, в какой связи она стоит к традиционным образцам текста (историческая стилистика)? и др. [31, с. 12-13].

Сравним сложные существительные-термины из метаязыка описания феномена «стиль» в немецком языке: *Stilideal, Stilmischungen, Stilepoche, Denkstil, Zeitstil, Stilhöhe, Stilzug, Stilmerkmal, Stilelemente, Stilfigur, Stilunterschiede, Stileffekte, Stilintention, Personalstil, Stiltendenzen, Schreibstil, Stilrichtungen, Stilwillen, Stilvergleich, Stilbeobachtung, Stiltyp, Stilbegriff, Stilanalyse, Stileffekt, Stilhaltung, Stilrekonstruktion, Stilverlust, Stilwirkung, Stilbewußtsein, Stiltendenzen, Stilkrankheiten, Stilschicht, Stilgeschmack, Esseystil, Bürokratenstil, Personalstil, Autorenstil u.a.* Сложные существительные часто метафоричны. В.Шнейдер, автор весьма нетрадиционной интерпретации стиля, в книге «*Deutsch für Kenner. Die neue Stilkunde*» (1991) прибегает к метафорически-ироничному осмыслению этого феномена: *Stilschlamperei, Stilkünstelei, Stilkrankheit, Stilgecken, Stilgaukler, Stilgebrecchen u.a.*

Посмотрим также на эпитеты категории «стиль» в научных описаниях:

Großer, guter, schlechter, großartiger, legitimer, breiter, überzeugender, gefühlvoller, kühner, spielerischer, überzeugender, legitimer, geheimnisvoller, hintergründiger, weitschweifig, seltsam, archaischer, moderner, individueller, eigenhändiger, glänzender, gekünstelter, affektierter Stil. Сравним определения стиля в «Стилистике» К.А. Долинина: «... стиль может быть хороший, плохой, сдержанный, сухой, цветистый, протокольный, эмоциональный, торжественный, поэтический, старомодный, современный, претенциозный, высокий, низкий, реалистический, романтический, натуралистический. классический, ораторский, эпистолярный, административный, повествовательный, описательный; стиль Пушкина, стиль Флобера» и т.д. [9, с. 6].

Стиль – явление загадочное, абстрактное, часто образно-метафорическое. Так, Р. Барт в статье «Нулевая степень письма» употре-

бляет следующие метафоры, касающиеся стиля: специфическая образность, выразительная манера, словарь данного писателя; как бы ни был изыскан стиль, в нем есть что-то от сырья; стиль – это форма без назначения; его толкает некая сила снизу, а не влечет к себе известный замысел сверху; стиль – это человеческая мысль в ее вертикальном и обособленном измерении; стиль – природная «материя» писателя, его богатство и тюрьма, стиль – это его одиночество; стиль участвует в литературном обряде на частных правах, он вырастает из глубин индивидуальной мифологии писателя и расцветает вне пределов его ответственности; ... все, на что намекает стиль, лежит в глубине; стиль обладает лишь вертикальным измерением, он погружен в глухие тайны личностной памяти; стиль – это неизменная тайна; стиль – это всегда метафора; стиль оказывается своего рода сверхлитературным действием, в котором человек стоит на пороге всемогущества и магии; язык и стиль – слепые силы; биологическая природа стиля; могущество стиля; стилевая неповторимость; движение стилей; оплотнение стиля и др. [4, с. 331-334]. Все эти метафоры могут служить своеобразными дефинициями стиля, смысл которых сводится к тому, что стиль – это «автономное слово, погруженное исключительно в личную, интимную мифологию автора, в сферу его речевого организма, где рождается первоначальный союз слов и вещей, где однажды и навсегда складываются основные вербальные темы его существования» [4, с. 331].

Тексты создаются либо индивидами, либо группами индивидов. Это означает, что стилистические действия касаются социально-ситуативных, функциональных и индивидуальных особенностей, зависимых непосредственно от индивидуального или коллективного субъекта речи. Сравним в этой связи высказывание М.П. Брандес о стиле: «Стиль – это явление “третьего мира”, мира норм и информации, мира, где встречаются человек и язык, два встречных процесса субъективации и объективации», «стиль характеризует особенности и своеобразие любой человеческой деятельности, в том числе и коммуникативно-речевой, и ее результат» [6, с. 137].

Современная лингвистика ориентирована на тип текста и на изучение текстопорождающих стратегий. Тип текста соединяет определенные функции текста с его прототипическими свойствами, в которых закреплены типичные, повторяющиеся общественно-коммуникативные функции, на периферии которых находятся и стилистически релевантные характеристики [26, с. 102; 28, с. 309, 487]. Стиль всегда находит свое выражение в форме текста, является носителем прагматической информации, имеет структурирующий характер, придает тексту вторичное значение, понимаемое в процессе взаимодействия участников коммуникации. «Der Stil des Textes ist also <...> ein textkostituierender, die inhaltliche Darstellung befördernder und die Rezeption in eine bestimmte Richtung lenkender Teil des Textes» [26, с. 455].

Типология текста связана с образцом стиля определенных текстотипов. Как утверждает когнитивная лингвистика, в нашей долгосрочной памяти представлены не только фонетическая, семантическая, грамматическая, синтаксическая подсистемы, но и текстуальная компетенция носителя речи, репрезентируемая в выходящих за рамки предложения языковых структурах. «Als wesentliche Komponente unserer Sprachtätigkeit muss aber auch (über die Einheiten Wort und Satz hinaus) die textuelle Kompetenz des Menschen berücksichtigt werden. Texte (im Sinne von komplexen, d.h. satzübergreifenden Sprachstrukturen) zu produzieren und zu verstehen, erfordert über die grammatische Kompetenz hinaus Prozeduren, die die Aktivierung enzyklopädischen Weltwissens sowie konzeptuelle Schlussfolgerungsstrategien involvieren» [30, с. 21]. Для понимания комплексного характера стиля простого знания языковых норм и конвенций не хватает, для этого нужно владеть понятием ориентационной модели «тип текста», так как именно знания о типе текста создают основы для выявления его типизации. Мысль об изменчивости условий, содержания и назначения речи высказывал еще Ю.С. Сорокин в дискуссии о стиле в 60-е годы XX столетия. «Каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем; в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка» [15, с. 81]. «Образец стиля» в определенном типе текста становится стилистическим фактором, который помогает реализовать индивидуальные особенности субъекта речи в использовании стилистических средств языка.

«Образец стиля» имеет двоякую направленность – он взаимодействует с другими текстами, а также с различными стилевыми решениями в рамках одного типа текста. «Образец стиля» или «проект, модель», в терминах М.П. Брандес, – сложное знаковое единство, которое имеет возможность выражать разные группы содержаний и смыслов, чисто объектные (жанровые, ценностно-предметные) и операциональные (ценностно-информационные), что соотносится с двумя видами отношений, существующих в обществе, – предметными и информационными, знаковыми, представляемыми в модусе структур» [6, с. 125].

«Образец стиля» – понятие интегративное, этот феномен необходимо рассматривать более широко, так как «образцы стиля» не абсолютны и могут превращаться в «необразцовые», а «необразцовые» имеют возможность в зависимости от временных, социальных и ситуативных условий вновь превращаться в «образцовые» [22, с. 29-30]. Подвижность стиля определяется взаимосвязанностью типа текста и «образца стиля», оба они являются точкой многомерного пересечения разнообразных областей знания о мире и культуре данного ареала, о коммуникативных действиях и речевых актах, знания языка и нормы, знания стиля.

Стиль в современном понимании – явление дуалистическое, поэтому второй тезис современного подхода к стилю следует определить как его индивидуальность и уникальность. Индивидуальность и уникальность – это обязательные и сознательно создаваемые качества текста. Эти качества тесно связаны между собой и обусловлены во многом правилами построения определенных типов текста. В современной лингвистике построение текста связывают с процессом формулирования, который У. Фикс понимает как поиск и нахождение средств, решение проблемы «Problemlösen». Процесс формулирования относит к решению проблемы производство текста и представление предмета коммуникации [23, с. 56-91]. Е.А. Гончарова учитывает в формулировании еще одну сторону, а именно индивидуальность речевого субъекта, и объединяет все три фактора в «модусе формулирования», который «включает помимо темы текста и перевода единиц языка в систему текста еще один существенный момент – представление, или самовыражение, речевого субъекта текста» [8, с. 148], которое и порождает индивидуальность и уникальность текста.

Важным в формулировании является не столько соблюдение языковых норм, сколько использование средств, еще не вошедших в конвенциональные правила. «Problemlösen bedeutet nun das Bilden von Formulierungszielen, das Suchen und das Finden von Mitteln und schließlich die Tatsache, daß Formulieren durchaus nicht vom Konventionellen, sondern vom Noch-nicht-Konventionellen geprägt ist» [22, с. 29]. Правила языкового формулирования реализуются в рамках текстовых построений в соответствии с прагматической интенцией и творческой волей языковой личности, создающей определенные стилистические особенности текстотипов. Ю.Б. Борев отметил: «Произведение обладает стилем как ограниченным множеством устойчивых, качественно определенных выразительных элементов» [5, т. 1, с. 413-414], а индивидуальность и оригинальность, по мнению Г.К. Косикова, состоит в свободной игре с литературой, в возможности как угодно варьировать ее стилевые, жанровые, композиционные и т.п. особенности, «варьировать и комбинировать любые литературные “топосы” и “узусы”» [10, с. 29].

Индивидуальность и уникальность текста обуславливаются тремя факторами: объективными факторами, вытекающими из прагматических особенностей коммуникативного действия; субъективными особенностями субъекта речи; умением субъекта речи сочетать объективные и субъективные факторы в тексте. К объективным факторам стиля относят пропозициональность, иллокутивную силу высказывания, отношения между адресантом и реципиентом, канал передачи информации и др. К объективным закономерностям текста и стиля относятся и проблема нормы. Так как не существует симметричного соответствия между языковыми средствами, их значением и целью высказывания, то формулирование тесно связано с проблемой выбора.

При этом знание языковых норм и конвенций не устраняет возможность отклонения от нормы и создания эффекта неожиданности.

Адекватности восприятия способствует подчинение индивидуальных стилистических стратегий объективным критериям. Успех при этом лежит в плоскости метакоммуникации, то есть в расширении знаний о правилах интеракционального взаимодействия участников коммуникации, в поиске-нахождении коммуникативных стратегий и языковых средств для выражения необходимого содержания. Действительно ли свободно можно выбирать из арсенала языковых средств? Не предопределяется ли выбор коммуникативной ситуацией, нормой, пресуппозицией, темой и целью высказывания? Успешность коммуникации зависит не столько от следования нормам, сколько от сознательного нарушения правил нормативного использования, ведь не существует раз и навсегда заданной матрицы языковых норм, норма – категория относительная и изменяющаяся. «Именно отношение норма/отклонение, а не отклонение как таковое является главным для понятия стиля» [12, с. 51].

Субъективные особенности включают: языковую компетенцию, когнитивный и эмоциональный опыт, чувство языка и вкуса, владение эстетическими категориями, знание ценностных критериев языкового сообщества. К названным субъективным факторам можно отнести фантазийные и творческие способности личности. Как утверждал Цицерон: *Gualis autem homo ipse esset, talem esse eius orationem.* – Человек таков, какова его речь. Насколько индивидуальной является реализация объективных и субъективных факторов в речетворческом процессе, настолько же уникальным является и созданный текст.

Феномен «уникальность» как неотъемлемый компонент стиля связывается в лингвистике с антропоцентрическим пониманием языка, «при котором языковые явления и процессы трактуются с позиций “присвоения” их человеком – носителем языка», а речь рассматривается как целенаправленное индивидуальное и социальное речевое действие, как основной способ реализации когнитивных процессов и коммуникативного взаимодействия людей [8, с. 146].

Типология стилевых образцов во многом связывается с актуальной сегодня проблемой интертекстуальности. Интертекстуальность является свойством каждого текста, которое включает в себя знание дискурсов, типов дискурса и типов текста. Это «танец вечных возвращений» [18, с. 465]; «выход в другие тексты, другие коды, другие знаки [3, с. 428]; «память» текста [11, т. 1, с. 131]. Стилистически интерпретировать тексты относительно своих претекстов означает структурировать их, соблюдая нормы, конвенции и образцы («*Intertextuelles Wissen schließt Wissen um Diskurse, Diskurstypen, Texttypen ein. Texte im Bezug auf Vortexte zu sehen, bedeutet folglich, daß man Konventionen, Normen und Muster der Vortexte kennt, die, dem jeweiligen Textmuster entsprechend, eine Textsorte konstituieren*») [22, с. 32].

В современную эпоху постмодернизма происходит постоянное нарушение канонов, правил, конвенций, образцов, норм. Интертекстуальность порождает разрыхление литературно-культурных канонов, взаимодействие жанров, трансформацию текстотипов и т.д. Отказ от канонов, их исчезновение или смешение являются новым культурным феноменом, показывающим сегодня гетерогенность сознания человека. Смещение, монтаж жанров и текстотипов становится проявлением интертекстуального мышления в современном мире. У. Хольтиус относит интертекстуальность к проявлению типологических процессов мышления, У. Фикс – к обыденному знанию человека о текстах (Alltagswissen über Texte) [26, с. 136], А. Ассман называет ее «диким семиозисом», увольнением языкового знака из своих конвенциональных отношений» (aus dem Ordnungsgefüge konventioneller Beziehungen entlassen) (Цит. по: [Fix 2007: с. 147]). Другие исследователи определяют это явление как плюрализацию, отчуждение, демократизацию, делимитизацию и др. «Дикий семиозис» становится новым правилом, которое приводит к неординарности в использовании языка. Стиль в постмодернизме превращается в нетрадиционный эстетический феномен, доминирующим принципом которого становится расшатывание и устранение традиционных канонов и принятых норм.

Особенно ярко интертекстуальные тенденции проявляются в рекламных и научно-популярных текстах, объявлениях, лозунгах, флайерах, граффити и т.п. Принципами построения таких текстов как раз и становятся монтаж, смешение текстотипов, нарушения стилистических образцов. У. Фикс, например, приводит примеры такого ненормативного смешения текстотипов в рекламе: использование поэтического текста в рекламации продукта, соединения сказки и рекламы, объявления и описания медикамента, медицинского рецепта и литературного текста. Взаимодействие текстотипов происходит на основе смешения интенций, пропозиций и иллокуций разнообразных речевых актов. Изменения культурных парадигм в постмодернизме автор рассматривает на примерах поликодового взаимодействия между текстом, рисунком и картинкой. Парадигма восприятия мира в наше время значительно изменилась: если в ранние периоды человек рассматривался как продукт литературного дискурса, то современный человек с развитием новых информационных технологий является медиумом образной репрезентации действительности. Взаимодействие различных медиальных областей приводит к тому, что в вербализации смысла начинает преобладать наглядность, грамматическая и семантическая неопределенность превращается в языковую игру с иконическими знаками. Рисунок и картинка берут на себя роль языкового знака, а текстовые массивы переводятся на язык визуального представления. Автор приводит следующие варианты взаимодействия картинки и текста: картинка в языке, письмо как картинка, язык и картинка, картинка вместо текста.

Новые подходы к стилю должны включать анализ разных кодовых систем, существующих в обществе. В области письменных текстов к таким знакам относятся: картинки, типографские обозначения, цвета и краски, сорта бумаги, плоскости, линии и т.д. В устной коммуникации это: голос, мимика, жестикация, положение говорящего субъекта в пространстве, игра глаз и т.д. Несмотря на то, что буква и текст по-прежнему остаются непреходящими ценностными формами выражения смыслов, современное общество, молодежная культура изобретают новые технологии работы с буквой и с текстом, новые технологии взаимодействия внеязыковых знаковых систем и семиотических кодов. Для анализа представляются разного рода тексты: логос медикамента, этикетки минеральной воды двух видов, флайер – текст-объявление из области молодежной культуры и др. Эти тексты требуют определенной дешифровки, поскольку они написаны искаженными, контрастными, закругленными, плоскими или другими буквами, разными шрифтами, небуквенными знаками, что становится своего рода протестом против традиционных норм письма.

Современные трактовки стиля не могут обойти традиционный вопрос стилистики. Стиль есть форма и структура текста. Ответы на вопросы «Как?» и «Для чего?» придают контурность и очерченность категории «стиль», помогают понять содержание и цель высказывания. Любое высказывание связано с традиционным представлением о стиле как о форме, структуре. Текст является структурно оформленным единством, а «утешительная миссия литературы», по У. Эко, состоит в том, чтобы «сообщить форму, структуру хаосу человеческого опыта» [17, с. 163]. Значение формы подчеркивает и Р. Барт, рассматривая литературу как «историю формы», приобретающей в современном мире социокультурную «ответственность» и связывающей «писателя с обществом». Форма, «инструментальные истоки» творчества «возникают на очной ставке между писателем и обществом», «предполагают общую возможность избрать известный тон или, точнее, как мы говорим, этос, и вот здесь-то наконец писатель обретает отчетливую индивидуальность, потому что именно здесь он принимает на себя социальные обязательства, ангажируется» [4, с. 329-330, 333, 334]. Форма рассматривается многими исследователями как знаковый феномен, эта знаковость проявляется в поверхностной структуре текста; именно она и является предметом лингвостилистической интерпретации реципиентом. Текст как знаковая система содержит в себе заданные смыслы, исходящие из начального или отклоняющегося от начального стилистического значения входящих в него единиц, что создает его вторичный смысл. Специфика нового смыслового единства текста происходит не из простого сложения его частей, а является продуктом эстетического действия, использующего разнообразные стилистические стратегии, которые закреплены в его знаковой материальности. Структурированность, таким образом, яв-

ляется речевым действием, направленным на создание целостности, а единство и целостность текста являются, в свою очередь, условием стилизации. Нарушение конвенциональных правил может быть такой же предпосылкой стилиобразования, как и их соблюдение. Стилистическую функцию может выполнять не только то, что нормативно или маркировано, но и то, что неявно и расплывчато.

Современные работы по стилю обращают большое внимание на стиль с исторической точки зрения. История развития стиля во многом связана с функциональной стилистикой. Так, например, Аристотель выделял совещательную, эпидейктическую, судебную речь, каждая из которых была наделена категориями цели, предмета речи, способами убеждения, отношением к слушателям [1, с. 204–206]. Р.А. Будагов в середине XX века противопоставлял письменный стиль разговорному, художественный – научному [7, с. 462]. Советская лингвистика разработала учение о функциональных стилях и их стилевых чертах. Э.Г. Ризель и Е.И. Шенделье выделяют пять функциональных стилей в немецком языке: официально-деловой, научный, стиль прессы и публицистики, стиль разговорной речи, стиль художественной литературы [13, с. 19]. Р. Барт в конце XX века представлял письмо как продукт индивидуальной деятельности, растворенный в подсистемах политического письма, письма романа, поэтического письма, буржуазного письма [4, с. 327–354]. Немецкая лингвистика на сегодняшний день разработала подробную классификацию типов текста, которая, однако, не может считаться исчерпывающей, так как познание мира и прогресс непрерывно обновляют дискурсивную практику человека (см.: [32]).

Вместе с тем историзм стиля исследуется и по другим направлениям. Культура как развивающийся динамический феномен связывает синхронию и диахронию, позволяет взглянуть на искусство и литературу в новом ракурсе, в новом осмыслении, с извлечением новых семиотических и семантических коннотаций. Наряду с устойчивым историческим смыслом произведение несет в себе множество подвижных «трансисторических» смыслов, которые подлежат уже не реконструкции, а «производству» (термин Р. Барта) со стороны читателя. Реконструкция исторических смыслов литературы, поиск новых коннотаций занимает сегодня умы теоретиков лингвистики. Этим проблемам посвящен целый сборник публикаций под названием «*Stile, Stilprägungen, Stilgeschichte*». Следует упомянуть здесь историко-аналитические работы в сборнике таких ученых, как Г. Лерхнер, который анализирует культуру письма XVIII–XIX столетий; Й. Ербен, сравнивающий творчество Р.М. Рильке и К. Кролова; Х. Вайнрих, который на основе анализа произведений Й.В. Гёте, П. Валери, барона Буффона приходит к выводу, что в современной лингвистике отсутствует настоящая стилистика научной литературы, которая смогла бы ответить на вопросы: Как функционирует научная память?

Как взаимодействуют стиль и память?; В. Фляйшер, исследующий проблематику лингвостилистического описания ландшафта в нарративной прозе, и мн. др. Новые поколения исследователей переносят произведение в современный культурный ареал, а новые методы обуславливают новое, отличное от прежнего понимание языковых явлений и выявляют новое содержание тех или иных произведений.

Подведем некоторые итоги. Стиль в современном понимании – это широкий культурологический, социальный, эстетический феномен. Стиль является конструктивным элементом культуры, выражающим устойчивые черты определенной эпохи.

В историческом понимании – стиль явление эволюционирующее, позволяющее осуществлять взаимодействие художественных норм и стилевых черт разных времен и художественных направлений. В лингвистике это взаимодействие приводит к появлению новых форм в дискурсивной практике человека. Интертекстуальность как стратегия диахронного семиотического сотрудничества порождает разрыхление литературно-культурных канонов, взаимодействие жанров, трансформацию текстотипов.

Как диалектический феномен общего и особенного стиль привязан к типологическим стилевым образцам, с одной стороны, является индивидуальным и уникальным феноменом – с другой. Индивидуальность и уникальность стиля вырастает из соприкосновения нормы и «отклонений» от нее, возникающих в модусе формулирования речевого целого.

Стиль как явление лингвистическое проявляется в форме и структуре произведения, он осуществляет конструктивную и смысловую целостность текста, его видовые, жанровые, функциональные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. РИТОРИКА (перевод с древнегреческого и примечания О.П. Цыбенко; под ред. О.А. Сычева и И.П. Пешкова). ПОЭТИКА (перевод; под ред. В.Г. Аппельрота; под ред. Ф.А. Петровского) / сопровождающая статья В.Н. Марова. М.: Лабиринт, 2000.
2. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
3. Барт Р. Воображение знака // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
4. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
5. Боров Ю.Б. Эстетика. Т. 1–2. 5-е изд., доп. Смоленск: Русич, 1997.
6. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.
7. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учеб. пос. для студентов филол. фак-тов, университетов и пединститутов. 2-е перераб. и доп. изд. М.: Просвещение, 1965.

8. Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. 1999. № 8.
9. Долинин К.А. Стилистика французского языка: учеб. пособие для студентов фак. и пед. ин-тов иностр. яз. Л.: Просвещение, 1978.
10. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
11. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1–3. Таллинн, 1992.
12. Общая риторика: пер. с фр. / общ. ред. А.К. Авеличева. 2-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006.
13. Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1975.
14. Словарь русского языка. Т. 1–4. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985.
15. Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2.
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003.
17. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. СПб: Symposium, 2002.
18. Эко У. Поэтики Джойса: пер. с итал. СПб: Symposium, 2003.
19. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерланд. В. Ошиса. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
20. Antos G. Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in gesprochener und geschriebener Sprache. Tübingen: Niemeyer, 1982.
21. Göttert K.-H. Einführung in die Rhetorik. Grundbegriffe – Geschichte – Rezeption. 3. Auflage. München: Wilhelm Fink Verlag, 1998.
22. Fix U. Unikalität von Texten und Relativität von Stilmustern // Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen. Beiträge zur Stilistik. Hrsg. von Irmhild Barz, Hannelore Pothe, Gabriele Yos. Berlin: Frank Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2007.
23. Fix U. Textstil und KonTextstile. Stil in der Kommunikation als unfassende Semiose von Sprachlichem, Parasprachlichem und Außersprachlichem // U. Fix. Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen. Beiträge zur Stilistik. Hrsg. von Irmhild Barz, Hannelore Pothe, Gabriele Yos. Berlin: Frank Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2007.
24. Fix U. Gestalt und Gestalten. Von der Notwendigkeit der Gestaltkategorie für eine das Ästhetische berücksichtigende pragmatische Stilistik // U. Fix. Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen. Beiträge zur Stilistik. Hrsg. von Irmhild Barz, Hannelore Pothe, Gabriele Yos. Berlin: Frank Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2007.
25. Fix U. Die Ästetisierung des Alltags – am Beispiel seiner Texte // Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen. Beiträge zur Stilistik. Hrsg. von Irmhild Barz, Hannelore Pothe, Gabriele Yos. Berlin: Frank Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2007.
26. Fix U. Textualität und Stil // Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen. Beiträge zur Stilistik. Hrsg. von Irmhild Barz, Hannelore Pothe, Gabriele Yos. Berlin: Frank Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2007.
27. Püschel U. Stilpragmatik – Vom Praktischen Umgang mit Stil // G. Stickel (Hrsg.): Stilfragen. Berlin, New York: de Gruyter, 1996.
28. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. Berlin, New York: de Gruyter, 2006.

29. *Stile, Stilprägungen, Stigeschichte*: über Epochen-, Gattungs- und Autorenstile; sprachliche Analysen und didaktische Aspekte; vergleichende Analysen / von J. Anderegg... Hrsg. von U. Fix; Hans Wellmann. Heidelberg: Winter, 1997.

30. Schwarz-Friesel V. *Sprache und Emotion* // Tübingen und Basel: A. France Verlag, 2007.

31. Wellmann H. *Aspekte der vergleichenden Stilistik // Stile, Stilprägungen, Stilgeschichte*: über Epochen-, Gattungs- und Autorenstile; sprachliche Analysen und didaktische Aspekte; vergleichende Analysen / von J. Anderegg... Hrsg. von U. Fix; Hans Wellmann. Heidelberg: Winter, 1997.

32. См.: Gülich E., W. Raible (Hrsg.) *Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht*, Frankfurt: 1972; Drinker K. *Textfunktionen. Ansätze zu ihrer Beschreibung* // *Zeitschrift für germanistische Linguistik (ZGL)* 11, 1983; Isenberg H. *Texttypen als Interaktionstypen* // *Zeitschrift für Germanistik* 5, 1984; Heinemann W., Viewegener D. *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen, 1991; Rolf E. *Die Funktionen der Gebrauchstextsorten*. Berlin, New York: de Gruyter, 1993.

L.M. Nubina

Category of «Style» in the Modern Interpretation

Key words: style definitions; style as a socio-aesthetic and cultural and historical category; style and text theory; style and text type; style and formulation modus in linguistics.

The article considers modern approaches to style. Style is a broader concept than purely a linguistic phenomenon; it is viewed as a socio-aesthetic and cultural and historical category. Above all, style is a choice of linguistic means expressing a particular sense. However, this choice refers not only to phonetic, lexical, grammatical language resources; it relies upon certain key compositional and pragmatic patterns of text building.

Г.Н. Ермоленко

Смоленский государственный университет

УДК 821.133.1

ОСОБЕННОСТИ ПАСТОРАЛЬНЫХ ЖАНРОВ В ПОЭЗИИ П. РОНСАРА

Ключевые слова: французская поэзия; творчество Ронсара; пасторальные жанры; античные, библейские, средневековые традиции.

В статье рассматриваются три пасторальных жанра поэзии Ронсара: ода, сонет, эклога. Анализируются приемы трансформации античной, библейской средневековой традиций интерпретации пасторальных сюжетов, образов, мотивов.

Пасторалистика (пастушеская литература) – многовековое, сложное и многоаспектное литературное явление, воплотившееся в различных видах искусства (литературе, живописи, музыке, театре, декоративно-прикладном и садово-парковом искусстве). Основные жанры пасторальной (буколической) литературы (буколика, идиллия, эклога, буколический роман) (1) сформировались в античную эпоху. В средние века в поэзии трубадуров возник жанр пастуреллы. В литературе Ренессанса появились пасторальная драма и роман. Все названные жанры объединяет общность художественного мира, *пасторального универсума*, наделенного рядом характерных признаков: 1) особый тип персонажей, 2) фиксированное время и место действия, 3) определенная система ценностей, базирующаяся на противопоставлении городской и сельской жизни.

В ренессансной литературе пасторалистика переживала пору расцвета. Эпоха была благоприятна для развития пасторальных жанров прежде всего потому, что ренессансная философия и культура тяготели к утопии, а для пасторали идеализирующее утопическое начало так же характерно, как и мифологизирующая тенденция. Главной особенностью пасторалистики эпохи Возрождения было ее впечатляющее разнообразие. Понятие разнообразия (*varietà*) является ключевым для эстетики Ренессанса, рассматривается как стержень ренессансного типа культуры [3, с. 14]. Разнообразие подразумевает, в первую очередь, сочетание разнородных традиций. По выражению Л.М. Баткина, «Ренессанс – это культура общения культур» [2, с. 187]. На фоне разнообразия в ренессансных произведениях ощущается поиск гармонии, стремление преодолеть противоречия в синтезе. Это касается и пасторальной поэзии, в которой переплетение античных, фольклорных, библейских, средневековых традиций не препятствовало новому их толкованию, свойственному Ренессансу. Нередко традиционные элементы модернизировались, существенно при этом трансформируясь.

Все вышесказанное присуще поэзии П. Ронсара, лидера Плеяды, ведущего представителя французской поэзии эпохи Возрождения. Ронсар вступил на путь литературного творчества в начале 1550-х годов, пасторальные мотивы и жанры характерны для первых двух десятилетий его деятельности, самых плодотворных и ярких. В развитии пасторальной поэзии Ронсара выделяются три периода: 1) начало 1550-х годов, когда поэт создает свои оды, 2) середина 1550-х годов, время создания цикла сонетов «Любовь к Марии», 3) конец 1550 – начало 1560-х годов – период создания эклог.

В 1550–1552 годах Ронсар пишет оды в духе Горация и Пиндара. Буколические мотивы присутствуют в гораццианских одах, написанных восьмисложником (некоторые из них поэт сам называл пасторальными). Гораций в своих одах идее быстротечности бытия противопоставлял умение наслаждаться радостями жизни, ловить мгновение (*carpe diem*) и утверждал, что по-

бедить смерть может лишь поэзия. Суежной погоне за богатством и почестями противопоставлялась в одах Горация жизнь на лоне природы с ее простыми удовольствиями.

Для поэзии Горация характерно отсутствие развернутых описаний, упоминание конкретных деталей на фоне отвлеченных рассуждений. Пастушеская тема в одах сводится к характерным приметам, которые являются маркерами пасторального универсума. Так, приметы сельской жизни (*стадо, пасущееся в лугах, пастух, отдыхающий в тени дерева*) упоминаются в 29 оде третьей книги «К Меценату» в контексте рассуждений поэта о превратностях фортуны и противопоставления прелестей скромной жизни на лоне природы «*грохоту, дыму и пышным зданьям*» Рима [6, с. 174]. В 12 оде четвертой книги, где описывается наступление весны, Гораций снова перечисляет характерные приметы пастушеского пейзажа:

Вот пасут пастухи жирных овец стада;
 Лежа в мягкой траве, тешат свирелью слух
 Богу Пану, кому по сердцу скот хранить
 В темных рощах Аркадских гор.

[6, с. 200, перевод О. Румера]

Наряду с самыми общими приметами пасторального локуса, в поэзии Горация упоминается множество конкретных деталей, таких, как названия видов птиц и животных (в 27 оде третьей книги, например, упомянуты *совы, лисы, волчицы, змеи, вороны*, в оде 4 четвертой книги – *орлы, львы, быки, лошади, голуби, овцы, змеи, серны, лани*).

В «жуткой вещественности» Горация заключена большая обобщающая сила. Художественные детали в своей единичности представляют целые классы предметов, области жизни, метонимически их замещая. Так, блестящая на столе «солонка отчая одна», по словам М.Л. Гаспарова, воплощает тему «гордой простоты патриархального быта» [5, с. 422], а восходящие на Капитолий верховный жрец и безмолвная дева-весталка выражают идею вечности Рима [5, с. 426]. Лирика Горация «всеохватна», он меняет темы в пределах одного стихотворения и «развивает одну тему, говоря, казалось бы, о другой» [5, с. 427].

Оды Ронсара не отличаются таким богатством тематики и глубиной трактовки. Он более непосредствен и лиричен в своих зарисовках природы. Тема природы у него самоценна и доминирует в гораццианских одах. Лирическое «я» является центром пасторального мира. Тему природы пронизывают темы, характеризующие лирического субъекта (любви, творчества, жизни и смерти).

Основные изменения происходят в коммуникативной структуре стихотворений. В одах Горация и Ронсара мы находим характерную для лирической поэзии коммуникативную структуру, эксплицирующую фигуры субъ-

екта и адресата с помощью личных местоимений *я* и *ты*. Но оды Горация, как правило, адресованы его друзьям и покровителям (Августу, Меценату, Помпею Вару и др.). Автор адресует также *к римскому народу, к Республике, к римскому юношеству, к пирующим, к алчному, к богачу, к кораблю Вергилия, к лире, к амфоре, к самому себе*, к мифологическим персонажам: музам, Венере, Аполлону, Вакху, Парису и др. Лишь однажды адресатом оды оказывается природный объект (ода 13 второй книги *К рухнувшему дереву*), но это шутовское обращение раздосадованного поэта к дереву, едва не убившему его, не связано с главной темой стихотворения – темой силы и власти поэтического слова.

У Ронсара, напротив, природные объекты выступают в качестве главного адресата оды («Ода моему ручью», «Ода Гастинскому лесу»). Поэт обращается к природе как к живому существу, объясняясь в любви полям и рощам, берегам Луары, Гастинскому лесу:

*Couché sous tes ombrages vers
Gastine, je te chante. (2)*

[10, т. 1, с. 452]

Ронсаровская «Ода на выбор своей гробницы» содержит горацианское противопоставление мира придворной суеты и вольных нив и лесов (ода третья четвертой книги), но главная тема – это мечта поэта слиться с природным миром навечно, покоиться после смерти под сенью вековых елей, куда пастух будет приводить свое стадо, чтобы помянуть поэта.

Новая коммуникативная структура разрушает дистанцию между лирическим субъектом и природной сферой, делает его частью природного целого. Природные объекты воспринимаются через призму сознания лирического *я*. Внимание читателя задерживается на тех предметах, которые вызывают радостное умиление поэта: на *нарядных мотыльках, хлопотливых пчелах, снующих между корнями боярышника муравьях*. Природные объекты привлекают поэта своей живописностью, а не многозначительностью, вызывают эмоциональный отклик в его душе. Он растроган, наблюдая, как жаворонок строит гнездо и кормит птенцов, умилен, услышав смех пастушки в ответ на речи пастушка.

Природный мир Ронсара выглядит более интимным, камерным, нежели мир Горация. В отличие от римского поэта французский лирик упоминает в одах не диких зверей и домашних животных, а птиц, цветы и травы (*ласточки, дрозды, клесты; фиалки, незабудки; анис, горошек, тмин, Melissa, боярышник*). Описывая родные места, известные ему с детских лет, он называет имена рек и лесов (*ручей Беллери, Луара, Гастинский лес*) подобно Горацию, который упоминает *лесистую Бантию, желтый Тибр, журчанье Альбуньи, рощи Тибурна, дородные стада знойной Калабрии*.

К числу приемов, которые Ронсар употребляет вслед за Горацием, относится сравнение героев оды с природными явлениями и представителями животного мира. Традиционным мотивом в любовных одах является тема эротического преследования. Он встречается у Горация в 23 оде первой книги, 5 оде – второй, 11 оде – третьей книги:

Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
Лань, которая мать в дебрях утратила
И напрасно страшится
Леса легкого лепета.

[6, с. 74, перевод А. Семенова-Тян-Шанского]

У Ронсара подобный мотив присутствует в оде XVI второй книги:

*Comme un toreau par la prée
Court après son amourée,
Ainsi tout plein de courrous
Je courray fol après vous.* (3)

[10, т. 1, с. 453]

Общий пасторальный мотив у Горация и Ронсара – пир на лоне природы. У Горация он, как правило, лишь упоминается в форме дружеского приглашения. Ронсар более пространно рисует картину дружеского пира, мечтает *расположиться на мягкой траве под лавровым кустом под шум ручья* (XVII ода второй книги). В V пасторальной оде пятой книги картину пира детализирует упоминание продуктов сельской трапезы (*мед и молоко*).

Традиционный мотив в одах Горация и Ронсара – описание смены времен года. В XXI оде Ронсара упомянуты признаки приближения зимы (*птицы, улетающие в теплые края, чтобы вернуться весной*). У Горация аналогичные детали встречаются в 4 оде первой книги и 7 оде четвертой книги, где речь идет о смене зимы весенним цветением, и одах 17 и 18 третьей книги, где поэт рисует наступление зимы.

Горацианские пасторальные мотивы Ронсар включает в оды «на случай». Так, в оде, посвященной герцогине Маргарите Савойской, поэт помещает зарисовки цветущей природы, упоминает *луга, мягкие цветущие травы, ручьи, виноградные лозы, плодородные поля в окрестностях Гаронны*.

Некоторые оды Ронсара на темы природы превращаются в маленькие поэмы. Для них характерны уже не только упоминания скупых, лаконичных деталей сельской жизни, но и развернутые описания. Так, в «Оде лету» одна за другой сменяют друг друга картинки, изображающие занятия пастуха от рассвета до полудня (*плетение корзин, изготовление ловушек для птиц, купанье в водах ручья*). Подобным образом разрабатываются пасторальные мотивы в «Гимнах временам года» (1555–1556).

Новый способ трактовки пасторальных мотивов получает развитие в сонетах Ронсара. Цикл «Любовь к Кассандре» основан на традициях петраркистской поэзии, но поэт находит в нем место для отдельных пасторальных образов. Он называет себя *певцом вандомских роцц*, посылает привет *родным лугам*, вспоминает *овраги, вырубки, наливной колос полей*, сравнивает возлюбленную с *майской лилией*. В элегии Кассандре 1554 года он называет себя *буколическим поэтом*:

*J'avoï desja commencé de trasser
Mainte Elegie à la façon antique,
Mainte belle ode, et mainte Buccolique.*

[9, с. 342]

Стихи цикла «Любовь к Марии» (1555–1556) пронизывают илиллические мотивы, восходящие к разнообразным традициям античной и средневековой поэзии. В стихотворном предисловии к циклу Ронсар демонстративно отказывается от петраркизма сонетов к Кассандре и от возвышенного стиля в манере Пиндара и избирает своим девизом естественность и простоту. Обращение к новым традициям выражается в смене стихотворного размера. От десятисложника цикла, посвященного Кассандре, поэт обращается к двенадцатисложнику, вызывающему ассоциации с гекзаметром, размером античной буколической поэзии. Отношения влюбленных переносятся на лоно природы. Поэт признается в неприязни к городской жизни.

Исследователи отмечают, что образ Марии в цикле становится «воплощением буколико-идиллического канона, ассоциируясь для поэта с нимфой-цветком, с богиней растительного царства» [7, с. 121]. Поэт опирается в данном случае на традиции фольклора, средневековой поэзии и идиллий Феокрита. Образ возлюбленной «растворен» в природе: грудь любимой поэт сравнивает с *горками молока*, соски – с *бутонами*, лицо – с *распустившимся цветком*, ноги и руки – с *ветвями дуба*, голос – с *журчанием ручья*. Она появляется с цветами в корсаже, в волосах, с букетами в руках. Влюбленный поэт называет ее *свежим цветком, нежной весной, милой горлицей*, сравнивает с *косулей*, за которой *гнался во сне*.

28-е стихотворение цикла построено целиком на пасторальных мотивах, традиционных для фольклора, средневековой и ренессансной поэзии. Уговаривая возлюбленную склониться к его любовным призывам, поэт приводит в пример любовные игры воробьев и горлиц, пастухов и пастушек, провозглашая любовь великим законом природы. Возлюбленная поэта – хозяйка цветущего садика, который она заботливо поливает собственными руками. Любимые занятия влюбленных – прогулки на природе. Эти мотивы возникают в XXIII сонете, который представляет собой подражание средневековому жанру альбы (утренней песни).

Марии посвящено аллегорическое «Путешествие в Тур влюбленных Туане и Перро», в котором главной является тема любовного томления (тема, встречающаяся в идиллиях Феокрита и эклогах Вергилия). Лирический герой мечтает вести уединенную, размеренную жизнь на лоне природы, пасти стада вместе с возлюбленной, отдыхать под тенью дуба на мягкой цветущей траве, провести так всю жизнь и быть похороненным среди лугов. Эти мотивы, как и мотив материнского запрета, который мешает союзу влюбленных, отсылает к XI идиллии Феокрита. Поэт хочет умереть от любви и быть похороненным в одной могиле с любимой (мифологический мотив, восходящий к сюжету о Пираме и Фисбе из поэмы Овидия «Метаморфозы» в стихах 156-157 книги четвертой).

В аллегорической поэме «Блаженные острова» (1555), где поэт грезит о бегстве от тягот войны на сказочные острова с не вянущей никогда природой, мечтает об иных небесах и полях, о безмятежном времяпрепровождении в играх и забавах, появляется новый мотив пасторального мифа о Золотом веке, подготавливающий появление эклог.

К созданию эклог поэт пришел к концу 1550-х годов. Специалисты считают, что лидера Плеяды привели к эклоге увлечение александрийским стихом и взятая им на себя новая роль придворного поэта [4, с. 376].

Во французской пасторальной поэзии XVI века жанр эклоги считался ведущим. В манифесте Плеяды 1649 года эклога была упомянута как один из античных жанров, которые следовало возродить в современной литературе, содержались рекомендации подражать образцовым представителям буколической литературы: Феокриту, Вергилию, Саннадзаро (4).

Лавры создания жанра эклоги среди поэтов Плеяды принадлежат Ж.А. де Баифу, который написал все свои эклоги в период с 1554 по 1559 год. В эти же годы с эклогами выступили Ж. Воклен де ля Френе, Ж. Тауро и Ж. Дора. Но 1550-е годы оставались временем расцвета сонета. Период популярности эклоги наступил несколько позже – в начале 1560-х годов.

Для ренессансной эклоги характерны пасторальный декор и персонажи, а также драматизированная форма агона, состязания пастухов-поэтов, где чередовались короткие диалоги и пространные монологи участников. Жанр представляли две формы: эклога-буколика, основанная на античной традиции Феокрита и Вергилия, и пастораль (*bergerie*) – жанр придворной поэзии, предназначенный для сценического исполнения [10, т. 1, XII]. Жанровые разновидности различались по количеству персонажей (в буколике выступали 2–3 персонажа, в пасторали их могло быть значительно больше). Эклоги-буколики делились на *деревенские*, ориентированные на традицию Феокрита, и *символические*, подражающие Вергилию.

Из пяти эклог Ронсара вторая, третья и четвертая относятся к жанру буколики. В них в соревнование вступают два или три певца, арбитр присуждает

первенство одному из них. Первая и пятая большие парадные эклоги относятся к драматизированному жанру пасторали, или *bergerie*. Все эклоги включают элементы как «деревенской», так и «символической» разновидности жанра.

В собраниях сочинений Ронсара эклоги помещены в одном разделе со сценариями маскарадов. Сходство проявляется в том, что во многих эклогах мифологические персонажи – это маски, за которыми скрываются реальные лица. Так, в эклоге, посвященной покровителю поэта, секретарю коннетабля Монморанси Ж. дю Тие (1559), под вымышленными пастушескими именами выведены друзья поэта. Под маской Перро скрывается Ронсар, под именем Белло – Ж. Дю Белле, под Беленом подразумевается Р. Белло. В виде языческих богов изображены королевские особы (Пан – Генрих II, Палес – Екатерина Медичи, Диана – Диана де Пуатье, Феб – Карл Лорренский). В пасторали 1565 года герцог Орлеанский выступает под именем Орлеантена, герцог Анжуйский – под именем Анжено, король Наваррский назван Наварреном, Андре де Гиз – Гизеном, Маргарита, герцогиня Савойская – Марго.

Эклоги, помимо античных традиций, опираются на Библию и фольклор. В Ветхом Завете пастухами являются праотцы и иудейские цари. В Пророческих книгах и Новом Завете овцами именуются верующие, а пастырем является Господь. Библейские традиции ведут к мифологизации пасторального универсума.

Поэт неоднократно обращается к популярному в пасторальной традиции мифу о Золотом веке. Миф осмыслен в эклогах в связи с политической темой процветания государства. С ним связаны новые для пасторальной поэзии Ронсара темы войны и мира. Пасторальный универсум противопоставляется уже не столько суетному миру городов, сколько кровавым распрям, жестокой кровопролитной брани.

В стихотворном вступлении к эклогам, опираясь на авторитет Священного Писания и античного эпоса, поэт устанавливает связь между пасторальной и политической тематикой. Ссылаясь на библейские примеры царя-пастуха Давида-псалмопевца, пастуха-законодателя Моисея и цитируя Гомера, называвшего царей «пастырями армий», Ронсар демонстрирует близость понятий *царь* и *пастух*:

*Les Rois et les Pasteurs ont mesme estat de vivre:
L'un garde les troupeaux, par l'autre sont conduits
Les peuples sous le loy de leurs scepters reduits* (5).

[10, т. 1, с. 916]

К числу пастырей народов Ронсар относит и поэтов. В эклогах под именами пастухов выведены как лица королевской крови, так и поэты Плеяды. Автор утверждает, таким образом, не только величие власти, но и величие поэзии.

Эклоги написаны двенадцатисложником, размером, имитирующим греческий гекзаметр, размер буколической поэзии, но в пасторальных двенадцатисложник чередуется с десятисложником, что сигнализирует об использовании в них, наряду с античными, средневековых традиций. Тема процветания государства и тема поэзии в эклогах соединяются и чередуются.

Первая большая эклога-эпиталама Ронсара создана в 1559 году по случаю бракосочетания Карла Лорренского. Действие эклоги разворачивается в мифологическом античном антураже, в священном гроте, где пастухи славят Палладу и Бахуса и поют хвалу Карлу. В текст вводятся мифологические персонажи (музы, нимфы, силены). Пространные описания природы насыщены упоминаниями языческих богов, покровителей пастухов (Аполлон, Парис, Адонис). Наряду с персонажами древнегреческой мифологии в эклоге выступают феи, героини средневекового фольклора.

В богатом тематическом спектре пасторальной поэзии выделяется на этот раз тема плодородия. Основная часть эклоги, изображающая свадебный обряд, включает образы не только античной поэзии, но и фольклорной, обрядовой. Пастухи взывают к богу Гименею, поют величальные песни в честь жениха и невесты, пророча им радости первой брачной ночи и желая славного потомства. В стиле эклоги чередуются изысканные метафоры и сниженные образы, что характерно для античной буколки [8, с. 147].

Вторая–четвертая эклоги посвящены теме поэзии. Вторая эклога стилизована в духе античных образцов и одновременно модернизирована, как было свойственно «поэзии с ключом» эпохи Возрождения. Здесь вступают в соревнование пастухи Белло и Перро (Дю Белле и Ронсар), упоминаются сборник Дю Белле «Олива», сонеты к Кассандре Ронсара. В текст вводятся характерные для поэтов Плеяды темы и образы. Так, Перро (Ронсар) воспеваает красоты родных мест, описывает цветущие берега Луары, его песня представляет собой каталог общих мест пасторальной лирики Ронсара.

Эклога представляет центральный тематический комплекс античной буколической поэзии: темы природы, любви и творчества. В идиллиях Феокрита и эклогах Вергилия любовь является творческой силой, пробуждающей поэтический дар. У Ронсара также природа пробуждает любовь и способность к творчеству, любовь является наградой за поэтический дар, благодарные поэты славят красоту природы и красоту женщины. Текст насыщен реминисценциями из Феокрита и Вергилия. Описывая портрет Беллена, поэт заимствует детали из VII идиллии Феокрита. Сравнивая достоинства брюнетки, в которую влюблен Перро, и блондинки, возлюбленной Белло, Ронсар опирается на эклоги Вергилия. Исследователи называют эту эклогу блестящим собранием общих мест буколической поэзии, находя в ней реминисценции из Феокрита, Вергилия, Саннадзаро [10, т. 1, с. 406].

В третьей эклоге, посвященной братьям Робле (1563) и насыщенной образами и мотивами из VIII и IX идиллий Феокрита, сравниваются различные манеры и стили эротической поэзии. Поэт делает вывод о равных достоинствах всех видов песен. В эклоге присутствует фольклорное начало, овидианские и петраркистские образы. Куплеты Френе и Марион соединяют темы любви и смерти. Подобная трактовка любовной темы характерна для мифа, буколической поэзии, «Метаморфоз» Овидия, а также для ренессансных произведений, созданных в подражание Овидию (как «Фьезоланские нимфы» Дж. Боккаччо). Ронсар изображает любовное единение как смерть и воскресение. Пастух клянется в верности любимой, собирается жить и умереть вместе с ней. Песня Алюйе развивает эротическую тему чувственной женской прелести в духе буколической поэзии. Пастух хвалит гладкую кожу своей возлюбленной Жанетт, сравнивает ее *белизну с молоком и лебединым крылом, румянец со свежей розой*. В песне Амморика овидианские и петраркистские метафоры (*любовь/огонь, поцелуи/жар среди зимней стужи*) вводятся в фольклорную песенную форму (куплеты, заканчивающиеся рефреном).

В четвертой похвальной эклоге Карлу IX (1563) персонажи оценивают сравнительные достоинства любовной и пейзажной лирики. Теме природы посвящены медитативные песни Ксандрена. Он призывает весну и воспевает способность человека жить надеждой. Карлен поет о любви, которая оживляет природу. Лансак (под этой маской скрывается, как считают комментаторы, Сен-Желе) судит соревнование и признает достоинства певцов равными.

Центральное место среди эклог Ронсара занимает Пастораль (Bergerie) 1565 года с балетом в честь Валуа. Она построена, как и другие эклоги, на принципе амебейного пения, изображает состязание поэтов. Главной в эклоге является тема Золотого века. Современные политические реалии проецируются на популярный буколический миф. В эклоге объединяются мифопоэтическое и утопическое начала. Присутствующий, как правило, в эклоге эпический элемент [8, с. 137] вытесняется лирическим, замещается одическим прославлением королевской семьи.

Пролог противопоставляет природу и цивилизацию. Окультуренная садово-парковым искусством природа противопоставляется сельской дикой простоте. Поэт отдает предпочтение природе перед искусством. Аналогичным образом он предпочитает наивное, безыскусное пастушеское пение высокому стилю трагедии.

В центральной части эклоги пять пастухов, соревнуясь, слагают песни о Золотом веке, который трактуется как мир без войн. Сольное пение чередуется с хорами. Агон (поэтический диспут) предваряется пространственным описанием даров, которые должны достаться победителю. В амебейном пении сменяются размеры, ритм, форма строфы.

Песни пастухов и пастушек посвящены прошлому, настоящему и будущему Франции. Партии Марго, Орлеантена и Анжело (маски Маргариты Савойской, герцога Орлеанского и герцога Анжуйского) связаны с прошлым, прославляют династию Валуа. Марго посвящает свою песнь *матери королей, солнцу Франции* – Екатерине Медичи. Пастух-гость поет славу Италии – родине Екатерины. Орлеантен славит мир, который принесли Франции Екатерина Медичи и ее супруг Генрих. II. Анжело оплакивает смерть короля, *бренному, обманному здешнему миру* противопоставляя *мир запредельный, луга невянущих цветов*. Пасторальные признаки приобретают метафизический характер, приписываются идеальному небесному царству.

Партии Гизена и Наваррена (короля Наваррского и герцога Гиза) соединяют темы прошлого и будущего. Наваррен воспеваает Золотой век с его *свободой, простотой нравов и вечной весной* и выражает надежду, что молодой король вернет славное прошлое. Партия Гизена содержит наставление молодому королю, представляющее собой развернутую программу воспитания идеального монарха (призыв к милосердию, советы овладеть искусствами и ремеслами, воспитывать тело и душу, учиться управлять народом и просвещать его).

Соединение мифотворческого и утопического начал на материале мифа о Золотом веке чрезвычайно характерно для ренессансной пасторальной литературы. Как писал Л.М. Баткин по поводу романа Я. Санныдзаро «Астрея», «Аркадия была идеальным прошлым и вместе с тем идеальным будущим, воспоминанием и желанием гармонии, но ее истинно ренессансная суть заключалась все-таки не в устремлении к иным временам, а в способности мифотворчески возвышать настоящее» [1, с. 247]. Вместе с тем в эклоге поэту удастся искусно соединить этикетные мотивы прославления монарха и намеки на неудовлетворенность настоящим, свойственные утопической модальности.

В 1560-е годы Ронсар включает пасторальные мотивы в произведения, не относящиеся к собственно пасторальным жанрам. Они присутствуют, например, в элегии «Адонис» (1565), где разрабатывается известный эпизод из поэмы Овидия «Метаморфозы». Приобщая миф к пасторальной традиции, автор называет героя не только охотником, но и пастухом. К элементам пасторали относится мотив весеннего цветения природы и гармонирующего с ним союза влюбленных. Ронсар вводит в известный сюжет многочисленные реалии пастушеской поэзии, придавая повествованию характерную для буколической ироническую модальность. Шутливая трактовка пасторальных мотивов граничит с пародированием. Любовь Венеры, по словам автора, проявляется в том, что она вникает во все тонкости пастушеских занятий Адониса, знает имена его овец, быков и собак. Вместе с ним она гонит стадо на пастбище, мечтает стричь вместе с ним овец, делать сыры, плести корзины, по вечерам

приносить в подоле забытого на лугу ягненка, предаваться любви посреди блеющего стада, подобно быкам и коровам.

Основной конфликт и даже трагическая развязка также трактуются иронически благодаря введению бурлескных, снижающих характеристик персонажей. Образ Марса наделяется чертами сословной спеси (к решению отомстить его приводит презрение к противнику-простолюдину, которого невозможно вызвать на поединок). Венера после гибели Адониса забывает его, увлекшись фригийским пастухом Анхизом, чем, по мнению поэта, напоминает всех женщин, любовь которых длится не долее, чем жизнь *апрельского первоцвета-однодневки*. Наличие пародийных элементов в элегии, с одной стороны, указывает на овидианскую традицию, поскольку для поэмы «Метаморфозы» характерно снижение патетических и трагических образов и мотивов, являющееся одной из красок в палитре античного поэта, стремившегося к разнообразию. С другой стороны, проникновение комического начала в трагический сюжет свидетельствовало о нарастании маньеристских тенденций в поэзии Ронсара.

Как видим, пасторалистика Ронсара весьма разнообразна. Он опирался на богатые традиции античной литературы, Библии, фольклора, средневековой поэзии, разрабатывая прежде всего три основных типа жанров, включающих пасторальное начало: пасторальную оду (гимн), пасторальную песню (сонет) и жанр придворной эклоги в драматизированной форме, предназначенной для сценического представления. Если пасторальная ода Ронсара ориентирована на традицию Горация, то сонет – на буколическую поэзию Феокрита и Вергилия, а эклоги – на библейскую и мифологическую традиции трактовки пасторальной тематики. Во всех случаях Ронсар находит оригинальные штрихи, обновляющие существующую поэтическую традицию, что придает его пасторальным произведениям печать неповторимого своеобразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баткин Л.М. Зарождение новоевропейского понимания культуры в жанре ренессансной пасторали // Проблемы итальянской истории. М., 1983.
2. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. М., 1995.
3. Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990.
4. Виппер Ю.Б. Поэзия Плеяды: Становление литературной школы. М.: Наука, 1976.
5. Гаспаров М.Л. Гораций, или золото середины // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995.
6. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970.
7. Косиков Г.К. Творчество поэтов Плеяды // Андреев Л.Г. [и др.]. История французской литературы. М.: Высшая школа, 1987.

8. Попова Т.А. Буколика в системе греческой поэзии // Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981.
9. Hulubei A. L'éclogue en France au XVI siècle. P., 1938.
10. Ronsard P. Oeuvres complètes. P.: Gallimard, 1965.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термины *буколика* и *пастораль* происходят от прилагательного *пастушеский* в древнегреческом и латинском языках. Идиллия (картинка) – жанровое обозначение буколических стихотворений Феокрита. Эклога (избранное) – латинское жанровое наименование «Буколик» Вергилия.
2. Расположившись в твоей зеленой тени, я славлю тебя, Гастинский лес.
3. Как бык мчится по лугу за своей возлюбленной, так я в безумии страсти вас пре- следовал.
4. Роман итальянского поэта и прозаика Я. Саннадзаро (1458 – 1560) «Аркадия» (1480 – 1486, опубликован в 1504 году) был переведен во Франции в 1544 году.
5. Короли и Пастухи заняты одним и тем же: одни пасут стада, другие являются вождями народов, подчиняя их законам.

G.N. Ermolenko

Peculiarities of P.Ronsard's Pastorals in Verse

Key words: *French poetry; Ronsard's works; kinds of pastoral, antique, biblical and medieval traditions.*

The article examines three kinds of Ronsard's pastoral: ode, sonnet and eclogue. The ways of transformation of antique, biblical and medieval traditions of interpretation of pastoral plots and characters are analyzed.

М.П. Тихонова

Смоленский государственный университет

УДК 821.133.1-93; 811.133.1'38

БОГАТСТВО, КОТОРОЕ ОСТАЕТСЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ: О ЛИТЕРАТУРНОЙ, ИЗДАТЕЛЬСКОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖАКА ШАРПАНТРО

Ключевые слова: *современная французская детская поэзия; тематика; жанры; поэтические формы; игровая поэзия; стилистические особенности.*

Жак Шарпантро – современный французский поэт, пишущий для детей, исследователь поэзии, составитель многочисленных поэтических антологий для юных читателей. Поэта всегда волновала проблема знакомства и при-

общения ребенка к поэзии. Этому вопросу он посвятил две книги – «Enfance et Poésie» и «Le Mystère en fleurs». Детская поэзия Шарпантро отличается разнообразием тем, жанров, форм, стилистических приемов. Это, в первую очередь, игровая поэзия, поэзия, которая будит воображение ребенка, заставляя его по-новому взглянуть на окружающий мир.

Жак Шарпантро (родился в 1928 году) – современный французский поэт, исследователь поэзии, ее популяризатор. Литературная деятельность Шарпантро разнопланова и многообразна. Он известен не только как автор стихов для детей и для взрослых, но и как составитель многочисленных поэтических антологий. Сегодня Ж. Шарпантро по праву считается одним из лучших специалистов в области теории и педагогики поэзии, являясь ключевой фигурой в деле издания поэзии для детей и юношества во Франции.

Как и многие другие детские поэты, Шарпантро получил в молодости педагогическое образование и в дальнейшем связал всю свою профессиональную жизнь со школой. Сначала он работал учителем начальных классов, затем преподавал литературу в средних и старших классах, в коллеже и лицее.

Сам Жак Шарпантро учился в коллеже Шапталль в Париже, куда он поступил в 1941 году. В этом коллеже был замечательный учитель литературы Андре Шаторе. Встреча с этим преподавателем оказалась для Жака Шарпантро судьбоносной. Именно под его влиянием у Шарпантро появился интерес к литературе, особенно к поэзии, начал раскрываться его поэтический талант, возникло желание учить любимому делу других. Все это впоследствии подтолкнуло Шарпантро к выбору педагогической профессии, которая, судя по поэтической плодотворности автора, не только не помешала, а, наоборот, благоприятствовала его поэтическому творчеству.

Поэзия стала делом всей жизни Жака Шарпантро, предметом его литературных и педагогических исследований. Педагогический опыт поэта привел его к убеждению в необходимости широкого использования поэзии в школе, к уверенности в том, что поэзия может стать очень ценным и эффективным инструментом в руках умелого преподавателя, знающего, как этим инструментом пользоваться.

Во многом именно благодаря преподавательской, литературной и просветительской деятельности Жака Шарпантро поэзия была введена в образовательный процесс и стала неотъемлемым элементом просвещения и воспитания ребенка во французской школе.

До самого выхода на пенсию в 1984 году Шарпантро совмещал литературное творчество с преподаванием литературы. В 1996 году одна из вандейских школ в местечке Сент-Илер-де-Лож была названа именем Жака Шарпантро – Groupe scolaire Jacques Charpentreau, что, бесспорно, говорит о признании его заслуг перед французской школой как педагога и как литератора.

Ж. Шарпантро активно занимается издательской деятельностью. Еще в 1972 году в известном парижском издательстве «Les Éditions Ouvrières» Шарпантро основал серию «Enfance heureuse», которая специализируется на издании детской поэзии. Сам Шарпантро выпустил в этом издательстве ряд поэтических сборников, антологий и эссе, посвященных поэзии.

Первое издание его поэтической антологии для детей «*Poèmes d'aujourd'hui pour les enfants de maintenant*», в которой было собрано 200 стихотворений французских поэтов первой половины XX века (начиная с 1913 года), увидело свет в 1958 году. Эта антология была переиздана в 1973 году в серии «Enfance heureuse».

Кроме издательской серии «Enfance heureuse», Шарпантро создал в 1985 году музыкальную серию для детей и юношества «Le Paradisier», которая выпускала пластинки и кассеты с записями песен на стихи французских поэтов. В музыкальном оформлении стихотворений участвовали такие известные французские композиторы, как Джеймс Оливье и Жак Дуэ. За шесть лет существования «Le Paradisier» вышло четырнадцать музыкально-поэтических выпусков.

В 1986 году при участии Ж. Шарпантро брюссельское издательство «Les Éditions Vie Ouvrière» и парижский издательский дом «Les Éditions Pierre Zech» выпустили совместную серию «Pour le Plaisir», которая к 1992 году насчитывала 16 поэтических сборников.

С 1990 года Жак Шарпантро возглавляет в крупном парижском издательстве «Hachette Jeunesse», выпускающем книги для юных читателей, поэтическую серию «Fleurs d'encre», под эгидой которой выходят поэтические антологии для детей.

Со времени выхода первой антологии в 1958 году и по сегодняшний день под редакцией Ж. Шарпантро было издано несколько десятков антологий поэзии для юных читателей. Для своих антологий Шарпантро отбирает стихотворения, принадлежащие перу как классических, так и современных французских поэтов. Среди них есть тематические сборники, например: «*Poèmes pour les saisons*», «*La Ville en poésie*», «*La Fête en poésie*», «*Les Oiseaux et les animaux de l'air en poésie*», «*Les Animaux sauvages en poésie*», «*La France en poésie*», «*Poèmes pour toi, maman*», «*Le Rire en poésie*» и другие. Как видно из названий, в центре каждой из перечисленных антологий одна из традиционных для детской литературы тем: времена года, природа, город, праздник, животный мир, родной край, мать и дитя, юмор в поэзии и т.п.

Тема животного мира в литературе для детей неисчерпаема. Многообразие и многогранность темы о животных в детской поэзии позволяет вычлени в ней разные тематические и жанровые направления, некоторые из которых и представлены в антологиях Ж. Шарпантро. Например, для антологии «*Les Animaux sauvages en poésie*» Шарпантро подобрал стихотворения фран-

цузских поэтов, посвященные диким животным, в сборнике «*Les Oiseaux et les animaux de l'air en poésie*» собраны стихи о птицах и прочих летающих созданиях.

Но нередко поэтические антологии Жака Шарпантро строятся вокруг менее традиционных, а подчас и неожиданных, на первый взгляд, для детской поэзии тем: огонь («*Le Feu en poésie*»), фантастика («*Le Fantastique en poésie*»), религия («*La Vie de Jésus racontée par les poètes*»), республика («*La République nous appelle!*»). Последняя антология посвящена революционной тематике со времен Французской революции 1789 года до наших дней.

Такая обширная и разнообразная тематика, представленная в поэтических антологиях для юных читателей, составленных Жаком Шарпантро, является одним из подтверждений широкого взгляда поэта на поэзию, его мысли о том, что границы между поэзией для взрослых и для детей размыты либо их не существует вовсе. Жак Шарпантро выбирает те темы и те стихотворения, которые, по его мнению, вполне могут быть интересны и понятны читателям любого возраста, в том числе и детям. Именно поэтому в его антологиях собраны стихотворения как детских поэтов второй половины XX века, так и признанных поэтов-классиков.

При составлении антологий Ж. Шарпантро руководствуется не только тематическим, но и жанровым принципом. Именно поэтический жанр лег в основу сборника басен «*La Cigale, le Renard et les autres*» и сборника считалок «*Mon premier livre de comptines*».

Продолжая заниматься активной издательской деятельностью, Жак Шарпантро руководит парижским Домом поэзии (la Maison de Poésie), президентом которого он был избран в 1989 году, сменив на этом посту известного поэта Пьера Менанто. До этого два года Шарпантро выполнял функции администратора Дома поэзии. Сегодня Дом поэзии под руководством Жака Шарпантро издает книги, проводит литературные встречи, поэтические вечера, организует конференции, присуждает премии в области поэзии для детей и юношества. У Дома поэзии есть свой литературный журнал «*Le Coin de Table*». Он выходит четыре раза в год и публикует стихотворения современных франкофонных поэтов, статьи и критические заметки о поэзии.

Издавая поэтические сборники, антологии, Жак Шарпантро занимается параллельно и исследованием поэзии.

В 2006 году Шарпантро выпустил терминологический словарь французской поэзии «*Dictionnaire de la poésie*» [1] – итог многолетних исследований поэта. Это внушительное издание, в котором более тысячи страниц, представляет огромный интерес для самой широкой аудитории – от специалистов-филологов, занимающихся изучением поэзии, до тех, для кого поэзия не является предметом профессионального интереса, кто любит поэзию, интересуется ею. В словаре Ж. Шарпантро очень полно отражено все,

что составляет французскую поэзию и поэзию вообще. Здесь можно найти толкование самых разных терминов, связанных с поэтическими жанрами и направлениями, версификацией, поэтическими формами и приемами, которые автор иллюстрирует примерами из французской поэзии разных веков. Из словаря Шарпантро можно почерпнуть информацию и об истории французской поэзии, ее представителях.

Исследовательский интерес Шарпантро к поэзии проявился еще в восьмидесятых годах XX века, когда вышли в свет его поэтические сборники «*Poésie en jeu*» [8] и «*La poésie dans tous ses états*» [3].

В первую книгу поэт включил те из своих стихотворений, которые принадлежат к игровой поэзии, в которых ярко выражено людическое начало. Здесь есть алфавитные стихи, акrostихи, анаграммы, каллиграммы, центоны, поэтические шарады и ребусы, считалки, загадки, басни и многое другое. В конце книги Шарпантро знакомит юных читателей с этими игровыми поэтическими формами и приемами, давая их краткое описание с отсылкой к тем страницам, где фигурируют сами тексты.

Многие из этих стихотворений принадлежат к области так называемой «загадочной поэзии», их можно рассматривать как полускрытое сообщение. Нередко, если в стихотворении нет типографского выделения, специальной маркировки или других подсказок читателю, зашифрованные слова (сообщения) чаще всего не бросаются в глаза. Поэтому Шарпантро иногда дает подсказки своим читателям. Например, обращая внимание на особенность одного из стихотворных акrostихов, автор поясняет, что его разгадка кроется в правой части текста. Ответ на загадку-акrostих о кошке «*Quel est-il?*» [8, с. 80] можно узнать, если сложить по вертикали последние буквы каждого стиха:

Quel est cet animal
Qui vient de faire escale
Dans le vieux bric à brac
Au fond du jardin? Ah!
C'est sous le réséda
Qu'il mène son sabbat!

По такому же принципу построен и сборник «*La poésie dans tous ses états*», в котором основное внимание Шарпантро уделяет поэтическим жанрам и формам стихосложения (от сонета и баллады до персидского рубаи и арабского заджала) и французской версификации, объясняя, что такое рифма, стихотворный размер и т.д.

Моносиллабический стих поэт иллюстрирует таким примером [3, 85]:

Là
quand
s'en
va

l'an
veuf
s'en vient
un
an
neuf

Задача Шарпантро заключалась, конечно, не только в том, чтобы дети больше узнали о поэзии, узнали о новых поэтических приемах и их названиях (в просветительской миссии подобного рода книг Шарпантро у нас нет никаких сомнений). Поэт стремится научить детей вчитываться в поэзию, проникать в ее суть, понимать ее и любить.

Итогом размышлений поэта о месте и роли поэзии в жизни ребенка стали две книги – «*Enfance et Poésie*» (1972) [2] и «*Le Mystère en fleur*» (1979) [5]. В этих эссе поэта волнуют вопросы знакомства и приобщения ребенка к поэзии. Шарпантро считает, что у поэта и ребенка есть много общего: их роднит и то, как они воспринимают окружающий мир, и то, как с помощью языка они выражают свои мысли и чувства. По мнению автора, союз ребенка и поэзии – тройственный союз, ибо в его основе лежат три элемента, три качества, сближающие детство и поэзию: невинность, свежесть восприятия (незамутненный взгляд), свобода мысли и воображения.

Шарпантро размышляет о том, как семья и школа могут привить ребенку любовь к поэзии, научить понимать и чувствовать поэзию, помочь ему самому научиться писать стихи, а может быть, и стать поэтом, несмотря на обостряющуюся в нем с возрастом борьбу между рациональностью и чувствительностью. Поэт пытается дать ответ на вопрос, как не растерять с годами любовь к игре, удовольствие от слов, звуков, ритма и будоражащих воображение образов. В мире ребенка и поэзии Жака Шарпантро мы встречаемся с поэтами прошлого и настоящего, которые обращаются к детям, с детьми, которые говорят стихами и создают поэзию.

По мнению поэта, обучение поэзии может принести ребенку огромную пользу. Детство – лучший момент для встречи с поэзией, а школа – самое подходящее для этого место. Тем более что чаще всего школа так и остается для ребенка единственной возможностью познакомиться с поэзией и попробовать себя в поэзии. Если и справедливо мнение о том, что в каждом ребенке живет поэт, то в одном можно быть уверенным – без участия учителя (или, что бывает реже, родителей) приобщение ребенка к поэзии невозможно. Контакт с поэзией – это то богатство, которое остается у человека на всю жизнь. Так считает Жак Шарпантро, имевший возможность убедиться в этом более чем за тридцать лет работы в школе.

Жак Шарпантро уверен, что в поэзии для детей всегда есть место взрослому читателю, хотя он и убежден в том, что какой-то особой поэзии для детей не существует: «*Не бывает поэзии для детей. <...> А есть <...> просто*

поэзия...» [4, с. 96] (перевод мой. – М.Т.). Об этом Шарпантро говорил в своем выступлении на коллоквиуме, посвященном поэзии и школе, который состоялся в 1987 году в Бельгии. Шарпантро выразил мнение многих своих коллег, утверждая, что нет специальной поэзии для детей: «*A почему бы тогда не быть поэзии для женщин? Для мужчин?*» [4, с. 96] (перевод мой. – М.Т.).

Однако, активно занимаясь издательской и просветительской деятельностью, Жак Шарпантро остается поэтом и, прежде всего, детским поэтом. Отрицая существование детской поэзии, Шарпантро говорит о поэзии, которая подходит и детям тоже. Но нельзя не заметить, что многие его сборники, например «*La ville enchantée*» или «*La banane à la moutarde*», с их тематикой и шуточным настроем явно адресованы ребенку. Наверное, нужно согласиться с теми, кто говорит, что бывает хорошая и плохая литература и все, что относится к хорошей литературе, может быть доступно и детям.

В богатой поэтической копилке Шарпантро как детского поэта сегодня более пятисот стихотворений, опубликованных в одиннадцати сборниках: «*La ville enchantée*» (1976), «*Paris des enfants*» (1978), «*Ce que rêver veut dire*» (1978), «*Mots et merveilles*» (1981), «*Poésie en jeu*» (1981), «*Les cent plus belles devinettes*» (1983), «*La poésie dans tous ses états*» (1984), «*La banane à la moutarde*» (1986), «*Prête-moi ta plume*» (1990), «*Poèmes pour peigner la girafe*» (1994), «*La carpe de mon pommier*» (2004), «*La petite rose des fables*» (2008).

Есть у Шарпантро и переводные издания. Он, например, сделал адаптированный перевод книги стихов известного английского поэта, нобелевского лауреата Т.С. Элиота «*The old Possum's Book of practical cat*», опубликованный в 1983 году под заголовком «*Chat!*».

В 1992 году во Франции вышел номер литературного журнала «*Signes*» [9], целиком посвященный Жаку Шарпантро, что, безусловно, красноречиво говорит о значимости его фигуры в современном франкофонном литературном мире.

В этом выпуске журнала «*Signes*» опубликованы статьи о творчестве Жака Шарпантро, написанные французскими, бельгийскими, швейцарскими и российскими авторами. Среди авторов статей – поэты, прозаики и композиторы, то есть те люди, которые близко знакомы с Жаком Шарпантро, которых связывает с этим автором многолетнее совместное творчество. Здесь есть отзывы и о детском поэтическом творчестве Жака Шарпантро его коллег-детских поэтов, например Жан-Люка Моро, Клода Руа, Фредерика Кьезеля, Жана Оризе, а также Михаила Яснова, который перевел на русский язык немало детских стихотворений поэта.

Известный французский поэт Клод Руа говорит о Жаке Шарпантро как о поэте, «*играющем словами*», называя его «*le joueur de mots*». По мнению Клода Руа, Шарпантро «*пишет такие книги, которые родители покупают для своих детей с тайным желанием прочесть их самим. Прочесть тайком,*

если им не хватит смелости, или вслух, если хватит мудрости...» [9, с. 2] (перевод мой. – М.Т.).

Однажды на вопрос, знает ли он о том, что Жак Шарпантро пишет и детские стихи тоже, Клод Руа ответил: «*А разве Шарпантро пишет какие-то другие стихи?*». Этот ответ поэта снова возвращает нас к проблеме разделения поэзии на поэзию для детей и поэзию для взрослых. По-мнению К. Руа, в поэзии Жака Шарпантро такое разграничение очень условно и зачастую может проявляться лишь в том, что на обложке некоторых поэтических сборников есть специальная маркировка, указание на возраст читателей: например, «*Pour enfants de 8 à 12 ans*», а на других – нет. Можно согласиться с Клодом Руа, если понимать это высказывание в том смысле, что у поэта Жака Шарпантро, безусловно, есть свое собственное лицо, и как в детских, так и во взрослых стихах проявляется его яркая поэтическая индивидуальность. Одна из характерных черт поэзии Шарпантро для детей и для взрослых как раз и состоит в том, что эта поэзия не знает ограничений, поэт не навязывает себе каких-то строгих правил, которые держали бы его в жестких рамках детской или взрослой поэзии. Именно поэтому очень многие стихотворения Шарпантро доступны читателям любого возраста: слова в таких стихах «*совершают головокружительные кульбиты, играют в чехарду... и презируют правила, запрещающие им движение в любом направлении*» [9, с. 2] (перевод мой. – М.Т.). В поэзии Жака Шарпантро нет запрещающих знаков.

Контакт ребенка с поэзией часто начинается со знакомства со считалками и с загадками.

В 1988 году под редакцией Жака Шарпантро вышло третье издание сборника считалок «*Mon premier livre de comptines*» [7], где он дает определение понятию «*la comptine*»: это и рифмовка для счета в игре, и магический текст, используемый в игре, и просто небольшой забавный стишок, в котором поэт, как пишет Ж. Шарпантро, «*может позволить себе все*»: «*On peut y dire n'importe quoi*» [7, с. 5]. С одной стороны, трудно уловить смысл этих загадочных, непонятных текстов, кажется, что они ничего не значат, но, с другой стороны, утверждает Ж. Шарпантро, как и любые магические заклинания, они несут в себе глубинный смысл.

Для этого сборника Шарпантро отобрал как народные, так и авторские считалки. Есть среди этих текстов и считалки, написанные самим Ж. Шарпантро.

Считалки отражают суть игрового мироощущения. Детские игры представляют собой не что иное, как воспроизведение былого обычая, иногда приуроченного к какому-то событию, праздничному дню. В них можно услышать отголоски народных песен, хороводов, колыбельных. И считалка до сих пор – один из любимых детьми фольклорных жанров и, пожалуй, самый распространенный.

В считалках, в этих детских рифмовках, ребенок обнаруживает и поэзию, и игру одновременно. Тем более что во французской поэтической традиции слово *la comptine* означает не только считалку как организационный материал для игры, но и просто развлекательный стишок, который по-русски часто называют «потешкой».

Считалка – это целый ритуал, сопровождающий детские игры, ритуал, связанный с определенными правилами игры, с особым закодированным языком:

Ramigrana	Ramigrano
Au cinéma.	A Bornéo.
Ramigrané	Ramigranu
A la télé.	Tu as perdu.
Ramigrani	
A Tripoli.	<i>Pour éliminer</i> [7, с. 142]

Поэт играет парными рифмами, меняя каждый раз последнюю гласную в конце придуманного им звучного слова *ramigrana* и подыскивая к созданному слову рифму. Именно рифменное и звуковое ожидание определяет выбор слова в каждом четном стихе, причем в первой половине текста поэт подбирает в рифму нарицательные существительные (*cinéma* и *télé*), а во второй части считалки – географические названия (*Tripoli*, *Bornéo*), звуковой облик которых подкрепляет и усиливает ассонанс на [i] и [o] и аллитерацию на [r]. Интересно, что в игре рифм Шарпантро использует весь арсенал французских буквенных гласных от *a* до *u*, идущих друг за другом поочередно в алфавитном порядке.

В этой авторской считалке, как и в большинстве детских считалок, мы обнаруживаем преобладание мелодии, что свойственно детскому творчеству в целом. Считалку всегда отличает словесная, ритмическая и звуковая игра, она часто лишена смысла, и ее главная ценность – в музыкальности, в звучной фонетике. В считалках отражается характерная для ребенка, начинающего осваивать язык, страсть к игре звуками, их соединению в разные комбинации, повторам, «обкатыванию» звуков. Такой игре дети могут предаваться бесконечно, получая огромное удовольствие от своих «фонетических упражнений», создавая цепь бессмысленных, но звучных комбинаций. Ритм считалки – всегда гипнотизирующий, похожий на ритм заклинаний. У Шарпантро весь текст строится на однородном ритме, создаваемом, с одной стороны, за счет того, что в каждом стихе повторяется одинаковое четырехсложное количество элементов, а с другой – за счет единого синтаксического рисунка. Синтаксис этой считалки предельно лаконичен. Его главной особенностью являются однотипные эллиптические конструкции и дистантный корневой повтор, проходящий через весь текст.

Эта считалка Ж. Шарпантро может послужить не только материалом для организации любой игры (когда необходимо определить выбывающего

из игры), но и стать толчком к детскому поэтическому творчеству, к игре в поэзию. Ведь дети могут продолжить вслед за поэтом игру с рифмами, подбирая свои рифмы, наполняя заданную синтаксическую схему собственным содержанием.

Наряду со считалками, к прагматически ориентированным стихотворениям, то есть стихотворениям, предназначенным непосредственно для игры, используемым детьми в процессе игры, принадлежат и загадки.

В 1983 году у Ж. Шарпантро вышла красочно иллюстрированная книга загадок «*Les cent plus belles devinettes*», переизданная в 1993 году [6].

Самый существенный момент в загадке – остранение, так как оно рождает наименее избитые ассоциации, самые неожиданные метафоры. Литературная загадка, продолжая народные традиции, основывается на образном представлении предмета или явления, на сравнении и сопоставлении, на проведении неожиданных параллелей. Именно по такому принципу построены поэтические загадки Ж. Шарпантро [6, с. 30]:

Quand elle est tombée
On ne peut la ramasser
(la pluie)

Поиск ответа на загадку Шарпантро о дожде дает толчок воображению маленького читателя, учит его смотреть на мир «другими глазами». Не случайно Шарпантро считает, что в мировосприятии поэта и ребенка, в их языке есть много общего [2; 5]. В загадке Шарпантро описывает дождь с новой, непривычной и неожиданной для читателя стороны. Он представляет это обычное и не всегда приятное погодное явление как нечто необыкновенное, удивительное и парадоксальное: это нечто падает на землю, но поднять его с земли нельзя.

Эта загадка как своеобразный вид остранения строится на каламбурном алогизме. Шарпантро актуализирует здесь два значения полисемичного глагола *tomber*: ‘падать’, ‘упасть’ и ‘падать’, ‘идти’ (когда речь идет об осадках). Он выводит на первый план первое значение глагола *tomber*, вводя в контекст конкретизирующий его глагол *ramasser* (‘подбирать’, ‘поднимать’), что может навести читателя на ложный след, запутать его. Но ведь, если задуматься, это представление поэта о дожде кажется очень точным, стоит только взглянуть на мир глазами поэта.

Поэт Жак Шарпантро стремится показать нам, «дать увидеть» мир его глазами (вспомним название сборника Поля Элюара «*Donner à voir*»). Из этого нового, «свежего» взгляда на окружающую реальность и рождается поэзия. Привычный для нас мир преобразуется в поэзии Шарпантро так же, как может измениться в детской игре какой-нибудь самый обычный предмет, превращаясь в воображении ребенка в нечто совсем иное, подчас совершенно необыкновенное, фантастическое [8, с. 10]:

Comment peut-on voir les monts et les neiges
Se changer en un troupeau d'éléphants
Qui deviennent un voilier qui s'incline
Puis c'est une main tenant une écharpe?

<...>

*Il suffit de regarder les nuages
Qui se transforment dans le ciel
Au gré de la fantaisie du vent.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Charpentreau J. Dictionnaire de la poésie. P.: Fayard, 2006. 1178 p.
2. Charpentreau J. Enfance et Poésie. P.: Les Éditions Ouvrières, 1972. 200 p.
3. Charpentreau J. La poésie dans tous ses états. P.: Les Éditions Ouvrières, 1984. 248 p.
4. Charpentreau J. L'enfance de l'art // Poëzie en school. Poésie et école. Actes du colloque tenu à Leuven et Louvain-la-Neuve les 17, 18 et 19 novembre 1987 recueillis et introduits par Eugène Van Itterbeek. Leuven: Leuvense Schijversaktie, 1987. P. 89-114.
5. Charpentreau J. Le Mystère en fleur. P.: Les Éditions Ouvrières, 1979. 348 p.
6. Charpentreau J. Les cent plus belles devinettes. P.: Gallimard, 1993. 34 p.
7. Charpentreau J. Mon premier livre de comptines. P.: Les Éditions Ouvrières et le Temps approuvoisé, 1988. 146 p.
8. Charpentreau J. Poésie en jeu. P.: Les Éditions Ouvrières, 1981. 175 p.
9. Signes. № 16. Jacques Charpentreau. Nantes: Éditions du petit Véhicule, décembre 1992. 137 p.

M.P. Tikhonova

The inestimable wealth staying with you all your life: about literary, publishing and outreach Jacques Charpentreau's activities

Key words: the modern French poetry for children; thematic; genres; the poetic forms; the poetic play; the stylistic specifics.

Jacques Charpentreau is a poetry researcher and a French contemporary poet who has written poems for children. He wrote a lot of poetry anthologies for young readers. He was concerned about one question – how to introduce children to poetry. He has devoted two books to this problem: «Enfance et Poésie» and «Le Mystère en fleurs». His poems for children have become famous because of the great variety of subjects, genres, forms, stylistics. First and foremost his poetry is entertaining poetry – poetry that stimulates the child's imagination and forces him to have another comprehension of the surrounding world.

СИСТЕМА СРАВНЕНИЙ В РОМАНАХ БОРИСА ВИАНА

Ключевые слова: *тропы; сравнения; компаративные конструкции.*

В данной статье исследуется система синонимов прозы Бориса Виана, дается их функционально-стилистическая характеристика. Для сравнений Б. Виана характерна свобода в сочетании с предикатами разных значений, указывающими на те действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулировали уподобление. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о разнообразных грамматических структурах компаративных конструкций в романах писателя. Используются все традиционные средства оформления семантики сравнений: лексические, морфологические (формы сравнительных степеней, надежные формы – генитивную и аблативную), синтаксические (сравнительные обороты).

Творчество Бориса Виана, столь недолгое по времени – с середины 40-х годов до его смерти в 1959 году, – занимает особое место во французской литературе: Борис Виан был уникальным явлением в культурной жизни Франции. Писатель Ноэль Арно назвал свой труд, посвященный жизни и творчеству Б. Виана, «Les vies parallèles de Boris Vian» [5]. Борис Виан действительно прожил одновременно несколько параллельных жизней. Необычайно широка была творческая палитра этого «человека-оркестра», которого можно смело назвать «возрожденческим человеком»: музыкант, поэт, романист, драматург, сценарист, артист, журналист, издатель, переводчик, художник. В статье мы анализируем пять романов, которые представляют наибольший интерес в его прозаическом наследии: «Troubles dans les Andains», «L'Écume des jours», «L'Automne à Rékin», «L'Herbe rouge», «L'Arrache-cœur». Все романы Виана объединяет их пародийный характер. «Борис Виан пародирует все, что превратилось или только может превратиться в клише: канонические формулы ренессансной любовной лирики и кодифицированную стилевую манеру классицистов, подчеркнутую исповедальность поэтов романтиков и нарочитую приземленность писателей натуралистов, “классическую ясность” парнасцев и суггестию символистов. Но с особой охотой, естественно, современную ему литературу» [3, с. 8]. Примером жанровой пародии может служить первый роман Б. Виана «Troubles dans les Andains» (1942–1943). Произведение, рожденное динамичной вербальной игрой, с помощью иронии, доведенной до гротеска, пародирует жанр детектива. Роман «L'Écume

des jours» (1946) – история о любви. Тема романа – столкновение идиллии и реальности, сюжет – разрушение идиллии [3, с. 19]. Роману свойственна стилистика контрастов, специфически виановский колорит, возникающий от смешения фантастики и реальности, комизма и трагизма, ерничанья и патетики. Действие романа «L'Automne à Pékin» происходит в таинственной стране Экзопотамии, где в пустыне строится линия железной дороги, а параллельно под землей ведутся раскопки в поисках *la ligne de foi* (базовой линии, т. е. истины), что приводит к трагическим последствиям и гибели большей части героев. В 1950–1951 годах Виан пишет последние два романа «L'Herbe rouge» и «L'Arrache-coeur», которые другой исследователь Виана Марк Лапран находит возможным объединить по тематике: «важно отметить, что его два последних романа «L'Herbe rouge» и «L'Arrache-coeur» имеют общей знаменатель – систематическую дискредитацию психоанализа» [9, с. 22].

Язык и стиль Бориса Виана очень экспрессивны. При этом выразительность его индивидуального стиля в значительной степени достигается богатой образной структурой его романов, в которых особенно выделяются разнообразные сравнения, свидетельствующие о тонкости наблюдений, остротности зрительных впечатлений Виана. Выбор сравнений определяется не только содержанием произведений, но и мировоззрением автора, литературным направлением, к которому он принадлежит. Как показывает изучение текстового материала, использование Б. Вианом разновидностей сравнений представляет собой сложный лингвопоэтический прием, в значительной мере обеспечивающий оригинальность его произведений.

Анализ трех составляющих сравнительных конструкций – темы, образа и основания в плане выражения, содержания и функционирования [1] – позволил нам выделить четыре типа сравнений в анализируемых романах.

1. Сравнения первого типа характеризуются наличием всех трех сравнительных компонентов. Основание является релевантным и для темы, и для образа, а его значение только денотативное; семантический разрыв между темой и образом и теми «мирами», к которым они отсылают, незначителен. Это аналитические сравнения, лишённые метафорического значения, среди них встречаются лексикализованные или формульные сравнения. В анализируемых романах они составляют 20% всех сравнений. Например: *Ils étaient serrés comme des sardines* [11, с. 52].

Une belle fille, Intelligente et ferme, comme une bête [12, с. 197].

Эти сравнения отражают общекультурный слой языка, традиционные представления. В плане содержания эти конструкции чаще всего сопоставляют человека и его качества с миром растений, животных и неживых предметов. Как правило, сравнение в таких конструкциях синтаксически связано с прилагательным (причастием настоящего и прошедшего времен или с предложно-именными конструкциями), т. е. сопоставляются качества объек-

тов, один из которых выступает своего рода эталоном этого качества. Нарушение фиксированного для подобных сравнений перехода от человеческого к природному (как от меньшего к большему) порождает иронию:

Maintenant, le soleil se voilait par moments de nuages rapides, *chassés les uns contre les autres comme des grévistes par la police* [13, с. 157].

Иногда основание в этой группе сравнений выражается глаголом:

Le haut du thermomètre *se mit à gonfler* comme une bulle de savon [12, с. 56].

В тексте эти сравнения, как правило, семантически автономны и не выходят за пределы одного предложения. Иногда они могут быть синтаксически выражены придаточными предложениями с относительными местоимениями *qui / que*, для которых характерно гиперболическое значение:

Cette chambre immense, dont on entrevoyait la voûte, sphérique par-delà le coin d'un édredon *bombé comme le ventre énorme du géant qui mangeait des moutons* [13, с. 68].

2. Уже в начале XIX века Пьером Фонтанье в его труде «Les figures du discours» выдвигаются новые требования к сравнению, а именно требование неожиданной, поражающей воображение связи определяющего и определяемого, которая в то же время должна быть легко уловимой [7, с. 126]. Именно таковой является большая часть сравнений (70%) в романах Б. Виана, которая объединяет довольно разнородный материал. В целом конструкции соответствуют критериям классических сравнений, но семантический разрыв между темой и образом значительно возрастает. В них отражается индивидуальное авторское познание мира, его личный опыт. В плане выражения многие сравнения этого типа – глагольные сравнения, что не исключает наличие в основании прилагательных, причастий и предложно-именных конструкций. В плане содержания часть из этих сравнений основывается на семантическом переносе «конкретное – абстрактное» и наоборот:

Il prit le verre de Chick et le remplit *d'un vin doré, lourd et mobile, comme de l'éther pesant* [11, с. 40].

В другой части сравнений семантический разрыв между темой и образом достаточно велик, а разрыв между «мирами», к которым они отсылают, незначителен. Автор добивается этого, выстраивая связь между темой и образом по принципу остранения, которое часто создается использованием в теме или образе или даже в обеих частях катакрезы-парадокса. При этом чаще основание легко вычленяется и остается релевантным и теме, и образу:

Dans d'autres, la lumière tremblait doucement et *le centre des cristaux palpait comme un petit coeur minéral* [13, с. 105].

Alors *le ciel se craquela d'un coup, comme une faïence morte*, et la grêle commença [14, с. 242].

В последнем примере основание носит метафорический характер и остается релевантным теме и образу. Но иногда автор создает остранение, используя основание, нерелевантное образу, усиленное катакрезой:

...et la machine s'arrêta peu à peu, *avec le bruit doucissant d'une sirène qui se tait* [12, с. 126].

...et la voix *retentissait* aux oreilles de Jacquemort *comme un voile de brume aigre et collante* [14, с. 17].

Эти сравнения часто используются Вианом для создания сенсорных дескрипций. Они имеют не только синестетическую природу, но и ассоциативную и являются продуктом воображения:

Et la sève serpentait autour de leurs tiges minces *avec un léger bruit humide, comme un baiser d'escargots* [11, с. 83].

Иногда автор использует компаративные конструкции, где тема выражена объектом, а образ ситуацией:

La mer très belle bougeait à peine, *un petit clapotis, mince comme des lèvres mouillées qui s'entrouvrent* [14, с. 142].

Другие примеры показывают, что автор использует *антаподузис*, то есть развернутое сравнение взаимоотношений между двумя парами объектов. Результатом таких сравнений иногда становится создание комического эффекта:

Aussi, comme il avait plus de dix-neuf ans, *il voyait dans le noir comme un chat dans un violon* [10, с. 144].

...où la nuit et le jour se mêlent et se fondent, *et forment une barre de fièvre pareille à celle que font les fleuves à la rencontre de l'Océan* [13, с. 132].

При семантической симметрии мы наблюдаем грамматическую симметрию между левой и правой частями сравнения. Основание принадлежит обеим частям, дублируется. Оно синтаксически связано и с темой, и с образом. Чтобы избежать повтора, Виан использует синонимы – *former* – *faire* или просто опускает идентичный элемент, как в первом примере.

Сравнения этого типа могут иметь сложную синтаксическую структуру. Наиболее выразительными являются барокизмы (*les baroquismes*) «recherche des idées, des figures et des mots les plus rares, les plus surprenants, les plus curieux» [6, с. 90]:

On entendait maintenant, de l'autre côté du mur, une rumeur sourde, accompagnée *d'un clapotis écoeurant, comme les pieds de gibbon dans la purée de pomme de terre trop liquide* [10, с. 97].

В барокизмах, сравнивая описываемый объект с другим, автор так увлекается предметом, взятым для сравнения, описывает его с такими подробностями, что уже не поясняет, а как бы заслоняет объект сравнения. Результатом использования сравнений этого типа часто становится создание комического эффекта или иронии, которые могут быть усилены эффектом обманутого ожидания:

...et sous leurs pieds, les coquilles vides des petits escargots jaunes éclataient avec un jet de poussière, *et un son clair et pur, comme une goutte d'eau tombant sur une lame de cristal en forme de coeur, ce qui est cucu* [12, с. 121].

Разговорная лексема *cucu* (глуповатый) снимает всю пафосность развернутого образного сравнения.

3. Сравнения, образуемые модальными глаголами (*dire, paraître, sembler etc.*), некоторыми авторами рассматриваются как особая фигура, переходная между сравнением и метафорой: «Такие промежуточные структуры обычно смягчают рациональный характер отношений, вводимых союзом *comme* (как), который ставит акцент на частичном характере сходства сравниваемых объектов и тем самым препятствует утверждению полной взаимозаменяемости понятий» [4, с. 209]. Специфика этой фигуры состоит в том, что она представляет собой открыто субъективный взгляд на вещи. Это модальные выражения, в которых утверждается личность говорящего субъекта [8, с. 123]. В анализируемых романах они составляют 8% всех сравнений:

L'odeur des fleurs et le parfum des filles se mêlaient étroitement et Chick *se prenait pour une abeille en ruche* [11, с. 58].

La machine *avait l'air d'une toile d'araignée vue de loin* [13, с. 50].

Отсутствие основания или его завуалированность создают эффект неожиданности, неопределенности, таинственности. Составляющие таких сравнений стремятся к семантическому отождествлению. Как и в предыдущих случаях, они создают развернутые сравнения – бароклизмы, а также гиперболические сравнения:

Le sol, tapissé de stalagmites aussi resserrés que les poils d'un tapis de haute laine, *produisait sous les pieds une curieuse impression, comme de marcher sur la barbe d'un landais qui ne s'est pas rasé depuis de jours* [10, с. 174].

Dans le cristal, le vin luisait d'un éclat phosphorescent et incertain, qu'on *eût dit émané d'une myriarde de points lumineux de toutes les couleurs* [11, с. 40].

Сравнения данной группы могут строиться по принципу острания:

Il disposa, au centre de la table, un surtout formé d'un bocal de formol à l'intérieur duquel deux embryons de poulet *semblaient mimer le «Spectre de la Rose» dans la choréographie de Nijinsky* [11, с. 13].

Они могут служить средством гротескного изображения персонажей и интерьеров: Chick *semblait monté sur dragons volants* [11, с. 58].

Pourtant, de grandes lumières envoyaient des faisceaux de rayons sur des choses dorées qui faisaient éclater dans tous les sens et les larges raies jaunes et violettes de l'église *donnaient à la nef l'aspect de l'abdomen d'une énorme guêpe couchée, vue de l'intérieur* [11, с. 61].

4. Наименее (2%) представлена та группа сравнений, где имеет место нарушение лексического кода: отсутствие именной части составного именного сказуемого, то есть группа семантических фигур. Союз *comme* устанавли-

вает нетривиальные отношения эквивалентности между словами [3, с. 208]. Основание, объединяющее сопоставляемые явления, здесь выделить невозможно. По сути, это двучленная метафора с глаголом *être*, а сравнение только «смягчает противоречивость высказывания» [2, с. 144]:

Wolf acheva de se déshabiller et entra dans la mer. Elle était chaude et délassante et sous ses pieds *c'était comme un velours gris beige* [13, с. 165].

Глагол *être* может быть либо заменен на глагол *sentir*, либо опущен:

...et il *sentait* son corps *comme du mercure froid* [12, с. 255].

– Ici, dit Wolf, qu'est-ce que je vois? Des brumes, des yeux, des gens...des poussières sans densité...et puis *ce sacré ciel comme un diaphragme* [13, с. 22].

Данный тип сравнения позволяет выразить противоречивость образов, чувств и настроений героев.

Широкий горизонтальный и общий лингвопоэтический контексты произведений Б. Виана позволяют понять метасодержание его сравнений. Различные коннотации и ассоциации, выраженные через сравнения, находятся в прямой зависимости от эстетической позиции автора. Сила эмоционального воздействия сравнений Виана очень велика, с их помощью автор стремится дать запоминающиеся характеристики героев, их портреты и представление об их эмоциональном состоянии, свое поэтическое видение природы, движения, формы, звука, цвета, выстраивая свою интеллектуальную модель «второй реальности». Слово, обозначающее лицо, явление, предмет, с которым что-либо сравнивается, может быть распространено или осложнено, что значительно увеличивает объем сравнений романов Б. Виана. Ценность таких конструкций определяется количеством информации, извлекаемой читателем из актуализации отношений между означаемым и означающим, ее новизной, оригинальностью поэтического взгляда автора на мир, соотносённостью с культурно-историческим контекстом. Обилие сравнений как важная составляющая идиостиля писателя отражает интенциональный уровень текстопождения. Сравнения являются одним из мощных эстетических элементов авторской стратегии стиля Бориса Виана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка: учебное пособие. М.: Просвещение, 1987. 302 с.
3. Косиков Г. О прозе Бориса Виана // Борис Виан. Пена дней. М.: Художественная литература, 1983. С. 3-32.
4. Общая риторика: пер с фр. / Дюбуа Ж. [и др.], общ. ред. и вступ. А.К.Авеличева. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
5. Arnaud N. Les vies parallèles de Boris Vian. P.: ed. Jean-Jacques Pauvert, 1966. 605 p.
6. Duprier B. Gradus. Les procédés littéraires (dictionnaire). P.: Union générale d'Édition, 1984. 546 p.

7. Fontanier P. Les figures du discours. P.: Flammarion, 1977. 505 p.
8. Fromilhague C. Introduction à l'analyse stylistique / C. Fromilhague, A. Sancier-Chateau. P.: Dunod, 1996. 270 p.
9. Lapprand M. Boris Vian: La vie contre. Presse de l'Université d'Ottawa, 1993. 132 p.
10. Vian B. Trouble dans les Andains. P.: La Jeune Parque, 1966. 190 p.
11. Vian B. L'Ecume des Jours. P.: J.-J. Pauvert, 1963. – 190 p.
12. Vian B. L'Automne à Pekin. P.: Les Editions de Minuit, 1956. 298 p.
13. Vian. B. L'Herbe Rouge. P.: J.-J. Pauvert, 1962. 226 p.
14. Vian B. L'Arrache-Coeur. P.: J.-J. Pauvert, 1962. 256 p.

N.E. Makarova

System of Synonyms in the Novels by Boris Vian

Key words: *science of style; tropes; comparisons; comparative constructions.*

The article is devoted to a research of the system of synonyms in the prose by Boris Vian and their functional-stylistic characteristic. A typical feature for B. Vian's comparisons is freedom in combination with predicates of different meanings, pointing at those actions, conditions and aspects of the object, which stimulated likening. The analysis in our research allows to draw a conclusion about varied grammatical structures of comparative constructions in the novels by Boris Vian. The author uses all traditional means of formal actualization of the semantics of the comparisons: lexical, morphological (the forms of the comparative degree, case forms – e.g. genitives and ablatives), syntactical (the comparative constructions). With their help the author tries to render memorable features of the heroes, as well as to give their portraits and some vision of their emotional condition, and to convey his own poetical perception of the nature, motion, forms, sounds, colour, forming his intellectual model of the «second reality».

Т.И. Ретинская

Орловский государственный университет

УДК 811.133.1'276

АЛГОРИТМ ОПИСАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АРГО (из опыта смоленской школы арготологии)

Ключевые слова: *профессиональные арго; арготическое словообразование; семантические доминанты; синонимика; тропологическое пространство.*

Модель описания профессиональных аргос, разработанная Э.М. Береговской, позволяет выявить характерные черты профессиональных субъязыков. При анализе лексического репертуара представителей как самых распространенных, так и самых редких профессий используются пять критериев: объем, механизмы словообразования, семантические доминанты, синонимика, образность. В статье предпринята попытка репрезентировать аргос французских журналистов.

Смоленская школа арготологии, возглавляемая доктором филологических наук профессором кафедры французского языка Смоленского государственного университета Эдой Моисеевной Береговской, известна не только в разных уголках России, но и далеко за ее пределами. Более десяти лет смоленская школа социалингвистики сотрудничает с Центром арготологии университета им. Рене Декарта (Paris 5). Представители смоленской школы арготологии имеют уникальную возможность знакомиться как с монографиями, статьями, словарями, словарными списками, созданными французскими социалингвистами, так и с диссертационными исследованиями, написанными под их руководством. В сборнике «Проблемы социального разноречия», издаваемом под редакцией Э.М. Береговской, опубликованы статьи основателей Центра арготологии Денизы Франсуа-Жежер и Жан-Пьера Гудайе. В этом печатном органе смоленской школы арготологии изданы также статьи сотрудницы Центра по изучению этнолингвистического и лингвистического наследия региона Шампань-Арденны при Реймском университете Сильви Мужен, социалингвистов Смоленска, Орла и Вологды.

Смоленской школе арготологии по праву принадлежит пальма первенства. В 1967 году Э.М. Береговская опубликовала первую статью [1], и вот уже более четырех десятилетий представители уникальной социалингвистической лаборатории осуществляют многостороннее исследование французского аргоса. Детально анализируются различные аспекты арготологии: статус аргоса и его взаимодействие с другими пластами некодифицированной речи, арготические элементы в языке художественного произведения, арготическое словообразование, ведущие функции аргоса как вторичной языковой системы, лингвокультурологическая характеристика арготического компонента, современное состояние арготографии.

Основатель смоленской школы арготологии положила начало всестороннему анализу подсистемы аргоса в системе художественной речи [3; 5], впервые представила оригинальный взгляд на людическую функцию аргоса [4; 6] и обосновала стратегию обучения арготической лексике на языковом факультете [2]. Все публикации Э.М. Береговской, посвященные описанию французского и русского аргоса (их более сорока), являются основополагающими как для начинающих исследовать арготический вокабуляр, так и для автори-

тетных ученых. Э.М. Береговская – лидер в изучении французского арго и в XXI веке. Несомненный интерес представляет лингвокультурологический анализ профессионального говора [12] и единые принципы детального изучения профессиональных арготизмов [9; 10].

Алгоритм описания французских профессиональных арго, разработанный Э.М. Береговской, позволяет выявить характерные черты разных профессиональных говоров. При описании профессиональных арготизмов предлагается использовать пять критериев:

1. Объем.
2. Источники и механизмы словообразования.
3. Семантические доминанты.
4. Синонимика.
5. Образность.

Придерживаясь вышеперечисленных аспектов изучения профессиональных арго, мы представили многостороннюю характеристику арго французских книгоиздателей, шахтеров и музыкантов [13; 14; 15]. Данная статья продолжает практику описания арго представителей различных профессий. Нами будет предпринята попытка репрезентировать арго французских журналистов.

Объем. Данные трех авторитетных словарей французских профессиональных говоров показывают, что арго журналистов относится к средним по этому показателю и насчитывает примерно 380 лексических единиц [18; 19; 20]. В этих уникальных лексикографических изданиях собраны арготизмы, которые бытуют в среде представителей средств массовой коммуникации (печать, радио, телевидение) и отражают их отношение к профессиональному мастерству и своеобразный взгляд на окружающую действительность. Словарные статьи содержат также указания на квалификацию носителей анализируемого арго. Следует выделить три фактора, которые повлияли на становление этого одного из возникших сравнительно недавно профессиональных арго: наличие определенных данных для освоения профессии, творческий подход к выполнению профессиональных обязанностей и сплоченный коллектив.

Источники и механизмы словообразования. Специфические словообразовательные механизмы представлены такими раритетными моделями, как телескопия (*papivore* «печатный магнат»: амальгама инициальной части лексемы *papier* и конечной части лексемы *carnivore*), клишированная фигура умолчания (*en monter une* «выбрать статью, которая освещает важное событие, и поместить ее на первую страницу газеты»), каламбур («*L'Immonde*» (букв. «вызывающий отвращение») «название национальной газеты “*Le Monde*”» «*Nouvelle Répugnante*» (букв. «отвратительная новость») «название региональной газеты “*Nouvelle République*”»), ироническая аббревиация

(*D.H.* (от *dernière heure* «в последний час») «последняя страница газеты»), синонимическая субституция (*copie* (букв. «экземпляр»), *jus* («сочинение» (студ. арго), *papelard* («бумажка» (общ. арго), *papier* (букв. «бумага») «статья») и энантиосемия (*faire du film* (букв. «делать снимок») «портить пленку»). Отметим, что нами не зафиксированы арготизмы, образованные с помощью таких специфических словообразовательных моделей, как кодирование («*javanais*», «*largonji*», «*loucherbem*», «*verlan*», «*veul*», «*yaourt*»), составные местоименные серии, нулевая глагольная флексия, свойственные общему и молодежному арго.

Французское арго журналистов почти не дистанцируется от общего арго при выборе неспецифических словообразовательных моделей. В образовании целого ряда арготизмов используются такие универсальные механизмы, как фантазийная суффиксация (*fait-diversier* «журналист, который пишет статьи для рубрики “Хроника происшествий”»), образные преобразования (*chair* «хорошая статья»), развитие полисемии (*baveux* 1) «газета» 2) «журналист» 3) «плохой журналист»), паронимазия (*Télé-Moisir* «название иллюстрированного журнала “Télé Loisir”»), усечение (*clame* (от *point d'exclamation*) «восклицательный знак»), *inter* (от *intertitre*) «промежуточный заголовок»), редупликация (*tété* «объектив»), сложение корней (*pisse-copie* «заурядный журналист», *presse-bouton* «фотограф»), иноязычные заимствования (*call-girl* (от *call girl* / амер. сленг «проститутка “по вызову”») «политический деятель или представитель шоу-бизнеса, которых можно пригласить на телепередачу в последний момент», *pool* (от *(to) pool* / англ. яз. «организовать дело на паях») «команда для написания репортажа», *schwarz* (от *schwarz* / нем. яз. «черный») «очень темный фотоснимок»), деривация (*bocal* «застекленное помещение, где находится пульт оператора» – *bocalier* «оператор»).

В исследуемом арго нами выделены еще несколько неспецифических словообразовательных приемов. Во-первых, следует назвать изменение синтаксической конструкции (*savonner* (букв. «намыливать») «запинаться») и конверсию (*matinale* (букв. «утренняя») «радиопередача, выходящая рано утром», *posé* (букв. «поставленный») «смонтированный фотоснимок»); во-вторых, фонетические деформации (*crabouiller* (от *scribouiller*) «сочинять» (универбизация и замена звука).

Нами также вычленены арготизмы, образованные с помощью сочетания разных словообразовательных механизмов (*jardineur* (от *jardinier*) «любитель листать газеты и журналы в газетном киоске» (образные преобразования (метафора) + усечение (апокопа) + фантазийная суффиксация), *microtte* (от *microtrottoir*) «интервью, взятое на улице» (образные преобразования (метонимия) + усечение (апокопа), *potard* (от *potentiomètre*) «потенциометр» (усечение (апокопа) + фантазийная суффиксация), *touteséd* (от *Toutes Éditions*)

«информационный бюллетень на канале “Французское Международное Радио вещание”» (усечение (апокопа) + универбизация).

Семантические доминанты в исследуемом арго связаны с градацией труда журналистов, которая включает в себя несколько рубрик: *наименование специальностей; название продукции журналистской деятельности (печатные периодические издания, программы радио и телевидения); приборы и устройства для выпуска и оформления периодических изданий, программ радио и телевидения; описание сбора, обработки и периодического распространения информации; качество печатной продукции и передачи сообщений и информационных программ по радио и телевидению; особенности публицистического стиля; профессиональные традиции.*

Синонимика арго журналистов непосредственно зависит от доминирующих в нем семантических полей. Означаемые наиболее развитых семантических полей, характеризующих язык французских журналистов, порождают наибольшее число означающих. Вокруг денотатов этих семантических полей строятся самые длинные синонимические ряды. В длине синонимического ряда усматривается прямая корреляция с экстралингвистической действительностью: чем большее место занимает в профессиональной деятельности та или иная тема, тем длиннее связанные с ней синонимические ряды. Поэтому на передний план выдвигаются наиболее общие понятия и те, которые вызывают сильную эмоциональную реакцию. Профессиональные арготизмы объединяют в синонимические ряды 9 % лексического состава исследуемого арго. Доминанта синонимического ряда определяется исходя из частотности употребления. Подавляющая часть синонимических рядов – это глагольные и субстантивные пары (*faire la cuisine, faire les plumes* «редактировать текст статьи»; *cul de plomb, S.R.* «секретарь редакции»; *monstre, polichinelle* «макет периодического издания»). Лексическая синонимия исключает из профессионального арго нейтральные синонимы: арготические лексемы носят пейоративный характер и редко отличаются оттенками значений.

Образность

Тропологическое пространство, присущее говорам представителей той или иной профессии или сферы деятельности, включает однословные и многокомпонентные элементы, выступающие как нестандартные игровые приемы:

- 1) однословные тропы;
- 2) тропологические перифразы-загадки (термин Э.М. Береговской [11, с. 269]).

Именно в арго представители корпоративных групп черпают возможность максимально реализовать людические интенции. Игровая функция прочно завоевала лидирующее положение и выступает как «форма коллективной разрядки», как «маска, способствующая общей карнавализации бытия (по Бахтину)» [11, с. 267].

М.Т. Рюмина подчеркивает, что «в самоценности игры “игра как цель” и “игра как средство” совпадают» [16, с. 102]. Языковая игра моделируется членами референтной группы также с учетом этих двух констант. Цель, которую себе ставят арготирующие в процессе программирования нестандартной игры с языковыми формами, обозначим следующим образом: породить смех, положительные эмоции и разрядить напряженную обстановку. Субъязык, компоненты которого отливаются в ходе лингвистического эксперимента, является мощным средством для выражения позитивного или негативного отношения к сотрудникам, клиентам, событиям, фактам, качеству выполненной работы. Следует отметить, что в языковую игру могут быть вовлечены сторонние наблюдатели, случайно или преднамеренно оказавшиеся среди носителей профессионального арго: они предпринимают попытку дешифровать мастерски завуалированный, а зачастую предельно обнаженный денотат парольных слов. Исследователь некодифицированного языка, также вступая в игровые отношения с условным партнером, получает возможность постичь тайны профессии, освоить национальные реалии и особенности.

Главный ресурс, к которому обращаются пользователи арго в процессе моделирования тропологического пространства, – переосмысление лексических единиц общенационального языка. Словотворчество основывается на знании законов языковой игры и умении их применять. Покажем это на примере специфических элементов тропологического пространства, зафиксированных в исследуемом арго.

Однословные тропы

Метафорика как в общем арго, так и в профессиональных говорах «отличается, как правило, юмористической трактовкой означаемого, наличием более или менее ярко выраженной коннотации» [7, с. 12]. При создании образа арготирующие проводят самые неожиданные аналогии: *bête* (букв. «зверь») «большая телевизионная камера», *bonnet* (букв. «чепчик») «чехол для микрофона из синтетического материала», *bouillon* (букв. «бульон») «нераспроданные газеты», *box* (букв. «отгороженное место») «помещение для хранения испорченных или непроданных газет», *bretelle* (букв. «ремень»): 1) «автомобиль для сопровождения журналиста» 2) «звукооператор», *camelot* (букв. «торговец») «продавец периодических изданий в киоске», *caramel* (букв. «карамель») «маленькая фотография», *chandelle* (букв. «свеча») «текст на газетной полосе без промежуточного заголовка», *charognard* (букв. «стервятник») «журналист, который освещает трагические события», *charrette* (букв. «тележка») «магнитофон на колесиках, который можно перемещать из студии в студию», *chemin de fer* (букв. «железная дорога») «первый макет газеты», *cheval* (букв. «лошадь») «статья, которая начинается на первой полосе газеты и продолжается на другой странице», *cimetière* (букв. «кладбище») «собрание заранее подготовленных некрологов», *consERVE* (букв. «консервы»)

«заранее подготовленный репортаж», *cuisinier* (букв. «повар») «секретарь редакции», *cyclard* (букв. «велосипедист») «курьер», *désherbage* (букв. «прополка») «удаление документов, занесенных в архив», *fenêtre* (букв. «окно») «маленькая фотография, размещенная на фоне большого фотоснимка», *fiasque* (букв. «оплетенная бутылка с узким горлышком») «бобина магнитной ленты без записи», *flasque* (букв. «фляга») «бобина магнитной ленты без записи», *frigo* (букв. «холодильник») «собрание заранее подготовленных некрологов», *galette* (букв. «лепешка») «бобина магнитной ленты без записи»; *gruyère* (букв. «швейцарский сыр») «Дом Радио (в Париже)», *hippocampe* (букв. «морской конек») «грузоподъемник, который доставляет газеты к сортировочному пункту», *hirondelle* (букв. «ласточка»): 1) «нахлебник» 2) «фальшивое удостоверение журналиста», *locomotive* (букв. «локомотив») «популярная телепередача, которая выходит в эфир перед выпуском новостей», *loup* (букв. «волк») «неудачная работа», *marguerite* (букв. «ромашка») «доставка периодических изданий», *marronnier* (букв. «каштан») «дежурная статья на тему, возобновляющаяся каждый год», *oreilles* (букв. «уши») «маленький текст или иллюстрация, обрамляющие первую страницу», *ours* (букв. «медведь») «вставка с указанием выходных данных», *pavé* (букв. «мостовая») «небольшой рекламный текст в газете», *rat* (букв. «крыса») «нескромный фоторепортер», *salade* (букв. «салат») «совокупность названий периодических изданий, опубликованных в день продажи», *saltimbanque* (букв. «шут») «журналист, который освещает события культурной жизни», *sarrasin* (букв. «сарацин») «посторонний», *sous-marin* (букв. «подводная лодка») «телевизионная студия, расположенная в подвальном помещении», *soute* (букв. «трюм») «телевизионная студия, расположенная в подвальном помещении», *terrinerie* (букв. «фирменный паштет») «скучный сюжет», *têtière* (букв. «детский чепчик») «заголовок рубрики».

Тропологические перифразы-загадки

Члены профессиональной группы могут конкурировать между собой в номинациях «лучший острослов» и «лучшая тропологическая шутка»: *chaîne des préfets* «телевизионный канал, специализирующийся на региональных новостях», *couper à la hache* «сокращать объем статьи», *gros poisson* «влиятельное лицо», *écrire aussi plat qu'un trottoir* «писать статьи, используя шаблонные фразы», *faire de la viande froide* «писать некролог», *faire un vingt-quatre heures* «сделать серию фотоснимков, воспроизводящих один день из жизни знаменитого человека», *la voix de son maître* «настойчивый пресс-атташе», *papier cadeau* «репортаж, содержащий интервью», *sujet pour faire pleurer Margot* «сенсационная тема».

подавляющая часть перечисленных иронических перифраз свидетельствует о том, что у арготирующих сложилось определенное отношение к окружающему миру: «арготическая языковая картина представляет мир в

перевернутом виде, общезначимые этические ценности имеют здесь явно ощутимую негативную коннотацию и наоборот» [8, с. 136].

Арготические словесные образы, полученные в результате использования собственных имен в значении нарицательных, обозначают у французских журналистов наименования информационных учреждений, особенностей создания репортажей, помещений для реализации периодических изданий. В среде журналистов можно услышать такие образцы антономазии, как *Amélie* «информационное агентство “Ассошиэтед пресс” (США)», *gremlins* «зевачки, мешающие фотографировать», *Paris-Bordeaux-Le Mans* «клише, которое произносят при настройке звука», *Rosalie* «информационное агентство Рейтер», *travailler en Marigny* «продавать периодические издания в деревянных киосках зеленого цвета».

Тропологическое пространство, компоненты которого формируются в ходе искрометной словообразовательной игры, – «лингвистическая собственность» носителей профессиональных говоров. Шутовской дух (*esprit de facétie*), который издавна считается атрибутом не только профессионального арго, но и лексикографических изданий, его эксплицирующих [17, с. 143-148], является основополагающим фактором, стимулирующим языковую игру. Именно дух балагурства помогает ее участникам воссоздать атмосферу праздника и выделиться на фоне других языковых коллективов.

Разработанная Э.М. Береговской модель описания профессиональных арго универсальна. Она может быть апробирована в ходе изучения лексического репертуара представителей как самых распространенных, так и самых редких профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береговская Э.М. Движение в лексике французского арго с середины XIX века // Тезисы докл. III конференции по романскому языкознанию. Минск, 1967. С. 14-15.
2. Береговская Э.М. Арготическая лексика и ее отражение в учебном процессе // Вопросы профессиональной подготовки студентов. Смоленск: СГПИ, 1974. С. 40-47.
3. Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск: СГПИ, 1975. 120 с.
4. Березівська Е.М. Арготизми: Комічний ефект у французькій прозі післявоєнного періоду // Іноземна філологія. Львів, 1975. Вип. 39. С. 141-149.
5. Береговская Э.М. Язык художественной литературы и социальный диалект: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М.: ИЯ АН СССР, 1979.
6. Береговская Э.М. Игровая функция арготизмов // Анализ стилей зарубежной литературы. Л., 1982. С. 63-68.
7. Береговская Э.М. Механизмы, формирующие французское арго // Проблемы социального разноречия. Смоленск: СГПИ, 1995. С. 11-19.
8. Береговская Э.М. Концепты «прекрасное» – «уродливое» во французском арго // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальное поле прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 136-142.

9. Береговская Э.М. Пятиаспектный анализ профессиональных арго (на материале арго французских авто- и мотогонщиков) // Социальные варианты языка-III. Н. Новгород: НГЛУ, 2004. С. 205-209.
10. Береговская Э.М. Характеристика арго французских книготорговцев // Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка-IV). Н. Новгород: НГЛУ, 2005. С. 72-75.
11. Береговская Э.М. Французское арго и людическая функция // Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка – V). Н. Новгород : НГЛУ, 2007. С. 266-270.
12. Береговская Э.М. Языковая картина мира в арго французских шахтеров // Проблемы социального разноречия. Смоленск: СмолГУ, 2008. С. 94-103.
13. Ретинская Т.И. Специфические черты французских профессиональных арго (на материале арго книгоиздателей) // Лексика и лексикография. М.: Отд. историко-филол. наук РАН; ОрелГТУ, 2007. Вып.18. С. 164-172.
14. Ретинская Т.И. Константы социолингвистического описания французских профессиональных арго (на материале арго французских шахтеров) // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. М.: ИЯ РАН, 2008. Кн. 3. С. 235-253.
15. Ретинская Т.И. Характерные черты французских профессиональных арго (на материале арго музыкантов) // Проблемы социального разноречия. Смоленск: СмолГУ, 2008. С. 85-93.
16. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: КомКнига, 2006. 314 с.
17. Delaplace D. L'origine facétieuse des dictionnaires d'argot // Лексика и лексикография. М.: Отд. историко-филол. наук РАН; ОрелГТУ, 2008. Вып. 19. С. 141-149.
18. Depecker L. Dictionnaire du français des métiers. Adorables jargons. P.: Eds du Seuil, 1995. 353 p.
19. Dhôtel G. Le dico de l'info. P.: E.J.L., 2006. 95 p.
20. Perret P. Le parler des métiers. Dictionnaire thématique alphabétique. P.: Robert Laffont, 2002. 1174 p.

T.I. Retinskaya

The Algorithm of the Description of French Professional Argots (from the Experience of Smolensk school of Argotology)

Key words: *professional argots; the argot word-formation; semantic dominants; synonymity; the tropological space.*

The model of the description the professional argot worked out by E.M. Beregovskaya allows to reveal the peculiarities of professional sublanguages. Five criteria such as scope, word-formation mechanisms, semantic dominants, synonymity, figurativeness are used to analyse the lexical repertoire of the representatives of both the most widely-spread professions and the rare ones. In this article the attempt is made to represent the French journalists' argot.

АРГО ПРИГОРОДОВ В ФИЛЬМЕ КОМЕДИЙНОГО ЖАНРА

Ключевые слова: *арго пригородов; концентрация арго; стилистические функции.*

В статье речь идёт о тенденциях в использовании языка французских пригородов. Мы попытались определить как его лексические особенности, так и выполняемые им стилистические функции на материале диалогов современной французской комедии.

Французское арго давно вышло за рамки субстандарта, проникло в художественную литературу, где выполняет различные стилистические функции, уточняющие эстетические намерения автора. Оно активно используется в художественных фильмах, диалоги которых имитируют спонтанную речь. Арготизмы, проникшие в современные фильмы, отражают интенсивно идущий процесс смешения языковых стратов: они переходят в разговорный язык и утрачивают герметичность. Исключение составляют фильмы о французских пригородах, не предназначенные для широкого круга зрителя, представляющие собой взгляд кинорежиссёров-магрибинцев на современное французское общество, в котором сосуществуют различные этнические группы. В их числе фильм Джамеля Бенсала «Небо, птицы и ...» (*Le ciel, les oiseaux et ... ta mère*, 1998). Герои фильма Юсеф, Стефан, Кристоф и Майк, живущие в парижском пригороде Сэн-Дени, на месяц уезжают на юго-запад Франции, в курортный городок Биарриц. Они в первый раз оказываются вне пригорода, надеются хорошо развлечься, но сталкиваются с незнакомым миром, в котором им нет места.

Диалоги в фильме содержат 190 арготизмов [2; 3; 8; 10], из которых 87 принадлежат к арго пригородов, а остальные – к общему арго, что даёт 715 словоупотреблений. Арготизмы в фильме составляют единый спаянный блок, который типизирует речь молодых людей, живущих в пригороде, и создаёт эффект подлинности в представлении этой социальной группы. Среди отличительных признаков современных французских пригородов Ж.-П. Гудайе называет верлан, употребление прилагательного «grave» в функции наречия, смешение французских слов с арабскими [5, с. 89].

Стефан употребляет лексику *grave* в значении «сильно»: *Il se tire avec... la thune. Nous, on doit se prendre la tête pour faire à bouffer. Il commence à me gonfler grave* (1).

В фильме есть ряд верланизированных слов: *meuf* ← *femme*, *loki* ← *kilo*, *oinj* ← *joint*, *téci* ← *cité*, *téma* ← *mater*, *guedin* ← *dingue*, *pécho* ← *choper*, *ouf* ← *fou*, *reuch* ← *cher*, *relou* ← *lourd*, *chelou* ← *louche*, *tèj(e)* ← *jeter*, *keus(s)* ← *sac*, *teupu* ← *pute*, *teushi* ← *shit*, *turvoi* ← *voiture*, *re(u)beu* ← *arabe*, *feuj(e)* ← *juif*, *cistra* ← *raciste*, *laisser béton* ← *laisser tomber*, *geupla* ← *plage*, *renpas* ← *parents* (2).

Молодые люди в фильме (Стефан, Юсеф) представляют второе поколение иммигрантов. Выросшие во Франции, уже почти не владеющие языком своих родителей и слабо владеющие кодифицированным французским (Стефан не сдал экзамен на степень бакалавра), они создали свой специфический язык. Образованный в результате смешения французского и арабского Магриба, этот языковой сплав, названный Ж.-П. Гудайе межэтническим языком-посредником, выполняет идентифицирующую функцию и разрушает структуру национального языка за счёт введения языковых элементов, отражающих местную культуру [6, с. 77; 7, с. 55-56].

Стефан употребляет междометие из арабского языка *zarma* в адрес Кристофа, который хвастает: *Zarma! Il se la joue...* (3).

Юсеф употребляет заимствованный из арабского языка глагол *kiffer* в значении «любить»: *Elle me kiffe, elle me kiffe, c'est la fille qui veut que je la serre* (4).

Арготизмы в фильмах группируются вокруг нескольких семантических полей:

– женщина: *meuf, gonzesse, gonz, minette, choper, pécho, draguer, serrer, kiffer, avoir une touche* (5);

– секс: *s'éclater, baise, niquer, niquave, fuck(er), se branler, pédé, gouine, bouillave, tirer un coup, tirer sa crampe, taper, tourner, se taper une queue, partouze*;

– деньги: *oseille, thune, balle, keuss*;

– эмоции: *faire chier, gonfler, prendre la tête, vanner, flipper, pomper le dard, avoir les boules, s'en branler, faire la gueule* (6);

– названия различных языковых сообществ: *reubeu, feuj, négro*.

Среди арготизмов, которыми насыщены реплики персонажей, есть грубые слова: *bâtard, aller se faire foutre, ta mère, je nique ta race, enculé, espèce de pouffiasse, salope de putain de ta race, espèce de bouffon, espèce de pute, enculé de facho de merde, salaud, fils de pute*. Но в отличие от фильма Томаса Жилу «Рай» (1995), где арго выражает агрессию подростков, выросших на улице, является языком насилия [9, с.18], в фильме «Небо, солнце и ...» это способ разрядиться, выплеснуть отрицательные эмоции. Майк рассержен и обижен, что репортаж с его участием выигран, а его не пригласили в Биарриц: *Et, franchement, t'es une salope de putain ta race. Moi, je venais m'éclater avec vous comme à la téci, toi, tu me tèj* (7).

Поскольку фильм Джамеля Бенсала снят в жанре комедии, проблемы французских пригородов (отсутствие работы и, как следствие, высокий уровень преступности, в том числе и среди подростков) отражены опосредованно через снятый приятелями репортаж о жизни подростка-токсикомана, зарабатывающего на жизнь торговлей наркотиками, и негативное отношение к ним жителей Биаррица.

Youssef: Ils nous ont pris pour de petits *bouffons* de la cité (8).

Кристиан описывает определённое стереотипное представление, сложившееся о жителях пригородов как о необразованных молодых людях, склонных к агрессии и преступной деятельности: (à Mike) T'es un stéréotype parfait déjà d'un petit *dealer* de la cité qu'on a l'habitude de voir dans les émissions *pourries* à la télé où sont des *bouffons* pareils qui *se la pètent* à la *caille* (9).

В фильме поднимается и ещё одна проблема, не менее острая для жителей пригородов, – расизм. Контролёр в автобусе, держа в руках удостоверение личности Юсефа, спрашивает его национальность. Юсеф раздражённо замечает *Putain, j'ai tant que ça une tête d'arabe ou bien tous les contrôleurs du Sud de la France sont cistras?* (10).

Фильм рассчитан на узкий круг зрителей. Арготизмы редко семантизируются, поскольку большая часть диалогов происходит внутри компании приятелей. Они легко переходят от нормативного французского языка, на котором говорят в лицее, к более привычному для них аргю как к более экспрессивному способу выражения мысли и чувства. В своей реплике Юсеф сначала употребляет нормативный глагол *se calmer*, а потом его арготический вариант *mettre en veilleuse*: *Putain, qu'est-ce qu' tu fais? Tu te calmes. Tu la mets en veilleuse. Tu verras. Cela sera plus free.*

В ряде случаев Юсеф и Майк переводят арготизмы в систему общенационального языка, чтобы достичь понимания собеседниками (их соседками Лиди и Леа), которые не принадлежат к их языковой среде.

Youssef (à Lydie): T'es *feuj*. Il faut le dire: t'es juif.

Mike: Ça va, la *pêche*? T'es en bonne forme?

Léa: Jusqu'à là tout allait plutôt bien.

Mike: *Putain*, c'est marrant. Ça doit être *maladif* chez vous. Vous avez toujours cette nécessité d'être tout le temps *agressifs*.

Léa: Quand c'est des filles, on dit *agressives*.

Mike: Bah, allez, tiens, santé. Je peux te faire une *confidence* quand même, *mam'selle*?

Léa: Vas-y, cause toujours tant que c'est en français.

Mike: Je veux dire que je t'ai admirée à la *geupla*, à la plage tout à l'heure.

Являясь элементом речевой характеристики персонажа, арготизмы акцентируют определённую черту его характера. Говоря с Леа на верлане, Майк подчёркивает свою принадлежность к определённой социальной среде, хочет выглядеть в её глазах крутым парнем.

Léa: Je peux te faire une confidence à mon tour?

Mike: Ouais, bien sûr, même si ce n'est pas en *céfran* (11).

Низкая концентрация арго или его отсутствие в речи персонажа подчёркивает лингвистическое и культурное различие между средой, к которой он принадлежит, и той, в которой он находится. Концентрация арготизмов в речи Юсефа во время разговора с Лиди значительно ниже, чем во время общения с его приятелями: J'en ai marre de jouer au volley, regarder les surfeurs *draguer les gonzesses*... Y en a que pour eux, ma parole. C'est *relou*. Moi aussi, je peux très bien prendre une planche et aller surfer sur les baleines (12).

Арготизмы с пейоративной коннотацией в репликах Юсефа и Стефана, употреблённые в присутствии Лиди или даже в её адрес, сигнализируют об изменении эмоционального состояния персонажей. Юсеф возмущён, что Лиди считает его расистом: ...Tu dis n'importe quoi là. C'est des préjugés des *gonzesses de Paname*, ça...*Pauvr'conne* (13).

Юсеф постоянно напоминает Стефану, что тот не сдал экзамен на степень бакалавра. Когда он это делает в присутствии Лиди, Стефан употребляет дисфемистичные арготизмы, чтобы соответствовать образу необразованного человека: Eh, c'est vrai. C'est vrai qu'à côté de toi et Christophe on est des *sous-merde* incultes...Je vais *chier* (14).

Лиди, общаясь с Юсефом и его приятелями, употребляет арготизмы, которые отражают процесс внедрения персонажа в новую среду и духовного приспособления к ней:

...Moi, je sais pas ce que tu veux. Te plaindre toute la journée ou *serrer les gonzesses*.

...Je veux savoir si ça vous *branchait* de nous rejoindre sur la plage pour faire une petite partie au volley.

...Ah, les *mecs*, vous êtes *nazes* là (15).

За счёт изменения ритмической структуры арготического блока достигается эффект стилистического выделения ситуации. Так, в конце фильма приятели ссорятся из-за того, что их компания распалась и они всё реже проводят время вместе. Плотность арготизмов в речи персонажей увеличивается (1/10), а интервалы между ними сжимаются.

Stéphane: *Putain*, si j'ai créé une ambiance de *merde*, je *m'en fous*. Si nos vacances sont *foirées*, c'est en partie à cause de toi et ton histoire minable là.

Christophe: T'es vraiment *dingue* ou quoi? Je ne sais pas mais fais quelque chose. Pour être aussi aigri, il faut vraiment être *guedin*.

Stéphane: Je suis peut-être aigri, mais moi, j'ai les pieds sur terre, moi. Je ne crois pas que la *gonzesse* que je rencontre à la terrasse d'un café en vacances c'est l'amour de toute ma vie. Moi, je suis pas comme ça.

Christophe: Quoi? Qu'est-ce qu'il y a? C'est les vacances. Les vacances, c'est fait pour *s'éclater*, non? Eh bah voilà, je *m'éclate*. Je sais très bien que je ne finirai

pas ma vie avec une *meuf* comme Christelle. Eh bon, je profite. Je la *nique*. J'ai rendez-vous avec elle ce soir. C'est *mortel*. Je vais *m'éclater*. Je vais la *niquer*, mais c'est tout. Ça s'arrête là. Je ne mens pas. Je sais que c'est juste un *coup à mettre*, cette *meuf*. T'es *con*, ou quoi, ma parole.

Stéphane: C'est *mortel* pour toi. Toi, tu *t'éclates*, alors qu'on s'*emmerde* là, on s'*emmerde*.

Christophe: Attends, mais tu me fais un procès parce que moi, je *tire* mon *coup*, c'est ça?

Stéphane: Je ne te fais pas un procès pour ça, *bordel!* Je te fais un procès parce qu' à cause de toutes vos histoires de *cul*, là, vous êtes en train de tout *niquer*, les gars. *Putain*, on n'a plus rien à se dire. On s'éloigne et vous le remarquez même pas.

Christophe: Tu me *fais chier*, gros. Tu *m'emmerdes* avec, t'es psychorigide. Tu me *fais chier*. Je *me casse* (16).

Отдельные арготизмы в фильме не растворяются в арготическом блоке, а несут собственную стилистическую нагрузку. Имея пейоративную коннотацию, они передают отрицательные эмоции или выражают отрицательное отношение к человеку или ситуации: *blaireau, pécore, dingue, guedin, craqué, relou, con, conne, sonné, mocheté, enfoiré, sous-merde, parano, casse-couilles, grande gueule, baltringue, dégueulasse, de merde* (17).

Арготизмы могут использоваться для создания шокового эффекта. Для реализации этой функции в фильме соблюдены все необходимые условия: до наступления шокового эффекта в речи персонажа наблюдается близкая к нулевой насыщенность арготизмами; употребление арготизмов в речи персонажа не характерно для его социальной среды; шоковый эффект связан с кульминационным моментом в развитии сюжета. Как отмечает Э.М. Береговская, описавшая эту функцию, «шоковый эффект сопутствует какому-нибудь сюжетному «вдруг» [1, с. 94]. Юсеф обнаруживает на шее у Лиди медальон и понимает, что она – еврейка. Он был к этому не готов, и его реакция круто меняет ход их разговора. Концентрация арго в репликах Лиди резко возрастает: *Mais si, je vois bien que ça te dérange. Pourquoi? T'es comme ces petits cons de banlieue qui ne peuvent pas blairer les feufs?* (18).

Отдельные арготизмы используются в людической функции как форма организации игры слов. Звуковой комплекс лежит в основе игры слов с участием арготизма *mac* «сутенёр». Кристиан и Юсеф разыгрывают Майку, которому нравится девушка на пляже, говоря, что это – знакомая им проститутка, а парень рядом с ней – её сутенёр. Они предлагают Майку подойти к сутенёру и попросить у него чисбургер, что является для сутенёра своеобразным паролем. Арготизм *mac* совпадает по звучанию с названием кафе *Mac Donald's*, на которое намекает слово *cheeseburger*.

Youssef: Le colosse, comme tu dis, c'est son *mac*. Alors va voir son *mac* de ma part et demande-lui un cheeseburger. Il va tout comprendre direct.

Christophe: à emporter, à emporter. C'est ça.

Youssef: C'est un code. C'est un code.

Другой каламбур построен на игре с двумя арготическими значениями глагола *griller*: «провалиться» в выражении *c'est grillé* и «курить», которое мерцает рядом со словосочетанием *calumet de la paix*.

Stéphane: Elle est terrible, ta *meuf*, Youssef. Eh, franchement, elle a trop de caractère. Je comprends pourquoi tu t'es accroché à elle.

Youssef: Je m'accroche, je m'accroche, je...je m'accroche pas du tout. Ma parole, je m'accroche pas. De toute façon, même si je m'accroche, c'est *grillé* avec tes histoires de *calumet de la paix*.

В целом арготизмы функционируют в контексте фильма как в естественной среде без изменения семантики и коннотации, реализуя функцию «вторичного использования» [4, с. 71]. Диалоги в фильме импровизированные (персонажи придумывают их на ходу), о чём свидетельствуют часто незаконченные реплики, обрывающиеся на полуслове.

Mike: J'en ai *bouillave* plein, moi...

Stéphane: Qui? Qui?

Mike: Mais qui, quoi, mais j'en ai *ni...merde*. Tu fais *chier!* (19)

Впечатление живого диалога создаётся и за счёт подхватывания реплики предыдущего говорящего.

Mike: ...Je suis venu vous passer le bonjour. Franchement, vous êtes des *bâtards*. C'est grâce à moi que vous avez gagné ce voyage et vous ne m'avez même pas invité! Franchement je retiens.

Youssef: Vas-y, t'es *guedin*. Qu'est-ce qu' tu retiens? Nous, on *branle* rien ici, *ouallou, que dalle*.

Mike: *Que dalle?* Elle est bien bonne, celle-là (20).

Однако некоторые арготизмы в фильме употребляются в функции «пересоздания» [4, с. 70], то есть имеют ряд особенностей, которые отличают их от аналогичных единиц в системе арго: изменение коннотации арготизма, его значения, создание неологизмов на арготической основе, арготических тропов.

Арготизм *ouf* имеет значение «сумасшедший», когда характеризует человека, и «классный», когда речь идёт о неодушевлённых предметах.

Christian: Stéphane, tu vas *louper*. Je vois ça d'ici: plage, *meuf*, *baise*. *Baise, meuf*, plage.

Youssef: Et boîtes et des *baises* en boîtes avec des restaurants de *ouf* (21).

Юсеф образует производные от арготизма *niquer*; создаёт новую арготическую единицу *tactaquer*: ...Sur la tête de ma mère, il (Mike) est une *grande gueule*. C'est grave. Je t'ai jamais vu avec une *meuf* de ma vie. C'est bizarre? T'es bon qu'à dire: «Moi, les *meufs*, je les *nique*, *renique*, je les *dénique*, je les *ornique*». Je t'ai jamais vu avec une *meuf*. (à Stéphane) Tu l'as déjà vu avec une *meuf*? Sur la

vie de mon père, je suis sûr que tu n'as jamais *tactaqué* de ta vie. T'as jamais ... À mon avis, t'es puceau.

Анализ стилистических функций арготизмов в фильме «Небо, птицы и ...» дал следующие результаты:

1. Арго в фильме

- типизирует язык социальной группы;
- создаёт эффект подлинности в описании социальной группы;
- показывает проникновение персонажа в языковую среду, к которой он не принадлежит, приобщение к языку этой среды.

2. Специфические арготизмы (верлан и арготизмы, заимствованные из арабского языка)

- передают отличительные признаки языка данной социальной группы;
- отражают влияние определённых языковых сообществ на язык говорящих;
- акцентируют определённую черту характера персонажа.

3. Арготизмы, принадлежащие к эмоциональной сфере

а) арготизмы с пейоративной коннотацией

- передают настроение говорящего;
- показывают отрицательное отношение к собеседнику;
- сигнализируют об изменении эмоционального состояния персонажа;

б) грубые слова

- дают выход отрицательным эмоциям.

4. Незначительная концентрация арготизмов в речи персонажа

- показывает лингвистическое и культурное различие между привычной и новой для персонажа средой.

5. Перепады ритма арготического блока

- стилистически выделяют ситуацию;
- создают шоковый эффект.

6. Параллельное употребление арготизмов и их синонимов из кодифицированного языка

- семантизирует неизвестный собеседнику арготизм;
- усиливает экспрессивность арготизма.

7. Игра слов

- подчеркивает определённую черту натуры персонажа;
- разряжает обстановку;

8. Арготизмы в функции «пересоздания» (арготизмы-тропы, арготизмы-неологизмы)

- индивидуализируют речь персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск, 1975. 116 с.

2. Caradec F. Dictionnaire du français argotique et populaire. Paris: Larousse, 2005.
3. Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère Ch. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines. Paris: Larousse, 2002.
4. Colin J.-P. L'argot et la littérature: réinvention, récupération... ou dégénérescence? Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain, 1996. P. 70-72.
5. Goudaillier J.-P. Argot et cinéma: les dialogues de films témoignent de l'évolution de l'argot français // Revue d'Études Françaises, № 11, 2006. P. 85-90.
6. Goudaillier J.-P. Langue et identités. L'exemple du français contemporain des cités // Informations sociales. Paris, 2004. 119, octobre. P. 74-80.
7. Goudaillier J.-P. Procédés de création lexicale en français contemporain des cités // L'invention verbale en français contemporain. Les cahiers du CIEP. Paris, 2003. P. 55-63.
8. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités, Paris: Maisonneuve et Larose, 1997.
9. Sayah M. Quand le français change de visage dans le quartier du Mirail (à Toulouse). Association for French Language Studies. Cahiers 7.1. 2001. Spring. P. 17-27.
10. Seguin B., Teillard F. Les Céfrans parlent aux Français, 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. se tirer – убежать; thune – деньги; se prendre la tête – переживать; bouffer – есть, gonfler – выводить из себя
2. joint – сигарета с гашишем; mater – смотреть; choper – кадрить; sac – 1000 старых франков
3. se la jouer – хвастать
4. serrer – подцепить, кадрить
5. choper, pécho, draguer, serrer – подцепить; kiffer, avoir une touche – нравиться
6. faire chier, gonfler, prendre la tête, vanner, pomper le dard – выводить из себя, досаждать; flipper – находиться в депрессии; avoir les boules – быть нервным, раздражительным; s'en branler – не обращать внимания, не интересоваться; faire la gueule – быть в плохом настроении
7. s'éclater – развлекаться; téci ← cité, tèt ← jeter
8. bouffon – ничтожество
9. dealer – торговец наркотиками; roupti – плохой, никчемный; bouffon – ничтожество; se la péter – веселиться; caille (сокращение от racaille) – жульё
10. cistra ← raciste
11. céfran ← français
12. draguer – подцепить, кадрить; gonzesse – девушка; relou (← lourd) – невыносимый
13. Paname – Париж
14. chier – испражняться
15. serrer – подцепить; gonzesse – девушка; brancher – интересоваться; naze – глупый
16. s'en foutre – не интересоваться; foiré – испорченный; guedin (← dingue) – сумасшедший; gonzesse, meuf – девушка; s'éclater – развлекаться; mettre, tirer un coup, niquer – заниматься сексом; s'emmerder – скучать; bordel – ругательство; niquer – разрушить; faire chier, emmerder – надоедать; se casser – уходить
17. blaureau – неприятный тип; récore – грубиян; craqué, sonné – сумасшедший; casse-couilles – надоедливый; mocheté – уродина; enfoiré – глупый; grande gueule – тот, кто много говорит, но не выполняет свои обещания; baltringue – человек, не принадлежащий к данной социальной группе; dégueulasse – отвратительный; de merde – ничтожный
18. blairer – выносить; feuj ← juif
19. bouillave – обладать женщиной; faire chier – надоедать

20. bâtard – ругательство; guedin (← dingue) – сумасшедший, ouallou, que dalle – ничего, branler – делать

21. louper – предаваться лени; baise – занятие сексом; ouf (← fou)

O.V. Stepanova

The Suburban Slang in the French Comedy

Key words: *suburban French slang; concentration of slang; stylistic functions.*

The article is about the trends in the use of urban French. We try to determine the particularities and stylistic functions of slang in the dialogues of the modern French comedy.

О.И. Осаволук

Смоленский государственный университет

УДК 821.133.1-811.133.1'38

СТИХОТВОРЕНИЕ-КОМИКС КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ

Ключевые слова: *креолизированный текст; иконический знак; вербальный знак; текстовые категории; стилистические функции; денотативное значение; коннотативное значение.*

Данная статья посвящена анализу результатов трансформации поэтического текста в креолизированный или поликодовый, т.е. сочетающий в себе знаки различной природы (вербальной и иконической). Искусственное введение визуального ряда повлияло на все основные текстовые категории: фабулу, сюжет, время и место, образную структуру стихотворения – и создало новый текст.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий для характеристики современной коммуникации все чаще появляется понятие «эскалации изображения». За последние сто лет широкое распространение получили поликодовые системы, построенные на соединении текстов различной семиотической природы: кинематограф, телевидение, фотография, сеть Интернет. Это привело, с одной стороны, к призывам вообще отказаться от слов, а мыслить в процессе творческого поиска на основе наглядных образов, так как «они обладают такой подвижностью и пластичностью, какой не обладают слова» [2, с. 69]. А с другой – к повышению интереса языковедов к семиотически гетерогенным текстам. Одной из первых к исследованию таких тек-

стов обратилась психоллингвистика, где возник специальный термин «креолизованный текст», под которым понимается текст, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5, с. 180-181].

В лингвистике текста принята более узкая трактовка креолизованного текста как «особого лингвовизуального феномена, <...> в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, смысловое, функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 148].

Долгое время в науке господствовало мнение, что поликодовые произведения должны характеризоваться большей эффективностью в передаче информации по сравнению с близкими по содержания вербальными произведениями за счет одновременного использования разных каналов передачи информации и за счет их более гибкой структуры.

Сравнивая знаки условные (к коим относятся слова) и знаки изобразительные (к коим относятся рисунки), нужно сказать не только об их разной природе, но и о разных функциях. Ю.М. Лотман говорил, что изобразительные знаки воспринимаются как «в меньшей степени знаки», чем слова. Поэтому они начинают противопоставляться слову в оппозиции: «способное быть средством обмана – неспособное быть средством обмана». Как условный знак слово не может воспроизвести с полной точностью индивидуальный, конкретный облик вещей, какими они предстают взору. Но речь, как богатая система условных знаков, может передать силу впечатления от вещей [4].

Говоря о креолизованных текстах, лингвисты утверждают, что они существовали всегда, хотя и не имели такого распространения. Сегодня многочисленные разновидности поликодовых текстов: реклама, карикатура, статьи с фотоснимками, комикс и т.д. – стали составной частью современной коммуникации. Тексты, соединяющие иконографические и типографические знаки, издавна применялись в образовании (например, надписи на иконах или народный лубок). Современное образование часто использует для этих целей комикс, который является ярким примером креолизованного текста.

Л.В. Головина, исследуя креолизованные тексты на материале текстов художественных, пишет, что присоединение к вербальному тексту изображения, находящегося с ним в отношениях синонимии или дополнения, приводит к уменьшению его эмоциональности, снижает его информативность и убедительность. Причину этого автор видит в психологических особенностях восприятия креолизованного текста. Реципиент, воспринимающий текст без изображения, приписывает этому тексту такие характеристики, которые он извлекает не только из самого текста, но также из своей концептуальной системы, из своей «картины мира», в которой содержатся все лингвистические

и лингвистические знания относительно описываемых явлений и предметов. Добавление изображения накладывает ограничение на восприятие текста, ведет к перестройке смыслового кода реципиента в сторону сужения его концептуального поля, при этом возможности интерпретации текста уменьшаются [3].

Эти идеи во многом перекликаются с мыслями литературоведов на иллюстрирование литературных произведений (в частности, Ю.Н. Тынянов [6]).

Предметом настоящей статьи стал креолизованный текст комикса. Но текст этот не совсем обычный. В основе его лежит стихотворение Шарля Бодлера «*À une passante*» («*Прохожей*») из цикла «*Tableaux parisiens*» («*Парижские картины*») сборника «*Цветы зла*». Подобный способ «популяризировать» классическую литературу, сделать ее более доступной молодой аудитории в последнее время стал очень популярным. Авторы этого креолизованного текста – Сека (сценарий) и Жан-Ноэль Критон (рисунки). Этот опыт довольно интересен, так как является попыткой перевода чисто вербального текста в разряд поликодовых. Причем речь не идет о простой иллюстрации стихотворного текста, но о создании нового литературного произведения, вербальная и иконическая части которого существуют не автономно. Между ними устанавливаются синсемантические отношения. В этой статье мы попытаемся проанализировать, как перевод художественного поэтического текста в креолизованный повлиял на его образность и стилистические функции.

Прежде чем начать анализ, приведем оригинал стихотворения Шарля Бодлера «*Прохожей*».

1. La rue assourdissante autour de moi hurlait.
2. Longue, mince, en grand deuil, douleur majestueuse,
3. Une femme passa, d'une main fastueuse
4. Soulevant, balançant le feston et l'ourlet ;
5. Agile et noble, avec sa jambe de statue.
6. Moi, je buvais, crispé comme un extravagant,
7. Dans son œil, ciel livide où germe l'ouragan,
8. La douceur qui fascine et le plaisir qui tue.
9. Un éclair... puis la nuit ! – Fugitive beauté
10. Dont le regard m'a fait soudainement renaître,
11. Ne te verrai-je plus que dans l'éternité ?
12. Ailleurs, bien loin d'ici ! trop tard ! *jamais* peut-être !
13. Car j'ignore où tu fuis, tu ne sais où je vais,
14. Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais !

Прежде всего, обращает на себя внимание сонетная форма стихотворения. От нее, что понятно, в креолизованном тексте комикса не осталось и следа. Форма комикса не предполагает сохранения строфической формы стихотворения. В этом выражается *техническая функция* невербальной части комикса, которая проявляется в «организации визуального восприятия текста: привлечения внимания адресата, обеспечения четкости композиционного решения текста и его «удобочитаемости»» [1].

В стихотворении много слов, схожих по звучанию. Богатые рифмы первых двух строф. Кроме того, паронимы порождают ассоциации, усиливающие образность (*je buvais*<...> *ciel livide*<...> (я пил <...>бледно голубое небо) его пароним *liquide* (жидкость) вызывается по ассоциации).

Совершенно очевидна внутренняя фоническая образность стиха. Она построена не только на рифме, но и на аллитерациях, прежде всего, на звук [s], который стилистически маркирован за счет появления в заглавии стихотворения. И на ассонансах, прежде всего, на звуки [u] [y].

Попытаемся раскрыть механизмы взаимодействия вербальных и иконических элементов в тексте и декодировать содержащуюся в них информацию. Совершенно очевидно, что первичной в данном креолизованном тексте является вербальная составляющая, а изображение вторично и подчинено слову. Но корреляции между этими двумя компонентами не столь однозначны. Каковы функции изображения в этом тексте? Иллюстративная, выделительная, комментирующая?

Для этого проанализируем новый текст по тем параметрам, которые были предложены в работе Е.В. Анисимовой. Прежде всего, установим номенклатуру паралингвистических средств в тексте. В поле паралингвистических средств рассматриваемого нами текста входят рисунки-кадры, несущие на себе существенную информационную нагрузку. Композиционно комикс состоит из 17 кадров, 16 из которых снабжены буквенным текстом. Большинство стихов оригинального произведения Ш. Бодлера помещено в один кадр (11 из 16), правда, три из них в пространстве кадра разделены на две части, две легенды, а один на четыре. Членение стиха носит синтаксический характер. В тексте комикса исчез один из синтаксических переносов (стихи 9, 10). Фраза, разделенная на два стиха поэтом, в комиксе комментирует один кадр. Правда, авторы нового креолизованного текста с помощью многоточия после слова *beauté* попытались передать паузу, которой характеризуется синтаксический перенос.

Шрифт, которым введен текст, внешне нейтрален: равномерные прописные буквы белого цвета на светло-коричневом фоне. Безусловно, такой шрифт не является графической нормой для литературных текстов XIX века. Но на фоне вновь созданного креолизованного текста он не выделяется. Буквенный текст располагается в прямоугольных рамках (*légendes*). Расположе-

ние текста вне или внутри кадра задает ритм чтения. Этот ритм отличается от оригинального, существовавшего в стихотворении Ш. Бодлера. Этот новый ритм призван компенсировать исчезновение строфической формы сонета, графического проявления рифмы.

Теперь проанализируем фабулу и сюжет обоих произведений. Место действия стихотворения Ш. Бодлера определено в названии цикла *Парижские картины* и в стихе 1. Одна из шумных парижских улиц. Больше никаких сведений о месте действия в вербальном тексте нет. Это индивидуальное восприятие пространства, которое тяжело передается иконическими средствами. Обычно в комиксах подробная вербальная информация о месте действия является избыточной. Иконическое же сообщение содержит гораздо больше информации о месте действия. Мы видим улицу с овощными латками, прилегающую к кладбищу. Видим открытые кладбищенские ворота, ведущую вверх лестницу, по которой взбегают героиня, беседку, в которой герои прячутся от начавшегося внезапно дождя, видим могильную плиту с именем и портретом Шарля Бодлера. Образованный читатель поймет, что это парижское кладбище Монпарнас, где и находится могила поэта.

Заметим, что некоторые метафорические и метонимические образы вербальной части получают пространственное выражение в иконическом элементе текста. Так череда метафор и метонимий стихов 6, 7, 8 выражена кинематографическим изменением пространства. Незримая камера словно «наезжает» на героиню, увеличивает ее лицо с тем, чтобы читатель отчетливо увидел ее глаза. При этом героиня стоит на месте.

Временные характеристики в вербальном сообщении передаются при помощи глагольных форм (*passé simple*), лексически при помощи наречий (*soudainement*), глаголов и прилагательных, передающих быстроту движения и изменения состояния (*fugitive, tu fuis, je vais*). Это дает основание утверждать, что время действия не охватывает больше нескольких секунд, не больше одного взгляда, породившего всю глубину эмоциональных переживаний, которые, собственно, и являются объектом стихотворения. Субъективное время оказывается растянутым за счет внутреннего монолога лирического героя. Изобразительная часть текста значительно увеличивает время повествования за счет включения в сюжет множества дополнительных действий, совершаемых героями. Это делает его более линейным, приближая ко времени реальной жизни и отдаляя тем самым от авторского замысла. Оба персонажа активно передвигаются в пространстве, изменяется даже погода: голубое небо затягивают тучи и начинается дождь. Тот самый взгляд становится объектом всего лишь одного кадра комикса.

Образы, созданные Ш. Бодлером в стихотворении «*Прохожей*», прежде всего зрительные. Звуки появляются только в первом стихе и потом исчезают, уступая место созерцанию и полной тишине. Даже мотив бури, урагана в сти-

хотворении связан не со звуковыми, а со зрительными образами: молния, а не гром (стих 9). Заметим, что мотив молнии порождает ассоциации с устойчивым французским выражением *coup de foudre* – удар молнии, любовь с первого взгляда. Правда, в стихотворении содержится только аллюзия на него из-за синонимической замены слова *foudre* на слово *éclair*. В креолизованном тексте метафорическое сравнение взгляда с молнией уходит на второй план, уступая место зрительному образу молнии. Первое предложение стиха 9 (*Un éclair... puis la nuit !*), содержащее антитезу, разделено на два кадра. Первый кадр изображает лица двух людей, смотрящих друг другу в глаза, на фоне озаренного молнией неба. Второй – ноги молодого человека и убегающую прочь фигуру девушки на фоне могильных плит, склепов и начавшегося дождя. Попытка авторов комикса сохранить метафору взгляда-молнии и в иконической части очевидна, но конкретность изображения слишком сильна и «убивает» любую двусмысленность вербального сообщения.

Все стихотворение – это внутренний монолог лирического героя, порожденный случайной встречей в толпе и взглядом на проходящую мимо женщину. Потому уже появление в комиксе персонажа, действующего от лица лирического героя, создает диссонанс между «я» лирического героя и «он» персонажа, которого мы видим в кадрах комикса.

Центральным образом стихотворения является, безусловно, образ незнакомки, внешность которой описывается подробно и чей внутренний мир герой читает в ее глазах. Еще одним мотивом этого стихотворения является мотив смерти. Слова лексического поля «смерть» разбросаны по всему тексту: *deuil* (траур), *douleur* (боль), *livide* (мертвенно-бледный), *tuer* (убить), *faire renaître* (вернуть к жизни), *éternité* (вечность). Эти мотивы тесно переплетены с мотивами природной стихии, с ее внезапностью и неукротимостью. В изобразительной части креолизованного текста эти мотивы передаются за счет введения образа безлюдного кладбища, куда по воле сценариста и художника переносится действие. Таким образом, получается, что в иконическом элементе текста исчезновение звуков связано не с эмоциональным состоянием лирического героя, а с объективной реальностью.

Вторичность изображения в данном случае привела к появлению именно в иконическом компоненте текста эксплицитно выраженной связи с вербальной частью. Ими стало появление образов, которых нет в стихотворении Ш. Бодлера: могилы поэта и сборника его стихов «Цветы зла», который выпадает из кармана героини. Появление этих деталей повлекло за собой множество ассоциаций, которые повлияли на связность нового креолизованного текста.

Изобразительный ряд комикса не иллюстрирует вербальный компонент, но создает свою историю, построенную на ассоциациях. Изображение значительно сужает объем денотативного значения вербального компонента текста. Совершенно очевидно, что роль вербальных и иконических средств в реализа-

ции авторского замысла не является однозначной. И если вербальный компонент может существовать отдельно от изобразительного ряда, то иконический компонент без языкового комментария превращается в простой набор картинок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
2. Боно де Э. Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении: пер. с англ. М., 1976.
3. Головина Л.В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дис. ... канд.филол.наук. М., 1986.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-186.
6. Тынянов Ю.Н. Иллюстрации // Ю.Н. Тынянов Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 310-318.

О.И. Osavolyuk

Poem-Strip Cartoon as a Creolized Text

Key words: creolized text; categories of the text; interaction of the word and the picture; strip cartoon; vividness.

The article is devoted to the analysis of the transformation of a poetic text into creolized or polycode, i.e. combining signs of different nature (verbal and iconic). Artificial introduction of a visual line influenced all the main textual categories: the plot, the time and place, the imagery structure of the poem and created a new text.

Ю.Н. Власова

Смоленский государственный университет

УДК 821.133.1+811.133.1'38

ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СТИЛЕ РЕМОНА КЕНО

Ключевые слова: грамматическая стилистика; идиостиль; грамматическая метафора; Ремонт Кено.

Грамматическая метафора – одна из главных стилевых черт одного из самых оригинальных французских писателей XX века – Ремона Кено. Конвергенции сразу нескольких типов грамматической метафоры (всего их 6) представлены в микро- и макроконтексте прозаических и поэтиче-

ских произведений Кено. В целом, грамматическая метафора в тексте Ремона Кено поддерживает две доминантные функции стилистических средств, свойственные для этого художника слова, – эмотивную и людическую.

Термин «грамматическая метафора», или «грамматический троп», вошел в научный обиход в XX веке вместе с работами Э. Оскара, Е.И. Шендельс и других ученых, которые развили идеи Романа Якобсона о значимости грамматических форм в художественном тексте, о способности этих форм брать на себя и активно выполнять многие стилистические функции, присущие тропам, «нередко превращаясь в главного, даже единственного носителя сокровенной символики» [5, с. 397]. Развивая мысли Р. Якобсона, Э. Оскар, а затем и Е.И. Шендельс используют термин «грамматическая метафора», которую определяют как перенос (транспозицию) какой-нибудь грамматической формы из одной сферы употребления в другую, сделанный в стилистических целях [4, с. 35]. Транспозиция грамматической формы всегда строится на контрасте.

Мы, следуя за Е.И. Шендельс и Э.М. Береговской, которая значительно расширила систему контрастов, выделяем 6 контрастов: 1) *темпоральный* – контраст между основным значением морфологической формы и контекстом (например, употребление *praesens historicum*); 2) *ситуативный* – контраст между грамматической формой слова и ситуацией (*Imparfait du Subjonctif*, *passé simple* в прямой речи, в доверительном разговоре персонажей); 3) контраст между грамматической формой и лексическим наполнением («Я стану еще *одней*», Е. Евтушенко); 4) *аккумулятивный* – контраст между гипертрофированной концентрацией грамматической формы в микроконтексте и ее средней, нормативной концентрацией («...все были несчастненькие, угнетенненькие, но образованненькие, возвышенно-интеллигентненькие», Т. Толстая); 5) контраст между отдельными частями одной грамматической парадигмы; 6) *окказиональный* – контраст между каноническим словом языка и окказионализмом [1, с. 6-12].

Следует отметить, что термин «метафора» нами понимается широко, как образность, созданная грамматическими средствами.

Если многие стилистические фигуры (например, повторы) универсальны настолько, что свободно реализуются во всех речевых сферах (научном, публицистическом, официально-деловом стилях, прозе и поэзии), то грамматическая метафора всегда выступает приметой художественной речи, индивидуального стиля. Это объясняется структурной сложностью, которая определяет экспрессивную силу этой фигуры.

Отдельные виды грамматической метафоры в прозе нередки, но особый эффект создает присутствие нескольких разновидностей этой фигуры в

одном контексте. Так, стиль Ремона Кено отмечен яркими грамматическими метафорами, основанными на разных видах контраста.

Ремон Кено – один из самых оригинальных французских писателей XX века, целая веха в истории французской литературы. Пытаясь создать так называемый неофранцузский язык, он стремился соединить письменную речь со стихией живой разговорной речи.

Комплексная характеристика индивидуального стиля Ремона Кено с точки зрения фоностилистических, лексических и синтаксических особенностей была представлена в работе Д.В. Матвеевкова. Основными чертами идиостиля Р. Кено являются многоуровневая игра слов, установка на ненормативность лексики, частотность окказионализмов, так называемых кенонизмов, благодаря которым язык обретает близкую к фамильярно-разговорному регистру форму выражения, экспрессивное искажение графического облика слова и словосочетания при отражении на письме их звукового облика [2, с. 16-17].

И в прозе, и в поэзии Ремона Кено мы зафиксировали высокую частотность различных видов грамматической метафоры даже в пределах одного текста (стихотворения, романа), что обычно несвойственно для этой разнотипной, структурно сложной фигуры.

Темпоральный тип грамматической метафоры более свойственен прозе, где система грамматических времён по-разному соотносится с повествованием и точками зрения автора и персонажей. Хотя сниженный регистр романов Р. Кено далёк от классического, традиционного употребления грамматических времён, иногда автор прибегает к использованию яркого временного контраста.

La veuve Mouaque, tenant ses tripes dans ses mains, s'effondra.

– C'est bête, murmura-t-elle. Moi qu'avais des rentes.

Et elle meurt.

(Zazie dans le métro)

Роман «Зази в метро» завершается нелепой и бессмысленной гибелью вдовы Муак, внезапная смерть которой потрясла главную героиню – девочку Зази. Форма настоящего времени (*Présent historique*) глагола *mourir* (умирать) в контексте прошедших времен (*Passé simple*, *Imparfait*) останавливает повествование, концентрируя читательское внимание на этом отрезке текста.

Контраст между грамматической формой слова и ситуацией представлен в романе Кено «*On est toujours trop bon avec les femmes*» («Мы всегда слишком добры с женщинами») формами *Passé simple* в обращении ирландских революционеров к британской девушке, оказавшейся в центре событий жестокого бунта:

... le sens profond des phrases que vous proférâtes.

Глагольная форма *vous proférâtes*, принадлежащая книжному стилю, звучит насмешкой в устах революционеров, реализуя эффект обманутого

ожидания, а выбор глагола *proférer* (изрекать) усиливает иронический тон и презрение к британской монархии в репликах говорящих.

В процесс создания грамматической метафоры активно вовлекаются имена собственные:

Quel horreur. Ces Républicains. Voilà à quoi ils pourraient réduire une sujette de Sa Majesté britannique. Il y a *du Hun* là-dessus.

(On est toujours trop bon avec les femmes)

В этом контексте частичный артикль перед именем собственным употреблен с целью снижения оценки имени собственного и воссоздании атмосферы жестокости и мародерства, качеств, свойственных гуннам. Несистемное употребление частичного артикля создаёт контраст между грамматической формой и лексическим наполнением.

Одна из самых ярких грамматических метафор, которые мы называем *окказиональным типом* грамматической метафоры, частотна в поэтических текстах Р. Кено:

Bon dieu de bon dieu que j'ai envie d'écrire un petit poème
Tiens en voilà justement un qui passe
Petit petit petit
viens ici que je t'enfile
sur le fil du collier de mes autres poèmes
viens ici que je t'enparouète
Et que je t'enrime
Et que je t'enlyre
Et que je t'enpégase
Et que je t'enverse
Et que je t'enprose

La vache
Il a foutu le camps

Семантика глагола *enfiler* автоматически переносится на ряд придуманных Кено глаголов: *enparouéter*, *enrimer*, *enlyrer*, *enpégaser*, *enverser*, *enproser*, смысл которых становится прозрачным при членении на морфемы.

Окказиональный тип грамматической метафоры, очевидно, имеет людический характер, поскольку, часто являясь разновидностью каламбура, окказионализмы обладают большой экспрессивной силой.

D'ailleurs, elle était convaincue que, maintenant, ils n'allaient plus lui poser de nouvelles questions sur son séjour dans les lavatories, les courses de *son y-venu* et de *son y-rester*.

В примере из романа Ремона Кено «Мы всегда слишком добры с женщинами» окказиональное стяжение, редкий случай телескопии наречия места *y* и глагольных форм (*venu*, *rester*), задает хронологический порядок событий романа (ирландской революции) при минимуме языковых средств (*venu* –

причастие прошедшего времени, *rester* – инфинитив, передающий симульность действия и продолжение процесса).

В романе «Зази в метро» функции окказионализмов несколько иные: *Fédor Balanovitch cicérona la chose en plusieurs idiomes.*

Окказиональная глагольная форма *cicéroner* поддерживает аллюзию на шутивно-ироническую устаревшую лексему *cicéronem* – гид, экскурсовод, тем самым воссоздавая и дополняя черты сатирического портрета персонажа. Экспрессивность используемых средств окказиональной поэтической техники очевидна. Благодаря «кенонизмам» язык обретает естественную, близкую к фамильярно-разговорному регистру форму выражения. Стилистические эксперименты у Р. Кено носят не только утилитарный характер, они всегда направлены на расширение потенциальных возможностей художественной речи [2, с. 17].

Контраст между гипертрофированной концентрацией грамматической формы в микроконтексте и ее средней, нормативной, концентрацией мы называем аккумулятивным типом грамматической метафоры. Когда мы говорим о нормативной концентрации, мы имеем в виду норму, которую интуитивно ощущает носитель данного языка и которая проявляется, как отмечал Ю.М. Лотман, своей незаметностью.

Этот контраст организован по принципу аккумуляции. Аккумуляция современными лингвистами понимается как стилистическая фигура, состоящая во множественном перечислении, нагнетании синтаксически однородных, но содержательно не всегда однородных членов или частей предложения с целью представить некое сложное целое перечнем отдельных его аспектов, частей или деталей [3, с. 23]. Наше понимание аккумуляции более широкое – это фигура, в основе которой лежит принцип итеративности, а итеративным элементом в случае явного повтора (анафоры, эпифоры, гомеотелевта и др.) выступает фонема, морфема, слово, синтаксическая конструкция и целое высказывание, а также местоимение, синтаксическая конструкция, союз в случае скрытого повтора (синтаксического параллелизма, градации, контрапедрии и др.).

Аккумулятивный тип грамматической метафоры широко используется в поэзии и в прозе Кено. Известное произведение «*Exercices de style*», построенное на людических трансформациях одного и того же сюжета, целиком основано на принципе аккумуляции, где итеративным компонентом выступают морфема, слово, синтаксическая конструкция, целое высказывание.

Négativités

Ce n'était ni un bateau, ni un avion, mais un moyen de transport terrestre. Ce n'était ni le matin, ni le soir, mais midi. Ce n'était ni un bébé, ni un vieillard, mais un homme jeune. Ce n'était ni un ruban, ni une ficelle, mais du galon tressé. Ce n'était ni une procession, ni une bagarre, mais une bousculade. Ce n'était ni un

aimable, *ni un méchant, mais un rageur. Ce n'était ni une vérité, ni un mensonge, mais un prétexte. Ce n'était ni un debout, ni un gisant, mais un voulant – être assis* <...>.

Здесь экспрессивность синтаксического параллелизма, усиленного отрицательной частицей *ni*, превращает текст в игру, где читатель, следуя установленным правилам, получает удовольствие от сопричастности к процессу создания нового текста.

В романе «Мы всегда слишком добры с женщинами» грамматическая метафора актуализируется аккумуляцией коротких (3-4 слова) фраз, которые выстраивают ритмико-интонационный рисунок текста:

C'est stupide. Ils sont devenus fous. Dieu gracieux. Que je suis bête. Dieu gracieux. Dieu gracieux <...>

Интонация мольбы о спасении ясно прочитывается в ёмких, коротких фразах. Длина подобных этой итеративной цепочке аккумуляций может быть равна нескольким абзацам, одной или нескольким страницам.

Контраст между отдельными частями одной грамматической парадигмы реализуется Р.Кено намеренным противопоставлением глагольных форм в микроконтексте:

Décidément, dit Trouzcaillon, ça tourne pas rond ... et tout ça à cause de la femme que je rencontra ce matin.

– *Que je rencontra.*

– *Que je rencontrais.*

– *Que je rencontrais sans esse.*

– *Que je rencontra.*

В данном примере из романа «Зази в метро» глагольные формы поддерживают два основных приёма в технике Ремона Кено – графон и фоностилистическую игру. Неправильное просторечное употребление формы первого лица единственного числа в речи Трускайона провоцирует ряд ответных реплик других персонажей, в которых подчеркнута не только графическая разница глагольных форм, но и их звучание.

Структура этого типа грамматической метафоры доказывает мысль о том, что контраст языковых явлений обязателен как основа этой фигуры, в то время как перенос из одной сферы употребления в другую возможен, но не обязателен [1, с. 14].

Итак, грамматическая метафора, по нашим наблюдениям, является одной из определяющих характеристик стиля Ремона Кено. Грамматические метафоры реализуются и в микро-, и в макроконтексте прозаических и поэтических текстов Кено. Даже в пределах одного текста возможны конвергенции нескольких видов грамматической метафоры.

Грамматическая метафора, в основе которой лежит контраст между формами одной грамматической парадигмы, усиливает потенциал основных

средств экспрессивности в творчестве Ремона Кено – фоностилистических фигур и графона, которые при этом выступают средствами игровой организации текста. Оказиональный тип грамматической метафоры также тяготеет к людической функции.

Темпоральный тип грамматической метафоры выстраивает хронологический порядок событий, создаёт эффект ретардации, доводя его до почти полной остановки действия и вызывая у читателя эмоциональный шок. Ситуативный тип грамматической метафоры чаще всего способствует реализации эффекта обманутого ожидания. Аккумулятивный тип грамматической метафоры усиливает эмоционально-оценочный компонент высказывания, участвует в создании комического эффекта, подчеркивает ритмико-интонационный рисунок текста.

В целом, грамматическая метафора в тексте Ремона Кено поддерживает две доминантные функции стилистических средств, свойственные для этого художника слова, – эмотивную и людическую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береговская Э.М. Грамматическая метафора: шесть структурирующих контрастов // Романские языки и культуры: от античности до современности. IV международная научная конференция романистов. 29–30 ноября 2007 г.: сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 5-14.
2. Матвеев Д.В. Лингвистическая концепция Р. Кено и её художественное воплощение: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2002.
3. Сковородников А.П. Аккумуляция // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 23-25.
4. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора // Филологические науки. 1972. № 3. С. 51-56.
5. Якобсон Р.О. Грамматика поэзии и поэзия грамматики // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa, 1961.

J.N. Vlassova

Grammatical Metaphor in the Individual Style of Raymond Queneau

Key words: grammatical stylistics; individual style; grammatical metaphor; Raymond Queneau.

Grammatical metaphor is one of the main stylistic features of one of the most original French writers of the 20th century – Raymond Queneau. Convergences of several types of grammatical metaphor (all in all there are 6 types) can be found in micro and macro context of prosaic and poetic works of Queneau. On the whole, grammatical metaphor in the text of Queneau supports two dominant functions of stylistic devices, typical of this author, – emotional and ludic.

В.В. Керов

Российский университет дружбы народов

УДК 271.22-87

«ТРУД БЛАГОЙ БОГА РАДИ»: ТРУДОВАЯ ЭТИКА РАННЕГО СТАРОВЕРИЯ

Ключевые слова: *Россия; старообрядчество; предпринимательство; православие; трудовая этика.*

В ходе зарождения и развития трудовой этики раннего староверия было преодолено традиционалистское отношение к труду. Сложилась духовная концепция «труда благого», признававшая труд душеспасительным христианским подвигом при условии предназначения результатов труда староверческой общине, сохранявшей «истинную веру». Основной социальной функцией концепции явилось обеспечение выживания общины в условиях сурового российского севера и гонений.

Не унываем в трудах, зане труды вечное блаженство подают.

Семен Денисов

В современной историографии истории российского старообрядчества все более значительное место занимает изучение экономической деятельности староверов. Общим местом специальной литературы стало признание лидерства староверов в некоторых отраслях российского хозяйства. Многие историки старообрядчества высказывали предположение, что именно конфессиональные основы «старой веры» в соответствующих цивилизационных условиях обеспечили формирование представлений и установок, обусловивших успех предпринимательства староверов. В то же время соответствующие элементы старообрядческой «картины мира» еще не получили достаточного анализа.

В зарубежной историографии различных периодов вопрос конфессионально-этических факторов формирования системы хозяйствования Нового времени рассмотрен достаточно подробно. Исследователями выявлен ключевой компонент, оказывавший значительное воздействие на эконо-

мические функции религиозных общин. Это не столько стремление к росту уровня жизни, развития чувства ответственности, сколько «такой строй мышления, который, хотя бы во время работ, исключал неизменный вопрос, как бы при максимуме удобств и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок, такой строй мышления, при котором труд становился абсолютной самоцелью» [1, с. 69]. Действительно, в процессе перехода от средневекового католицизма к протестантизму отношение к труду изменилось. Получившая религиозную санкцию новая трудовая этика стала первым звеном в цепи факторов формирования капиталистического общества.

В России эволюция религиозной оценки труда имела иной характер. Аналогично средневековому католицизму православие санкционировало хозяйственно-трудовую деятельность как естественную необходимость создания Божия, которому заповедано было «в поте лица своего есть хлеб» (Бытие 3-19) (см.: [18, с. 48-50]). Прежде всего, труд представлял собой «наказание за грехи и врачевство от всякого нового греха». Официальная доктрина о труде утверждала: «Если бы человек не согрешил и никогда не грешил, жизнь его не была бы обременена тяжелым трудом» и он «трудился бы по образу как легкое и приятное упражнение» [13, с. 139-141].

В ходе модернизации XVIII и даже XIX веков (в значительной степени в результате воздействия ее особенностей) конфессионально-этические отношения остались в рамках традиционализма, труд, по наблюдениям современников и исследователей (А.Н. Энгельгардт, Г.И. Успенский, Н.О. Лосский), так и не стал насущной духовной необходимостью, имея лишь мотивацию от обратного.

Нельзя при этом согласиться с мнением некоторых исследователей об отсутствии в православии «специальных рассуждений об этике труда» [4, с. 68-69], но публиковавшиеся назидания синодальной церкви подтверждают традиционализм лаблорально-этической системы официального православия даже в середине XIX века. Предназначенный для подобных разъяснений журнал «Христианские чтения» посвятил немало страниц «назидательным размышлениям» о труде. Один из специальных (даже не авторских, а редакционных) материалов в 1853 году подробно разъяснял позицию церкви. Трудиться следует «трудом умеренным <...>, – писал журнал, – чтобы он не отвращал от исполнения того, чем вы обязаны Богу. Трудитесь умеренно, полагайтесь больше на промысел Божий, чем на ваш труд, довольствуйтесь известным достоянием, приличным вам; желайте только того, что вам необходимо для поддержания вашего семейства; не следуйте движениям слепой жадности, никогда ничем не довольной, заставляющей не радеть о спасении». Трудитесь лишь «для исполнения обязанностей вашего звания и для снискания средств к жизни». А трудясь по-христиански, «во время работы можете дать место и святым размышлениям» [13, с. 145, 148, 151]. Лениость

считалась губительной для души, но трудолюбие мирян (при всем уважении к труженику) само по себе не обеспечивало достижения главной цели христианина – спасения бессмертной души. Хотя и не сознательно, но фактически одобрялась инертность в труде, безынициативность. Даже и в конце прошлого столетия, по мнению современных исследователей, этика труда на практике была равнозначна «этике выживания» [5, с. 302].

Староверие уже на ранних этапах породило принципиально отличное восприятие труда, что ярко демонстрируют памятники старообрядчества первой половины XVIII века. Наиболее выразительны документы Выголексинского старообрядческого общезиждельства, возникшего в Поморье в конце XVII века. В фондах ОР РГБ и БАН выявлено более 20 посланий, поучений и напутствий киновиархов Выга «трудникам». Для анализа использовалось также произведение, приписываемое Ивану Филиппову – современнику и «сотоварищу» основателей и руководителей Выговской старообрядческой общины Данилы Викулова (Викулина) и Андрея и Семена Денисовых [16, с. 36].

В «повести» преемника братьев Денисовых описываются события из жизни крупнейшего в тот период центра старообрядчества, сложившегося в Олонецком крае в начале XVIII века, а также формулируются основные положения мировоззрения Выгоречья, духовные принципы его существования.

Был произведен контент-анализ «Истории Выговской старообрядческой пустыни» (методом анализа семантической сопряженности). Категория «труд» сформирована на основе индикаторов «труд», «трудиться», «трудолюбиво», «работа». Индикаторы «трудник», «труждающие», «работник» не учитывались, так как часто лишь характеризовали определенную группу в иерархии общины. Если под категорией «труд» подразумевалось или называлось несколько видов труда, число указанных видов учитывалось как число упоминаний.

Прежде всего, сам факт частой встречаемости категории «труд» свидетельствует о большом значении, придававшемся выговцами этому понятию. Основное значение данной категории – «труд телесный» (КСС=0,71). Подробность выделения типов работы, их пространные описания говорят об осознании важности физического труда как руководителями, так и общиной в целом. Перечислены 45 видов труда: дерева собирание, дерева пожигание, гарей (палов) прятание, на гумне труд, жатва, лесов сечение, пахота, сена гребление, сенокос, сеяние, хлебов ношение, бревен ношение, бревен плавление, верстовых столбов ставление, землекопание, места очищение, моха равнение, келий складывание (строительство), на кирпичном заводе труд, плотины открепление, плотничание, плотов строительство, погребя копание, домовые труды (в службах), дров сечение (рубка), дров вожение, кование, кожевенное дело, за коровами надсмотр, на мельнице работа, поварня, рукоделие, смолокурение, хлебопечение, вожение, на железодательных заводах работа,

морской промысел, письмо, путный труд (езда), рудоискание, рыбная ловля (в реке), на судах труд.

Кроме того, еще 8 видов «телесного труда» упоминаются в нейтральной позиции и не связаны формально с категорией «труд» (не названы трудом и не сопряжены с другими категориями). В комплекс был интегрирован и труд, связанный с организацией работ, их правильным ведением. В тексте упоминается «многоценный труд» «десяточных», старост, надсмотрщиков, нарядников, которые «труждахуся братией» и в «поте лица своего ядаху хлеб свой». Многократно прославлялось организаторское «оусердие» руководителей общины. Так, Андрей Денисов характеризуется как «трудник с великой ревностью Бога ради трудящийся» не только когда киновиарх составлял «Поморские ответы», «труды к трудам ночи и денно приложиши», но «бревна секуще» – «великий труд поднимающе», а также надсматривая работников и подвигая их «на труды телесные» [16, с. 172, 202, 203].

В Выговской пустыни труд приобрел новое значение как одна из важнейших добродетелей. «Коль есть дивна и изрядна добродетель богоградного служения», – отмечает С. Денисов в «Слове о пользе трудоподвижения» [12, с. 59]. В тексте часто и подробно описываются «труды» руководителей Выговской общины, прилагавших огромные усилия к правильной, эффективной организации работ. Андрей Денисов «всяк день надсматриваше работников <...> толь велие попечение имея <...> все добре устроиша» [16, с. 203]. Труд киновиархов, в том числе физический и организаторский, прямо назван в тексте «удивительной добродетелью», «благим и богоугодным» [16, с. 94, 203]. В жизнеописаниях членов общины различных рангов это обязательный элемент при перечислении добродетелей. Характеристики типа «трудники великой ревностью», «великий послушник и трудник», «великие трудники и послушники», «великих трудов подвижник» и другие упоминания о трудолюбии включены в перечисления важнейших добродетелей героев 95 жизнеописаний. В ряде случаев – это одна главная заслуга прототипа. «Труды и поты» руководителей общежительства расписываются особенно подробно и пространно [16, с. 87, 202]. Именно для «доброй постановки работ», а также для показа «собою образа для братии» на работы обязательно посылались старосты, нарядники и надсмотрщики.

В новой «комплексной» добродетели произошло слияние «телесного» и духовного труда. Последний, выраженный в категориях «послушание (смирение)», «молитва», «пост», «благочестие», остался, несомненно, в центре сотериологической системы. Категории духовного труда (церковная служба, молитва, пост, проповедь, исправление нравов, словеса духовные, а также учение и обучение) сопряжены с категорией «труд» в 13,5% случаев ее употребления. Из 42 случаев сопряженности категорий «труд» и «духовная деятельность» 21 раз речь идет не о парной, а тройственной корреляции. То есть

одно упоминание одного индикатора, связанного с категорией «труд», имеет одновременно семантику и физического, и духовного труда, и такая связь, единство подчеркиваются авторами «Истории». Для выговцев, кроме того, физические усилия имели ценность лишь в сочетании с душевными. Были специально составлены «Уставные статьи для трудников», где подробно описывались «общесоборные установления», которые «всем братьям, на службах далних и ближних бывающим, неизменно хранить подобает» [14, об. 119].

Единство этической оценки физического и духовного труда просматривается и в жизнеописаниях всех киновиархов, и в их предсмертных наказах, где обязательно упоминается необходимость трудиться и трудиться с усердием, а затем речь идет о молитвах, благочестии и т.д. (см., напр.: [16, с. 219]).

Труд на Выге стал не просто «добродетельным плодособиранием», в «Истории» и посланиях он охарактеризован как христианский подвиг – приготовление человека к «грядущей вечности». Категории труда и подвига тесно связаны. Прославления киновиархов содержат почти ритуальную формулировку: «колик труд подъя, колик подвиг показа», «колики же того в пустыни подвиги, колик же того труд и поты» и т.д. [16, с. 203, 216]. Сами руководители в различных посланиях и поучениях «люботрудствующим» также многократно подчеркивают равенство общежительного труда «Бога ради» и подготовительного к будущей вечной жизни душеспасительного подвига (см.: [8, с. 77, 79; 10, об. 170 и др.]). В ряде случаев труд в общине уравнивается с мученичеством – «терпением дивного о Христе страдальчества» [8, с. 77].

В результате и сам по себе труд стал душеспасительным. На Выгоречье он представлял собой не просто средство искупления грехов (об этом в «Истории» нет упоминаний) и служил не только для «удручения плоти» и «приобретения пищи», но применялся «паче же спасения ради» [16, с. 128]. Руководители общежительств неоднократно прямо указывали на это. А. Денисов в послании трудникам житницы общежительств – Чаженгской пустыни называет физический труд общежителей деятельностью, которая «вечным наслаждением обогашевает, еже небесного царствия сподоблеват», еже от вечных мук избавляет» [2, с. 112]. С. Денисов также убеждал единоверцев: «Не унываем в трудех, зане труды вечное блаженство подавают. Не малодушествуем в подвизах, зане подвизи венцы безсмертныя плетут. Не огорчаемся в терпении, зане терпение сладость присносущную раждает» [8, л. 79 об., 80].

Такое отличное от традиционного отношение к труду было вызвано к жизни целями и условиями создания староверческих общин, наложившимися на глубокий эсхатологизм староверия. Уже к началу XVIII века сошел на нет «пароксизм самосожигательной горячки» (по выражению П.Н. Милюкова) [6, с. 77]. После длительных споров и сомнений в эсхатологии старообрядцев проявился значительный конструктивный заряд. Наиболее авторитетные руководители сторонников «истинного благочестия» пришли к выводу о том,

что Зверь близок, но «время пришло не последнего дня и часа, суда страшного, а <...> последнего времени», и это время дано Богом для подготовки спасения, для того, чтобы «упокаянием Бога оумилостивить» [7, с. 579].

В качестве главной задачи «верных» окончательно было осознано обеспечение спасения как собственных душ, так и, что важнее, Церкви. В соответствии с общехристианской доктриной индивидуальное спасение, являющееся основной целью христианина, невозможно вне Церкви. Ее, по словам Аввакума, даже в условиях наступления скорого конца мира, «ни сам диавол упразднить может <...> нежели антихрист с чадию» [3, с. 198]. Но Церковь – собрание верующих, соединенных между собой верой, законом Божиим, священнотаинством и таинствами, где пребывает благодать, – не может существовать вне общины верующих. Стремление сохранить Церковь – залог спасения – вылилось в экстремальных условиях гонений и апокалипсических ожиданий в многочисленные попытки, часто без участия рукоположенных священников, воссоздания моделей церковной организации взамен лишившейся благодати официальной иерархии. В тех местах, куда бежали старолюбцы, возникали общины, принимавшие формы, отличные от приходских.

Общепринятым в христианстве является мнение о том, что «с момента сошествия Святого Духа Церковь <...> вошла в жизнь как новая, отличная от обществ человеческих и даже противоположная им организация. <...> В основе Церковной жизни лежит чисто нравственная идея единого братства» [15, с. 61], где у всех его членов «было одно сердце и одна душа <...> и все у них было общее» (Деян. 4, 32). В старообрядческом эсхатологическом мышлении образ такой церкви слился с прообразом Царства Божьего. Это вполне соответствовало православной традиции, в соответствии с которой «Церковь является в наличности человеческой жизни, как реализация и проявление на земле и в жизни человеческой иного царства нового <...> идея Царства Божия и Церкви равнозначущи» [15, с. 62].

В условиях, когда от истинной веры отступилась официальная иерархия России, ставшей к тому времени оплотом, центром православного мира, единственно возможный путь к спасению личному и общественному, всемирному был осознан как реализация призыва Аввакума и его последователей – «Града грядущего взыскую». Модели Града ревнители благочестия строили в форме, схожей с общинами первых времен христианства. За основу социального творчества был принят единственный из реально существовавших в тот период аналогов – монастыри. Действительно, в качестве образца общин – анклавов Града грядущего более всего подходило монастырское устройство. Еще Василий Великий (IV век) в «Подвижнических уставах» подчеркивал, что именно монахи – «общежитники <...> предвосхищают блага обетованного царствия, в доброхвальном житии и общении, представляя точное подражание тамошнему жительству и состоянию» [19, с. 368].

Староверческие общины, много общего имевшие поэтому с монастырями, соответственно назывались общежительствами. Их члены считали своей главной целью «телесное житие строити и душевное спасение оустроити <...> прокормление примыслити и духовную трапезу оуготовити» [16, с. 89]. В «Истории» Филиппова и наказах физический труд и религиозно-этическая деятельность, представлявшие собой «службу царю небесному» [2, л. 112, 112 об.], прямо объединялись в понятия «строительство общежительства» [16, с. 88 и др.]. Киновииархи поэтому называли послушническим труд не только обитателей мужского (на р. Выге) и женского (на р. Лексе) монастырей Выгоречья, но всех работавших в общежительстве на сохранение «истинной веры» (см.: [9, с. 122]).

Но в тяжелых природных и политических условиях общины «старолюбцев» не выживали, распадались и исчезали. Бесплодность северных земель создала прообразам Небесного Града угрозу большую, чем правительственные репрессии. Общежительствам крайне необходима была прочная материальная база для длительной подготовки к концу света и для борьбы за веру.

Решение невозможно было найти в рамках традиционалистских религиозно-этических установок. Менталитет Средневековья обуславливал скорее самосожжение в земной юдоли ради вечности, но не выход за пределы этоса и вековых освященных представлений. В более раннюю эпоху судьба старообрядчества могла сложиться иначе. Но в XVII веке в российском обществе уже назревали элементы кризиса традиционной цивилизации. Социально-экономические, социально-политические и социально-культурные изменения вызвали модернизацию «сверху», начатую при Алексее Михайловиче. В то же время речь шла лишь о начале зарождения нового общества и широкие религиозные массы были еще далеки от такой глубокой трансформации, как изменение ментальности, представляющей собой один из наиболее консервативных цивилизационных компонентов.

Староверы же оказались под сильнейшим давлением эсхатологического пресса. Существование в режиме «последних времен» привело (как и на западе) к отходу от некоторых традиционалистских положений, чему способствовали социально-психологические изменения. Анализ старообрядческих источников уже конца XVII века свидетельствует об активизации вероисповедания, появлении черт личности, характерных для человека Нового времени (подробнее см.: [17]). В этой ситуации стало возможным осознание того, что в тяжелых природных условиях только упорный и самопожертвенный физический труд мог дать шанс «супротив сил Антихриста». Соблюдать умеренность в труде, надеяться лишь на промысел Божий староверы уже не могли, если хотели спастись физически и духовно. Для того чтобы стимулировать такой труд, в условиях мироощущения того времени была необходима его

«божественная санкция». И труд, направленный в конечном итоге на спасение веры, был освящен.

Полной объективизации лабoрально-этической системы на том этапе еще не произошло, чему способствовала социальная организация старообрядческих анклавов. Поскольку «истинная вера» сохранялась лишь в общежительствах, условием душеспасительности труда являлось предназначение его результатов общине, служение «братии» (см.: [16, с. 127]). Андрей Денисов наказывал в своем духовном завещании хранителям благочестия всех рангов, «имея о спасении душ своих попечение неусыпное», работать с усердием и пребывать постоянно именно «в братских трудах» [16, с. 209], о том же шла речь в посланиях и поучениях киновиархов (см. напр.: [11, л. 120 об., 121 об.]). Но важнейшая норма традиционного общества уже была преодолена. Вскоре за ней последовали новые уступки наступающей эпохе цивилизационной модернизации.

Таким образом, в первые же десятилетия развития староверия его конфессионально-этическая составляющая подверглась трансформации. Призвание православного человека – совершение «подвига» во спасение души – приняло новую форму. Наряду с духовно-нравственным, физический и организаторский труд стал призванием и самоцелью членов староверческой общины. В первой половине XVIII века в старообрядческих общежительствах Поморья сформировалась новая система религиозно-этических взглядов – духовная концепция «труда благого Бога ради».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Выговское послание трудникам в Чаженгский скит // БАН. Собр. Каликина. К. 186. Л. 110 об.–113.
3. Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.
4. Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2.
5. Кудюкина М.М. Труд в системе ценностей русского народа. Этика и организация труда в странах Европы и Америки. Древность, средние века, современность. М., 1997. С. 296-312.
6. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1.
7. Поморские ответы. СПб., 1911.
8. Послание братии, посланным на морские промыслы // ОР РГБ. Собр. Барсова. К. 365. Л. 77-81.
9. Послание к трудникам нравоучительно // ОР РГБ. Собр. Егорова. К. 682. Л. 122-124.
10. Послание поучение Никите Филимонову с прочими трудниками... // ОР РГБ. Собр. Егорова. К. 425. Л. 170-171об.
11. Поучение труднику общаго жития // ОР РГБ. Собр. Егорова. К. 682. Л. 120об-121об.
12. Слово о пользе трудоподвизания // ОР РГБ. Собр. Барсова. К. 365. Л. 59–64.
13. Труд. Назидательное размышление Христианское чтение. 1853. Ч. 2. С. 139-141.

14. Уставные статьи для трудников // ОР РГБ. Собр. Барсова. К. 148. Л. 119 об.–121 об.
15. Федор (Поздеевский), архиеп. Смысл христианского подвига. Сергиев Посад, 1911.
16. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.
17. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2004.
18. Филарет, митр. Московский. Православный катехизис. СПб., 1995.
19. Творения Святых Отцов в русском переводе. М., 1845. Т. 5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Каппадокийского.

V.V. Kerov

Blessing Labour for the Sake of God: Labour Aesthetics of Early Old-Believers Communes

Key words: *Russia; Old-Believers communes; business; Russian Orthodox Church; labour ethic.*

The traditionalist attitude toward the work was revised during the process of genesis and forming of early Old-Believer labour ethic. The concept of «blessing labour» admitted the labour as a salutary Christian exploit. The most important condition of this interpretation was predestination of work results for Old-Believers commune. The fundamental social function of the concept was the maintenance of community in severe climatic conditions of Russian North.

С.В. Кретинин, Р.Ю. Смехнов

Воронежский государственный университет

УДК 94(430)+323.13(430)

ПРОБЛЕМА МАССОВЫХ ВЫСЕЛЕНИЙ СУДЕТСКИХ НЕМЦЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ключевые слова: *судетские немцы; декреты Бенеша; выселение; Судето-немецкое землячество; Союз изгнанных.*

В данной статье рассматривается проблема выселения из послевоенной Чехословакии германского этнического меньшинства – так называемых «судетских немцев» – на современном этапе. Освещена позиция «реваншистов», официального Бонна.

В центре исследования – современное состояние проблемы (1989–2008), которое анализируется через призму политики и общественной жизни ФРГ, Австрии и Чешской Республики в наши дни. Дается общая периодизация дискурса, особое внимание уделено периоду интеграции Чехии в европейское

сообщество с 1999 по 2004 год. Именно в это время проблема стала по-настоящему актуальной и привлекла к себе внимание мировой общественности.

Окончание второй мировой войны привело к массовым выселениям немцев с территорий, отчуждаемых от Третьего рейха. Особенно пострадали области, отходившие Польше и Чехословакии. Из Чехословакии было выселено почти все ее немецкое население, в первую очередь судетские немцы – более 3 млн.

Сейчас, особенно в связи с недавними событиями на Балканах, на Кавказе, в частности, в Южной Осетии, активно используются такие политические понятия, как «геноцид», «этническая чистка» и т.п. Эти термины ряд западных историков считает возможным применить и к выселениям судетских немцев. В рамках данной статьи предпринимается попытка осветить основные подходы к этой проблеме в современной германской и австрийской историографии.

Начнем с позиции так называемых реваншистских кругов: Судето-немецкого землячества (СНЗ) и Союза изгнанных. Характерным является крайне негативная оценка «декретов Бенеша», апелляция к принципам исторической справедливости и права народов на родину. Лидеры СНЗ частично оправдывают национал-социализм в Германии, не видят вины Гитлера в развязывании и катастрофических итогах второй мировой войны. Это, по их мнению, ложь, навязанная державами-победительницами для увеличения репараций [23, с. 5].

Показательно высказывание генерального секретаря Судето-немецкого совета О. Бёзе: «Судетские немцы были лишены собственности и гражданских прав. Дальнейшие постановления и создание рабочих лагерей, трудовая повинность, закрытие немецкого университета в Праге напоминают о деяниях Третьего рейха. Бенеш показал себя равным Гитлеру» [22, с. 10].

Отношение к массовым выселениям выразил близкий СНЗ исследователь М. Баденхойер, который пишет о выселении антифашистов, конфискации у евреев и цыган, подданных Лихтенштейна и Италии. Впрочем, М. Баденхойер признает, что речь шла не о судетских немцах, а о «чехах, живущих в эмиграции, богемских аристократах и евреях-гражданах Чешской Республики» [2, с. 3, 4].

Позиция «реваншистского» направления известна, понятна, объяснима. Другое дело, последнее время изменилась тактика: курс взят на массовую дискуссию по проблемам выселений вообще (1), а также на апелляцию к Европейскому сообществу с целью создавать препятствия на пути интеграции Чехии в Единую Европу. После вступления Чехии в ЕС в 2004 году деятельность землячества пошла на спад.

«Официальный Бонн» предпочитает не заострять внимания на отдельных эпизодах массовых выселений и депортаций фольксдойч. Не актуализировать эти события – лейтмотив «официальной» германской историографии. Например, находящийся на «примирительных» позициях историк Э. Мельс склонен видеть в обвинениях своих коллег в адрес чехов и Бенеша один из видов манипуляции с сознанием читателя [12, с. 834].

В официальной германской историографии бытует убеждение в том, что судьба немцев была окончательно и бесповоротно решена на Потсдамской конференции великих держав, что «декреты Бенеша» не санкционировали выселения судетских немцев из страны – этому не посвящен ни один параграф постановлений. «Окончательное решение на продолжение трансферта было принято, как известно, на Потсдамской конференции» [1, с. 127; 10, с. 197-205].

Германские, австрийские и некоторые российские исследователи приходят к ряду заключений. Оценивая последствия массовых выселений и репрессий, авторы указывают на то, что конфискации имели место и были проведены в невиданном объеме по меркам Чехословакии. Во-вторых, с юридической точки зрения нужно различать законные и незаконные конфискации. В-третьих, конфискационную политику президента и правительства ЧСР можно охарактеризовать как последовательный набор мероприятий. Начав с временного перевода имущества под государственный контроль, исполнительная и законодательная власти страны уже через полгода решились на безвозмездную конфискацию имущества.

В научных работах по данному вопросу, к сожалению, не получила освещения точка зрения чехословацких властей. Никто из исследователей не отвел места для признания того факта, что немцы действительно могли предпринимать противоправные действия против республики, которые должны были быть наказаны. Иное дело, что моральная сторона столь массовых конфискаций вызывает сомнения.

Этот аспект вынуждена принимать во внимание чешская сторона. Сам процесс «мини-покаяния» был запущен В. Гавелом в 1990 году, когда он обмолвился, что чехи и словаки могли бы извиниться за принудительное выселение немцев после окончания второй мировой войны [28].

В 1990 году глава Чехословакии сделал второй важный шаг на пути к примирению двух наций: он заявил о том, что после войны чехи делали в отношении немцев «ошибку за ошибкой» – применили в их отношении принцип коллективной вины, изгнали их из страны («наказание, которого наше законодательство не знало»), опустошили населенные традиционно немцами области и «навредили этим в первую очередь себе» [4].

Показательно, что СНГ в ответ выступило за право самоопределения и возвращения на историческую родину, решения вопроса о статусе «декретов

Бенеша», осуждения репрессий («этнических чисток») против судетских немцев [20]. Сам Гавел проявил готовность к диалогу. В начале января 1991 года в интервью известному журналу «Штерн» он отрицательно охарактеризовал выселение немцев из Чехословакии, а принцип «коллективной вины», встречающийся в «декретах Бенеша», президент назвал «аморальным» [19].

Однако уже в 1995 году он сделал упор на то, что чехи также пострадали в период оккупации, «пережили драму европейского политика», преданного союзниками и решившего одну из наиболее важных проблем своего государства рациональным, прагматическим путем [8, с. 33, 35].

В 1997 году Чехии и ФРГ удалось достичь договоренности, вошедшей в историю под названием «германо-чешское соглашение». Высокие договаривающиеся стороны заявили о том, что будут стремиться оставить в прошлом все взаимные претензии. Совместный документ дал импульс созданию «Германо-чешского фонда будущего», «Германо-чешского форума», «Германо-чешской исторической комиссии», основная задача которых – способствовать взаимопониманию двух народов [5, с. 75].

В этот период активно разворачивается дискуссия вокруг «декретов Бенеша». Так, результаты социологических опросов конца XX – начала XXI века показывают, что отношение чехов к немцам, несмотря на все старания политиков и общественных деятелей, далеки от идеала. Еще в мае 2002 года опрос общественного мнения, проведенный программой «Auslandsjournal Extra», показал, что 70% чешских избирателей выступают за сохранение «декретов Бенеша» [30, с. 204]. Только половина взрослых граждан республики оценивает германо-чешские отношения как «хорошие». Любопытно, что 20 лет назад таких респондентов было на 20% больше. 3/5 всех опрошенных считают, что виной всему – дискуссия о «декретах Бенеша» [9, с. 407]. В ноябре 2007 года был проведен еще один опрос общественного мнения. Респонденты должны были ответить на два вопроса: «Было ли справедливым выселение судетских немцев из Чехословакии после второй мировой войны» и «Нужно ли отменять декреты президента республики Э. Бенеша?» В том, что выселение судетских немцев было справедливым, в ходе проведенного исследования было уверено меньшинство – 48%. Такого мнения придерживаются главным образом представители старшего поколения. За то, чтобы декреты были упразднены, проголосовало 11% граждан. Тогда как в 2006 году их число составляло 13% [37].

Очевидно, что в современном мире общественное мнение образуется в первую очередь через средства массовой информации. Чешские пресса и радио в большинстве своем распространяют точку зрения о том, что выселение немцев из Чехословакии – часть прошлого страны, из которого можно извлекать уроки. На современном этапе оценивать эти события сложно, поскольку принимались и действовали они в другое, более жестокое время. Следова-

тельно, и их трактовка с моральных позиций гражданина демократического государства начала XXI века обречена на неудачу – такая логика мышления неизбежно заводит в тупик [6, с. 164, 165].

Эта точка зрения является господствующей, но не единственной. Некоторые издания (в частности, «Народные новости») склонны оперировать такими понятиями, как «несправедливость», «вина», «грех», которые не поддаются правовому осмыслению. Наиболее ярко моральную сторону проблемы выразил в своих «Тезисах о депортации» еще в 1978 году Я. Млинарик («Данубиус»), обозначивший выселение как трагедию для Чехословакии и призвавший коллег к «покаянию» [18, с. 186-188]. Однако его воззрения не пользуются популярностью в Чехии – так, новая книга Я. Млинарика о выселении немцев на примере деревни Виторажко, вышедшая в свет в 2003 году, даже не имеет чешского перевода!

Тем не менее нужно заметить отношение чехов к событиям конца второй мировой войны. Так, многие согласны с тем, что стоило бы переменить отношение к немцам-антифашистам, добровольно покинувшим Чехословакию. Инициатива чешского политика И. Пароубека нашла поддержку в общественности – в 2006 году при Институте современной истории Академии наук Чешской Республики стартовал проект «Забывтые герои», основная цель которого – осветить судьбы судетских немцев, сражавшихся за Чехословакию во время второй мировой войны. К работе по сбору информации в Германии привлечены преподаватели высших учебных заведений, школьные учителя, студенты. Главным итогом их деятельности уже сейчас можно назвать электронную базу данных по лицам, которые в 1945 году обращались к властям с просьбой признать их антифашистами. Помимо этого, планируется издать сборники воспоминаний, снять несколько документальных фильмов, создать цикл радиопередач [38]. Можно с уверенностью говорить о том, что судьба немецких антифашистов, пострадавших от «декретов Бенеша», будет увековечена в памяти чешского народа.

Особый этап в развитии нашего дискурса приходится на конец 1990-х годов. Это было связано с обретением Чехией статуса кандидата на вступление в Европейский союз. В случае с Чешской Республикой возникли сложности, так как некоторые декреты, направленные против судетских немцев, до сих пор являются неотъемлемой частью правовой базы страны. Это дало возможность СНГ еще раз заявить о своих претензиях к чешской стороне и потребовать отмены декретов и компенсаций судетским немцам [13]. К моменту подачи заявки на членство в ЕС некоторые из наиболее спорных «декретов Бенеша» были либо отменены, либо заменены другими законами. Но часть из них по-прежнему оставалась в силе.

В стане ярых противников интеграции Чехии в Европейское сообщество оказались СНГ, связанные с ними христианские социалисты из бавар-

ской партии ХДС/ХСС и лично премьер-министр этой земли Э. Штойбер, консервативная популистская Свободная партия Австрии во главе с канцлером страны В. Шюсселем и бывшим лидером Й. Хайдером. В их поддержку высказались также и сенат США, ООН. Правозащитники сформулировали претензии к чешской стороне, к «декретам Бенеша». По мнению многих, они противоречили важнейшим документам, определяющим европейское законодательство: Соглашению по защите прав национальных меньшинств [14, 2], Всеобщей декларации прав человека и конвенции против геноцида 1948 года международным пактам об экономических, социальных, культурных, гражданских и политических правах 1966 года, Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, Хартии основных прав в Европейском союзе.

На основании этого Чехии предлагалось отменить еще действовавшие «декреты Бенеша» и выплатить компенсации судетским немцам, размер которых был оценен СНЗ в 260 млрд. евро. Канцлер Австрии В. Шюссель назвал декреты «умершим бесправием» и предложил Чехии подтвердить этот факт заключением двухсторонней декларации. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан заявил, что декреты противоречат европейскому праву, а в самой Чехии начали раздаваться голоса в пользу компенсаций судетским немцам. Европейский парламент впервые заинтересовался проблемой в 1999 году – 15 апреля вышло решение, в котором Чешской Республике рекомендовалось отменить постановления [26].

Чешские власти в новых условиях довольно быстро выработали свое отношение к проблеме в общем виде – «Декреты Бенеша». Чешский премьер-министр М. Земан в январе 2002 года назвал судетских немцев «пятой колонной» нацистской Германии и обвинил их в том, что они приняли участие в уничтожении в 1938 году Чехословакии как «последнего острова демократии в Центральной Европе» [8, с. 203]. Оппозиционный политик, лидер Гражданской демократической партии В. Клаус выдвинул лозунг – «В Европу – с “Декретами Бенеша”!». Став президентом страны в 2003 году, В. Клаус решительно настаивает на том, что «декреты Бенеша» не могут быть отменены, являются составной частью законодательства страны, а сам вопрос после германо-чешского заявления 1997 года более не актуален. Такую политику он последовательно проводит и по сей день [25].

Между тем в первой половине 2002 года дискуссия разгорелась с новой силой. 1 февраля на страницах газеты «Лидове новины» журналист и писатель Петр Плацак обвинил Э. Бенеша в геноциде и этнических чистках чехословацких граждан немецкого происхождения в конце второй мировой войны и потребовал передать это дело в международный суд [11]. После заявления М. Земана был отменен визит в Чехию федерального канцлера Германии Г. Шредера в марте того же года. Австрийская сторона в лице В. Шюсселя

в апреле выступила с предложением отмены «декретов Бенеша» и создания компенсационного фонда для жертв выселения, а также дала понять, что может заблокировать принятие Чехии в ЕС. В целях помощи СНГ республикой было выделено 7,3 млн. евро [17, с. 138-145] (2). На майский съезд судетских немцев в Нюрнберге приехал Э. Штойбер. Он заявил, что Чешской Республике необходимо в обязательном порядке отказаться от декретов Бенеша. По словам Штойбера, декреты не мешают вступлению Чехии в Европейский союз, но противоречат основным принципам европейского сообщества [29]. В ответ на это чешский парламент подтвердил, что «декреты Бенеша» – «неприкосновенны» [8, с. 203].

Надо заметить, что шансы противников «декретов Бенеша» были изначально невелики. Поддержку на европейском уровне Чехия получила со стороны комиссара по расширению Г. Верхойгена, последовательно проводившего идею о том, что «Декреты Бенеша» уже давно «принадлежат прошлому» и помешать делу вступления Чехии в европейское сообщество не смогут [27]. В интервью пражскому радио от 12 апреля 2002 года он заявил, что такая напряженная ситуация вокруг Чехии вряд ли стала бы возможной без поддержки средств массовой информации этой страны: «Горстке политиков, прежде всего в Германии и Австрии, никогда не удавалось попасть в заголовки отечественных газет. Если бы чешские СМИ стали воспринимать этих политиков таким же образом, как их воспринимают в других странах, может быть, ситуация была бы намного спокойнее». В схожем ключе «декреты Бенеша» оценил и премьер-министр Великобритании Э. Блэр, напомнивший о том, что правительство еще в 1996 году заявило о неизменности послевоенного устройства мира, закрепленного итогами Потсдамской конференции. Французское правительство 19 апреля заявило о том, что «декреты Бенеша относятся к сумме решений, принятых в контексте войны. Речь идет о части истории, преодоление которой имеет своей целью европейскую интеграцию» [3, с. 160].

Для проверки декретов с точки зрения европейского законодательства была заказана правовая экспертиза, проведение которой было поручено Й. Фровайну, У. Берницу и Л. Кингслэнду. Европейские эксперты, закончившие свою работу к октябрю 2002 года, не нашли причин, по которым можно было бы приостановить процесс интеграции Чехии в ЕС. Конфискационные «декреты Бенеша» «применительно к вступлению (в ЕС) не представляют проблемы, так как условия вступления в Договоре о Европейском союзе не основываются на прошлом» [7, с. 1]. Точно так же нет причин требовать реституции конфискованного имущества, так как подобные заявления уже просто не могут быть предъявлены, а право ЕС вступает в силу только после того, как страна становится членом объединения [7, с. 33]. Любое изменение отношений собственности могло бы оцениваться как нарушение прав их нынешних владельцев [7, с. 73].

В июне 2003 года чешские власти пошли на примирение с Австрией. В г. Гетвейг премьер-министр Чехии В. Шпидла выступил с речью, в которой заявил, что чехи принимают на себя моральную ответственность за события, которые произошли в Центральной Европе после второй мировой войны. Заявление чешского правительства, которое содержит чешско-немецкая декларация 1997 года, распространяется, по его словам, и на тех бывших чехословацких немецкоговорящих граждан, которые после изгнания из Чехословакии переехали в Австрию и приняли австрийское гражданство. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Австрия перестала угрожать применением права вето на вступление Чехии в ЕС [32]. Федеральный канцлер ФРГ Г. Шрёдер, в свою очередь, отметил, что «декреты Бенеша» являются «реакцией на нападение нацистов на Чехословакию» [30] Австрийский канцлер В. Шюссель и германский бундесрат приветствовали заявление В. Шпидлы. Однако чешские власти на большее не пошли – В. Клаус вновь заявил о том, что все вопросы между двумя сторонами были решены в 1997 году [31].

Таким образом, формальных препятствий для интеграции Чешской Республики в состав ЕС больше не было. 9 апреля 2003 года в г. Страсбурге Европейский парламент проголосовал за принятие в ЕС десяти новых членов. Из 565 европейских депутатов за вступление Чехии проголосовало 489. По числу положительных голосов среди других стран-кандидатов Чешская Республика оказалась на последнем месте из-за позиции 39 депутатов (ХДС/ХСС, французских националистов, движения евроскептиков EDD) [39]. По итогам национального референдума и голосования отдельных стран-членов ЕС с 1 мая 2004 года Чешская Республика официально стала членом Европейского союза.

После вступления в ЕС проблема массовых выселений немцев, однако, не исчезла из политического спектра заинтересованных стран. Судетские немцы вновь заявили о том, что не откажутся от своих требований, которые они были готовы отстаивать в Европейском суде по правам человека [33]. Исследователь «европейской» стороны «декретов Бенеша» Э. Бэзин-Бигли отмечает, что шансы на выигрыш подобного дела стремятся к нулю, поскольку «они (декреты) не находятся в противоречии с европейским правом» [3, с. 158]. Стоит заметить, что потомкам пострадавших от «декретов Бенеша» чешский суд в двух случаях вернул собственность. Особенный резонанс получил случай Салмов-Райфершайдтов. Формально Хьюго Салм подпадал под действие «Декретов Бенеша», поскольку во время нацистской оккупации он признал себя немцем и, как утверждают историки, был членом трех нацистских организаций. Но Конституционный Суд пришел к заключению, что Салм принял немецкое гражданство под давлением. Во время оккупации он был прикован к постели, но, несмотря на это, укрывал у себя участников антифашистского сопротивления и материально помогал семьям людей, которых нацисты дер-

жали за решеткой. Это, а также обнаружение у него временного чехословацкого гражданства, выданного в 1945 году, дало суду возможность вернуть его наследнице Марии 7 тыс. га земли и замок в Райце-на-Свитаве [36].

27 марта 2006 года представители СНЗ обратились к президенту, правительству и парламенту Чехии с призывом начать открытый диалог на тему послевоенного изгнания немцев с территории бывшей Чехословакии. В меморандуме содержится требование отменить декреты президента Бенеша и закон об амнистиях 1945–1946 годов, а также осудить некоторые «преступления, жертвами которых стали жители немецкого происхождения». С точки зрения представителей землячества, в Чехии, в отличие от других стран, например, Литвы, Латвии, Венгрии или Румынии, до сих пор не решен вопрос имущества изгнанных немцев. По словам премьер-министра Чехии Й. Пароубека, правительство не считает нужным официально реагировать на данное обращение. Политик Я. Заградил заявил о том, что «к повторному возвращению к данному вопросу чешская сторона не видит ни политического, ни юридического повода». Подобные стремления он назвал контрпродуктивными и наносящими ущерб чешско-германским отношениям [16]. В настоящее время СНЗ занято прежде всего сохранением немецкого культурного наследия в некогда «немецких» регионах Центральной и Восточной Европы [21]. Фактически все, что остается СНЗ сейчас на международной арене, – оказывать моральное давление на чешскую сторону и в дальнейшем в надежде на смену руководства страны.

Позиция чешских властей после 2004 года относительно возможной реституции судетским немцам остается неизменной [28]. Нельзя, однако, не отметить, что изменилось отношение к выселенным антифашистам немецкой национальности. В 2005 году премьер-министр Й. Пароубек предложил В. Клаусу подписать законопроект, выделяющий средства на компенсации для них: «Практически никто из них не был насильственно изгнан из Чехословакии, все они уезжали сами под давлением царивших в чешском обществе настроений» [15]. Речь могла идти о реституции для тысяч человек! Это начинание, положительно оцененное В. Шюсселем, не нашло поддержки ни у словацкого премьера М. Дзуринды, ни у самого президента, который заявил: «Во-первых, я в этом разбираюсь очень хорошо. Во-вторых, высказывания премьер-министра были, по-моему, чрезвычайно дерзкие. Мне кажется, что он лишился рассудка» [35].

В 2008 году В. Клаус был вновь избран парламентом на пост президента Чешской Республики. Поэтому сомневаться в том, что в ближайшее время «декреты Бенеша» по-прежнему останутся неизменной частью чешского законодательства, а все попытки СНЗ повлиять на существующее положение вещей окончатся неудачей, не приходится.

Таким образом, проблема массовых выселений судетских немцев далеко не закрыта. Более того, она куда более значима, чем может показать-

ся на первый взгляд. Окончательное примирение объединенной Германии с государствами Центральной и Восточной Европы, пострадавшими в период национал-социализма и, в свою очередь, репрессировавшими и депортировавшими лиц немецкой национальности, наступает только сейчас. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ФРГ никогда активно не поддерживала реваншистские стремления ЧНЗ и стремилась к максимально быстрому примирению с Чехией. В этом плане «декреты Бенеша» превратились в общеевропейское дело, и ЕС для достижения большой цели оставил за пределами внимания моральный аспект проблемы. У такого подхода есть все основания – политические решения, как правило, принимаются исходя из правовой стороны дела. Таким образом, в целом доминирует точка зрения о том, что массовые выселения немцев периода второй мировой войны и сопровождавшие этот процесс репрессивные акты являются скорее исторической закономерностью, что были определенные отклонения, нарушения исторической справедливости, прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abrams B. Alliierte Planungen und Entscheidungen zur Nachkriegslösung des deutsch-tschechischen Konflikts // Die Beneš-Dekrete / Hrsg. von B. Coudenhove-Kalergi, O. Rathkolb. Wien, 2003.
2. Badenheuer M. Tatsachen über die Benesch-Dekrete. München, 2002.
3. Bazin-Begley A. Vertreibung der Sudetendeutschen als politisches Thema in der EU // Die Beneš-Dekrete / Hrsg. von B. Coudenhove-Kalergi, O. Rathkolb. Wien, 2003.
4. Bulletin Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 17.03.1990. №36.
5. Deutsch-Tschechische Erklärung, Deutsch-Tschechischer Zukunftsfonds, Deutsch-Tschechisches Gesprächsforum // Zeitschrift für politische Bildung. 1998. Heft 4.
6. Doležal B. Vier falsche Thesen in der tschechischen Debatte // Die Beneš-Dekrete / Hrsg. von B. Coudenhove-Kalergi, O. Rathkolb. Wien, 2003.
7. Frowein A., Bernitz U., Kingsland L. Gutachten zu den Beneš-Dekreten und zum Beitritt der Tschechischen Republik zur Europäischen Union. Luxemburg, 2002.
8. Havel V. Beneš und das «tschechische Dilemma». Das Drama eines europäischen Politikers // Die Beneš-Dekrete / Hrsg. von B. Coudenhove-Kalergi.
9. Kočandrlová H. Widerspiegelung der deutsch-tschechischen Beziehungen in den Medien und in der tschechischen Gesellschaft // Die Beneš-Dekrete. Hrsg. von H. Timmermann, E. Voráček, R. Kipke. Berlin-Hamburg-Münster, 2005.
10. Lemberg H. Die Entwicklung der Pläne für die Aussiedlung der Deutschen aus der Tschechoslowakei // Begegnung und Konflikt. Schlaglichter auf das Verhältnis von Tschechen, Slowaken und Deutschen 1815 – 1989 / Hrsg. von J. Hoensch. Bonn, 2001.
11. Lidový noviny. 1.02.2002.
12. Mehls E. Die Beneš-Dekrete im historischen und aktuellen Kontext // Utopie kreativ. 2004. Heft 160.
13. Mitteilungsblatt der SL. 1999. №12.
14. Pan C. Die Beneš-Dekrete und ihre gegenwärtigen Rechtswirkungen auf die deutsche Minderheit in Tschechien. Bozen, 2002.
15. Pravo. 12.07.2005.
16. Pravo. 27.03.2006.

17. Rathkolb O. Verdrängung und Instrumentalisierung. Die Vertreibung der Sudetendeutschen und ihre verspätete Rezeption in Österreich // Die Beneš-Dekrete / Hrsg. von B. Coudenhove-Kalergi, O. Rathkolb. Wien, 2003.
18. Schmidt-Hartmann E. Menschen oder Nationen? Die Vertreibung der Deutschen aus tschechischer Sicht // Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten : Ursachen, Ereignisse, Folgen / Hrsg. von W. Benz. Frankfurt am Main, 1989.
19. Stern. 1990. Nr. 1.
20. Sudetendeutsche Zeitung. 20.07.1990.
21. Sudetendeutsche Zeitung. 2007. Nr. 2.
22. Sudetendeutscher Rat. Dokumente zur Vertreibung der Sudetendeutschen. München, 1992.
23. Wasmuth U. Rechtsextremismus – Bilanz und kritische Würdigung sozialwissenschaftlicher Erklärungsansätze. Straußberg, 1996.
24. Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat der Freien Universität Berlin, 2006.
25. Радио Прага. Новость от 04.02.2002. (<http://www.radio.cz/ru/statja/25297>).
26. Там же. Новость от 22.02.2002 (<http://www.radio.cz/ru/statja/25297>).
27. Там же. Новость от 11.04.2002 (<http://www.radio.cz/ru/statja/26804>).
28. Там же. Статья от 18.05.2002 (<http://www.radio.cz/ru/statja/66648>).
29. Там же. Новость от 19.05.2002 (<http://www.radio.cz/ru/statja/28106>).
30. Там же. Новость от 19.06.2003 (<http://www.radio.cz/ru/statja/42024>).
31. Там же. Новость от 20.06.2003 (<http://www.radio.cz/ru/statja/42086>).
32. Там же. Новость от 30.06.2003 (<http://www.radio.cz/ru/statja/42408>).
33. Там же. Новость от 15.03.2004 (<http://www.radio.cz/ru/statja/51701>).
34. Там же. Так, 16 мая 2005 г. в Праге состоялось торжественное открытие памятника Э. Бенешу (<http://www.radio.cz/ru/statja/66582>).
35. Там же. Новость от 15.07.2005 (<http://www.radio.cz/ru/statja/68572>).
36. Там же. Новость от 19.08.2005 (<http://www.radio.cz/ru/statja/69807>).
37. Там же. Новость от 21.12.2007 (<http://www.radio.cz/ru/novosti/98995>).
38. Там же. Статья от 21.03.2008(<http://www.radio.cz/ru/statja/102186>).
39. <http://europa.eu/scadplus/leg/de/lvb/e50017.htm>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Интересно заметить, что позиция австрийских властей до начала 1980-х годов характеризовалась индифферентным отношением к проблеме – затянулся процесс получения австрийского гражданства, выселенные не получали компенсаций, не имели собственных представительских организаций.

2. В 2006 году Центром против выселений и Союзом изгнанных была организована выставка «Вынужденные пути. Бегство и изгнание в Европе в XX в.», вызвавшая весьма неоднозначные оценки в Германии и весьма резкие нарекания в Польше, где с осуждением экспозиции выступил Л. Качиньский (см.: [24, 163]).

S.V. Kretinin, R.U. Smehnov
The Problem of Mass Ejection of Sudeten Germans
in the Contemporary Social-Political Interpretation

Key words: *Sudeten Germans; the Beneš decrees; Sudetendeutsche Landsmannschaft; The Federation of Expellees.*

This article concentrates on the problem of ejection of some German ethnic minorities (the so-called Sudeten Germans) from post-war Czechoslovakia (at the current stage of the problem). Opinions of both «revanchists» and official persons of Bonn are described.

In the focus of this research is the modern state of the issue (between 1989 and 2008), which is analyzed through the lenses of political and social life in the Federal Republic of Germany, Austria and the Czech Republic nowadays. There is a general periodization of problem's discourse, and also special attention is given to the period of Czechia integration into the European Union (from 1999 to 2004). It is precisely at this time when the abovementioned problem became really actual and attracted the attention of international public.

В.И. Борисов

Смоленский государственный университет

УДК 94(47+57)

«ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»: ТЕОРИЯ ВОПРОСА

Ключевые слова: военный коммунизм; продовольственная политика; главк; свободная торговля; Наркомпрод; СНК.

Политика «военного коммунизма» – многогранное явление в социально-экономической и политической жизни России периода гражданской войны. Автор рассматривает теоретические основы этой политики. Она имела как объективные, так и субъективные причины. Этим причинам уделено основное внимание.

Гражданская война и «военный коммунизм» не просто взаимно связаны между собой, а являются единым сплавом того времени, полученным из государственной политики, экономики, социальных, классовых, национальных, теоретических и множества других проблем экстремального периода.

Следует отметить, что у В.И. Ленина нет определения термина «военный коммунизм». Только при переходе к нэпу, суммируя и обобщая особенности экономической политики в период гражданской войны, Ленин назвал ее «военным коммунизмом», а до этого он употреблял термин «чрезвычайные коммунистические меры», касаясь той или иной стороны этой системы, главным образом, продовольственной разверстки. Но если взять всю сумму ленинских высказываний, то видно, что речь идет о совокупности экономических мер, составляющих «коммунистические» особенности военной экономики.

В 20-е годы еще существовали различные точки зрения на политику «военного коммунизма». В литературе 30-х годов получил распространение и утвердился несколько упрощенный подход к изучению «военного коммунизма» и он стал рассматриваться с точки зрения его военно-мобилизационной роли. В «Истории ВКП/б. Краткий курс» говорилось: «Советское правительство ввело военный коммунизм. Советская власть поставила под свой контроль кроме крупной промышленности – среднюю и мелкую промышленность <...> она ввела монополию хлебной торговли, запретила частную торговлю хлебом и установила продразверстку <...> наконец, она ввела всеобщую трудовую повинность для всех классов <...> Вся эта система мероприятий, вызванных исключительно трудными условиями обороны страны и имевших временный характер, называлась военным коммунизмом» [4, с. 219].

Из этого определения, как и из дальнейшего текста, невозможно понять, почему указанная система мероприятий называлась «военным коммунизмом». Непонятным остался и вывод: «военный коммунизм был попыткой взятия крепости капиталистических элементов в городе и в деревне штурмом, любой атакой. В этом наступлении партия забежала далеко вперед, рискуя оторваться от своей базы» [4, с. 245].

Характеристика «военного коммунизма», данная в «Истории ВКП/б/», в течение нескольких десятков лет, за редким исключением, считалась незыблемой и в таком виде включалась в работы историков и экономистов.

В настоящее время нет единого подхода к трактовке этой проблемы, в частности, к соотношению объективных и субъективных факторов, которые привели к формированию военно-коммунистических мер. Но можно конкретно говорить о том, что «военный коммунизм» был прыжком в будущее социалистическое общество и главным элементом в нем было противопоставление идеи «общества всеобщего равенства», а проще уравниловки, рыночной экономике как катализатора хозяйственной жизни страны.

«Военный коммунизм» следует рассматривать с учетом конкретно-исторических причин (война, разруха, голод), в первую очередь, и проявлением волюнтаризма в политике и в экономике, во вторую. Прежде всего, следует разобраться в исторических истоках этой политики, предусматривающей введение различного рода чрезвычайных мер.

В обществе, независимо от его социально-политического строя, действуют определенные экономические закономерности. Только некоторые из них могут приобретать более или менее определяющее значение. То, что в капиталистическом обществе является объективным фактором, в социалистическом, благодаря жесткой централизации, может иметь или очень большое значение, или, наоборот, подавляться. Чтобы глубже понять, что происходило в экономике России в годы гражданской войны, следует рассмотреть, хотя

бы кратко, историко-экономическую политику воюющих государств в годы первой мировой войны.

Все эти государства, прежде всего, Германия, Австро-Венгрия и Россия, испытывали огромные экономические трудности, наиболее опасным из них был продовольственный кризис, который подтачивал физические и моральные силы населения. Чтобы дать хотя бы минимум предметов потребления народу, правительства встали на путь государственного регулирования в промышленности, сельском хозяйстве, снабжении и потреблении. Первой на этот путь встала Германия. В 1915 году она установила твердые цены на основные виды продовольствия и монополию на хлеб. Эти мероприятия проводились последовательно. Прежде всего, государственное регулирование охватило сферу потребления. Предприятия милитаризировались, вводились нормы потребления для различных категорий рабочих и других слоев населения. Следом по этому пути пошла Австро-Венгрия. Схожие процессы происходили в Италии, Франции и России. Несколько лучше было положение в Англии, которая использовала помощь США и поставляла продовольствие и сырье из колоний. Но правительства этих стран, в отличие от Германии и Австро-Венгрии, не ставили своей целью полного ограничения предпринимательской деятельности. Даже в годы войны в странах Антанты правительства делали все, чтобы буржуазия имела прибыль. Так, во время уборки урожая или снижения уровня хлебозаготовок повышались цены на хлеб, что приводило к взрыву спекуляции и обеспечивало буржуазии барыши. Более того, правительства Англии и Франции устанавливали премии за сданный хлеб. На этом наживались помещики и богатое крестьянство, имеющее возможность увеличивать производство хлеба даже во время войны [8, с. 16-17]. Таким образом, государственное регулирование в продовольственной политике становилось обязательным и постепенно охватывало другие сферы экономики. Но правительства западных государств не прибегали к насильственным мерам против держателей хлеба.

В России также были сделаны попытки перейти к государственному регулированию экономики, прежде всего, в продовольственной сфере. С началом войны многие политики и экономисты считали, что в России не может быть продовольственного кризиса, так как в результате сокращения экспорта хлеба за границу его будет вдоволь, но уже в 1915 году начались продовольственные трудности, а в 1916 году – голод, спекуляция, безудержный рост цен. Поэтому царское правительство предприняло ряд мер, направленных на упорядочение продовольственного дела в стране и создало государственные органы по его руководству. Но предусматривалось, в отличие от западных стран, и применение насильственных мер. Например, в августе 1915 года были установлены реквизиции для лиц, уклоняющихся от сдачи хлеба. В ноябре 1916 года царское правительство вынуждено было пойти дальше и приняло

решение о хлебной разверстке, то есть предполагалось изымать часть хлеба силой. Но это решение встретило сопротивление со стороны буржуазии и помещиков, а прибегнуть к насильственным мерам царизм не решился. Более того, в худшем положении оказались беднейшие крестьянские хозяйства, которые были вынуждены сдавать не излишки хлеба, а часто необходимое для собственного потребления.

Эти мероприятия царизма потерпели крах. Объективно оценивая ситуацию, можно сделать вывод, что они были невыполнимы. Существовала свободная торговля, и она обеспечивала города продовольствием. Но высокие цены вызывали недовольство трудящихся, приближали страну к революционному взрыву. Царское правительство заложило основы продовольственной политики в военное время, но не смогло довести ее до конца, а позже это сделали большевики.

Временное правительство получило от царизма тяжелое наследие, в том числе и продовольственный кризис. Перед ним сразу встал вопрос: каким образом решать продовольственную проблему? Или поощрением свободной торговли, или введением хлебной монополии. Третьего пути не существовало, и Временное правительство пошло путем, уже опробованным в Германии и Австро-Венгрии. Оно ввело хлебную монополию и твердые цены на основные виды продовольствия. Но эта мера, как и другие, была обречена на неудачу хотя бы потому, что твердые цены не были введены на промышленную продукцию. Буржуазия и помещики не думали выполнять эти решения, а правительство не проявляло особой настойчивости в реализации их. Потом оно пошло по пути стран Антанты и приняло решение о поднятии цен на хлеб вдвое, чтобы заинтересовать держателей хлеба в его сдаче. Но из повышения цен ничего не вышло, заготовки существенно не повысились. Если добавить к этому, что основные отрасли промышленности, работавшие на оборону, были милитаризованы, хотя находились под государственным контролем, в их работе наблюдался неуклонный спад производства, ведущий к экономическому краху. Во многих районах страны была введена карточная система. Все это обострило и без того сложную ситуацию и способствовало победе революции в России.

Из небольшого экскурса в историю можно сделать вывод, что многие меры, осуществленные в годы «военного коммунизма», применялись ранее, в буржуазном обществе, в сложное для него время. Таким образом, общеисторический процесс применения чрезвычайных мер в определенные периоды является закономерным для всех государств независимо от их общественно-политического строя. Но если в капиталистических странах это был временный процесс, рассчитанный на то, что с окончанием войны все вернется к прежнему положению, то Советское государство не могло пока видеть конкретных перспектив своего будущего развития, и многие чрезвычайные

меры, связанные с политикой «военного коммунизма», вошли в повседневную экономическую, социальную и политическую деятельность страны как обычная норма жизни.

Процессы централизации всей экономической жизни, государственного регулирования в основных отраслях производства и в продовольственной сфере, проходившие в период войны, вроде бы подтверждали учение К. Маркса об империализме как последней стадии капитализма и кануне социалистической революции. Но В.И. Ленин и другие теоретики марксизма не замечали того факта, что рост планомерности заложен в самом капитализме и постоянном увеличении размера единицы капиталистического производства. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин писал: «<...> что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют “военным социализмом”, на деле это есть военно-государственный, монополистический капитализм <...> Диалектика Истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму, Империалистическая война – есть канун социалистической революции» [7, с. 191-193]. Согласно этому высказыванию выходило, что планирование под именем государственного капитализма занимает главное место в переходе от капитализма к социализму.

В.И. Ленин через несколько месяцев после Октября высказал также идею о том, что история родила две половинки социализма: в Германии подготовлены материальные и хозяйственные условия социализма в виде монополистического капитализма, а в России – политические условия в виде диктатуры пролетариата [7, с. 300].

Но слабость этого теоретического высказывания состояла в том, что Россия по уровню своего экономического развития отставала от ведущих империалистических стран и в ней существовали не просто остатки феодализма, а сам феодализм приспособлялся к новым условиям. Даже в условиях войны в России государственное планирование экономики не достигло больших успехов из-за неготовности огромной страны к централизованному управлению.

Советская власть получила в наследство расстроенное народное хозяйство, которое надо было налаживать и учиться им управлять. Полностью ликвидировать капиталистические методы хозяйствования новая власть сразу не могла. Поэтому действовали в течение всего периода гражданской войны непопулярные среди населения законы о хлебной монополии, милитаризации экономики, которые остались от буржуазного общества, и от этой объективности никуда нельзя было уйти. Правда, советская власть пыталась придать им форму государственного капитализма, но одновременно своими жесткими субъективистскими методами хозяйствования уничтожала то лучшее, что могла бы иметь, прежде всего, заинтересованность в результатах своего труда

рабочих и крестьян. Отстраняя от участия в разрешении сложных экономических вопросов широкие слои буржуазии города и деревни, она противопоставляла их себе. Поэтому требовались внеэкономические меры по привлечению народных масс к разрешению сложных социально-экономических и политических проблем, встающих перед страной, подкрепленные специальными постановлениями в правовой области.

Нельзя отрицать того факта, что опыта построения социалистического общества у руководителей страны не было. Авторитет В.И. Ленина был настолько велик, что многие известные партийные и государственные деятели не могли ему что-либо серьезно противопоставить, особенно в экономической области, прежде всего, из-за недостатка знаний. Ленинские положения о становлении экономики социализма воспринимались многими руководителями узко практически. Видимо, следует учитывать и то, что у многих из них наблюдалось романтическое отношение к действительности, злоупотребление администрированием.

Сейчас можно с полной уверенностью говорить, что коммунистическая партия не имела достаточной научной концепции строительства социализма. После октября 1917 года ее потребовалось срочно создать. Ленинские труды, особенно «Очередные задачи Советской власти», работы Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других деятелей, были срочной попыткой восполнить огромный пробел в области экономической науки нарождающегося общества.

Особенности социально-политического развития России способствовали формированию не столько научных подходов, сколько утопического социализма в простейших формах, а также анархизма в его не самых лучших проявлениях. Свидетельством этому является тот факт, что военную основу советской власти в начальный период составляли в основном люмпен-пролетарские элементы и незрелая молодежь, вышедшая из различных слоев общества.

Революционный романтизм охватил широкие слои партии. Многие ее деятели потеряли историческое восприятие времени, социальный процесс казался им быстротечным и упрощенным. И это упрощенчество допускал Ленин. Известный русский философ Ф.А. Степун в одном из своих трудов приводил высказывание Г.В. Плеханова о Ленине: «Как только я познакомился с ним, я понял, что этот человек может оказаться очень опасным, так как его главный талант – невероятный дар упрощения» [10, т. 1, кн. 1, с. 304]. А упрощенчество является особенно опасным в общественно-политической жизни, потому что не учитывается специфика страны на ближайшее, тем более продолжительное время. Реализация таких программ, в частности в экономике, обязательно выдвигает на первый план методы грубого насилия, жестокого принуждения, которое становится необходимым для подавления истинных и мнимых врагов и внушения своим классовым союзникам мысли о правильности проводимой

ими политики. Нереализованность же обещаний развивает у трудящихся разочарование в политике, неверие в возможность социальных преобразований, пассивность в общественных делах и другие негативные явления.

В годы гражданской войны вместо научного развития социально-экономических проблем сложилась ситуация, когда государственные, партийные органы взяли на себя инициативу по разработке методов реализации социалистических идей вместо ученых. Многократно опасней было то, что ими занимались местные органы, исповедовавшие, как свидетельствуют документы, голую практику. Научные идеи развития экономики просто отбрасывались на том основании, что они разрабатывались буржуазными учеными. Иногда складывалась парадоксальная ситуация – марксистские идеи, отвечающие истинному положению вещей, отстаивали буржуазные ученые: В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов, Л.Ю. Юровский и др. В конечном счете в общественной жизни страны победили не марксистские, а утопические идеи, в которых наивный субъективизм играл главную роль. Революционный романтизм победил, и это ярко проявилось в политике «военного коммунизма», в которой причудливо переплелись феодальные, буржуазные и коммунистические идеи.

«Военный коммунизм» подкреплялся коммунистическими преобразованиями в городе и деревне: ограничением частной собственности, свертыванием товарно-денежных отношений, уравнительностью в распределении продуктов первой необходимости, натурализацией хозяйственных отношений, национализацией предприятий, отменой свободной торговли, введением принципа «Кто не работает, тот не ест».

Все эти мероприятия, несмотря на их кажущийся мирный характер, несли в себе элементы насилия. Этого не скрывали коммунистические теоретики, разрабатывавшие экономическую политику советского государства. Более того, они прямо призывали руководящие органы на местах к насилию, особенно к мелкобуржуазному классу – крестьянам. Например, Н.И. Бухарин в своей работе «Экономика переходного периода» писал: «<...> по отношению к бывшим буржуазным группам принуждение со стороны пролетарской диктатуры есть принуждение со стороны инородного класса, который ведет классовую борьбу с объектами своего принуждения; по отношению к некулацкой крестьянской массе принуждение со стороны пролетариата есть классовая борьба постольку, поскольку крестьянин есть собственник и спекулянт; оно есть его сплочение и трудовая организация, его воспитание и вовлечение в коммунистическое строительство, поскольку крестьянин есть трудящийся, не эксплуататор, противник капитализма; наконец по отношению к самому пролетариату принуждение есть метод организации, устанавливаемый самим рабочим классом, т.е. метод принудительной, ускоренной самоорганизации.

С более широкой точки зрения, то есть с точки зрения большого по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих

формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [2, с. 168].

И такие призывы со стороны руководящих деятелей были не единичны. Марксизм, а вместе с ним и капитализм приспособляли к утопическим учениям, что таило в себе внутренний конфликт. Например, государство по prodразверстке объявило излишками те продукты, которые были необходимы самому крестьянину. Это было законным основанием для изъятия у крестьян не только существующих излишков, но и часто необходимого для семьи продовольствия. Мелкотоварное крестьянское хозяйство вынуждено было входить в конфликт с советскими законами, а также с интересами города. В городе насилие выражалось в прикреплении рабочих к предприятиям, введение классового пайка, натурализации заработной платы трудящихся.

Все эти меры были не коммунистическими, а псевдокоммунистическими, не имеющими научной основы. В действительности убивалась всякая инициатива населения к плодотворному труду. Для большинства руководителей партии и государства военно-коммунистические методы были не чрезвычайными мерами, а наоборот, мерами ускоренного построения коммунистического общества. Дань этой точке зрения отдал и В.И. Ленин, что привело к деформации российского общества.

Политика «военного коммунизма» начала формироваться в конце 1917 года с национализации государственного аппарата, отраслей промышленности и предприятий, т.е. с перехода к жесткой централизации и насаждения среди рабочих воинской дисциплины; далее последовали майские декреты 1918 года о продовольственной диктатуре, где насилие над крестьянами впервые было возведено в ранг государственной политики и окончательно оформилось в начале 1919 года принятием постановления о продовольственной разверстке.

Составленная из различных, часто взаимоисключающих друг друга мероприятий, политика «военного коммунизма» не могла не вступать в противоречие между своими отдельными частями коммунистического и буржуазного толка, различными слоями населения страны и в конечном счете с политикой государства и идейными партийными установками. Не изменяясь в своих основных положениях в течение двух лет своего существования, «военный коммунизм» имел в различных регионах страны свои специфические особенности, в некоторых случаях противоположные общегосударственным мероприятиям, что привело к ожесточению и затягиванию гражданской войны.

Политика «военного коммунизма» предусматривала проведение ряда коренных преобразований в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере. Сердцевиной «военного коммунизма» была продовольственная политика. Все основные положения в аграрной, военной и финансовой политике,

в сфере учета и контроля, распределения продуктов питания и товаров первой необходимости оказывались подчиненными ей. В системе «военного коммунизма» продовольственная политика была центральной, вокруг которой советская власть проводила другие политические и экономические мероприятия.

В продовольственной политике существовали, например, противоречия между товарообменом и продразверсткой. В результате индивидуального товарообмена обогащалось кулачество, которое спекулировало полученными товарами среди крестьян. Складывалась парадоксальная ситуация – с одной стороны, советское государство давало богатым крестьянам возможность еще более богатеть, а с другой – лишало их этого богатства при реквизициях и конфискациях. То есть государство в результате товарообмена обогащало кулаков, своих потенциальных и идейных врагов.

При создании совхозов и коммун бедные крестьяне вынуждены были уступать свои участки земли кулакам. В результате происходило усиление кулачества, углублялась поляризация сил в деревне. Раз экономические рычаги советского государства оказались неэффективными в заготовках продовольствия, идеологическое воздействие на крестьян тем более, то естественно вопрос встал о насилии над деревней. Союзник рабочего класса, по выражению партии, стал одновременно объектом насилия со стороны рабочего класса. В результате политики «военного коммунизма» производство сельскохозяйственной продукции сократилось в 2-3 раза по сравнению с довоенным периодом, а сам аграрный сектор находился в упадке.

Влияние «военного коммунизма» на промышленность было более разрушительным, чем на сельское хозяйство. Индустриальная политика превратилась в часть военной стратегии – каждое решение принималось без учета долгосрочных перспектив и диктовалось чрезвычайными обстоятельствами. Попытка управлять промышленностью социалистическими методами – коллегиально – не удалась. Пришлось вернуться к единоначалию и привлекать специалистов к управлению производством. В годы гражданской войны шла острая борьба между сторонниками централизации и местной автономии в хозяйственном управлении. Была создана «вертикальная» система организации, при которой каждая отрасль промышленности должна функционировать как отдельная общность. Губернские совнархозы, оспаривающие принцип «горизонтального» управления, потерпели поражение. Создалась централизованно-бюрократическая система отраслевого хозяйствования, сохранившаяся на весь советский период. Если в 1913 году на 15 рабочих приходился один конторщик, то в 1920 году на 7 пролетариев – один административный работник предприятия. Если же приплюсовать к руководству огромный партийно-советский аппарат, то на 3–4 рабочих приходился один управленец.

Создалась бюрократическая система главков, низшие главки постоянно предоставляли высшим огромное количество всяких отчетов. В архивах

сохранились бумаги, отпечатанные на машинке, а чаще написанные каллиграфическим почерком от руки. Без преувеличения, многие из них в отдельности представляют по квадратному метру бумаги. Главки создавались на всех мыслимых и немыслимых уровнях. Например, производство сахара контролировали следующие главки: Райсахар, Подолсахар (в других губерниях было свое географическое название), Снабсахар (для армии), Торгсахар, Сбытсахар, Главсахар. Некоторые главки носили названия: Главсоль, Главстекло, Главспичка, Главгвоздь, Главкож, Главлак и т.д. А производство упало почти до нулевой черты. В 1921 году страна производила к уровню 1913 года: чугуна – 2%, сахара – 3%, хлопчатобумажных тканей – 5-6% и т.д. [9, с. 77].

С падением производства произошло сокращение численности рабочего класса. Пролетарий – хозяин завода, фабрики, шахты – бежал от «своего» предприятия в деревню, где еще можно было как-то выжить с семьей. Осенью 1920 года население 40 губернских городов сократилось на одну треть. Петроград за три года войны потерял 57,5% своего населения, а Москва – 44,5% [12]. И это являлось прямым результатом «военного коммунизма», поставившего города на грань голодного вымирания.

«Военный коммунизм» в корне изменил отношение к труду и в отдельности к каждому рабочему как к гражданину. С принципом «От каждого по способностям – каждому по потребностям» было покончено в начале 1920 года как не оправдавшим себя в военных условиях. Введение обязательной трудовой повинности началось еще в 1919 году как кратковременная мера для разрешения продовольственных, топливных и иных трудностей, а окончательно оформилось декретом СНК в январе 1920 года в «Правилах о всеобщей трудовой повинности». Только на лесозаготовительные работы в первой половине 1920 года было мобилизовано 6 млн. чел. [6, 106]. Также для привлечения бесплатной рабочей силы стал использоваться труд заключенных исправительно-трудовых и концентрационных лагерей. Отдельные лагеря были организованы для детей и подростков. На начальном этапе эта система носила все-таки больше воспитательный характер, но впоследствии приобрела зловещий оттенок основного вида хозяйственной жизни страны.

Изменилось отношение к рабочему классу. Он рассматривался уже не как гегемон, а как послушный исполнитель партийной воли. Выступая на IX съезде РКП(б), Л.Д. Троцкий говорил о реформировании Красной Армии в период мирной передышки в Трудовую Армию как о резерве бесплатного и послушного труда. По его мнению, необходимо было милитаризировать огромные массы крестьянства, а о рабочих он сказал следующим образом: «Эта милитаризация немыслима <...> без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если не выполнит – он будет дезертиром, которого карают» [3, с. 101].

Милитаризация труда не дала ожидаемых результатов. Рабочие протестовали против ограничения их трудовых прав и не желали работать даром. Основной формой протеста рабочих было их бегство с предприятий, которое называли официально дезертирством. С этим явлением шла беспощадная борьба. IX съезд партии призвал применять самые суровые меры в отношении дезертиров: «<...> В планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, особенно, опубликованием штрафных дезертирских списков, создание из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь» [5, с. 252]. Политика принудительного труда вела к размыванию рабочего класса, его деклассированию.

Свобода труда, право выбора каждого гражданина фактически должны были исчезнуть. Все становились винтиками партии и государства. Но милитаризация труда решала для партии очень сложную, с ее точки зрения, проблему – материального стимулирования рабочих, потому что моральные стимулы нельзя было применять постоянно. К моральным факторам в труде присоединился страх наказания как побудительный импульс к работе.

Натуральное премирование существовало в основном как поощрение за бесплатный труд на субботах, премии ударникам и ударным бригадам. Возникла хорошая форма – «рабочее соревнование». Поначалу эта система стимулирования труда приносила эффект, но впоследствии ею стали злоупотреблять, использовать слишком широко и на постоянной основе, что привело к ее девальвации.

Политика мобилизации труда, несомненно, играет свою положительную роль в сложных условиях войны, разрухи и голода. Когда чрезвычайные обстоятельства преодолеваются, эту политику необходимо смягчить. Но именно чрезвычайные методы труда оказались наиболее живучими, игнорирующими оплату по итогам труда, и превратили обыкновенный добросовестный труд человека чуть ли не в подвиг, принизив тем самым высокое значение этого понятия.

Отчуждение работников от средств производства привело к разгулу воровства в стране и бесконтрольности. Ярким примером такой ситуации был Бахмутский соляной район в Донбассе. Вот как описывает сложившуюся ситуацию райвоенкомendant «Бахсоли» в докладной записке начальнику полевого штаба Укртрудармии: «Крадут почти все от малого до большого, крадут по мелочи и по большому, достигая иногда в своих хитростях виртуозности. Все за одного, один за всех <...> В Бахмут со всей России стали сбегаться мешочники и превратили его во всероссийский торг солью». Автор записки поясняет такое положение ростом цен на соль, которую они обменивали на другие продукты питания. «До некоторых рудников раньше приезжали целые подводы с предметами для обмена на ткань, материю, сукно, живой скот,

мясо и другое. Милиция, если и ловила, то лишь для того, чтобы получить свою часть».

Кража соли рабочими была следствием соответствующих действий руководящих лиц. «Управляющий рудником Деревянченко за трехнедельное управление рудником украл больше 3500 пудов соли, <...> секретарь партийной ячейки рудника Афанасьев пойман на систематических кражах соли, обмене на водку» и т.д.

Реакция властей на разгул воровства была однозначной – усиление репрессий. Военные трибуналы работали очень эффективно. Среди арестованных было много квалифицированных рабочих, без которых производство лихорадило или оно вообще останавливалось. Так, в июле 1920 года военревтрибунал Укртрудармии приговорил группу рабочих Голландского соляного рудника за воровство соли к разным срокам заключения. Собрание рабочих рудника приняло резолюцию об отмене приговоров, поскольку это были рабочие высокой квалификации и без них производство остановилось. Интересно, что рабочие понимали пагубность своих действий и требовали от власти создать условия для прекращения воровства. В частности, рабочие Харламовского соляного рудника в июле 1920 года обязались не брать ни фунта соли, но просили от власти принять меры по обеспечению рабочих всеми необходимыми продуктами и предметами потребления [11].

Данный пример касается только соляных рудников Донбасса. Можно представить, сколько же была воровства в масштабах страны. В дальнейшем эта негативная тенденция еще более усилилась из-за низкой оплаты труда. Соответственно усиливались и репрессивные меры.

Английский историк Алек Нови писал о «военном коммунизме» так: «<...> блокадное хозяйство в соединении с коммунистической идеологией, организованный партией хаос. Невыспавшиеся комиссары в коже работают круглосуточно, напрасно стараясь заменить своими усилиями свободный рынок» [13, с. 81].

Бедность и хаос стали повсеместным явлением в стране на долгую историческую перспективу. Политика «военного коммунизма» деформировала сознание и гуманистические убеждения многих честных людей, и особенно руководителей партии и государства. Они привыкли к тому, что основные аспекты управления экономикой носят военно-боевой характер. Отсюда и убеждения, что руководить можно только с позиции силы, безудержным администрированием, жестким командованием, не приемлющим никаких других мнений. Многие герои гражданской войны, находившиеся в царское время в тюрьмах, ссылках, пострадавшие за интересы народа и революции, достаточно быстро восприняли внешние атрибуты своей значимости и чиновничества: при выходе красных командиров из штаба и приезде их в распоряжение армейских частей должен был обязательно играть духовой оркестр,

для командующего состава готовилась отдельная пища и т.д. Война, а вместе с ней «военный коммунизм» внесли совершенно новые черты в характеры отдельных личностей, такие, как грубость, неприятие критики, самодовольство, стремление показать, что, «не кончая университетов», они успешно решают многие военные и даже экономические задачи. Очень точно новый тип советских руководителей описал выдающийся русский философ Н.А. Бердяев: «Я видел эти перевоплощения и в революционерах, занявших видное положение в советской власти. Вспоминаю о Х., которого я хорошо знал, когда он был в революционном подполье. Он мне казался очень симпатичным человеком, самоотверженным, исключительно преданным своей идее; мягким, с очень приятным, несколько аскетического типа, лицом. Жил он в очень тяжелых условиях, скрывался от преследования, голодал. В нем было что-то скорбно-печальное. Этого человека <...> совершенно нельзя было узнать в советский период, <...> у него совершенно изменилось лицо. Он разжирел, появилась жестокость и важность. Он сделал советскую карьеру, был советским послом в очень важном месте, был народным комиссаром. Перевоплощение этого человека было изумительное <...> Произошла метаморфоза некоторых лиц, раньше известных. И появились совершенно новые лица, гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные. Ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию. Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры» [1, с. 229-230]. Яркая оценка лидеров страны, которым предстояло руководить государством, занимающим 1/6 часть света, насчитывающим более 100 народов со своей культурой, укладами жизни и другими особенностями.

Политика «военного коммунизма», составленная из различных, часто взаимоисключающих мероприятий буржуазного и коммунистического направлений, не могла не привести к серьезным потрясениям в экономике. Прежде всего, это выразилось в катастрофическом падении производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. Она разделила общество на два класса, один из которых стал союзником другого, т.е. не имеющим собственного лица, заменила общечеловеческие отношения классовыми. «Военный коммунизм» создал не просто административно-командное, а элитарное государство, когда высокопоставленному «выходцу из народа», его семье и знакомым было обеспечено и настоящее, и будущее.

Многое, что наблюдалось в «военном коммунизме»: перегибы, вызванные войной, воспитательные меры по привлечению в социализм трудящихся, формирование коммунистических отношений, – повторялось на протяжении всего периода жизни советского общества. Много было скачков к лучшему будущему, кампаний по перестройке общества, ускорений в социально-экономическом развитии, выдачи желаемого за действительное, а методы

преобразований оставались старыми – времен «военного коммунизма». В социально-экономической и политической жизни государства менее всего учитывались объективные условия развития человечества, над всем стоял субъективизм, приведший великую страну к краху. И все это подкреплялось огромной пропагандистской работой партии, насаждавшей коммунистические принципы жизни народу, но сами руководители не придерживались этих норм. Для противников были предусмотрены соответствующие ограничения в правовой сфере. Цицерон назвал историю «Великой наставницей жизни». У нас история превратилась в сказку о романтическом времени и чистых в своих деяниях героев. С каждым годом появлялось все больше героев, превращенных в аскетичных идолов, борющихся за нечто абстрактно-будущее. Многократно награжденные герои вели за собой народ на преодоление многочисленных трудностей, воздвигнутых собственной непогрешимостью, сомнением, прожектерством и неграмотностью. А народ, напрягая все силы, тащил тяжелый груз, оставшийся и сохраненный руководством со времен «военного коммунизма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
2. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
3. Девятый съезд РКП(б). М., 1934.
4. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2.
6. Крицман Л. Геройский период Великой Русской революции. М., 1924.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34.
8. Революционное движение во французской армии в 1917 г. М., 1934.
9. Сироткин В.Т. Вехи отечественной истории: Очерки и публицистика. М., 1991.
10. Степун Ф. Мысли о России // Литература русского зарубежья. Антология. Т. 1–6. М., 1990.
11. Центральный государственный архив высших органов государственной власти Украины. Ф.34. Оп.2. Д.80. Л.6-7, 12-13.
12. Экономическая жизнь. 1920. 1 дек.
13. Nove A. An Economic History of the USSR. Allen Lane, 1981.

V.I. Borisov

«Military Communism»: the history of the problem

Key words: *military communism; agricultural policy; glavk; free trade; Narkomprod; SNK.*

Policy «of military communism» is a many-sided phenomenon in social and economic and political life of Russia of civil war period. The author analyses the fundamental theory of this policy. It had both objective and subjective causes. These causes are given the main attention in the article.

П.А. Якушев

Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)''1918/1921''

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬХОЗКОММУН НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1921)

Ключевые слова: *коллективное хозяйство; сельскохозяйственная коммуна; трудовая сельскохозяйственная артель; аграрная политика; агитация; пропаганда; единоличное хозяйство; коллективное землепользование; коллективизация.*

В статье предпринята попытка изучения фактически неисследованного вопроса о создании и деятельности на территории Смоленщины сельскохозяйственных коммун, возникших по инициативе большевиков в начальный период существования Советской России. Проанализировав целый ряд разнообразных материалов, выявленных в центральных и местных архивах, автор пришел к обоснованному выводу о том, что сама идея организации коммун не соответствовала менталитету крестьян, не была популярна в их среде, не имела материальной базы и по этим причинам была обречена на провал.

Гражданская война на территории бывшей царской России шла не только на полях сражений, но и в хозяйственно-бытовом укладе народа. Новое «революционное сознание отметало всё старое, косное». Повсеместно провозглашался принцип общественного в противовес личному. Сельскохозяйственная коммуна, с полным обобществлением имущества и уравниловкой в оплате труда, была для большевиков идеалом, поэтому в деле создания и развития коллективных форм земледелия они были непреклонны.

Хорошо известно мнение отечественных историков о том, что с целью завоевания симпатий широких слоёв российского крестьянства сразу же после Октябрьского переворота большевики приступили к реализации эсеровской, а отнюдь не своей аграрной программы. Однако такое утверждение справедливо лишь отчасти, так как от *своих* планов преобразования сельского хозяйства страны они не отказались. Одним из подтверждений этого являются следующие слова В.И. Ленина, сказанные им в конце марта 1918 года: «Теперь, когда земля перестала быть частной собственностью <...> значение примера трудовой коммуны, решающего лучше, чем какие бы то ни было другие способы, организационные задачи, приобрело гигантское значение» [15, с. 148-149]. Обратим внимание на последнее предложение и на название статьи – «Очередные задачи Советской власти».

Смоленское крестьянство в первые послереволюционные месяцы довольно лояльно относилось к новой власти, что было связано с большевистской агитацией и принятием II Всероссийским съездом Советов декрета «О земле». Однако вскоре ситуация изменилась.

Одной из причин, породивших на селе социально-политическую напряжённость, было претворение в жизнь «Основного закона о социализации земли», утверждённого ВЦИК 27 января 1918 года. Во втором разделе закона «Кто имеет право пользоваться землёй» отдавалось предпочтение социалистическим формам сельскохозяйственного производства: коммуна, товариществам и сельским обществам. Таким образом, в отличие от эсеровской «социализации», выдвигавшей на первый план развитие единоличных форм землепользования, большевистский закон преследовал осуществление социалистических преобразований сельского хозяйства с развитием коллективных форм хозяйствования. После реализации этого закона в целом ряде мест Смоленской губернии большинство малоземельных крестьян «не получило ничего от Советской власти». Газета вяземских коммунистов «Товарищ» 7 декабря 1919 года так комментировала данную ситуацию в масштабах страны: «Сколько получило крестьянство земли из нетрудового владения, – от помещиков, монастырей и проч.? Это такая большая площадь, что трудно себе и представить – 23 млн. десятин. А если разделить эту землю по едокам, много ли получится на душу? Да по одной десятине и то не получилось! Например, в Вятской губернии пришлось на душу по 4 десятых десятины, в Ярославской губ. – по 46 сотых десятины, а в некоторых губерниях даже по 13 сотых десятины! После опьянения разделом скоро наступило похмелье» [6]. И разочарованность в новом строе...

Большинство крестьян воспринимало аграрные мероприятия советской власти как разрушение традиционного образа жизни, так как политика большевиков, направленная на создание коллективных хозяйств, совершенно не учитывала психологию крестьянина, веками мечтавшего о своей «землице», на которой он будет полным хозяином. Видимо, советское руководство полагало, что общинное сознание подавляющего большинства русского крестьянства позволит легко и безболезненно перейти к социалистическим формам хозяйствования. Однако это было ошибочное мнение.

В ленинских работах первых лет советской власти получили развитие вопросы о вовлечении крестьян в сельскохозяйственные коммуны. «С национализацией земли, – писал большевистский вождь, – буржуазия может помириться, если крестьяне возьмут землю. Мы, как пролетарская партия, должны сказать, что одна земля ещё не накормит. Для обработки её нужно будет, следовательно, устроить коммуну» [14, с. 249]. Первые коммуны и артели в России стали создаваться уже в конце 1917 года. На Смоленщине весной 1918 года их насчитывалось около пятидесяти [3]. К лету 1918 года их число увеличилось до 74 [13], в сентябре 1918 года в Западной области (она была образована в апреле 1918

года, и в её состав входила Смоленская губерния) имелось 106 коммун и 26 артелей [8]. Их членами в основном становились батраки, бедняки и солдаты.

Организационная структура и внутренний распорядок первых коллективных хозяйств были разнообразны и неустойчивы. В большинстве случаев обобществлялись только помещичьи земли, инвентарь и скот. Если в коммуну вступали крестьяне, то их надельная земля, скот и инвентарь оставались в индивидуальном владении. Это объяснялось тем, что они не оформлялись в уставном порядке, а создавались или на основе устных соглашений, или на основе письменных договоров.

Характерной чертой уставов первых сельскохозяйственных артелей и коммун было их несовершенство. По этой причине председатель исполкома Бельского уездного Совета Смоленской губернии в телеграмме от 23 мая 1918 года Совету Народных Комиссаров просил выслать проект организации коммуны. Эта просьба была удовлетворена.

Первый «Примерный устав трудовой земледельческой коммуны» был утверждён Наркомземом 21 июля 1918 года. 3 августа приняты: «Инструкция к составлению Устава сельскохозяйственных коммун», «Положение о регистрации сельскохозяйственных коммун» и «Инструкция земотдела об отводе земли сельскохозяйственным коммунам»; 17 августа – «Инструкция для организации бюро коммун», «Положение об инструкторах по коммунам»; 24 августа – «Правила выдачи ссуд сельскохозяйственным коммунам». В этих документах отмечалось: « а) всё принадлежит всем, и никто в коммуне ничего не может назвать своим, за исключением предметов личного потребления; б) каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам, в зависимости от состояния хозяйства в коммуне; в) работа ведётся сообща (коллективно); г) излишки продуктов за покрытие всех потребностей коммуны предоставляются в общественное пользование через местные продовольственные органы Советской власти в обмен на предметы, в которых нуждается коммуна; д) коммуна не может пользоваться наёмным трудом» [1, с. 415]. На основе этих документов была введена регистрация коммун и уставов.

Как правило, первые коммуны были малочисленными по своему составу, слабыми в экономическом отношении и постоянно нуждались в материальной, финансовой и организационной помощи со стороны государства, которое старалось всемерно поддерживать «ростки нового труда». Губернские и уездные органы власти оказывали коммунам максимально возможную помощь, удовлетворяя в первую очередь *их* нужды, а уж потом просьбы сельскохозяйственных артелей, ТОЗов, совхозов и беднейшего крестьянства. Обеспеченность коммун инвентарём по сравнению с единоличными крестьянскими хозяйствами была намного выше. Например, на 347 едоков, или на 55–60 семей, в 15 коммунах Рославльского уезда имелось: 11 молотилок, 10 жнеек, 10 косилок, 13 веялок, 95 плугов. До Октябрьского переворота в

Сычѣвском уезде, где жили наиболее богатые кулаки, на 100 дворов приходилось 2,85 молотилок, в то время как в среднем у крестьян (с учётом и кулаков) на 100 хозяйств имелось молотилок только 0,04, 15 плугов, 99 сох [5].

Как отмечалось выше, обеспеченность инвентарём артелей и товариществ была хуже, чем коммун, так как в них в основном преобладал свой, крестьянский, инвентарь, но и артели всё же были лучше обеспечены инвентарём, чем единоличные хозяйства. Так, из помещичьего инвентаря 50 артелей получили 12 молотилок, 9 сеялок, 3 жнейки, 5 косилок. Обеспеченность лошадьми в коллективах была также выше, чем в крестьянских хозяйствах, взятых в средних величинах, т. е. с включением кулацких дворов. К примеру, в колхозах Смоленского уезда на одну лошадь приходилось 2,3 десятины, а в Сычѣвском уезде – 1,8 десятины земли [5].

И всё же, несмотря на то, что коллективные хозяйства, сравнительно с крестьянскими хозяйствами, были лучше обеспечены тягловой силой, во многих коммунах и артелях не хватало «живого инвентаря» для освоения всех пригодных земель.

Продуктивным скотом коллективные хозяйства в целом были обеспечены тоже лучше, чем индивидуальные. В 1917 году у крестьян на 100 десятин посева приходилось 19,2 коровы, а в 1920 – 23,8, в то же время в коллективных хозяйствах Смоленского уезда в 1920 году на 100 десятин пашни имелось 54 коровы, 26 нетелей и телят, а в коллективных хозяйствах Сычѣвского уезда – 58 коров [4].

Необходимо отметить, что советская власть выделяла коллективным хозяйствам большие ссуды на покупку скота, инвентаря, семян, ремонт помещений и т. д. Так, к октябрю 1918 года Западная область получила от государства для выдачи ссуд коммунарам 500 тыс. рублей, что составляло 1/13 долю всей суммы, выданной государством всем коммунам страны. В 1919 году Смоленский так называемый «Губернский миллиардный комитет» выделил на развитие коммун 3 821 269 р. 94 к. (в соседних губерниях: Тверской губ-милком выделил 3 350 079 р. 66 к., Калужский – 3 435 745 р., Псковский – 3 323 477 р., Московский – 2 530 953 р. 52 к.) [7, с. 15-16].

Однако, несмотря на помощь со стороны государства, деятельность коммун на территории губернии не была успешной. Доклады об их хозяйственной деятельности (в этих докладах говорится о нехватке денежных средств, инвентаря, семян и т. д.) свидетельствуют о том, что коммунары так и не смогли создать рентабельных хозяйств. Отметим, что в условиях гражданской войны, когда подобные проблемы испытывало *всё* сельское население России, коммуны, в отличие от единоличного крестьянства, получали от государства максимально возможную помощь.

С 1918 года смоленские СМИ усиленно агитировали селян вступать в коммуны. В «Известиях Вяземского Совдепа» от 26 сентября 1918 года поя-

вилась статья: «Коммуна – путь к социализму». Её автор, Н. Бука, отметив, что крупное общественное хозяйство производительней мелкого единоличного, патетически восклицал: «Для всех, кто хочет открыть врата к будущему лучезарному, прекрасному, – соединяйтесь в коммуны» [12]. Вяземским большевикам вторили бельские: «Наступит день, – отмечалось в «Известиях Бельского Совета», – когда не члену коммуны нельзя будет жить на свете, ибо право на хлеб будет иметь только труженик, то есть член коммуны. Величайшим наказанием для преступника будет исключение из коммуны, ибо оно почти равносильно гражданской смерти» [9]. В другой статье («Коммуна и Советская власть») этой же газеты отмечалось, что главная трудность в распространении коммун – непонимание со стороны крестьянства их (крестьян) выгоды. «Но польза коммуны, – считал автор, – ясна для каждого. А наглядный пример надоумит и самого непонятливого. Можно надеяться, что в скором времени труд коммуны распространится по всей территории России» [10]. Однако эти надежды оказались тщетными.

Уже в 1918 году стало очевидно, что, несмотря на усилия большевистской пропаганды, на все лады расхваливавшей «райскую» жизнь в коллективных хозяйствах, подавляющая масса крестьянства (в том числе и беднейшего) не желала идти в коммуны и не понимала её. Обратим внимание: большевистский агитпроп утверждал, что это непонимание – следствие «темноты и забитости» крестьянства, но, судя по архивным материалам, членами коммун в основной массе как раз и становились представители люмпенизированных деревенских низов. То есть, по сути, самые «тёмные» люди. К слову, во время проведения 12 января 1919 года Вяземского уездного съезда коммун «руководящими товарищами» было заявлено, что в коммуны «идут тёмные люди», и надо их образовывать, закупать книги, устраивать для детей «разумные» игры и т. д. Напрашивается вопрос: а понимали «настоящие пролетарии», вступавшие в коммуны, что это вообще такое? Другими словами, какие мотивы двигали сельской беднотой, вступавшей в них? Или в превосходстве коллективного труда над единоличным их убедили-таки большевистские агитаторы? Кстати, невольно возникает ещё один вопрос: если в коммуны в подавляющем большинстве вступали люди «невежественные», то почему все другие (не «тёмные»!) обходили её стороной? Ответ напрашивается лишь один: они чётко осознавали всю бесперспективность данного начинания «большаков», которые эту простую мысль просто не воспринимали.

Скажем несколько слов об отношении к коммунам единоличного крестьянства. Как выяснилось, сплошь и рядом жители окрестных деревень открыто смеялись над коммунарами, называли их «лодырями», «латрыгами», «бездельниками» и т. д. Большевики, прекрасно осведомлённые о подобных общественных настроениях, пытались переломить их. Например, в агитационной книге П.Я. Гурова «Крестьянин, держись за коммуны!» утверждалось,

что лодырей как таковых на свете нет, а есть лишь «люди неустроенные, впавшие в бедность <...> не имеющие ни кола, ни двора. Такие поневоле сидят без дела <...> В коммуне не может быть лентяев, так как работы хватит на всех» [7, с. 15-16]. Однако реальность была совершенно иной.

Так, во время проведения IX съезда Советов Бельской коммуны представитель от Егорьевской волости Гордеев в своём выступлении отметил, что переход к общественной обработке земли является преждевременным. В частности, оратор указывал на пример своей волости, где были организованы коммуны, но из этого ничего не получилось: «Коммунисты наши ещё настолько несознательны, – продолжал он, – что когда нужно... чинить дороги и исправлять мосты, они 3 – 4 дня работают, а потом столько же времени отдыхают» [11]. Далее «представитель от волости» указывал, что такая же «темнота» и «несознательность» наблюдается и в других волостях Бельского уезда.

А не была ли критика коллективного землепользования делегатом уездного съезда Советов справедлива лишь для колхозов Бельского уезда? Подобное мнение высказывали и руководители губернского уровня. Так, 15 августа 1919 года заведующий губземотделом Андреев в своём докладе «По земельному вопросу» говорил, что проведение социалистического землеустройства из-за отсутствия «технических работников и других причин идёт крайне медленно, если так пойдёт дальше, может быть закончено через 20-30 лет <...> Крестьяне <...> сидят на земле не прочно, земля не удобряется, производительность падает <...> Необходимо прикрепить к земле более прочно <...> найти компромисс <...> передать землю крестьянам в постоянное пользование, а не временное, как это было до сих пор, найти твёрдую форму землепользования». Под «твёрдой формой землепользования» подразумевались хутора и отруба. Среди руководящих товарищей заявление заведующего губземотдела вызвало острую дискуссию. Однако большинством голосов проект Андреева «По земельному вопросу» был отклонён, так как, по мнению его оппонентов, «проект Андреева напоминал закон Столыпина» [2; 17]. И ещё одна деталь: даже критикуя доклад завгубземотдела, некоторые товарищи отмечали, что «с практической стороны мы должны перейти к хуторскому способу землепользования, как наиболее производительному. Но с принципиальной точки зрения мы <...> не имеем право выносить его на съезд» [16] (выделено мной. – Я.П.). Зададим вопрос: а какие критерии кроме наиболее выгодных с «практической стороны» могли способствовать подъёму сельского хозяйства и доверия крестьянства к новой власти?..

По примерной оценке хозяйственных органов губернии (точного учёта не велось) в начале 1919 года на территории Смоленщины было 800-1000 коллективных хозяйств. В сентябре 1919 года колхозов было зарегистрировано 828. Из них: 389 коммун (47%), 149 артелей (18%) и 290 товариществ (35%) [18, с. 52].

В это время по количеству коллективных хозяйств губерния занимала 1-е место в РСФСР – 13% всех колхозов приходилось на долю Смоленщины. К январю 1920 года число коллективных хозяйств уменьшилось до 754, из них: 360 коммун (48%), 121 артель (16%), 273 товарищества (36%). В это время губерния также занимала первое место среди российских регионов по числу коллективных хозяйств. Кроме того, на Смоленщине преобладающей формой коллективного землепользования была коммуна (48%), тогда как в масштабе республики на 1-м месте стояли артели (61%).

Количественное уменьшение колхозов продолжилось и в последующее время. К концу 1920 года в губернии имелось: коммун – 141 (20,1%); артелей – 350 (49,9%); товариществ – 210 (30%). Всего: 701 (100%) [18, с. 52].

Проявилась и новая тенденция – уменьшение числа коммун и значительное увеличение количества артелей, которые вышли на 1-е место среди коллективных хозяйств. Уменьшение численности коммун в этот период происходило, главным образом, по причине их самоликвидации. Рост числа артелей был связан с тем фактом, что эта форма коллективного труда предполагала (в отличие от коммун, где полностью обобществлялось имущество и практиковалось совместное проживание) лишь частичное обобществление основных средств производства, при сохранении в личном пользовании продуктивного скота, земли под огородами и т. д. А так как государство оказывало артелям помощь семенами и сельхозинвентарём, крестьяне из чисто практических соображений выбирали именно эту форму хозяйствования.

Новый 1921 год был отмечен увеличением численности коллективных хозяйств, чему способствовала высшая степень увлечённости идеей коллективного земледелия некоторых работников земотдела и других органов власти, а также наличие свободных земель. Однако руководство губернии осознавало, что тяготение некоторой части беднейшего крестьянства к коллективному труду было обусловлено главным образом его «узко материальными интересами». По этой причине в конце 1921 года была произведена перерегистрация всех коллективных хозяйств. К этому моменту в губернии числилось 879 коллективов (100%), из них: коммун – 117 (13%), артелей – 625 (71%), товариществ – 137 (16%).

Результаты упомянутой перерегистрации были следующими [18, 53]:

Коллективные хозяйства	Подлежало утверждению		Находилось в стадии организации		Подлежало ликвидации	
	абс	%	абс	%	абс	%
Коммуны	62	25	2	2	37	7
Артели	115	48	98	80	372	72
Товарищества	64	27	22	18	105	21
Всего	240	100(27)	122	100(14)	514	100(59)

Приведённые данные свидетельствуют, что из 879 колхозов жизнеспособных оказалось 241 (27%), в том числе коммун – 64 (25%), артелей – 115 (48%), товариществ – 64 (27%). Большинство коллективных хозяйств, подлежащих ликвидации, было создано в 1918 – 1920 годах, т. е. в период «военного коммунизма». По информации советских руководящих органов, главными причинами ликвидации коллективных хозяйств являлись:

- отсутствие идейно-хозяйственной спайки;
- малочисленность и малоземелье;
- бесхозяйственность;
- нарушение устава;
- распад;
- соображения землеустроительного характера;
- добровольное желание;
- обострение отношений с крестьянами и другие обстоятельства.

Подведём некоторые итоги. Большевики Смоленщины, руководствуясь указаниями свыше, пытались внедрить в сельское хозяйство губернии социалистические формы землепользования. Упор в этой политике делался на создание коммун. Однако попытки создать из единоличных хозяйств «коммунальную казарму» провалились. Крестьянство отвергло коллективные формы хозяйствования, стремясь к хуторскому и отрубному землепользованию (1). Вступавшая же в коллективные хозяйства беднота не имела практического опыта ведения более-менее крупного хозяйства. И ещё один момент: уравниловка в оплате труда в коммунах не способствовала росту их производительности, а всё возрастающая помощь со стороны государства порождала среди членов коллективов иждивенческие настроения. В результате все попытки большевиков в 1918 – 1920 годах коллективизировать сельское хозяйство оказались безуспешными. А с началом в 1921 году нэпа эти попытки на время были и вовсе прекращены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрная политика Советской власти (1917 – 1918). Документы и материалы. М., 1954.
2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 87
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 130. Оп. 1. Д. 59. Л. 31.
4. ГАСО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 490. Л. 4-5.
5. ГАСО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 59. Л. 99.
6. ГАСО. Ф. 1478. Оп. 2. Д. 43 Л. 32, 37; Оп. 1. Д. 15. Л. 52.
7. Гуров П.Я. Крестьянин: держись за коммуны! М., 1920.
8. Звезда. 1918. № 267 (29 сент.).
9. Известия Бельского Совета. 1918. № 12 (20 июня).
10. Известия Бельского Совета. 1918. № 13 (22 июня).
11. Известия Бельской коммуны. 1919. № 61 (6 февр.).

12. Известия Вяземского Совета. 1918. № 172 (26 сент.).
13. Известия Смоленского Совета. 1918. № 169 (18 авг.).
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
- Ф. 17. Оп. 6. Д. 304. Л. 146
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 304. Л. 145-146.
18. Экономическая жизнь. 1924. № 8-9.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Например, прошедшая в январе 1920 года Рославльская уездная конференция беспартийных приняла большинством голосов резолюцию о переходе к хуторскому землепользованию; большевистские информаторы с мест сообщали в центр о стремлении крестьянства к хуторам и отрубам. См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 6. Д. 318. Л.126 об.; приложение к газете «Рославльский коммунист». 1920. № 7 (234). 7 февр.

P.A. Yakushev

From the History of Creation and Activity of Farming Communities on the Territory of Smolensk Province during the Civil War

Key words: *collective farm; farming community; agricultural policy; propaganda; private farm; collective land usage; collectivization.*

The article deals with the problem of organization and activity of farming communities on the territory of Smolensk province, formed on Bolsheviks' initiative during the first years of the existence of Soviet Russia. Having analyzed a number of various materials taken from central and local archives, the author comes to the well-grounded conclusion that the very idea of organizing communes did not correspond to peasants' way of thinking, was not popular with them, did not have any economic ground and failed because of these reasons.

И.Б. Красильников

Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)+37

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

Ключевые слова: *оккупация; система немецкого гражданского управления; школьная политика; школы; проблема кадров; система обучения; детские дома; газеты; журналы; радиовещание; кинофикация; театр; эстрада;*

музей; террор оккупантов; разрушения; партизаны; подпольщики; герои сопротивления; итоги оккупации; задачи восстановления советской системы образования и культуры.

Захватив Смоленщину, фашистские оккупанты пытались проводить здесь свою образовательную и культурную политику. Им удалось создать значительную сеть учебных заведений, включающую начальные и семилетние школы, а также средние специальные учебные заведения. Действовали театры, кинотеатры, осуществлялось издание газет и журналов, а также имели место иные формы идеологического воздействия. Всё это оказало влияние на определённые группы населения. Несмотря на террор оккупантов, советские граждане оказывали врагу активное сопротивление. Широкое распространение на Смоленщине получило партизанское движение.

Изучение состояния образования и культуры на оккупированной территории в течение длительного времени находилось под запретом. Исследовались только факты сопротивления оккупантам. Лишь в последние годы появились работы, в которых рассматривается политика немецких властей в области образования и культуры. Данная статья представляет собой попытку обобщить тот материал, который стал доступным в настоящее время.

30 сентября 1941 года немецкие войска начали операцию «Тайфун» и 12 октября полностью оккупировали территорию Смоленщины. Областное партийное и советское руководство перебралось в Москву. В силу ряда причин на оккупированной территории области осталось более 1,5 млн. человек, в том числе не менее 100 тыс. в городах. Этим людям предстоял новый этап – жизнь и деятельность в условиях немецкой оккупации.

Оккупация Смоленской области продолжалась более двух лет. Поведение населения на оккупированной территории многие годы считалось закрытой темой, точнее, исследовалась только подпольная и партизанская деятельность, а также факты террора оккупантов. Многие группы населения в силу ряда причин – раскулачивания, репрессий, низкого уровня жизни – не могли относиться с симпатией к советской власти. Очевидно, свою роль сыграла и специфическая крестьянская психология: необходимо выжить в любых условиях. Несмотря на насаждение новой коммунистической идеологии, некоторая часть населения, особенно в деревне, осталась в рамках традиционного мышления. В период оккупации (летом 1941 года) во многих районах (например, Руднянском, Демидовском) оккупанты провели собрания местных коммунистов, на которых присутствующие были зарегистрированы и дали подписку об отказе от борьбы с новой властью [17]. В условиях быстрого продвижения немецких войск многие просто растерялись, не зная, как поступить. Значительная часть просто прятала партийные и комсомольские билеты или вообще уничтожала их. Так, в Дзержинском районе (ныне Калужская

область) из партии было исключено 155 человек за недостойное поведение в период оккупации. Многие объясняли своё поведение так: «Мы малограмотные, с нами никто не работал, мы не знали, что делать и уничтожили партийные документы» [6]. Осенью 1943 года в Починковском районе оказалось, что во время допросов немцами отказались от принадлежности к партии сразу 137 человек [28, с. 52].

На оккупированной территории немцы создавали свои органы власти. Смоленская область с рядом других областей (Орловской, Витебской, частично Могилёвской и Минской) вошла в так называемую область «Митте» с центром в Смоленске [3, с. 9]. Во главе области стоял «командующий» – генерал фон Шенкендорф. Область делилась на общины (деревни), волости (сельсоветы), округа, уезды, которыми управляли военные комендатуры. Комендант отвечал за порядок, занимался расквартированием воинских частей, проводил карательные мероприятия, следил за исполнением приказов и распоряжений.

Кроме военных комендатур создавалось и гражданское управление. 25 июля 1941 года в Смоленске было организовано городское управление. Бургомистром был назначен бывший адвокат Б.Г. Меньшагин. Управление состояло из 10 отделов и имело значительный штат сотрудников: уже к 10 августа – 250 человек, среди которых было немало представителей интеллигенции. Профессор кафедры физики мединститута И.Е. Ефимов возглавил «отдел просвещения» (создан 27 июля 1941 года [31]). Его заместителем стал доцент пединститута И.И. Соловьёв. «Жилищный отдел» возглавил профессор кафедры зоологии пединститута В.А. Меландр [1, с. 4].

В Рославле бургомистром стал сын архитектора города Н.Н. Аристов [40, 16]. Подобные управления создавалось и в других городах и районах. Управы подчинялись комендатурам и насчитывали до 10–15 управлений и отделов, основными из которых являлись: промышленный, торговый, земельный, строительный, коммунальный, транспортный и другие. В Вязьме размещалась сельскохозяйственная управа, курирующая работу нескольких районов, а также межрайонное лесное управление [23, с. 25]. Одновременно формировались новые органы и в сельской местности. Это были волостные старшины и старосты деревень. Кроме советских граждан на номенклатурных должностях использовали русских эмигрантов. Уже осенью 1941 года в Смоленск была направлена большая группа (несколько десятков человек) из НТС (народно-трудового союза).

В условиях побед немцев летом 1941 года и информационного голода значительная часть граждан растерялась. Оккупанты активно распространяли сведения о своей окончательной победе и захвате Москвы и Ленинграда. В сентябре 1941 года, по свидетельству Меньшагина, оставшийся в Смоленске заведующий кафедрой астрономии пединститута и соответственно директор обсерватории профессор Б.В. Базилевский составил обращение к Гитлеру с

призывом облегчить положение крестьян (распустить колхозы) и дать конкретные обещания о создании национального русского правительства с центром в Смоленске [29, с. 225]. Правда, сам Базилевский, давая показания в 1943 году, о данном факте не упоминал. Однако об антиколхозных настроениях в 1941 году вспоминал в своих мемуарах даже Н.С. Хрущёв.

В Смоленске оккупанты восстановили водопровод, освещение, действовали они преимущественно в тех домах, где жили немцы. В здании музыкальной школы в августе 1941 года была открыта биржа труда [19]. Важнейшей задачей власти стала борьба с коммунистической идеологией. Уже 22 августа 1941 года было опубликовано распоряжение № 5 начальника города Смоленска Меньшагина, согласно которому население обязывалось в трёхдневный срок сдать всю имеющуюся коммунистическую литературу. Под ней понимались: все книги, брошюры, листовки, содержащие в себе пропаганду коммунистического учения, восхваление его или его деятелей; учебники, за исключением не содержащих в себе коммунистической пропаганды, а также изданных до 1917 года; и даже энциклопедические словари, за исключением технических или медицинских. За неисполнение приказа виновные привлекались к ответственности, вплоть до расстрела [3, с. 12].

На оккупированной территории гитлеровцы проводили свою «школьную политику», смысл которой был сформулирован в наброске к плану «Ост». Для местного населения не должно было существовать высших школ; достаточно четырёхклассной народной школы. Целью такой школы должно было давать элементарные знания: простой счёт (в пределах 500) и умение расписаться. Большое внимание уделялось изучению немецкого языка. Указывалось, что необходимо внушить детям божественную заповедь повиновения немцам как расе господ, быть честным, старательным и послушным [30, с. 16]. В то же время фашизированная школа значительно отличалась от советской. На смену централизованной советской системе пришла децентрализация. Школьное образование было предметом ведения и военных, и гражданских властей. Это часто приводило к конфликтам. Так, с согласия военных властей в некоторых районах Смоленской области занятия возобновились уже осенью 1941 года. В Мещовском районе (ныне Калужская область) школы открылись с 10 ноября. Для управления ими в районе был создан школьный отдел управы во главе с Гуренковым. Этот отдел издал до конца года ряд определяющих документов: «Временное положение о школах», «Учебный план начальной школы» и «Программные указания для учителей» [14].

Вместо литературы и истории в немецких народных школах часто вводилось преподавание религии. Идеологам рейха казалось, что именно религиозное воспитание сможет изжить большевизм. Поощрялось преподавание Закона Божьего, а учителям предписывалось ни в коем случае не разрешать антирелигиозные толкования вопросов в изучении материалов [24, с. 53].

Оккупанты поощряли религиозную деятельность на занятой территории. Уже в конце августа 1941 года в Смоленске был отремонтирован Успенский собор, и в нём возобновилась церковная служба, о чём сообщила издававшаяся в Берлине газета для оккупированной территории «Новая жизнь» (№ 1 от 3 сентября 1941 года) [29, с. 204]. Для собора из смоленского музея по распоряжению комендатуры города было передано 16 культовых предметов – дароносительница и 15 икон [38, с. 162]. Церковь в период оккупации занималась регистрацией рождений, браков, смертей. Эти записи впоследствии признавались и советскими органами. Всего за время оккупации Смоленской области с разрешения немецких властей было открыто 63 храма (1941 – 7, 1942 – 43, 1943 – 13). Была восстановлена епископия. Епископом был назначен Стефан. Происходило рукоположение священников, в том числе из военнопленных [8].

Важным отличием немецких школ от советских стало введение платы за обучение, причём с первого класса. В первом классе с родителей брали по 20 рублей в месяц, во втором – 30 и т.д. Для села суммы были достаточно высокими, особенно если училось несколько человек. С 5-го по 7-й классы родители платили уже 200 рублей [24, с. 53]. В школах вводились также телесные наказания. Этим наказаниям могли подвергаться не только ученики, но и их родители.

Количество обязательных предметов не было постоянным, их могло быть и пять, и семь. На уроках литературы вместо официальных советских авторов А.М. Горького и В.В. Маяковского рекомендовалось изучать произведения ранее запрещённых эмигрантов – И.А. Бунина, И.С. Шмелёва, К.Д. Бальмонта, Д.С. Мережковского, а также дореволюционных авторов А.А. Фета, Ф. Сологуба, А.Н. Майкова [13]. В Сычёвском районе был введён курс «обществоведения». Его задачей была дискредитация социалистического строя, коммунистической партии и всех достижений за годы советской власти. Для занятий по этому предмету офицер пропаганды давал антисоветские брошюры, газеты и т.д. [26, с. 72].

Работали в народных школах в основном бывшие советские учителя. Всего на оккупированной территории осталось 8519 учителей, то есть более половины. Из них работали в фашизированной школе 4258 человек [16]. В этом отношении Смоленская область оказалась в «передовиках». В народных школах Орловской области работали 1910 человек, на Ставрополье – 1000, в Воронежской области – 411 [24, с. 56]. Для учителей были организованы как краткосрочные десятидневные, так и 3-6-месячные курсы по воспитанию детей в немецком духе. В Рославле на этих курсах профессор Четверяков читал лекции о превосходстве арийской расы [12]. Для подготовки учителей в области были открыты 3 учительские семинарии на базе существовавших ранее педагогических училищ (по одной в Смоленске, Соболеве и Красном).

Смоленскую семинарию возглавил Б.В. Базилевский, а Краснинскую – бывший учитель математики Авадовской средней школы Свириденков [18].

Для преподавания в Смоленской семинарии Б.В. Базилевский привлёк ряд профессоров. Так, бывший профессор одного из московских вузов В.К. Гречишников преподавал русский язык и литературу; историю преподавал также москвич Д.П. Сошальский (Кончаловский). Всего в семинарии преподавалось 11 предметов (русский язык и литература, география, математика, физика, естествознание, история средних веков, химия, садоводство, гимнастика, немецкий язык). Руководство семинарии разрешило дома использовать советские учебники [36, с. 4]. При семинариях были созданы библиотеки. По крайней мере, одна существовала в Соболевской семинарии [2, с. 296]. По рекомендации Базилевского в эту семинарию были устроены некоторые бывшие преподаватели смоленских вузов, попавшие в немецкий плен, но сумевшие бежать и оказавшиеся в Смоленске.

В Смоленске выходил даже специальный педагогический журнал «Школа и воспитание». Редактором его был работник отдела немецкой пропаганды Д.П. Сошальский (Кончаловский). Он пытался привлечь к сотрудничеству в журнале смоленских профессоров по поводу написания научных или методических статей, однако большинство под благовидными предлогами отказалось сотрудничать. По свидетельству Базилевского, только лесовод Авситидийский написал статейку о практических занятиях в школе по лесоводству. Но эта статья получилась бесцветной [36, с. 4]. С октября 1942 года издавался также специальный журнал для детей «Школьник» [26, с. 74]. Для привлечения учителей действовали различные материальные стимулы. Зарплата устанавливалась в размере ставок Наркомпроса (410 – 830 рублей в месяц в зависимости от стажа), учителя могли получить большой земельный участок под огород и хлебный паёк [24, с. 54]. Все эти стимулы играли определённую роль в привлечении в школу учителей.

Большинство школ открылось в сентябре 1942 года. Поскольку почти все школы были начальными, а работало в каждой по 5–7 учителей, то их было не менее 600. Только в Смоленском округе действовало 275 школ, в которых обучалось 35 тыс. учащихся. В самом Смоленске уже к 1 мая 1942 года было зарегистрировано 294 учителя (комендатура утвердила 194 человека) и 3757 детей в возрасте от 8 до 15 лет [31]. Накануне в июне-августе учителя были собраны по районам на установочные совещания, где перед ними выступили представители местных военных и гражданских властей, а также офицеры пропаганды. Так, в Руднянском районе учительской конференцией руководил заведомо народного образования управы Дрючков [5]. На совещаниях были даны категорические указания, согласно которым запрещались любые отступления от инструкций и приказов. Много школ было открыто в Вяземском районе – 43. Все они были начальными. Только в самой Вязь-

ме была создана семилетняя школа [15]. В Рославльском районе действовало 46 школ [12]. В самом городе Рославле были открыты две школы, одна располагалась в районе Брянского шоссе, другая – на Юрьевой горе [22, с. 12]. Это были, скорее всего, семилетки. В Починковском районе в школах работало 339 учителей [28, с. 41]. Данных о количестве школ в этом районе нет. Но, судя по всему, их было тоже не менее 40.

В Смоленске были открыты три гимназии, фактически неполные средние школы. Гимназии открыли в зданиях 2-й средней школы и электротехникума связи. Третья школа, очевидно, находилась в Заднепровье. Смоляне вначале избегали отдавать своих детей в гимназии, а затем поняли, что гимназия может спасти детей от биржи труда и от угона в Германию. Учащихся гимназий не привлекали к трудовой повинности. Только в 1-й и 2-й школах училось 840 учащихся [3, с. 122].

Школы сталкивались с многочисленными трудностями, ведь шла война. Не хватало тетрадей, бумаги, пишущих принадлежностей. Лишь в отдельных школах с пропагандистской целью было продано по одной тетради на учащегося с надписью: «В подарок от немецкой армии». Только в 1942 году в Риге были изданы учебники. В частности, учебник по русскому языку был написан А.Я. Флауме и М.И. Добротворским, очевидно, белоэмигрантами. Новые учебники были большой редкостью. Во многих сельских школах был всего один комплект. Часто вместо учебников использовались «Народные календари» – книжки, предназначенные для сельского населения, где помимо обширных сведений по сельскому хозяйству был и свой культурный раздел. В этом разделе публиковались перечни памятных дат из русской и немецкой истории и отрывки из литературных произведений русской классики с комментариями [24, с. 52]. В Вяземском районе в качестве учебника использовали книгу «Гитлер и дети». Здесь же в виде премий и подарков ученикам вручали журнал «Современная Германия» [4].

Однако самыми распространёнными остались советские учебники. Нехватка учебников заставила немецкие власти разрешить их использование, разумеется, с определёнными изменениями. «Ненужные» иллюстрации и слова замазывались чёрной тушью, заклеивались, иногда просто вырывались страницы. Особое внимание было уделено удалению слов, связанных с советским строем. Так, вместо слова «СССР» необходимо было писать «Россия», вместо «пионер» – «школьник», «колхоз» стал именоваться «община», «колхозник» – «крестьянин» и т.д. [26, с. 74]. В школах вывешивали портреты Адольфа Гитлера и антисоветские плакаты.

Кроме школ в ряде оккупированных областей действовали профессиональные училища, а в Могилёве открыли даже медицинский институт (куда была вывезена часть оборудования и библиотеки из смоленского мединститута) [37, с. 342]. В Смоленске при дорожно-строительном отделе окружного

управления была открыта дорожно-строительная школа [31]. Существовала также музыкальная школа, где обучалось до 40 человек [34].

Тяжелым следствием войны стало появление большого количества сирот. В связи с этим в некоторых районах местные власти организовали детские дома. Таким домам отводилась отдельная изба. Содержались детские дома за счёт населения, которое должно было поставлять для них продукты. Так, для детского дома в Рославльском районе было собрано 150 пудов хлеба, 450 пудов картофеля, 98 пудов овощей и 10 тысяч рублей денег. Это помогло содержать детдом на 45 человек [12]. Возник детский дом и в деревне Сож (Смоленский район) [27]. В Стодолищах детский дом на 25 детей создали весной 1943 года. Кстати, возглавил его бывший начальник полиции. Снабжали этот детский дом тоже местные жители. Они поставляли для детей картофель и капусту. Этот детский дом сохранился до прихода наших войск. Хотя всё руководство при приближении советских войск бежало, оставшийся повар – женщина – смогла обеспечить детей всем необходимым и сохранить им жизнь [10]. Существовали детские дома и в других районах. Только в Рославльском районе при оккупантах было открыто, по меньшей мере, 3 детских дома [11].

В период оккупации в Смоленске издавалось несколько фашистских газет и журналов. Самым массовым изданием стала газета «Новый путь». Редактором её был бывший комсомольский поэт и член Союза писателей с 1934 года К.А. Долгоненков. Газета выходила два раза в неделю (по четвергам и воскресеньям) тиражом 70 тысяч экземпляров, а в отдельные периоды даже 100-тысячным тиражом. Первый номер газеты вышел 15 октября 1941 года, а последний – 12 сентября 1943. На страницах газеты публиковались сообщения из ставки фюрера, о событиях на фронте и статьи о преимуществах «нового порядка», репортажи о жизни русских рабочих в Германии. Там же печатались распоряжения начальника города, а под рубрикой «Розыск» печатались объявления смолян о розыске родных [3, с. 17]. Показателем огромного значения печати в эти годы стал тот факт, что «Рабочий путь» специально посвятил ряд статей контрпропаганде, направленной против «Нового пути» и лично Долгоненкова и Меньшагина [33].

В Смоленске также издавались газеты «Голос народа», «За свободу» и «Колокол» (для крестьян), художественно-публицистический журнал «На переломе» и сатирический журнал «Бич». В Рославле выходила газета «Новая жизнь». Здесь же в лагере военнопленных распространялась газета «Речь», редакторами которой были Октан, а затем Бобров [20, с. 69]. Редактором вяземской газеты «Новое время» был Семёнов. Большинство газет издавалось небольшими тиражами – от 1 до 5 тысяч экземпляров. Проблемой газет были кадры. Фактически только Долгоненков писал под своей фамилией. Большинство журналистов выступали под псевдонимами. Кстати, некоторые имели

несколько псевдонимов, чтобы создать впечатление большого числа авторов. Так, литератор С.С. Максимов также выступал под псевдонимами «Широков» и «Пасхин» [36, с. 4]. В Смоленске городская управа в феврале 1942 года провела конкурс по сбору произведений устного народного творчества. Всего в конкурсе приняли участие 42 человека, подавших 250 материалов (в основном частушки) [22, с. 349]. Все оккупационные газеты составлялись по одинаковому образцу. Лицевые полосы были посвящены официальным сообщениям германских властей и положению на фронте. Далее, как правило, шли рассказы о «новой жизни», статьи и очерки, критикующие советский строй. Последние страницы отводились под размещение рекламы, сообщения о культурной жизни. При этом можно отметить, что в различных газетах печатались одни и те же статьи и сообщения. Материал для большинства газет поставляло созданное в Берлине специальное пресс-бюро.

1 мая 1943 года (немецкий праздник День Труда) в Смоленске была организована праздничная демонстрация, носившая, прежде всего, пропагандистский характер. Часть демонстрантов составляли переодетые полицейские [25, с. 42-43].

В Смоленске, Вязьме и некоторых других городах действовали кинотеатры, где демонстрировались различные фильмы, в том числе и агитационные, рекламирующие «замечательную» жизнь в Германии и на оккупированной территории. Один из таких фильмов, «Наши друзья», Министерство пропаганды даже снимало в окрестностях Смоленска. В рославльский кинотеатр иногда даже удавалось попасть военнопленным из местного лагеря. Правда, когда демонстрировался фильм «только для немцев», советским гражданам вход был запрещён.

В Смоленске и Вязьме немцы создали Дом просветителей. Коллектив такого Дома состоял из лекторов, библиотекарей, киномехаников, художников, книгонош, распространителей газет и журналов. Обязательно присутствовала театральная труппа: актёры, музыканты, акробаты, танцоры. Всего в штате насчитывалось от 40 до 70 человек [22, с. 337-338].

В Смоленске и Вязьме действовали театральные труппы. Смоленский театр был создан в мае 1942 года. Его режиссёром стала актриса В.В. Либеровская. Кроме классики труппа ставила антисоветские пьесы, сочинённые журналистами «Нового пути». Например, пьеса «Волк» (автор «Широков» – С.С. Максимов) была направлена на дискредитацию партизанского движения. Кроме Смоленска её поставили в Пскове, Орше, Борисове, Минске, Локте. Была создана и радиопостановка [22, с. 360-361]. В Смоленске было создано Бюро организации концертов (БОКС), которое только в первой половине 1942 года организовало 5 концертов [34]. Большой популярностью на эстраде и на радио пользовались выступления пианистки Ермоловой [36, с. 4]. В Смоленске был создан эстрадный ансамбль под руководством Г.Г. Гаро (бывший

артист московских театров). Ансамбль гастролировал в Вязьме, Витебске, Борисове, Гомеле. В июле 1943 года в Краснинском районе часть артистов ансамбля погибла в бою с партизанами. Их похороны (торжественная панихида и траурный концерт) транслировались по радио [22, с. 363, 374]. В Смоленске действовала радиостанция «Смоленск». Официальное вещание происходило 2 раза в день: с 12 до 12.30 и с 17.45 до 18 часов. Передавали также музыку и театральные постановки. В городе было оборудовано 845 радиоточек.

Директором смоленского музея управа назначила художника В.И. Мушкетова. Он многое сделал для спасения экспонатов музея. Оставшиеся работники музея занимались систематизацией ряда фондов. Так, были составлены описи исторического, антирелигиозного отделов, исторической библиотеки (около 15 тысяч томов), и особенно художественного отдела. Всего были сделаны описи 8 залов. В декабре 1942 года немецкое командование предполагало открыть для солдат музей М.К. Тенишевой. В создании экспозиций планировали использовать исторические и художественные материалы. Однако наступление советских войск помешало этому, и значительную часть экспонатов немцы вывезли в Прибалтику, а затем в Польшу. После освобождения сохранившиеся экспонаты музея вернулись в Смоленск [35, с. 161-167].

Вместе с тем необходимо не забывать и другие факты.

На всех оккупированных территориях немцами проводился террор. Только в Смоленске и его окрестностях было обнаружено 87 мест групповых захоронений, где было погребено более 135 тысяч советских граждан. В Рославле обнаружено 47 массовых захоронений. Более двухсот смоленских деревень были уничтожены вместе с жителями – «огненные деревни». Всего за период оккупации гитлеровцы уничтожили более 350 тысяч смолян, более 81 тысячи угнали в Германию.

Но террор оккупантов не смог сломить сопротивление патриотов. На территории области весной 1942 года были созданы три партизанских края – Дорогобужский, Вадинский, Северо-Западный. Особенно активно действовали партизаны в Ельнинском, Дорогобужском, Батурином, Холм-Жирковском, Издешковском, Сычёмском, Сафоновском, Семлёвском, Знаменском, Восточном и других районах области. Всего на Смоленщине действовали более 120 партизанских отрядов, в которых сражались более 60 тысяч народных мстителей [32, с. 53].

Активное участие в партизанском движении приняли многие представители смоленской интеллигенции. Так, бывший заведующий Выпозовской начальной школы (Дорогобужский район) Герой Советского Союза С.В. Гришин и директор Коробецкой средней школы (Ельнинский район), награждённый орденом Ленина, В.В. Казубский командовали партизанскими полками. По неполным данным 1944 года, в партизанских отрядах участвовало 139 учителей Смоленщины, 154 учителя были награждены ор-

денами и медалями СССР [9]. Среди 266 смолян – Героев Советского Союза – 9 учителей [39].

Многие работники образования и культуры стали подпольщиками. Так, одну из первых подпольных групп в Смоленске организовала и возглавила заведующая детским садом Е.А. Дуюн. В этой группе вместе с её сыном Александром участвовали студенты пединститута. Активным членом Кардымовского подполья была учительница истории местной средней школы Е.Р. Багричёва. Известны и другие подобные случаи.

Возглавившая школу в Знаменском районе Н.Н. Корнюшина хлеб, отпущенный для уплаты рабочим за восстановление школы, переправила партизанам. Само здание школы было отремонтировано только потому, что партизаны хотели устроить там госпиталь. Бывший директор Белокоотловской неполной средней школы (Починковский район) И.Д. Молчанов стал старшиной Пловсковской волости. Он прилежно выполнял все приказы местного коменданта, но на самом деле руководил подпольной группой. Молчанов восстановил школу. Работала она для видимости по немецким программам. Но в действительности учебники с вырезанными страницами, зачёркнутыми советскими словами лежали аккуратной стопкой на этажерке в учительской. Их хранили для того, чтобы в любую минуту предъявить инспектору районной управы, который время от времени наезжал в школу. Преподавание же велось, как в обычной советской школе. Учителя Л.И. Молчанова, В. Долголетова, В. Тимощенко и А. Игнащенко были в курсе многих дел бургомистра и активно ему помогали [32, с. 50-51]. Подобные факты были характерны для многих школ, причём не только на селе, но и в смоленской гимназии. Зимой 1943 года был арестован учитель пения, который разучивал с учащимися «Дубинушку», русские народные песни про Ермака, Степана Разина и другие.

Фактически во многих школах находились два комплекта учебников, один для проверки, другой для реальной работы. Даже в упомянутом учебнике Флауме и Добротворского приводится цитата выдающегося педагога К.Д. Ушинского: «Отнимите у народа всё, и он всё может воротить, но отнимите язык – и он никогда более не создаст его» [24, с. 52]. Это лучше всего свидетельствует о том, что великая русская культура сама в состоянии себя защитить. Во многих школах учителя делали своеобразные экскурсии в русскую историю. Рассказывая ученикам о победах русского оружия, они воспитывали национальную гордость, будили патриотические чувства. Недаром школьники Смоленщины приняли активное участие в партизанском движении.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что многие граждане, оставшиеся на оккупированной территории, подвергались целенаправленной фашистской пропаганде. Они часто оказывались между двух огней: между немецкими властями и советскими патриотами. Особенно это касалось районов с развитым партизанским движением. Ни одна сторона не церемонилась со своими

противниками. К тому же карательные операции оккупантов чаще всего обрушивались на мирное население. В этих условиях для очень многих важнейшей становилась задача: «Выжить любой ценой!». В деревнях формировались отряды самообороны от партизан. В Монастырщинском районе учитель Згерский выдал в деревне Перепечино 22 окруженца, формировавших партизанский отряд [2, с. 291]. Только в городах в немецких управах работали 62 учителя. При этом можно отметить, что добровольно уехали вместе немцами при отступлении 163 учителя [9].

Захватив Смоленщину, фашистские оккупанты пытались проводить здесь свою образовательную и культурную политику. Им удалось создать значительную сеть учебных заведений, включающую начальные и семилетние школы, а также средние специальные учебные заведения. Действовали театры, кинотеатры, осуществлялось издание газет и журналов, а также имели место иные формы идеологического воздействия. Данные факты необходимо было учитывать в ходе восстановления советской системы образования и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базилевский Б.В. Смоленск во власти неприятеля: 26 месяцев оккупации. Общая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации / публ. Н.Н. Илькевича // Смена. 1994. 25 июня.
2. В бассейне Вихры. Очерки истории сёл и деревень Монастырщинского района. Смоленск: Смядынь, 1993.
3. Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. Смоленск: Маджента, 2003.
4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1139. Л. 213.
5. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 846. Л. 44.
6. Там же. Д. 893. Л. 7.
7. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Д. 52. Л. 26.
8. Там же. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.
9. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 5. Л. 3.
10. Там же. Д. 15. Л. 350.
11. Там же. Л. 358, 371.
12. Там же. Д. 52. Л. 26.
13. Там же. Д. 6. Л. 158.
14. Там же. Л. 155-162.
15. Там же. Д. 8. Л. 1.
16. Там же. Л. 2.
17. Там же. Л. 3.
18. Там же. Д. 15. Л. 373.
19. Там же. Ф. 3098. Оп. 2. Д. 4. Л. 9.
20. Голубков С. В фашистском концлагере. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1963.
21. Иванова М.И. Рославль в первые годы войны // Рославль и район в годы Великой Отечественной войны: материалы научно-практической конференции. Рославль: Киновия, 2000.

22. Ковалёв Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941 – 1944. М.: АСТ, 2004.
23. Комаров Д.Е. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский. 2003. № 3-4.
24. Константинов С. «Хайль Сталин». Школьная политика Третьего рейха // Родина. 2002. № 10.
25. Котов Л.В. Смоленское подполье. М.: Московский рабочий, 1966.
26. Краков М.М. Из истории просвещения на Смоленщине в годы Великой Отечественной войны // Из истории народного образования на Смоленщине. Смоленск: СГПИ, 1970.
27. Лызлова Т. Дети войны // Смоленская газета. 2005. 26 мая.
28. Маркевич К.Г. Город Починок и Починковский район в 1939 – 1945 годах. Смоленск, 2000.
29. Меньшагин Б.Г. Воспоминания. Смоленск...Катынь...Владимирская тюрьма... Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1988.
30. Очерки истории школ и педагогической мысли народов СССР (1941 – 1961) / под ред. Ф.Г. Паначина. М.: Педагогика, 1988.
31. Парфёнова Е. Они хотели нас переучить // Смоленская газета. 2005. 2 июня.
32. Петров В.Т., Петухов В.А. В годину суровую. Учителя Смоленщины в Великой Отечественной войне. Смоленск, 1970.
33. Рабочий путь. 1942. 10 июня.
34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д.92. Л. 103.
35. Склеенкова В.И. Как были спасены музейные ценности // Смоленское сражение 1941 года. Хроника, события. Судьбы. Смоленский государственный музей-заповедник. Смоленск, 2001.
36. Смоленск во власти неприятеля // Смена. 1994. 2 июля.
37. Смоленский государственный медицинский институт (1920 – 1970). Смоленск, 1970.
38. Смоленское сражение 1941 года. Хроника, события. Судьбы. Смоленск: Смоленский государственный музей-заповедник, 2001.
39. Смоляне – Герои Советского Союза. М.: Московский рабочий, 1966.
40. Шевченко Е.А. Дулаг 130 // Рославль и район в годы Великой Отечественной войны: материалы научно-практической конференции. Рославль: Киновия, 2000.

I.B. Krasilnikov

The State of Educational and Cultural Institutions During the Period of Fascist Occupation of Smolensk Region

Key words: occupation; educational policy; schools; children houses; newspapers; journals; cinemas; theatre; museum; terror of occupants; destruction; partisan movement; results of occupation; problems set against the Soviet system of educational and cultural institutions.

When fascist occupants captured Smolensk region, they began to pursue here their own educational and cultural policy. They managed to create a considerable system of educational institutions, which included elementary, 7-year and secondary schools. Cinemas and theatres were opened, newspapers and magazines were

printed. Besides, there were other forms of ideological pressure. Such policy had an influence on certain sections of the population.

But in spite of the terror and horrors of the war, Soviet people rendered a heroic resistance to the invaders. Smolensk region was famous for its partisan movement.

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет

УДК 94(430)

ПЕРВЫЙ ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ БИОГРАФИИ КАРЛА КАУТСКОГО В РОССИЙСКОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ

Кретинин С.В. Карл Каутский. 1854 – 1914 гг. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 557 с. ISBN 978-5-98222-325-8

Отечественные исследования, связанные с изучением новой и новейшей истории Австрии и Германии, ощущают значительную нехватку работ, посвященных историческим и политическим деятелям. В распоряжении студента-историка, исследователя и просто интересующегося историей немецкоязычных стран не так много биографий великих исторических и политических фигур прошлого. С другой стороны, до начала 1990-х годов изучение деятельности некоторых политиков было просто невозможно в силу политических причин.

Среди таких фигур был и крупнейший теоретик европейской социал-демократии Карл Каутский. «Ренегат Каутский» фигурировал и в исследованиях, и в учебниках, но был представлен в тени более «прогрессивных» современников. В Австрии, Германии, США фигура Карла Каутского, наоборот, часто привлекала внимание исследователей. В 1990-е – первой половине 2000-х годов, несмотря на снятие идеологических запретов, не появилось исследований, авторы которых предприняли бы попытку написания систематизированной биографии одного из ведущих европейских социал-демократов XX века.

Биография – сложный жанр. Профессиональные историки неохотно берутся за написание подобных исследований, которые требуют от автора значительной ответственности, выдержки и преданности выбранному делу. Биография – не просто систематизированное жизнеописание великих исторических деятелей прошлого. Биография – комплексное, многоуровневое и нередко междисциплинарное исследование. К сожалению, в отечественной германистике биографии явно численно и качественно уступают и проигры-

вают исследованиям проблемно-тематического плана. Книга доктора исторических наук, профессора С.В. Кретирина (1) «Карл Каутский, 1854–1914 гг.» стала попыткой заполнить этот пробел в отечественных исследованиях социал-демократии. Книга С.В. Кретирина – первая работа на русском языке, где значительное внимание уделено проблемам становления личности будущего теоретика социал-демократии.

Между тем имя и фигура Карла Каутского прочно вошли в советский политический язык или политический лексикон эпохи 1920 – 1930-х годов. Ленин отзывался о К. Каутском как о «ренегате». Это ленинское определение впоследствии играло роль негласного руководства в деле изучения политического наследия Каутского. Каутский, почти в роли «ренегата», фигурирует и в пьесе М. Булгакова «Собачье сердце».

«Составить объективную картину о детских годах Карла Каутского не просто», – полагает С.В. Кретирин. На этом фоне следует приветствовать попытку С.В. Кретирина написать всестороннюю биографию К. Каутского, не замыкаясь исключительно на политической проблематике. В отличие от более ранних исследований, посвященных политическим взглядам, где биография (а тем более – детство и юность) анализировалась по остаточному принципу, С.В. Кретирин попытался проанализировать особенности той культурной, интеллектуальной и социальной атмосферы, в которой проходило становление личности Карла Каутского.

С.В. Кретирин показывает, что предки К. Каутского по отцовской и материнской линии имели славянское происхождение. Монография С.В. Кретирина – единственное исследование на русском языке, содержащее информацию о предках К. Каутского и их участии в чешском националистическом движении. С.В. Кретирин анализирует то, как особенности политической системы Австро-Венгрии и механизмы политического участия способствовали постепенной ассимиляции славян, их последовательной маргинализации. История Австрии (и в меньшей степени Германии) знает немало политиков, которые при сохранении славянских фамилий играли значительную роль в партийной жизни.

С другой стороны, С.В. Кретирин затрагивает и почти неизученную в отечественной историографии проблему отношения К. Каутского к славянам вообще и к чехам в частности. Оставляя без ответа вопрос о том, знал ли Карл Каутский чешский язык, С.В. Кретирин показывает, что на протяжении длительного времени один из лидеров европейской социал-демократии проявлял немалый интерес к Чехии, способствуя изменению взглядов в среде социал-демократов относительно славян и содействуя постепенному отказу от интерпретации истории славян как неисторических наций. Кроме этого, С.В. Кретирин показывает, что значительное влияние на социализацию и воспитание К. Каутского оказали и некоторые чехи, в

частности – А. Хлумски, который был одним из участников чешского националистического движения.

Центральное место (вторая, третья и четвертая главы) в рецензируемой книге занимает анализ политической деятельности Карла Каутского. Карл Каутский, имевший чешские корни, вполне мог стать чешским националистом, среди которых было немало тех, кто скверно говорил по-чешски, предпочитая писать по-немецки. До начала первой мировой войны К. Каутский действительно уделял значительное внимание национальной проблематике. С другой стороны, учеба в Вене, отрыв от Праги, которая становится центром чешского националистического движения, скорее германское самосознание, смыкание чешского национализма с преимущественно буржуазными идеологиями – все эти факторы в различной степени способствовали тому, что Карл Каутский оказывается среди левых, сделав выбор в пользу социал-демократии.

В своем исследовании С.В. Кретинин показывает, как менялось отношение К. Каутского к работам К. Маркса и Ф. Энгельса. По мнению С.В. Кретинина, К. Каутский стал марксистом в период пребывания в Лондоне. Анализируются идейные и политические искания Каутского, его попытки приблизить идеи немецких мыслителей к австрийской почве, отказавшись при этом от их наиболее одиозных идей, связанных, например, с отношением к славянам. Именно знакомство с марксизмом побудило Карла Каутского к написанию двух исторических исследований, посвященных идеям Томаса Мора, а также проблемам истории французской революции. Исторические исследования К. Каутского, который не был профессиональным историком, сыграли значительную роль в формировании более поздней историографии, а также в развитии левого интеллектуального сообщества на Западе, где фигура Карла Каутского, в отличие от СССР, не придавалась идеологической анафеме.

В исследовании С.В. Кретинина на примере биографии Карла Каутского показаны те тенденции, которые определяли развитие европейской социал-демократии в начале XX века, а также в период первой мировой войны. Значительное внимание уделено проблемам смыкания национализма с требованиями партийной лояльности ввиду того, что состав европейской социал-демократии того времени отличался значительным разнообразием с национальной точки зрения. Идеальным вариантом развития Европы для К. Каутского, как показывает С.В. Кретинин, была ее постепенная федерализация, что позволяет интерпретировать некоторые произведения теоретика социал-демократии как интеллектуальные истоки европейской интеграции.

Монография С.В. Кретинина представляет собой оригинальное и интересное исследование, которое является значительным вкладом в изучение биографии и политической деятельности Карла Каутского. Книга обладает несколькими достоинствами. Автор обобщил и систематизировал огромный

фактический материал, используя значительное число архивных и опубликованных источников, а также основные достижения историографии в деле изучения жизни и творческого наследия К. Каутского. Положительной оценки заслуживают разделы, связанные с отношением К. Каутского к чехам и славянам, чешскому национализму. Позитивно может быть оценена и попытка проанализировать проблемы социализации (детства и юношества) К. Каутского в контексте культурной и интеллектуальной атмосферы имперской и многонациональной Центральной Европы.

Все вышеперечисленные особенности придают монографии С.В. Кретиной не просто оригинальный, но и междисциплинарный характер. Книга написана на грани политической и интеллектуальной истории. Кроме этого, исследование интересно и в контексте изучения национализма и идентичностей, так как раскрывает значительный пласт проблем, связанных с синтезом принципов национальности и политической принадлежности, политической и национальной идентичности в многонациональном и поликультурном мире крупнейших городов Центральной Европы – Вены и Берлина.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что в ближайшее время появится и второй том политической, интеллектуальной и культурной биографии Карла Каутского, который станет важным вкладом в изучение политического наследия Каутского – одного из крупнейших деятелей европейской социал-демократии XX века.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Рецензируемая книга – не первая работа С.В. Кретиной, посвященная Карлу Каутскому. См.: Кретинин С.В. Карл Каутский: опыт переосмысления (1854 – 1938) // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 141-160; Кретинин С.В. Карл Каутский или Карл Маркс? (К вопросу об идейной идентификации марксизма) // Нестор. Воронеж, 1995. Вып. 3. С. 18-34; Кретинин С.В. Русская революция и Карл Каутский // Отечественная история. 1997. № 6. С. 75-81 и др. Более полная библиография работ С.В. Кретиной, посвященных К. Каутскому, доступна в издании: Кретинин С.В. Карл Каутский, 1854–1914 гг. Воронеж, 2007. С. 53-54.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

М.Г. Соколова

Смоленский гуманитарный университет

УДК 1(47+57)

ПРОБЛЕМА ТЕЛА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: *принцип холизма; русская религиозная философия; тело; философия сердца; христианская антропология.*

Рассматриваются проблемы философской антропологии. Историко-философский акцент делается на принципе целостности по отношению к природе человека, который берёт своё начало в христианской антропологической традиции (в учениях отцов Церкви) и рефлексивируется русскими религиозными философами конца XIX – начала XX века.

Интерес к различным аспектам человеческого бытия, стремление к постижению его сущности всегда присутствовали в истории философской мысли. Антропология является важнейшей составляющей философских исследований. Современная антропология стремится преодолеть абстрактный, умозрительный подход в понимании сущности человека, ищет собственные истолкования таких важных вопросов, как феномен человека, модусы человеческого существования, особенности человеческого бытия. Антропологическая модель целостного человека, получившая обоснование в христианской антропологии и развитая в творчестве русских религиозных философов конца XIX – начала XX века, является важным компонентом мировоззренческо-методологического потенциала антропологических поисков.

Внимание к человеку, к его телесной ипостаси существенно возрастает в переломные эпохи, когда распадается связь времён и формируются новые мировоззренческие парадигмы. Так было во времена становления христианских догматов, когда отцы Церкви формировали новые представления о природе человека на основе религиозных интуиций. Так произошло на рубеже XIX и XX веков в России, когда русские религиозные философы искали ответы на вопросы, поставленные перед ними временем. Так происходит и в

современных условиях, когда философия постмодернизма предлагает свои варианты понимания и объяснения тела и телесности.

Отечественные религиозные философы рубежа веков стремились осмыслить проблемы антропологии в соответствии с духом времени, соглашая свои учения с потребностями человеческого бытия. Этими установками обусловлены искания философов, которые способствовали выходу за пределы догматических положений христианской веры.

Религиозная философия конца XIX – начала XX века в России развивалась в условиях острых идейных столкновений между материалистическим и идеалистическим мирозерцанием. Также широкое распространение получил мистицизм, возникло большое количество спиритуалистических и масонских кружков и обществ. В творческих кругах сложилась мода на оккультизм, эротику, увлечение восточными религиозно-философскими системами. Таким образом, русская философия не была единой, а несла в себе все противоречия своего времени, выраженные в различных философских течениях и направлениях.

В русской религиозной философии конца XIX – начала XX века интерес к природе и предназначению человека, уровням его бытия был определяющим. Религиозные философы рубежа веков стремились выйти за рамки узкого противопоставления душевного и телесного в человеке, абсолютизации принципов спиритуализма или натурализма. Стремилась обосновать гармоничное устройство человека, раскрыть возможности телесного преображения в контексте религиозного миропонимания. Творчество русских религиозных философов направлено на определение онтологической и аксиологической значимости тела.

Человек рассматривался с позиций духовно-материальной целостности, в соответствии с принципом антропологического холизма. Обращение к анализу соматических представлений, сложившихся в ранний христианский период, выявляет значимость этой традиции для формирования учений о теле в русской религиозной философии рубежа веков. Принцип целостности даёт возможность осмыслить роль тела и его возможности в духовном совершенствовании человека и его взаимодействии с миром и Абсолютом. Эти идеи становятся особенно актуальными на фоне современных социально-культурных тенденций: разорванности человеческого бытия, его фрагментарности, – выраженных в философии постмодернизма.

В концепциях русских религиозных философов находит отражение христианская антропологическая традиция, созданная восточными отцами Церкви. Совершенство человеческой природы предполагает наличие совершенного тела, что придаёт ему аксиологическую значимость. Тело рассматривается как необходимое условие в преображении человека. С точки зрения христианской антропологии Бог творит и душу, и тело человека, оставляя и

на последнем отпечаток своего образа. Восточные отцы Церкви производят переакцентировку смыслов учений о человеке на модель в духе теологического креационизма и эсхатологического спасения, сближая с Богом всего душевно-телесного человека. В связи с этим взаимодействие между душой и телом является значимым и существенным. Тело человека формируется работой души и носит на себе ее печать. Определение тела как необходимого органа души предполагает функциональные различия между душой и телом. Данные представления глубоко осмысливались русскими религиозными философами в рамках антропологических концепций и нашли отражение в созданных ими учениях о теле человека.

Следует отметить, что существенное влияние на формирование концепций о теле в русской религиозной философии середины XIX – начала XX века оказала «философия сердца». Включение в философские построения мыслителей учения о сердце и его дальнейшее развитие продолжает христианско-антропологическую традицию, рассматривающую сердце как орган сосредоточения духовных, душевных и физических сил человека. В антропологических концепциях, созданных русскими религиозными философами и мыслителями, учение о значении сердца в жизни человека занимает большое место. Эта тема является традиционной для русской религиозной антропологии и отражает специфику связи духовного и душевно-телесного в человеческой природе. «Философия сердца» в русской философской антропологии складывалась постепенно, прежде всего, под влиянием Григория Саввича Сковороды, Памфила Даниловича Юркевича. В конце XIX – начале XX века в русской религиозной философии разработкой этой темы занимались Павел Александрович Флоренский, Борис Петрович Вышеславцев, Иван Александрович Ильин. Учение о сердце, сложившееся в русской религиозной философии, отразило все её существенные свойства, в первую очередь оно отразило целостный взгляд на природу человека. «Философию сердца» можно рассматривать как определённый аспект философии телесности.

Особенно яркое выражение это учение обрело в творчестве украинского мыслителя XVIII века Григория Саввича Сковороды. Его философия оказала значительное влияние на развитие русской философской мысли до начала XX века включительно. Одним из первых в русской философии XIX века исследователем этой темы стал Памфил Данилович Юркевич. Он оказал существенное влияние на развитие русской философской мысли. Вл. Соловьёв, например, считал его своим учителем и философским наставником.

П.Д. Юркевич рассмотрел представления о сердце с точки зрения священных книг, библейского учения и воззрений, господствовавших в современной ему науке. Сердце, по его представлению, является средоточием духовной и душевной жизни человека, это хранитель и носитель всех телесных сил. Оно есть основа всех познавательных действий души и средото-

чие нравственной жизни. Духовную перемену в сердце обозначают иногда в переносном смысле как перемену телесную. Взгляды Юркевича дали толчок развитию православной философии С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского, Б.П. Вышеславцева.

Большое значение «философии сердца» придавал Б.П. Вышеславцев, он посвятил этой проблеме своё исследование. Философ отмечает, что в христианской мистике сердце имеет два значения – духовное и телесное; и христианство не может отбросить организм и орган сердце, как низшее и презренное, ради духа и духовного значения сердца. Сердце есть таинственная ось, которая пронзает и держит духовную и телесную жизнь человека. Учение о сердце, сложившееся в русской религиозной философии, показывает, что метафора сердца органично соединяет чувственное и рациональное, телесное и духовное в человеке.

В формировании антропосоматической проблематики в русской религиозной философии рубежа веков эвристическую роль сыграла философия всеединства и богочеловечества В.С. Соловьёва. Значение телесной организации, её место в составе человека раскрываются В.С. Соловьёвым в контексте преображения, телесного воскресения, отношения к плоти, учения об андрогине.

Человек, по определению Соловьёва, есть существо, содержащее в себе божественную идею, то есть всеединство или безусловную полноту бытия, и осуществляющее эту идею посредством разумной свободы в материальной природе. Материальная природа человека не должна подавляться. Она должна быть так развита, чтобы стало возможно полное воплощение божественного начала, то есть совместное одухотворение материи и материализации духа, или внутреннее согласие и равновесие обоих начал. Человек завершает развитие животного царства, оказывается самой совершенной природной формой. Этому предшествует длинный ряд телесных организаций как условие для роста жизни внутренней, психической. С появлением человеческого тела вступает в мир такая животная форма, которая благодаря особенно развитому в ней нервно-мозговому аппарату не требует более новых существенных перемен в телесной организации. Эта форма, то есть тело, может вместить в себя беспредельный ряд степеней внутреннего, душевного и духовного возрастания. По мнению Соловьёва, не требуется никакой новой, сверхчеловеческой формы организма, потому что форма человеческая (подразумевается тело человека) может совершенствоваться внутренне и наружно. Она способна вместить и связать в себе всё, способна быть формой совершенного всеединства, или божества. В человеке объединяются два начала: начало материальное, унаследованное от живой природы, и начало разумное, нравственное, которое он получает в дар от Бога и которое выделяет его из материальной природы.

Понятие «плоть» занимает особое место в структуре телесности. По мнению философа, два метафизических основания бытия человека, телесно-материальное и разумно-духовное, на уровне эмпирического существования проявляются в двух противоборствующих течениях – стремлениях плоти и духа. Под плотским началом, следуя святоотеческой традиции, Соловьёв подразумевает возбуждение в душе помыслов, которые стремятся захватить и потопить в материальном процессе начало духовной жизни. Соловьёв констатирует, что плотское начало в человеке нельзя смешивать с телесным. Конечно, тело противоположно по своей природе духовно-разумному началу, но само тело, считает Соловьёв, не является ни злом, ни добром. Оно становится полем нравственной борьбы духа и плоти. Осуществление духа возможно при непрерывных актах самосохранения от плотских покушений на его самостоятельность, поэтому большое значение Соловьёв придаёт аскетике и аскетическим приёмам в этом нравственном противостоянии. Философ критикует игнорирование тела со стороны буддизма, принижение его с позиций философии идеализма Плотина и его последователей и определяет христианство как религию, которая открывает человечеству телесно воскресающую личность. Хотя материя и тело, по его мнению, утратили свои свойства святости и чистоты, но сохранили элементы всеединства, поэтому и теперь они являются основой жизни. Духовное начало должно охватить материальную действительность, что предполагает в самой материи способность к одухотворению – предполагает духовную и святую телесность.

Тело и его признаки, как собственно природное начало в человеке, обязательно проявляются во внешнем разнообразии людей, в их непохожести друг на друга. Внешнее разнообразие на уровне человеческого тела рождает и такое различие, как половая противоположность людей, которая предполагает и единение людей, как для продолжения рода, так и на основе живой силы любви. В философии любви Соловьёва звучат идеи богочеловечества и андрогинизма, понятие духовной телесности. Мотив андрогинизма звучит в связи с реализацией целостности человека, утраченной в грехопадении. «Андрогин» трактуется Соловьёвым как духовно-телесная целостность человека, которая достигается через индивидуальную любовь. Любовь восстанавливает целостность человека, разделённую полами. По мнению В.В. Зеньковского, рецепция идей андрогинизма у Соловьёва оставила немалый след в русской религиозно-философской литературе.

По мнению Соловьёва, главная задача человечества в целом и отдельного человека – созидание универсального всеединства, преодоление мирового зла, а её выполнение требует одухотворения телесности как одного из важных условий выполнения этой задачи. Всеединство на путях человеческой сущности – это восстановление духовно-телесное. Но это восстановление

невозможно только как божественный процесс или только как человеческий, это процесс богочеловеческий.

Постановка проблемы тела, а также варианты её решения в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века выявляют целый ряд самобытных антропологических идей, которые нашли отражение в произведениях русских религиозных философов. Главная из которых – это положение о целостности человека (его духовной, душевной и физической основ), а также аксиологической значимости тела в преображении личности. П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков в русле философии всеединства развивали концепцию неразрывного тождества идеального и материального бытия человека. Под влиянием идей В.С. Соловьёва сложилась определённая преемственность во взглядах на человека в контексте антропологии всеединства. Наиболее полно она отразилась в творчестве П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова. Названных философов объединяет идея о ценности человеческой телесности как фрагменте материального мира, непосредственно связанного с утверждением целостности мира, соотношения всех его уровней между собой. П.А. Флоренский подчёркивал взаимообусловленность духовного и телесного начал в человеке. С.Н. Булгаков считал, что необходимо оправдание материального, в том числе телесного мира человеческого бытия, утверждение его ценности и осмысленности. Мир во всей своей материальной полноте также наделён божественным началом.

В то же время можно выделить некоторые отличительные черты этих учений. По мнению Флоренского, тело – это устроенность человеческого организма как целого, оно есть символ духа, проявление духовных оснований. Рассматривая тело и телесность человека, Флоренский ссылается на Григория Нисского, Августина, В.И. Несмелова, А.С. Хомякова. Непосредственное преломление концепция тела у Флоренского находит в «теории гомотипии» и органопроекции. Теория «гомотипии» показывает, что тело человека устроено симметрично и его правильное развитие, сосуществование всех органов возможно под влиянием центральной части тела – груди, через сердце. Теория органопроекции заключается в создании технических орудий по образу и подобию естественных органов человека. Рассматривая технику как способ освоения пространства мира, Флоренский выводит возможность её существования из телесной организации человека. Техника создаётся как отражение функциональной деятельности органов тела человека, а вместе с тем она выступает как своего рода средство человеческого самопознания. Человек, по мнению философа, не создаёт новые технические изобретения, а лишь совершенствует свою физическую ограниченность с помощью технических средств, осваивая искривления пространства с помощью потенциальных возможностей тела.

Тело человека, с точки зрения Флоренского, – это не противопоставление эмпирической реальности духовной, а само воплощение духовного.

Духовный предмет, проявляющий свою сущность в физическом воплощении, становится явленным. Реальность едина, в любом своём элементе она и чувственна, и духовна, совмещает в себе природное (органическое) и духовное, поэтому значимость, осмысленность, ценность человеческой телесности непосредственно связана с утверждением целостности мира, соотношением всех его уровней между собой.

С.Н. Булгаков сущность телесности видит в чувственности как особой самостоятельной стихии жизни, отличной от духа, но вместе с тем ему отнюдь не чуждой и не противоположной. Она отлична от воли и мышления и может быть констатирована лишь в ощущении. Телесность есть основа реальности. Поэтому даже идеи, принадлежащие к умопостигаемому миру Софии, должны быть конкретно проявлены телесностью. Ни материя, ни телесность как чувственность не есть зло. Учение философа предстаёт как своего рода «религиозный материализм», в рамках которого появляется идея «духовной телесности». Христианство Булгаков называет религией спасения тела. Проповедь воскресения в индивидуальных телах изначально составляла зерно христианского миропонимания. Тело человека, по мнению Булгакова, имеет огромное принципиальное значение, ибо в нем объективно примиряется антиномия свободы и необходимости, чувственного и рационального, идеального и реального, хотя и в ограниченном виде. Наше тело для нас есть субъективированный объект или объективированная субъективность. Философ опирается на учение о природе человека ранних христианских философов, рассматривает тело как изначально обладающее относительным совершенством и неразрывно связанное с духовно-божественной сущностью человека. В связи с указанными положениями Булгаков опирается на понятие «духовной телесности» как взаимопроникновение формы и материи, идеи и тела, как состояние духовной, святой телесности.

Поиски путей обновления исторического христианства нашли выражение в переакцентировке его идеала с аскетического на земное, тварное, телесное, что нашло отражение в философских учениях представителей «нового религиозного сознания». Д.С. Мережковский, В.В. Розанов и Н.А. Бердяев представляли будущее христианства как религию преображённого пола, не только духовной, но и телесной метаморфозы человека. Историческое христианство, по их мнению, не преодолело мистически, а только логически устранило противоположность двух начал, утвердив одно в ущерб другому, дух – в ущерб плоти. Вместо синтеза произошло поглощение тезиса антитезисом. Дух трактуется не как внутренний процесс движения, восхождения, преображения плоти от низшего состояния к высшему, а как абсолютное отрицание, умерщвление плоти. Первым и главным признаком преображения мира должны стать изменения человеческого тела и сексуального порядка. Д.С. Мережковского, как и других сторонников этого направления, особенно

В.В. Розанова, интересовал вопрос путей и форм не только духовной, но и телесной метаморфозы человека. Тело и пол станут радикально иными, должна произойти тотальная трансформация тела, которое станет бессмертным и бесполом. В.В. Розанов стремился вывести проблему пола, тела человека на метафизический уровень. Человек, по его мнению, связан с трансцендентным не через разум, не через усилия духа, а через тело, через пол. Пол у философа не физиологическое, а телесно-духовное образование. Н.А. Бердяев активно полемизировал с Мережковским и Розановым, развивал собственные взгляды на проблему пола и физической природы человека, но его творчество и идеи также формировались в русле «нового религиозного сознания». Философ делает акцент на понятиях «индивид» и «личность», понимая под индивидом целиком родовое существо, не имеющее собственной внутренней жизни, а под личностью – духовное начало, созданное божьей волей и свободой человека. В характеристику личности Бердяев включает и тело человека. Личность в её раскрытом реализованном виде – это человек в единстве его природного и духовного. Личность духовно-душевно-телесна и возвышается над детерминизмом природного мира. Человек совмещает в себе полярные противоположности: природный и духовный мир, именно это двуединство определяет бытие человека. По мнению Бердяева, библейско-христианская антропология формулирует учение о целостном человеке, его происхождении и назначении. Христианская антропология в её библейском и святоотеческом варианте признаёт абсолютное и царственное значение человека, взаимопроникновение природы божественной и природы человеческой. Но, отмечает Бердяев, историческое христианство всё же не раскрыло полностью тайны божественной природы человека, пропустило мотив значимости тела в процессе преобразования человека. Дуализм существует не между душой и телом, а между духом и природой, свободой и необходимостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 232-266.
2. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон, 1994. 463 с.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 414 с.
4. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике. Paris, 1929. 115 с.
5. Вышеславцев Б.П. Образ Божий в существе человека // Путь. 1935. № 49. С. 51-74.
6. Зеньковский В.В. Принципы православной антропологии // Русская религиозная антропология. М.: Московская духовная академия, Московский философский фонд, 1997. Т. 2. Антология. 480 с.
7. Лосский Н.О. Вл. Соловьёв и его преемники в русской религиозной философии // Путь. М.: Информ-Прогресс, 1992. Кн. 1. С. 152-160.

8. Мережковский Д.С. Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. 78 с.
9. Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. М.: Дружба народов, 1990. 297 с.
10. Розанов В.В. Представители «нового религиозного сознания» // Человек. 1999. № 6. С. 56-61.
11. Соловьёв В.С. Идея сверхчеловека // Соловьёв В.С. Сочинения. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 626-634.
12. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика / вступ. статья Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 99-160.
13. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1. 490 с.

M.G. Sokolova

**The Problem of Body in the Russian Religious Philosophy
at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century
in the Context of Christian Anthropological Tradition**

Key words: holism; Russian religious philosophy; body; heart philosophy; Christian anthropology.

The article is devoted to the human body study in the Russian religious philosophy at the end of the 19th – beginning of the 20th century. The philosophers of this school studied human body from the point of view of the church fathers based on the Christian anthropological tradition where human body had axiological significance and metaphysical nature.

В.Ю. Пименов

Смоленский государственный университет

1(47+57)+929Шестов

**ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ ЛЬВА ШЕСТОВА В КОНТЕКСТЕ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА**

Ключевые слова: культура; постмодерн; человек; свобода; вера; религия.

Лев Шестов ещё в начале XX века уловил основные тенденции развития философского мышления в частности и общечеловеческой духовности в целом. Проблемы истины, морали, свободы воли, объект-субъектных отношений, взаимодействия человека и природы, человека и социума сначала у Шестова, а затем и у большинства философов XX века переносятся в другую, постнеклассическую, систему философских координат, обретая иной смысл.

Рубеж XIX – XX веков является переломным не только с точки зрения социально-исторических катаклизмов и пертурбаций, но и с позиций произошедшей тотальной трансформации ментального стержня эпохи, революционных изменений норм и правил духовности. На фоне традиционных просциентистских рационалистических систем философия Льва Шестова прозвучала как пророчество и предостережение, никем, к сожалению, до определённой поры не услышанное. Шестов всегда воспринимался и сейчас часто воспринимается как периферийный мыслитель, философские поиски которого лежали за пределами столбовой дороги мирового духа. Однако уже при жизни ему дано было увидеть воплощение своих философских пророчеств. Проблемы, считавшиеся в философии второстепенными, выходят на первый план, методы поиска, да и само понимание истины, ранее имевшие статус маргинальных, становятся центральными. Философия Шестова получает очевидное продолжение в доктринах экзистенциализма, лидеры которого не упускают возможности назвать русского философа своим учителем.

Параллели обнаруживаются не только с экзистенциализмом в его зрелом виде, но и с большинством философских направлений XX века. Очевидна общность тем, проблем и подходов с прагматизмом, феноменологией, аналитической философией, персонализмом, постструктурализмом... Лев Шестов ещё в начале XX века с поразительной точностью уловил основные тенденции развития философского дискурса в частности и общечеловеческой духовности в целом. Проблемы истины, морали, свободы воли, объект-субъектных отношений, взаимодействия человека и природы, человека и социума сначала у Шестова, а затем и у большинства философов XX века переносятся в другую систему философских координат, обретая иной смысл. Можно сказать, что в XX веке осуществляется идеал Льва Шестова и философия становится по-настоящему поливекторной, воплощением и реализацией безграничной свободы и творческой силы мыслящей личности.

Проблема свободы в философии Шестова является центральной, ключевой, что в эпоху разгула и торжества анархизма и нигилизма XIX века, с одной стороны, и в преддверии тоталитаризма XX-го, – с другой, весьма знаменательно и далеко не случайно. В этом также проявляется пророческий характер философии Шестова, связавшей и одновременно разделившей два столь противоречивых столетия. Важно то, что Шестов сумел показать: в любые времена и исторические ситуации единственным критерием истины может выступать лишь степень человеческой свободы, возможность человека творить своё бытие по своему произвольному проекту.

В этом он в значительной мере противостоит основной линии философской мысли, фундаментом которой стал сформировавшийся ещё в античности рационализм. Лев Шестов был одним из тех, кто осмелился поставить под сомнение расставленные античностью акценты. Прежде всего он сокру-

шает претензии логоцентрической традиции на антропоцентризм. В его интерпретации оказывается, что античная философия и её эпигоны только и делали, что навязывали человеку всевозможные табу и условия и ставили его в вечные контексты.

Шестов выступает против антигуманизма античной традиции, который он усматривает в любой рациональной философии. Свобода, творчество, истина несовместимы с систематизмом и точной упорядоченностью *ratio*. Шестов уверен, что «стремление к системе убивает свободное творчество, ставя ему заранее изготовленные тесные границы» [4, с. 7]. Поэтому основная задача – преодолеть рационализм и обрести абсолютную свободу жизни и творчества.

Шестов убеждён, что обретение подлинной свободы возможно лишь на путях к Богу, в феномене религиозной веры. Естественно, философу глубоко чужда обыденная, формальная вера «всех», он выступает за индивидуальность и уникальность веры, многообразие теофании. Видимо, поэтому Шестов не мог пристать ни к одной религиозной доктрине, будь то иудаизм, буддизм или христианство.

Единственная проблема – как обрести Бога и веру. Шестов, подобно Ф. Бэкону, выявляет тех идолов, которые сковывают свободу человека в его стремлении к Богу. Для него это рационализм, порождённая разумом мораль, наука, построенная на фундаменте рациональности, страх перед Танатосом и рефлексия, предполагающая постоянную оглядку.

Чтобы стать подлинно свободным, человек должен отречься от этих идолов, созданных и возвеличенных им самим. Сделать это – значит дерзнуть на многое, пойти на отчаянный шаг, рискуя потерять всё и не обрести ничего взамен. Это трудный и бесконечно долгий путь. Но именно этот путь ведёт к Богу. Он не может быть стандартным и одинаковым для всех. Но Шестову очевидно, что этот путь идёт через феномен религиозной веры. Человек, отпавший от Бога и потерявший свободу, возможную лишь в его контексте, должен к Богу вернуться.

Бог стоит вне различий добра и зла, вне покорности Необходимости и сотворённому им миру, вне собственных деяний. Бог есть воплощённый произвол, он способен бывшее сделать небывшим, а невозможное возможным. Это Бог Тертуллиана, Лютера и Кьеркегора, Бог, способный на Абсурд и живущий в нём. И когда человек, как некогда Авраам, бросится в «омут веры» в такого Бога, он обретёт настоящую свободу, сопричастность тайне откровения и Божественного Всемогущества.

«Вера есть свобода» – это ключ ко всей философии Шестова. Дороги к свободе лежат через риск, трагедию, преодоление страха перед смертью и через... покорность. Здесь мы сталкиваемся с целым рядом внутренних противоречий в позиции Шестова. Во-первых, абсолютизация свободы человека

сталкивается с утверждением произвола абсолютного Бога, что превращает свободу человека в простую иллюзию, мало отличающуюся от «познанной необходимости». Во-вторых, не вполне определены пути человеческой свободы и веры. Первоначальное утверждение их индивидуальности и множественности постепенно превращается в догму и последнюю истину. Возможно, что противоречия эти возникают лишь в порядке дискурсивного подхода, который сам философ категорически отвергал, но, тем не менее, был обречён на него.

Но так или иначе, возникает вопрос об осуществимости идеала Льва Шестова? Ответ на него изначально знал сам мыслитель: «Чтоб добиться веры – нужно освободиться от знаний и нравственных идеалов. Сделать это человеку не дано» [5, с. 245]. Поэтому справедлив вывод В.Ф. Асмуса: «Шестов – величайший скептик. Во имя “веры” он отрицает “разум” как средство познания истины. Но он не верит и в мощь самой “веры”... “Необходимость” представляется ему как чудовище, которое не каким-то обманом или хитростью и не случайно одолевает “свободу”, но которому предназначено одолеть свободу вследствие глубочайших свойств самой человеческой природы и “экзистенции” ... Лев Шестов – глашатай экзистенциализма, нисколько не верящий в его победу – не только в прошлом, но и в будущем» [1, с. 77]. Означает ли это, что любого, кто попытается поставить под сомнение общепринятые, прочно вплетённые в ткань культуры истины, ждёт неизбежное поражение? Так ли незыблемы и абсолютны постулаты духовной реальности? Вслед за Шестовым ответ на этот ключевой вопрос философии конца второго тысячелетия искали постмодернисты, представители так называемой «новой философии», объединяющей в своих рядах таких видных философов, как М. Фуко, М. Клавель, Г. Лярдро, К. Жамбе, А. Глюксман, Б. Леви, Ж. Деррида и др.

«Новая философия» и порождённые ею теории современного постструктурализма и постмодернизма сформировались под непосредственным влиянием молодёжного движения 1968 года, в условиях усиления революционных, полуанархических настроений в духе Мао и Че Гевары. Комплексная переоценка традиционных ценностей, вызванная крахом просветительско-либеральной концепции свободы, была неизбежна. Оказалось, что свобода в духе ренессансного «делай, что хочешь» или просветительского «делай всё, что не запрещено законом» является скрытым рабством и все отношения внутри человеческого социума строятся по правилам господства и подчинения, генерируемым духом современной культуры. По мнению Фуко, власть вездесуща, поскольку не просто всё охватывает, отовсюду проистекает. Властные отношения пронизывают не только и не столько внешние, государственно-правовые структуры. Они охватывают все уровни ментального, духовного бытия человека, который является не более чем объектом детерминации неведомых сил, заставляющих его не только поступать так или иначе, но и мыслить заранее определённым образом. Не случайно обложку одного из

философских сборников, вышедших во Франции, украшала фигура пишущего за столом безголового мыслителя-марионетки.

Таким образом, по мнению постмодернистских философов, любой культурный дискурс является по преимуществу тоталитарным, реализующим свою принудительную силу посредством языка, традиций, нормативных форм, т. е. всего того, что составляет суть культуры. Так, согласно Р. Барту, «язык – не реакционный и не прогрессивный, он – просто фашистский, поскольку фашизм не в том, чтобы запрещать говорить, а в том, чтобы принуждать говорить» [2, с. 24]. Б. Леви столь же категоричен, полагая, что язык дан каждому человеку для того, чтобы скрывать свои мысли, а вернее, не иметь таковых и пользоваться лишь теми, что внушены ему «государем». На основании этого делается вывод, что «мыслить – значит “господствовать”». Соответственно, грамотная, логическая речь уже свидетельствует о несвободе её автора. Это открытие было сделано задолго до «новых философов» Шестовым, в связи с чем присущее ему стремление к алогичности и афористичности становится понятным.

История человечества от античности до наших дней представляется постмодернистам эпохой господства логоцентрической модели, формирующей все уровни человеческой реальности (книга одного из корифеев «новой философии» Ж.М. Бенуа так и называется – «Тирания логоса»). Эта реальность не является чем-то внешним по отношению к естеству личности, а наоборот, имеет абсолютный онтологический статус, способность задавать параметры реальности. «Государь – метафора Реальности», – уверен Леви [11, с. 30].

Возможно ли бегство из-под тирании Логоса? Мнения «новых философов» по этому поводу двойственны. С одной стороны, они призывают к антикультурной революции – свободной и тотальной переоценке всех ценностей мира, нигилистическому бунту против языка, традиций, науки, философии. «Надо отрицать, отрицать и ещё раз отрицать во имя конкретной свободы» [8, с. 147], – призывает Ф. Солер. По мнению Глюксмана, необходимо последовать примеру Сократа и сделать своим девизом его слова: «Я знаю, что ничего не знаю». С другой стороны, поскольку властные отношения имеют онтологический статус, борьба с ними бесперспективна. Так, по мнению Ж.П. Долле, раб может убить господина или быть убитым им, но «зеркало никогда не будет разбито» [9, с. 48]. Поэтому, согласно Леви, любая революция упрочивает систему власти и является средством укрепления порядка. Именно поэтому, например, Библия имеет три ведущих мотива: вечный бунт, вечное поражение, вечное чувство безысходности. Лярдро и Жамбе вообще считают, что маргинальные, альтернативные господствующей мысли философы типа Кьеркегора, Ницше, Шестова, так называемая «окраина», – не более чем «уловка господина», «использующего в своих собственных целях эту

маргинальность, которая служит ему как бы внешней точкой опоры для рычага власти» [10, с. 152]. Как видно, и в этом проявляется созвучность философского опыта Шестова открытиям «новых философов».

Подобно Шестову, борьба за свободу человека, за освобождение его от порабощения Господина переносится некоторыми французскими мыслителями в плоскость религии. По мнению Клавеля, «антикультурная революция» означает возвращение Бога: «есть или нет вам дело до бога, но только он возвращается, чтобы воссоздать, избавить, освободить человека...» [8, с. 76-77]. Клавель провозглашает: «Итак, сегодня Бог или ничто. На выбор. Вера и только вера гарантирует человеку то, в чём не может больше его убедить или разубедить современная наука и философия – его существование» [7, с. 80]. Впрочем, так же как и Шестов, он уверен, что не только человек, но и Бог находится в тисках культуры, поэтому «<...> нет никакой иной надежды для Бога и для человека, как разрыв с ней и её разрушение...» [7, с. 134].

Бунт против Культуры должен быть бунтом против человека, поскольку именно он является её единственным ретранслятором. «Конец человека – это возврат начала философии. В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развёртывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить», – уверен М. Фуко [3, с. 437-438].

Параллели во взглядах «новых философов» и Л. Шестова обнаруживаются во многих аспектах. В. Леви, например, актуализирует проблему антагонизма Афин и Иерусалима, Бодрийар объявляет смерть единственной живой силой в нашем обществе, Клавель рассматривает философию как своего рода дискурсивную иллюзию, которая заставляет людей держаться вместе, как разновидность власти и потому призывает к её деструкции. Роднит их эмоциональность и обличительность философского повествования, стремление к парадоксальности, алогичности, «неприкаянности», «эллиптический», а не «линейный» стиль письма. Впрочем, не только это. Как и Шестов, «новые философы» осознают бесперспективность своего бунта против Культуры. Некоторые из них даже переходят на свойственный ей язык. Так, А. де Бенуа склонен рассматривать «новую культуру» как «упорядоченность», «ансамбль форм, норм и отношений» [6, с. 112]. Это лишний раз доказывает, что маргинальные, альтернативные доминирующему формы философствования являются не более чем самокоррекцией, своеобразной мимикрией культурного дискурса, стремящегося разнообразить способы своей детерминации.

Оказывается, что человек выступает ареной развития общечеловеческой духовности, являясь, с одной стороны, наследником и неотъемлемой частью традиционной культуры, а с другой – творцом новаторской культурной реальности, тенденции которой заложены в традиционализме. Таким образом, философия, особенно скептического, антагонистического склада, явля-

ется реализацией тенденций развития, видоизменения, мимикрии дискурса, лежащего в основе любой социокультурной реальности. При этом личность всегда выступает как объектом, так и субъектом общечеловеческой духовности, наполняя эти категории по-настоящему амбивалентным смыслом. Возможно, только в этой плоскости можно найти место для человеческой свободы, понимаемой как свобода мыслить и жить как по собственным правилам, так и вопреки им. Ведь, по словам Ницше, «человек есть нечто, что должно преодолеть». И важен, видимо, не результат борьбы человека с самим собой, важна сама эта борьба. В этом заключается самый важный гуманистический аспект философствования Шестова: его мысль зовёт к борьбе против принуждающей Необходимости даже в условиях, когда, возможно, исход этой борьбы заранее определён, а сама борьба бессмысленна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. Лев Шестов и Кьеркегор // Философские науки. 1972. Т. 4.
2. Кутасова И.М. Антифилософия «новой философии». М., 1984.
3. Фуко М. Слова и вещи (Археология гуманитарных наук). М., 1977.
4. Шестов Л.И. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. М., 2000.
5. Шестов Л.И. Solo fide. – Только верую. Париж, 1968.
6. Benoist A. de. Les idées a l'endroit. P., 1979.
7. Clavel M. Dieu est Dieu. P., 1978.
8. Clavel M., Sollers Ph. Délivrance. P., 1976.
9. Dollé J.-P. Danser maintenant. P., 1981.
10. Jambet Ch., Lardreau G. Ontologie de la révolution.1. L'Ange. P., 1976.
11. Lévy B.-H. La barbarie a visage humain. P., 1977.

V.U. Pimenov Shestov's Philosophy in Context of the Nonclassic Philosophical Discourse

Key words: *culture; postmodern; man; freedom; faith; religion.*

Shestov, at the beginning of the XXth century, felt the basic tendencies of development of philosophical thinking in particular and universal culture as a whole. The problems of truth, moral, freedom of will, interaction of man and nature, man and society at first in Shestov's works, and then in the works of the majority of the philosophers of the XXth century are transferred in another, postnonclassical, system of philosophical coordinates, acquiring other meaning.

СССР В 1920 – 1930-е ГОДЫ: ПОВСЕДНЕВНОЕ СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

Ключевые слова: *миф; мифологизация; мифотворчество; политика; политическое мифотворчество; образ жизни; повседневность; повседневное сознание; сознание.*

Кризисные явления во всех сферах жизни начала XX века в России способствуют мифологизации сознания человека. Миф является устойчивой структурой, вносит упорядоченность в хаотичную картину мира. Он легко доступен повседневному сознанию, что делает его эффективным оружием в политической борьбе. Поэтому командно-административная система, сложившаяся в СССР в 1920 – 1930-е годы, пытается видоизменить привычный быт через контроль за всеми структурными элементами повседневной жизни человека. Таким образом, миф превращается в ментальный фактор, подменяя собой историческое восприятие действительности.

В прошлом веке сложилась научная традиция философского изучения такого многогранного и до того времени системно не исследованного феномена, как *миф* (Р. Барт, Э. Дюркгейм, А. Лосев, Э. Кассирер, К. Хьюбнер, К.Г. Юнг и др.). На данный момент абсолютным большинством существующих концепций признается то, что миф как универсальная форма дотеоретического мировоззрения присутствует в различных сферах духовно-практического освоения реальности как необходимый и обладающий мощным продуктивным потенциалом элемент. Новейший философский словарь *мифом* называет «форму целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственнонаглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [6, с. 365]. Миф обладает огромной преобразующей силой. Обыденные вещи превращаются в знаки и символы. «Нет такого природного явления или явления человеческой жизни, которое не могло бы быть мифологически интерпретировано и не допускало бы такой интерпретации» [2, с. 525]. Неживая природа оживает. Человек приобщается к миру мифических богов и героев. Слово-миф создает реальность.

Кризисные явления во всех сферах жизни, судьбоносность событий и яркость образов начала XX века способствуют мифологизации сознания человека, поскольку миф является устойчивой структурой и позволяет внести какую-то упорядоченность в хаотичную «картину мира». Мифологическое

сознание делает всё, с чем сталкивается человек, осмысленным, понятным ему, не оставляя места для новых вопросов, проблем и гипотез. Поэтому миф легко доступен повседневному сознанию, что делает его эффективным оружием в политической борьбе. Более того, повседневное сознание является главной цитаделью мифов. Оно характеризуется консерватизмом, автоматизмом реакций, отсутствием рефлексии, избирательного восприятия. Несомненно, важнейшую роль в культивации мифов играет и основная функция обыденного сознания – адаптация индивида к условиям жизни, окружающей реальности. Миф как феномен сознания характеризуется целостностью, структурной упорядоченностью, значит, отвечает важнейшим насущным общественным потребностям – конструированию иллюзорной стабильности социальной действительности.

Безусловно, такая важная сфера жизни общества, как политика, не лишена своих мифов. Политический миф – это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства. Политический миф призван упорядочить политическую реальность. Он выступает как орудие интерпретации действительности. Используемые в качестве инструмента политической борьбы политические мифы оказывают колоссальное влияние на все общество. Сам процесс мифотворчества для разных эпох един: «это познание и отображение окружающей действительности через зрительные символические образы, метафоры и иносказания, созданные по законам, заданным общественным сознанием» [8, с. 11]. Советская власть не оставляет без внимания этот способ воздействия на сознание общества.

Молодой немецкий журналист Клаус Менерт, приехавший в 1932 году в Советский Союз, восторженно констатирует: «Новый миф родился в России, миф творения мира человеком. В начале был хаос, капитализм <...> Потом пришли Маркс, Ленин и красный Октябрь. Хаос был преодолён в ходе ожесточённой борьбы, которую вёл, ценой неисчислимых жертв, избранный русский пролетариат против внутренних и внешних врагов. Теперь Сталин создаёт в ходе пятилетнего плана порядок, гармонию и всеобщую справедливость, в то время как остальные 5/6 земного шара наказаны за сопротивление коммунистическим медикаментам эпидемией мирового кризиса и бичом безработицы. Народы не познают ни мира, ни счастья до тех пор, пока и у них не засверкает серп и молот <...> Это простой и ясный миф. В нашу эпоху, лишённую веры, жаждущую абсолютных истин, он влечёт за собой» [13, с. 81]. Таким образом, как и все мифы, советский миф о творении нового мира создаёт свою этику, вдохновляющую миллионы и с каждым годом распространяющуюся всё шире.

Несмотря на видимость для восторженного визитера простоты и понятности, в реальности советский миф представляет собой сложную семиотиче-

скую систему, позволяющую человеку сохранять собственную идентичность, поддерживать осмысленность собственного существования. Защитные механизмы психики человека, включающиеся при столкновении с неразрешимыми противоречиями окружающей действительности, дополняются сознательным воздействием со стороны идеологов и пропагандистов идеи построения нового общества. В формирующемся новом мифологическом сознании имеет место снятие противоречий природного и социального характера, однако происходит это не путем разнесения дифференций во времени как в историческом сознании, а через их соотнесение в пространстве (синхрония). Это позволяет обосновать произошедшую замену исторических представлений и механизмов восприятия реальности мифологическими в повседневном сознании общества в 1920 – 1930-е годы.

Внедрение различного рода мифов в сознание людей порождает отсутствие проблематизации. Наличие проблемы не стимулирует её решения, а требует отказа от существовавшей исторической концепции и принятия новой, которая не содержала бы проблем в объяснении действительности. Человек той эпохи верит, что в истории есть силы добра и зла, что эти силы воплощаются в политических деятелях, партиях и идеологиях, что поступки этих деятелей объясняют все элементы быта тех лет.

Своеобразным политическим мифом становится идея коммунизма, формирующаяся постепенно и заимствующая многие атрибуты религии. Присутствуют «священные писания» в виде работ классиков марксизма-ленинизма, содержащие в себе набор догм.

С мифом коммунизма тесно связан миф советского государства. В 1930-х годах начинает употребляться синоним государства – Родина, Государство – Родина приобретает Отца – Сталина. Миф советского государства включает в себя мифы: всезнающей и всемогущей Партии; воплощающего её силу и мудрость бессмертного Вождя; Народа, поднявшегося на высшую ступень развития, «начавшего новую, подлинную историю человечества» [7, с. 2], убеждённого в необходимости служить Государству – Партии – Вождю. «Стержнем магического восприятия власти и её верховного носителя является убеждение народа в том, что всё в стране зависит от первого лица государства» [3, с. 158]. В советской мифологической культуре объединяются образы демиурга и всеобщего отца народов; сакральную силу великого вождя призваны демонстрировать подвиги над внутренними врагами и на поле брани («десять сталинских ударов»). В то же время портреты вождя и его соратников висят во всех присутственных местах, воспринимаясь как необходимый атрибут «правоверной» обстановки. С течением лет И.В. Сталин воспринимается не только как вождь, но и как символ счастья.

Отношение к политическим деятелям у человека того времени было примерно таким же, как у древнего – к мифологическим героям. По законам

мифологического мышления нет ничего удивительного, если уже погибший герой в каком-либо мифе вновь оказывается живым и, как ни в чём не бывало, совершает подвиги. Мифологическое мышление не учитывает реальные масштабы, поэтому приписывает деятельности одного какого-нибудь героя сверхчеловеческие достижения. С точки зрения логики мифа один и тот же герой вполне может находиться сразу в нескольких местах, или, как, например, в нашем случае, Вождю приписываются недюжинные интеллектуальные качества, позволяющие ему в уме охватывать сразу все проблемы советской республики. Вождь – основная модель, основной образец. По его образу и подобию создаются работниками культуры (писателями, кинематографистами, художниками и т.п.) уменьшенные модели – положительные герои. ЦК КПСС в очередном постановлении («О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства») даёт всё тот же заказ: «Новые поколения советских людей нуждаются в близких им по духу и времени положительных героях» [12, с. 10].

Помимо политических деятелей, героями становятся стахановцы, пограничники, спортсмены, скрипачи, альпинисты, парашютисты, авиаторы и др. Эти официальные герои не играют никакой роли в сфере политики или в управлении. Публичное присвоение статуса героя может рассматриваться как своего рода ритуальное возвеличивание людей, занимающих в структуре общества подчинённое положение (стахановцы) или находящихся вне структуры (герои авиации и спорта). Несмотря на то, что эти люди претендуют на реальные достижения, их функции являются в основном ритуальными; все они становятся символическими «героями». В сознание общества внедряется также образ символических «злодеев», что проявляется во время важнейшего публичного ритуала 1930-х годов – «великих» судебных процессов. Героям эпохи отводится определённая роль в эпической борьбе против внутренних и внешних врагов. Утверждения об исключительности большевиков постоянно повторяются. В своей речи «Мы, большевики» [9, с. 1] И.В. Сталин заявляет, что большевиков пытаются сбить с пути, указанного В.И. Лениным, но они стоят твёрдо. Символические герои призваны воплотить в себе величайшее могущество, что подчёркивается с помощью внедрения системы ритуалов, в которых «происходит процесс нравственного отождествления участников ритуала с прототипическими героями прошлого, настоящего или будущего, что приводит к эмоциональному эффекту вхождения участников в минувшую или будущую реальность или же репродукции минувшей или будущей реальности в их актуальном бытии» [8, с. 63]. Ритуал чрезвычайно прост для восприятия повседневным сознанием, так как не требует ни образования, ни грамотности, а основан на жестах и символических действиях.

Для успешной адаптации человека к миру ему необходимо иметь общие представления о пространственно-временной структуре окружающей

действительности. К. Хюбнер в книге «Истина мифа» пишет: «Нация определяется согласно своей истории и пространству, в котором эта история отобразилась» [11, с. 325]. Созданная «советской цивилизацией» пространственная система первоначально окружена легко проницаемыми, доживающими последние дни границами – препятствиями на пути к всеобщему братству. В советской пространственной системе «светлой» части земли, наделённой особыми, благодатными свойствами, противостоит «тёмная» – «заграница». Знаменитая ленинская формула «кто не с нами – тот против нас» становится здесь основным критерием. Пространственная модель перестаёт быть открытой. Её можно представить как центр (Кремль), опоясанный рядом концентрических окружностей, каждая из которых обладает определённой степенью сакральности, убывающей по мере удаления от центра, в котором постоянно находится «любимый вождь», охраняющий обширные территории и всегда служащий доказательством особости и избранности. Новые топонимы отражают содержание своей эпохи, роль Центра и самой личности «вождя». Переименовываётся всё, что может содержать информацию о прошлом, несущую, с точки зрения новой власти, негативный смысл. Меняются названия крупных и мелких населённых пунктов, площадей и улиц.

Героический эпос влияет на восприятие исторического времени советскими людьми. Газета «Правда» пишет: «Время не властно над ленинизмом» [5, с. 1]. Изменение хода истории после завоевания власти большевиками означает не только то, что утверждает популярнейший миф: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», – оно означает бессмертие Вождя партии, выражающее бессмертие самой партии. Вполне закономерным выглядит то, что в свое время Л.И. Брежнев находит замечательную ритуальную формулу мифа бессмертия Вождя: при обмене партийных билетов он вручает билет №00000001 В.И. Ленину. Билет № 00000002 берёт себе [1, с. 1]. Человек, живущий внутри мифологического сознания, не отличает мифические сюжеты от реальности, вернее, излагает их в формах самой действительности.

Система планирования также видоизменяет темпоральные представления людей. В.И. Ленин обнаруживает возможность решительного ускорения хода времени. Составляется план: время дробится на короткие отрезки, преодоление каждого из них создаёт иллюзию быстрого продвижения вперёд. Происходит дефрагментация реального времени, обусловленная наличием рубежных точек, имеющих сакральное значение. Промежуточные события повседневной жизни сжимаются и теряют актуальность. Человек сталкивается с мифическим, дискретным временем, которое при должном уровне эпичности, поэтики, архаики производит сильное эмоциональное впечатление. В 1919 году В.И. Ленин говорит о том, что если бы мы могли дать 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их горючим и механиками, крестьянин сказал бы, что он за коммунию, т.е. за коммунизм [4, с. 89]. Смысл откры-

тия заключается в установлении прямой связи между числом и движением к коммунизму, т.е. между числом и мировоззрением. Цифра выполнения плана становится знаком приближения к цели. В 1921 году составляется первый государственный план: план строительства 30 районных электростанций (ГО-ЭЛРО). В.И. Ленин объявляет его «второй программой партии». Магическая формула коммунизма формулируется следующим образом: советская власть плюс электрификация. Позднее она будет звучать: плюс коллективизация, плюс индустриализация... Связь между числом и движением к цели становится аксиомой, основой советской идеологии.

Важное место в советской мифологии принадлежит мифу монолита, единства, являющегося одним из главных элементов легитимности советского государства, мирового коммунистического движения. Каждая трещина в монолите, сомнение в правильности направления, уклон подрывают основу основ системы. Миф монолита – одна из причин, ограничивающих излишества русского национализма, исповедуемого некоторыми советскими идеологами.

Исследуя тенденции мифологизации повседневного исторического сознания, необходимо заострить внимание на специфике советского языка. Разделяясь на обыденный и сакральный, он вписывается в рамки мифологического миропонимания. Слово выступает не в роли описания действительности, а как средство, орудие воздействия на неё. Обладание священными словами, священным именем для посвященного дает власть над именуемым.

Ритуал, строгое соблюдение обрядов, представляет собой магическое кольцо, в которое заключен советский человек. Обряды можно разделить на две группы: политические и бытовые, однако функции их идентичны. Каждый из обрядов: голосование на собрании, подпись под письмом в газету, осуждающим «врага», аплодисменты в нужном месте, так же, как и ширина брюк, и длина юбки, какие носят все, – является знаком верности, преданности государству, Родине, партии, коллективу. Обряды создают знаковое поле, выход из которого является политическим преступлением.

Строгое выполнение обряда должно привести к слиянию личности с коллективом. Результатом «ритуального воспитания» становится нежелание делать выбор, принимать самостоятельные решения. Н.С. Хрущёв рассказывает в воспоминаниях, как однажды он напугал Г.М. Маленкова, сказав, что собирается предложить И.В. Сталину проект, которого Вождь не заказывал. Г.М. Маленков ужаснулся, сказав, что ленинградские руководители были арестованы за проявление «самостоятельности», за несанкционированную организацию ярмарки [10, с. 81].

«Конструирование» человека предполагает формирование его внутреннего мироощущения, «картины мира». Иными словами, политический миф не просто посредник, некое передаточное звено между человеком и реальностью. Он в значительной степени завладевает внутренним миром человека,

программирует его, управляет человеком, помещая в особую, мифологическую реальность.

Политика, как нами было отмечено, в обязательном порядке воздействует на образ жизни людей, так как именно в повседневном социокультурном пространстве отражается непосредственно переживаемый человеком окружающий его исторически конкретный мир, в котором он воспроизводит свои биосоциальные свойства и качества. Прошлая историческая деятельность рефлексирована не только в формах рационально-научного познания, но и в эмоционально-чувственном виде, например, в виде переживаний прошлых событий, общественных состояний и т.п. Государственная политика 1920–1930-х годов способствует формированию у населения СССР нового, «советского» исторического сознания на бытовом, повседневном уровне.

Повседневность – универсальная инвариантная структура человеческого существования, являющаяся неизменным основанием любого типа культуры и воспроизводящая не только сугубо человеческую нормативность жизни, но и распространяющуюся на другие уровни сущего. Поэтому командно-административная система, сложившаяся в СССР, пытается видоизменить привычную для людей повседневность, создать «новый быт» через контроль за всеми структурными элементами повседневной жизни человека. Тоталитарное государство опирается на людей с вполне определённым типом сознания, поддерживает и поощряет их. В то же время оно выявляет и уничтожает тех, чьи личностные структуры противоречат желаемой модели. Мифологизированность тоталитарного типа сознания, способность к мифотворчеству является одним из стабилизирующих механизмов. Таким образом, миф превращается в ментальный фактор, подменяя собой историческое восприятие действительности. Аскиологический аспект мифа как необходимого элемента амортизации кризисных явлений в сознании человека подменяется практической полезностью для укрепления идеологических принципов. Это влияет на адекватное восприятие ценности мифа как формы освоения действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Центральном Комитете КПСС // Правда. 1973. 2 марта.
2. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
3. Кириллова Н.Б. Мифотворчество в медиакультуре // Общественные науки и современность. 2005. № 5.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39.
5. Наше знание, сила и оружие // Правда. 1984. 21 января.
6. Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом. 2003.
7. Павлов С. Коммунистическая идея: знания, убежденность, действия // Правда. 1983. 2 сентября.
8. Полосин В.С. Миф, религия, государство. М.: Триада, 1998.

9. Речь тов. Сталина в Кремлёвском дворце на выпуске академиков Красной Армии, 4 мая 1935 года // Литературная газета. 1935. № 26 (10 мая).
10. Хрущев Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997.
11. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М.: Республика, 1996.
12. Щекочихин Ю. Пощада // Литературная газета. 1982. 10 ноября.
13. Mehnert Klaus. La jeunesse en Russie sovietique. Paris, 1933.

О.А. Ivenkova
Political Mythologization and Daily Consciousness:
the USSR in the 1920 – 1930th

Key words: *myth; mythologization; way of life; political mythology; commonness; daily consciousness; consciousness.*

The crisis phenomena in all spheres of life of the beginning of the XXth century in Russia promotes mythologization of the consciousness of a person. The myth is a stable structure and allows to introduce orderliness in a chaotic worldview, therefore it is easily accessible to daily consciousness, which makes it an effective weapon in political struggle. The commonness is a universal structure of human existence being the invariable basis of any type of culture and reproducing not only norms of human life, but also extending on other levels. Therefore the command–management system which developed in the USSR, tries to alter the daily routine habitual for people, to create «a new life» through the control over all structural elements of the everyday life of the person. Mythologization of the totalitarian type of consciousness, ability to create myths is one of the stabilizing mechanisms. Thus, the myth turns to the mental factor, substituting historical perception of reality.

Т.В. Боровикова, А.И. Фоменков
Смоленский государственный университет

УДК 371.1

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В УПРАВЛЕНИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ

Ключевые слова: *мониторинг в управлении ОУ; социально-педагогический мониторинг; оперативный исследовательский проект.*

В статье рассматривается социально-педагогический мониторинг как современное технологическое обеспечение системного подхода в управлении образовательным учреждением с учетом социальной среды и реализацией главного потенциала – развития человеческих ресурсов на уровнях личности, класса, школы с применением педагогических и социологических методов посредством оперативных исследовательских проектов. Рассматривается практика применения мониторинга в управлении общеобразовательными учреждениями.

Исследованию проблем управления педагогическими системами в последние десятилетия уделяется повышенное внимание. При этом акцент делается на изучении адекватного понимания и описания функционирующей системы управления в новых условиях, внедрения в практику новейших научно-педагогических технологий и достижений в области управления. Этим проблемам посвящены труды В.П. Беспалько, Ю.А. Конаржевского, В.С. Лазарева, А.М. Моисеева, В.С. Пикельной, М.М. Поташника, В.П. Симонова, П.И. Третьякова, К.М. Ушакова, О.Г. Хомерики, П.В. Худоминского, Т.И. Шамовой, Е.А. Ямбурга и др.

Определяющее значение в исследовании проблемы организации мониторинга в образовании имеют работы В.А. Кальней, А.Н. Майорова, Д.Ш. Матрос, Н.Н. Мельниковой, О.А. Митиной, В.А. Мокшеева, Н.П. Пищулина, С.Н. Пищулина, Д.М. Полева, П.И. Третьякова, Т.И. Шамовой, С.Е. Шишова и др.

Анализ литературы позволил нам определить научные подходы к мониторингу в управлении общеобразовательным учреждением. Они рас-

смаатриваются как определенная система мониторинга, с помощью которой делается попытка ответить на вопросы об эффективности той или иной технологии обучения, выделить факторы, влияющие на качество обучения, выявить связи квалификации педагога и результатов его преподавания и т.д. [2, с. 100-246]. В связи с этим возникла проблема создания нового опыта управления развитием школы с системой мониторинга, учитывающего специфику, динамичную социальную среду и ресурс общеобразовательного учреждения. С этих позиций оптимизация мониторинга в обеспечении управления как познавательной эффективной исследовательской стратегии приобретает особую значимость и требует глубокой научно-педагогической разработки.

Многочисленные системы мониторинга обладают некоторыми общими характеристиками, что дает возможность говорить о нем как целостном самостоятельном научно-практическом феномене. Различия в понимании его сущности, а также целеполагании и средствах осуществления отражают специфику и уровень разработанности проблем в каждой из многочисленных областей применения. Под понятием «мониторинг» часто понимают любой повторяющийся процесс измерения независимо от сущности процесса. Полагаем, такое расширенное толкование скорее скрывает его сущность, чем раскрывает его. Появление понятия «мониторинг» в сфере образования – это отражение потребности системы управления образованием в наличии качественной, достоверной и надежной информации. «Основная сфера практического применения мониторинга – это управление, а точнее, информационное обслуживание управления в различных областях деятельности. Однако различные системы мониторинга, обладая общими чертами, существуют и развиваются достаточно изолированно в рамках той или иной науки или области управления», – отмечает А.Н. Майоров в своей статье [3, с. 27].

В.А. Мокшеев подчеркивает, что «мониторинг» – это и форма исследования, и способ обеспечения сферы управления своевременной и качественной информацией. Он рассматривает мониторинг как систему сбора, обработки, хранения и распространения информации об образовательной системе или отдельных ее элементах, ориентированную на информационное обеспечение управления, которая позволяет судить о состоянии объекта в любой момент времени и может обеспечить прогноз его развития (см. об этом подробнее: [7, с. 7-22; 8, с. 85-94]).

В статье «Сравнительный обзор систем мониторинга в образовании» О.А. Митина утверждает, что для построения систем мониторинга могут быть использованы различные модели образовательных систем или их компонентов. Оценивать системы можно исходя из нескольких позиций: оценить процесс; оценить результат; определить соответствие результата той цели,

которая ставилась; оценить соотношение начального и конечного состояния системы [6, с. 69-70].

Анализируя различные подходы к оценке эффективности работы образовательного учреждения, А.Н. Майоров, О.Е. Лебедев и Е.С. Заир-Бек обращают внимание на способ определения этой эффективности. Речь идёт о модели «цель – результат». Судить о работе образовательной системы можно, сравнивая поставленные перед ней цели и достигнутые результаты. Для того чтобы такой результат был реализован, необходимо иметь строго детерминированную систему, в которой существуют однозначные причинно-следственные связи и возможность точного казуального вывода. Образовательные системы к таковым не относятся. Именно это основная причина неудач использования модели «цель – результат» для оценки образовательных систем, утверждают авторы [4, с. 29-33]. Рассматривая вопросы построения мониторинга социальной эффективности и условий деятельности, А.Н. Майоров отмечает, что потребность в объективной информации вызвана изменениями в управлении образованием и социальными изменениями. Подчеркивается, что некоторый педагогический парадокс заключается в том, что в ряду область измерения – модель – критерий – показатель (индикатор) – технология определения (инструментарий) серьезно проработаны все элементы, за исключением последнего. А.Н. Майоров дополняет данную схему еще тремя элементами: технология определения (инструментарий) – значения показателя – анализ – **обсуждение** – рекомендации – **распространение** – **решение** [5, с. 84-86], а анализируя методы исследования, применяемые в мониторинге, исследователь приходит к выводу, что «основными методами мониторинга в образовании можно считать социологические и педагогические» [5, с. 88].

Новые задачи, стоящие перед образовательными системами, потребовали новых подходов к организации информационной службы. Основой её эффективности стала реализация модели «вход-выход». Это построение системы оценочных показателей на входе и на выходе (модель построения системы изучения образовательной системы на уровне «школа или класс» Р. Шейвелсона). Модель основана на изучении внешних и внутренних связей образовательной системы, расширении самостоятельности и ответственности педагога, включении родителей в процессы, происходящие в образовательном учреждении, на правах участников образовательно-воспитательной деятельности. Эта модель деятельности используется большинством информационно-диагностических служб. Она появилась эмпирически и является результатом практических разработок. В рамках данной модели основанием для сравнения служит не соответствие результатов деятельности образовательного учреждения поставленным целям, а полученные эмпирическим способом статистические нормы, которые, с одной сто-

роны, фиксируют состояния, а с другой – служат рабочим эталоном. Однако мы полагаем, что данная модель не в полной мере отвечает современному образованию.

Нами была рассмотрена управленческая схема: цель – процесс – результат, в которой основное внимание уделяется ресурсному обеспечению управления образовательными и социальными процессами в школе. Под ресурсным обеспечением мы понимаем все ресурсы, выделяя три уровня личностного (человеческого) ресурса: 1) личные ресурсы участников образовательного процесса (учащийся, родители, педагоги); 2) личные ресурсы малых групп (класс); 3) ресурсы коллектива в целом (школа и педагогический коллектив) с учетом потенциала их развития. В контексте нашего исследования управление современным общеобразовательным учреждением мы рассматриваем как основную сферу практического применения педагогического мониторинга, а точнее, его информационное обслуживание. При построении системы мониторинга мы учитываем внутреннюю, внешнюю среду и социум школы, а также технологию управления. Вследствие этого данный мониторинг нами определен как социально-педагогический. По нашему мнению, разработка системы мониторинга должна основываться на единых показателях для общеобразовательных учреждений региона, которые призваны обеспечить предлагаемую нами систему социально-педагогического мониторинга.

Система социально-педагогического мониторинга рассматривается нами как совокупность пяти элементов: 1) источники информации (документы, участники образовательного процесса, эксперты); 2) методы сбора информации (статистические, количественные и качественные методы сбора первичной эмпирической социально-педагогической информации); 3) методы обработки информации и анализа; 4) каналы распространения информации; 5) способы систематизации и хранения.

Статистические показатели и индикаторы нами определены в стандартизированном трехуровневом инструментарии в виде формализованно-статистических документов: «социальная характеристика школы», «социальная характеристика педагогического коллектива школы», «социально-педагогический портрет учителя с картой оценки и самооценки педагога», «социальная характеристика класса» и «социальный паспорт учащегося и его семьи». Они выступают как инструменты мониторингового сопровождения процесса управления общеобразовательным учреждением. Педагогические и социально-педагогические показатели и индикаторы определяются в конкретном оперативном исследовательском проекте посредством работы с основным понятийным аппаратом изучаемого явления или процесса.

Междисциплинарный подход к построению системы мониторинга, таким образом, характеризуется совокупностью взаимосвязанных показателей

развития всех сфер школьной жизни (от материальной базы школы до социальных характеристик субъектов обучения), поддающихся измерению. События измерения, частота замеров, степень обобщенности индикаторов различны, но их совокупность должна представлять собой целостную картину состояния школы в любой момент ее развития.

Это обстоятельство приводит к необходимости выделения интегральных показателей, с помощью которых можно проанализировать состояние школьных процессов. К числу таких показателей, на наш взгляд, можно отнести: социум и тип школы, характер ее работы; режим функционирования или режим развития; преобладающую педагогическую парадигму как основу деятельности педагогического коллектива; материально-техническую и финансовую базы школы; качество преподавания и учения (не только с позиции педагогов, а всех участников образовательного процесса); соответствие образовательных услуг запросам и ожиданиям учащихся и их родителей, характеристики развития личности обучаемых; валеологические показатели школьников; характеристики профессионально-личностного роста педагогов; социальные характеристики субъектов обучения; стиль управления и другие. Выделенные показатели носят интегральный характер и сами по себе не могут выступать индикаторами в мониторинговых исследованиях, они нуждаются в конкретизации, как с содержательной, так и с инструментальной стороны посредством предлагаемого нами оперативного исследовательского проекта.

По нашему мнению, оперативный исследовательский проект (ОИП) – это инструмент мониторингового сопровождения, представляющий собой систему научно-исследовательских процедур, методов, методик поэтапного изучения конкретной проблемы школы на основе фактологических данных. Это также и социально-педагогическая технология сбора, обработки, хранения и накопления информации о школе как открытой образовательной системе и ее отдельных элементах. Главная особенность разрабатываемого нами инструментария оперативного исследовательского проекта состоит в целостности, системности, которая обеспечивается общей системой показателей (индикаторов) при операционализации понятий, описывающих проблему школы.

Рассматривая практику информационного обслуживания управления школой с учетом ресурсного обеспечения и социальной среды, мы вводим понятие социально-педагогического мониторинга. Социально-педагогический мониторинг (СПМ) – это трехмерная система сбора, обработки, хранения и распространения информации о школе как открытой образовательной системе, ее отдельных элементах, учитывающих основную программно-целевую проблематику, обеспечивающие ресурсы (см. рисунок 1).

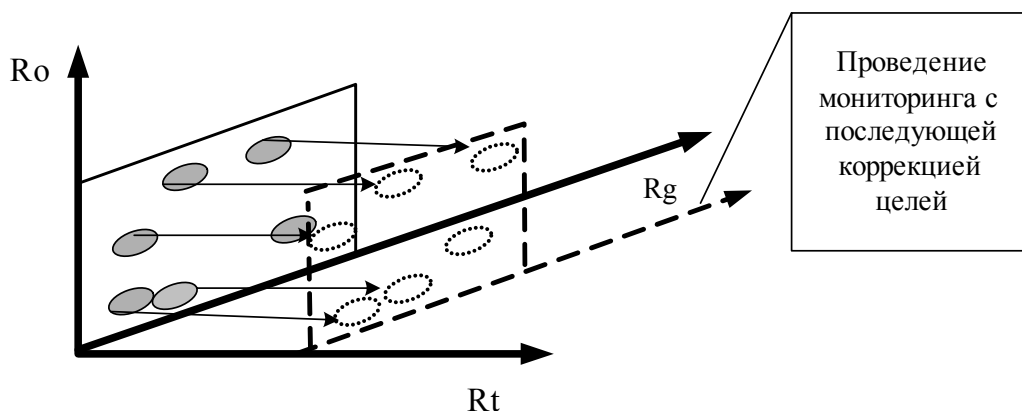

Рис. 1. Трехмерная система сбора, обработки, хранения и распространения информации о школе:

Ro – ресурсное обеспечение по основным показателям; **Rg** – «глубина» ресурсного обеспечения (объем ресурсного обеспечения); **Rt** – ресурс времени (время с учетом полученной информации для решения задач по достижению тактических и стратегических целей, решение проблемы или минимизация негативных последствий проблем);

○ – проблемное поле школы в конкретной мониторинговой страте

Таким образом, СПМ представляет собой современное технологическое обеспечение всего комплекса подходов к управлению общеобразовательным учреждением с учетом социальной среды и реализацией главного потенциала – развития человеческих ресурсов на уровнях личности, класса, школы с применением педагогических и социологических методов посредством стандартизированных документов и оперативных исследовательских проектов (см. схему 1).

На каждом уровне анализа социально-педагогического мониторинга (личности, класса, школы) применяются оперативные исследовательские проекты по проблемам школы, повторяющиеся с необходимой и возможной дискретностью. На основании исследования теории и практики мы разработали методические подходы к оперативному исследовательскому проекту. Для технологичности процесса мониторинга нами разработан алгоритм операций по реализации оперативного исследовательского проекта, который состоит из пяти этапов: формирование педагогической исследовательской проблемы; теоретическая подготовка исследовательской программы; подготовка методического инструментария; организационная работа по проведению исследования и практическая работа по результатам исследования.

Таким образом, социально-педагогический мониторинг дает более полную и качественную информацию, базируется на конечном количестве системно отобранных показателей (индикаторов). Показатели различных оперативных исследовательских проектов, применяемых в общеобразовательном учреждении, сводятся в одну таблицу, которая позволяет исключить их по-

вторение или дублирование, а также вместе с показателями формализованно-статистического инструментария представляет матрицу показателей мониторинга. Это, на наш взгляд, приводит к большей технологичности процесса мониторинга, экономии средств, времени и повышению качества аналитической информации.

При рассмотрении роли моделирования в педагогике мы сформулировали основные требования к модели управляющей системы на примере Печерской школы, находящейся в режиме развития. К ним относятся пять требований:

1. Модель управляющей системы должна включать педагогический, социологический, психологический, управленческий, организационный, валеологический, экономический и правовой компоненты.

2. Структура школы не может быть определена без учета социально-педагогических и психолого-педагогических характеристик субъектов обучения, в том числе их состояния здоровья.

3. В управлении школой, безусловно, необходимо разделение труда, определение специфики и функционального состава управляющей системы для работы по непрерывным образовательным программам.

4. Финансовые затраты должны обеспечивать материально-техническую базу школы, мониторинг и инновационные процессы.

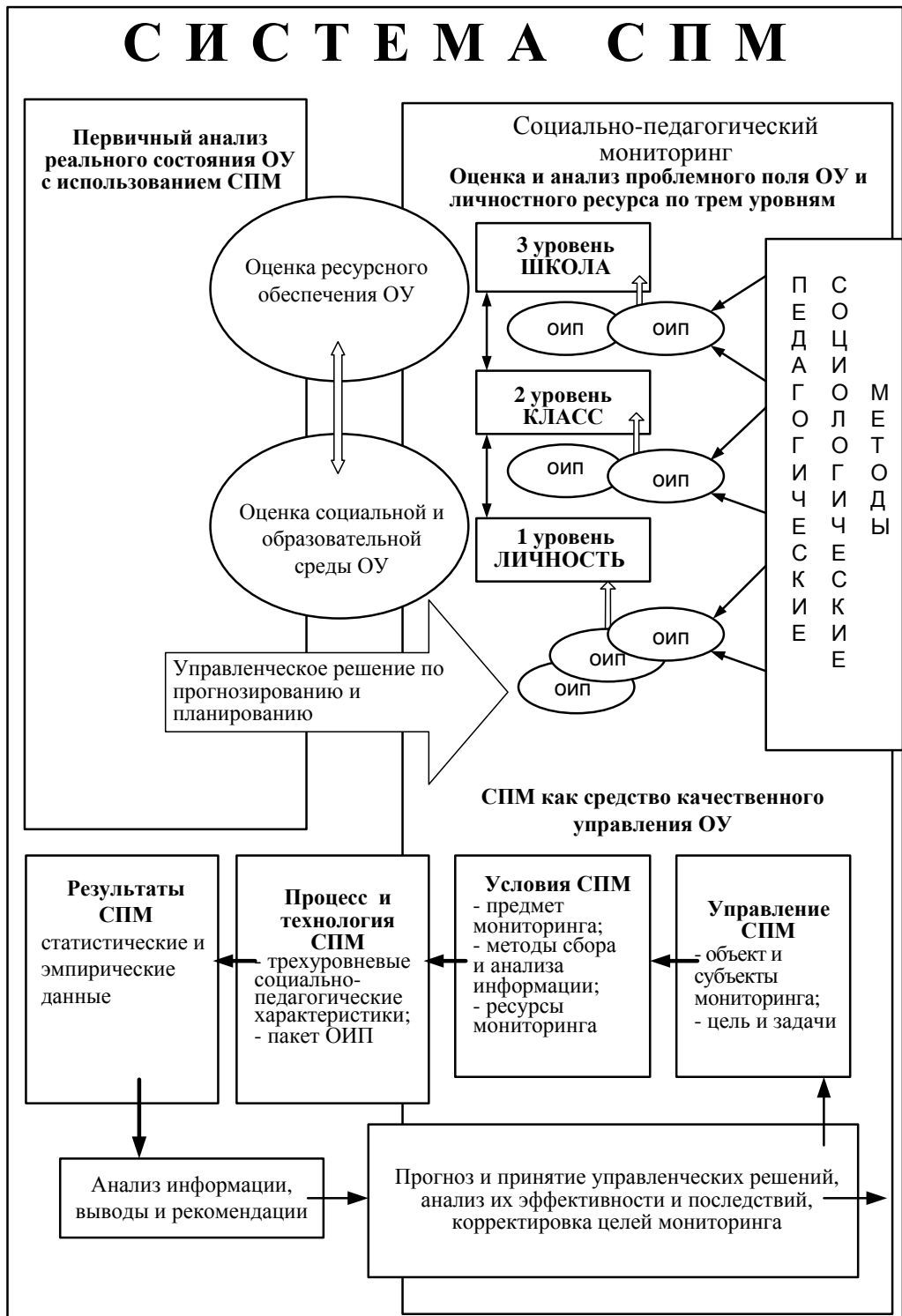
5. Организационная структура управления школой должна быть нацелена на режим развития, обеспечение своевременного и гибкого реагирования на количественную и качественную потребность в подготовке выпускников средней школы на основе государственного образовательного стандарта и регионального образовательного компонента.

Социально-педагогический мониторинг позволяет в целом судить о текущем состоянии школы, в любой момент времени обеспечить принятие своевременных управленческих решений по планированию, оценке ее эффективности и корректировке учебно-воспитательной работы, интервенции в социально-педагогическое проблемное поле, прогнозированию влияния динамично изменяющейся социальной среды школы, результатов и последствий инноваций.

Подведем итог проведенной нами исследовательской работы.

1. Определено понятие социально-педагогического мониторинга, дана его характеристика, описана структура.

2. Определено понятие оперативного исследовательского проекта. Разработана и апробирована технология реализации ОИП. Выявлено, что оперативный исследовательский проект может практически успешно применяться в различных видах образовательных учреждений как инструмент мониторингового сопровождения процесса управления с анализом его ресурсного обеспечения.

Модель практического применения системы СПМ в управлении ОУ

3. Разработаны стандартизированные документы: «социальная характеристика школы», «социальная характеристика педагогического коллектива школы», «социально-педагогический портрет учителя с картой оценки и самооценки педагога», «социальная характеристика класса» и «социальный паспорт учащегося и его семьи».

4. Спроектирована модель управления школой с системой социально-педагогического мониторинга.

5. Разработана и поэтапно апробирована на практике модель управления процессом развития современного образовательного учреждения с системой мониторингового сопровождения и основные принципы его применения. Нами на основе результатов 2-го и частично 3-го этапов программы опытно-экспериментальной деятельности по разработке варианта модели сельской адаптивной школы «Школа, в которой всем хорошо» был создан проект модели управления образовательным учреждением с системой социально-педагогического мониторинга (см. об этом: [1, 6; 9, 65-71]). При помощи системы СПМ в Печерской МСОШ Смоленского района были апробированы оперативные исследовательские проекты «Девиантное поведение учащихся 9-х классов» (2004) и «Соответствие образовательных услуг запросам и ожиданиям учащихся школы и их родителей» (2005). В Гусинской МСОШ Смоленского района после доработок инструментария были проведены оперативные исследовательские проекты «Профессионализм учителя в общеобразовательном учреждении» (2006) и «Соответствие образовательных услуг запросам и ожиданиям учащихся школы и их родителей» (2007). Особое внимание нами уделено сельской школе, так как в Смоленской области из 627 школ 493 – сельские (78,63%). Также в период с 2005 по 2007 год проводилась апробация оперативных исследовательских проектов по социально-педагогическим проблемам в более чем в 20 МОУ различного вида (в МОУ Смоленска, Вязьмы, Сафонова, Ярцева, Дорогобужа, Починка, в педагогическом лицее г. Смоленска и Смоленском кадетском корпусе – СФККК).

ЛИТЕРАТУРА

1. Довгий Т., Рябикова Н. Школа в которой всем хорошо // Образование Смоленщины. 2000. № 9-10 (14-15) июль – август. С. 6.
2. Майоров А.Н. Мониторинг в образовании. 3-е изд., испр. и доп. М.: Интеллект-Центр, 2005.
3. Майоров А.Н. Мониторинг как научно-практический феномен // Школьные технологии. 1998. № 5. С. 25- 48.
4. Майоров А.Н., Лебедев О.Е., Заир-Бек Е.С. Мониторинг региональных образовательных систем и эффективности реализации социальных проектов. М.: Полиграф сервис, 1999.
5. Майоров А.Н. Мониторинг социальной эффективности и условий деятельности образовательных систем // Школьные технологии. 1999. № 5. С. 84-115.

6. Митина О.А. Сравнительный обзор систем мониторинга в образовании // Школьные технологии. 2002. № 4. С. 69-75.
7. Мокшеев В.А. Современные подходы к организации системы мониторинга в образовании // Педагогическая диагностика. 2005. № 5. С. 7-22.
8. Мокшеев В.А. Организация системы мониторинга в образовании // Школьные технологии. 2005. № 1. С. 85-94.
9. Сельская школа – шаг в будущее : из опыта работы экспериментальных площадок сельских школ. Смоленск: СОИУУ, 2000. Вып. 2. С. 65-71.

T.V. Borovikova, A.I. Fomenkov

The Practice of Applying the Sociological and Pedagogical Monitoring to the Management of an Educational Establishment

Key words: monitoring in the management of an educational establishment; sociological and pedagogical monitoring; operative research project.

This article is devoted to sociological monitoring as modern means of technological maintenance of the systematic approach to the management of an educational establishment taking into account social environment and with the aim to realize its main potential – the development of human recourses on the levels of a personality, a class, a school with the application of pedagogical and sociological methods and with the help of operative research projects. The practice of application of the monitoring to the management of an educational establishment is examined in this article.

В.С. Селиванов

Смоленский государственный университет

УДК 37.01

ПРИНЦИПЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ВОСПИТАНИЯ

Ключевые слова: воспитание; принцип; индивидуальность; самооценка; деятельность; потребность; воспитанник; личность.

В дополнение к известным принципам воспитания в статье обосновываются требования четырех новых: 1) безусловного удовлетворения в педагогическом процессе первичных потребностей воспитанника; 2) обязательного улучшения его положения в результате каждого воспитательного действия; 3) положительного изменения отношения воспитанника к себе; 4) одобрительного эмоционального отклика референтной группы на изменения в его сознании и поведении.

Для практического исполнения и теоретического осмысления процесса формирования личности самое существенное значение имеют принципы его организации и осуществления. В их требованиях проявляется в наибольшей мере сущность формируемых отношений между субъектами воспитания, а также между ними и условиями осуществления педагогического процесса. В самих названиях этих принципов, сформулированных учеными и воспитателями, проявляется их ориентирующая роль, направляющее воздействие, обеспечивающее тот или иной общий практический результат. Например, принципы связи воспитания с жизнью, воспитания в труде, преемственности, единства требовательности и уважения и другие требуют вполне определенных отношений воспитателя и воспитанников. Эти принципы являются общими ориентирами для воспитателей. Однако требования не обращены непосредственно к личности воспитанника, не конкретизируются в отношении каждого воспитанника. Наоборот, они нивелируют воспитательные отношения, делают их общими для всей группы, коллектива, но не ориентированными одновременно на учет индивидуальности каждого. Их требования общи даже тогда, когда предъявляются к одному воспитаннику, поскольку выражают идею «быть как все», в то время как жизнь выдвигает требование развития каждого как индивидуальности, учитывающей общие интересы.

Так можно ли в современных условиях организовать воспитательный процесс на основе вполне конкретных положений, определяемых двумя парадигмами – гуманности и личностной ориентированности? Ответ на этот вопрос дан в опыте лучших, талантливейших воспитателей прошлого и современности. В частности, ученого-педагога Смоленщины А.Е. Кондратенкова, руководившего в 50–60-е годы прошлого века Кобылкинской сельской школой, Сафоновской школой-интернатом. На этих же основах воспитывали все, добившиеся существенных практических результатов, – директор Шумячской сельской школы В.Ф. Алешин, директор Смоленского лицея В.Д. Новиков и другие. Теоретико-практические предпосылки их опыта современные ученые и практики стараются реализовать в методиках и технологиях мониторинга педагогического процесса, обеспечивающего реальный контроль и измерение результатов воспитательных усилий, совместной деятельности субъектов педагогического процесса.

Как успешная эта деятельность организуется на основе четырех принципов воспитания, требования которых обращены к личности воспитанника прямо, а не через соответствующие воздействия воспитателей, обеспечивая непосредственное влияние на чувства и сознание воспитанника. Это принцип достаточной обеспеченности жизни воспитанника, принцип улучшения положения воспитанника в результате каждого воспитательного действия, принцип положительного изменения отношения воспитанника к себе вследствие каждого воспитательного действия, принцип обеспечения положительного

эмоционального отклика у окружающих на изменения в сознании и поведении воспитуемого. В отношении каждого из этих четырех положений можно сформулировать вполне определенные требования, выполнение которых неизбежно обеспечивает их действенность на уровне принципов воспитания.

Например, сущность первого принципа заключается в том, что положительное духовное и душевное развитие индивида происходит лишь в условиях отсутствия страха неудовлетворения первичных потребностей человека. В колонии А.С. Макаренко завхоз объяснял это на бытовом уровне примерно так: желание учиться появляется у человека, только если он сыт. Голодный думает преимущественно о том, где и как найти пищу. Философы и психологи это положение характеризуют как обусловленность появления высших человеческих потребностей удовлетворением более низких. В самой их основе лежат первичные, органические – в пище, тепле, в защищенности (безопасности), то есть те, удовлетворение которых создает условия для формирования собственно человеческих, таких, как познавательные, эстетические, самоактуализации. Если человек не уверен в собственной безопасности (в широком смысле этого слова), то он испытывает беспокойство, страх и все внешние воздействия воспринимает «через призму» этого беспокойства и страха. Что может быть актуальнее мысли, что нечто (или что-то конкретное) мешает находиться в тепле, быть сытым или чувствовать себя в безопасности от посягательств на жизнь и достоинство? Если родной дом не обеспечивает человеку этих элементарных потребностей, то больше всего усилий он приложит к поиску возможностей обеспечить себе эти условия. Ни о какой эстетике и увлеченности науками не может идти речи при неудовлетворении элементарных потребностей воспитанника. Его активное сопротивление без ориентации на нормы и правила, реальное или мнимое бегство – это общий результат подобного воздействия.

В условиях развитой цивилизации появляются возможности избыточного удовлетворения потребностей не отдельных представителей общества, но фактически каждого индивида. В связи с этим возникает необходимость, с одной стороны, преодоления стремления к их развитию, формирования критического отношения к излишествам, развития способности трезво оценивать соотношение необходимого и желаемого, достаточного и недопустимого. С другой стороны, отчетливо проявляется актуальность неизбежной, регулярной и неотвратимой правовой коррекции нарушений общественно оправданных границ обеспечения для каждого необходимых условий существования. Развитая западная цивилизация показывает яркие наглядные примеры в этом отношении.

Таким образом, можно сформулировать следующие условия реализации требований этого принципа: 1) наличие всего необходимого для физической и духовной жизни воспитанника, для его уверенности в возможности

положительного решения всех жизненно важных проблем; 2) понимание, что ни при каких условиях и обстоятельствах он не будет лишен пищи, одежды, жилища, общения с другими людьми; 3) формирование критического отношения к излишествам, развитие способности трезво оценивать свои возможности в соотношении с их общественно признанным уровнем.

Второй принцип требует обеспечения такого положения воспитанника в системе воспитательных отношений, которое неизбежно приводит к улучшению его состояния в результате каждого влияния воспитателя. Воздействие воспитателей на воспитанников осуществляется в конкретных условиях времени и места. Однако воспитательное влияние на формирование качеств личности не ограничивается этими воздействиями. Вследствие влияния социума, природы, собственных усилий воспитанника этот процесс непрерывен и, что чрезвычайно важно, разнонаправлен. Нередко правильно ориентированные действия одних воспитателей из-за действия других теряют свою воспитательную значимость или даже приобретают противоположную. В этих условиях сущность требований второго принципа заключается в безусловном обеспечении правильной, запланированной направленности воспитательных влияний, в усилении положительных и в ослаблении отрицательных воздействий. Добиться, чтобы каждое организованное влияние по своей значимости было сильнее неорганизованных, приводило к положительному воспитательному результату, можно при условии, если воспитаннику на уровне его чувств, представлений и отношений реально станет лучше. Больше радости, уверенности, знаний, умений, признания со стороны сверстников и старших – таковы требования к организации каждого воспитательного мероприятия. Воспитанник должен чувствовать и знать, что следующая встреча с воспитателем принесет новую радость, другие знания и умения.

Воспитание в правильном направлении связывается в сознании воспитанника с положительной трансформацией его психофизиологического состояния: не скука, а бодрость, не чрезмерная напряженность, а здоровая усталость, не тревога и чувство безнадежности, а уверенность в лучшей перспективе и т.д. Требования этого принципа подразумевают постоянный мониторинг сформированного, формирующегося и планируемого у воспитанника, учет в отношении каждой личности соответствия требований воспитателя возможностям и перспективам воспитанника, то есть обеспечения того, что в современных условиях понимается как личностно-ориентированное воспитание. Оно может успешно осуществляться только при целенаправленном формировании конкретных качеств личности: чуткости, активности, скромности, образованности, благородства как интегративных качеств личности, но не абстрактных положений о нравственном, эстетическом и других направлениях воспитательной работы.

Требования третьего принципа воспитания – обеспечение изменения отношения воспитанника к себе в лучшую сторону, повышение его самооценки в результате каждого воспитательного влияния – подразумевает такую организацию жизни и деятельности, которая своей структурой, организацией и результатами демонстрировала бы воспитаннику его продвижение по пути формирования и совершенствования его личностных качеств. Он должен видеть, что его умение действовать, общаться, играть и осваивать основы наук совершенствуются, что участие в организованной воспитателем деятельности принесло ему пользу в виде ощущения большей свободы в общении, большей уверенности в выполнении трудовых заданий, возросшей возможности проявить себя в учении и игре. Воспитанник должен знать и верить, что в результате выполненных под руководством воспитателя действий ему стало лучше, его положение среди других изменилось в благоприятную сторону или, по крайней мере, появились предпосылки его улучшения. Если не сейчас, то в скором будущем он добьется исполнения своих надежд и планов.

Выполнение требований этого принципа есть гарантия участия воспитанника без принуждения в воспитательных действиях, его положительного отношения к воспитателю и воспитанию. Без этого нет и не может быть положительных результатов прямых влияний. Не формируя и не укрепляя положительное отношение к себе самому, человек воспринимает каждое организованное действие как извне навязанное, насильственное, и оно может оказать положительное влияние на его развитие лишь в меру преодоления такого о нем представления. На это уходит много сил и времени, если изначально не ставится задача организации воспитательных влияний таким образом, чтобы они демонстрировали их участникам лучшее, что в них есть, формировали чувство собственного достоинства, самоуважения. Укрепление здоровья, улучшение самочувствия, совершенствование положения в системе отношений и даже получение прямой материальной выгоды – все это должно совершенно осознанно планироваться и исполняться в отношении каждого воспитанника, будь то ребенок в семье, ученик в школе, воспитанник в детском клубе и т.п. Воспитательные мероприятия, в которых все – активные участники, а не зрители, обеспечивают прогнозируемый результат каждого действия. Уверенность в решении сформулированной задачи и ее решение общими усилиями – необходимые условия реализации требований принципа положительного изменения отношения воспитанника к самому себе.

В качестве четвертого принципа лично-ориентированного гуманистического воспитания можно сформулировать положение об обеспечении положительного эмоционального отклика окружающих на действия, эмоции, отношения воспитуемого. Не только самому воспитаннику, но и другим, особенно близким, тем, кого можно отнести к референтной группе, становится лучше, комфортнее в результате иницилируемых воспитанием действий вос-

питанника. Его помощь нуждающимся значима для них, его вклад в общее полезное дело существенен, его умение участвовать в значимых для него самого и для его окружающих делах и поступках одобряется другими, вызывает их положительный эмоциональный отклик, приносит им радость. Они это открыто демонстрируют, а не просто признают. Они выражают свое удовольствие, признание, а в определенных случаях и восхищение тем, что нравственные и физические усилия воспитанника привели к таким результатам.

Прямые последствия выполненных действий должны проявляться в двух направлениях: 1) другим становится лучше в результате изменений в личности воспитанника; 2) он должен видеть и понимать, что их радуют происходящие в нем перемены. Воспитанник должен видеть, что он полезен и нужен другим и эта его полезность возросла именно благодаря его участию в совместной с воспитателями деятельности или в результате инициированных ими действий.

На пути реализации требований этого принципа возникает, как правило, препятствие в виде равнодушия или непризнания ближайшим окружением стараний и успехов воспитанника. Особенно если их результаты действительно превосходят результаты других. С другой стороны, представляет опасность возможность некритического восприятия результатов собственной деятельности. Регулярная коррекция отношений, оптимизм и требовательность воспитателей обеспечивают положительный результат.

Формулирование этих принципов совсем не отрицает важности учета известных. Они – лишь дополнение к общепринятым, и действенность их может быть обеспечена только при рациональном учете всех требований к организации воспитательного процесса.

V.S. Selivanov

Principles of Humanistic Personality-Guided Upbringing

Key words: upbringing; principle; individuality; self-esteem; activity; need; pupil; personality.

In addition to known principles of education in the article requirements of four new are grounded: 1) unconditional satisfaction in the pedagogical process of initial needs of the pupil; 2) obligatory improvement of his position as a result of each educational action; 3) positive change of the attitude of the pupil to himself; 4) the approving emotional response of the significant group to changes in his consciousness and behaviour.

Н.П. Сенченков

Смоленский государственный университет

УДК 37.01+929Блонский

БИОГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА В ПЕДОЛОГИИ П.П. БЛОНСКОГО: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *педология; П.П. Блонский; биогенетическая концепция; возрастные симптомокомплексы.*

В данной статье рассмотрены ключевые идеи развития ребенка в преддошкольном и школьном возрасте, представленные в педологических изысканиях выдающегося отечественного ученого П.П. Блонского. Автор касается вопросов физиологического и психического становления личности ребенка с позиций биогенетической концепции (изменения в конституции организма, в двигательной сфере, развитие речи, пространственного и обществоведческого мышления, овладение категорией меры).

Видя крупные перспективы развития такого направления научной мысли, как педология, известные российские ученые Е.А. Аркин, М.Я. Басов, П.П. Блонский, А.П. Болтунов, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, А.С. Залужный, С.С. Моложавый и др. начали заниматься проблемой формирования личности ребенка.

К 20-м годам XX века на базе рефлексологической теории В.М. Бехтерева сложились два направления педологических исследований ребенка – биогенетическое и социогенетическое. Ярчайшим представителем первого направления является П.П. Блонский – выдающийся отечественный ученый, педагог, психолог.

Большую роль в формировании педолого-концептуального мировоззрения П.П. Блонского (1884 – 1941) и его научных взглядов сыграла практическая педагогическая деятельность, определившая его научные интересы и искания в области педологии. С 1908 года он преподает педагогику и психологию в женских гимназиях Москвы. После сдачи магистерских экзаменов в 1913 году П.П. Блонский становится приват-доцентом Московского университета. С этого времени он начинает выступать с лекциями по педагогической психологии на летних учительских курсах. Его выступления имели огромный успех, производили сильное впечатление на слушателей. В своих лекциях ученый проводил мысль о необходимости всестороннего развития детей и изучения всех процессов, связанных с развитием. Именно с этого времени и в течение всей жизни ученого интересовали проблемы развития ребенка, формирования его как всесторонне развитой личности. Все идеи

П.П. Блонского проникнуты принципом научности. Он утверждал, что основу любой науки составляет естественнонаучное мировоззрение. Исходя из этого, он выдвинул тезис: педология тем больше будет удовлетворять требованиям научности, чем последовательнее она будет опираться на достижения биологии, генетики, педиатрии, физиологии, социологии. Подлинно научный анализ педологического явления, утверждал ученый, подразумевает его рассмотрение в тесной связи с экономическими, политическими и культурными факторами и со всем богатством и разнообразием концептуальных подходов к решению проблемы [2; 3; 4].

Под концептуальным подходом в педологии П.П. Блонский подразумевал определенный способ понимания, трактовки какого-либо явления через соответствующую идею. Но концепция только тогда получит свое дальнейшее развитие, по мысли ученого, когда в ходе ее разработки будут четко установлены факты зависимости между явлениями и факторами, их рождающими. Так, к примеру, считал П.П. Блонский, педагогика как наука, устанавливая между фактами те или иные закономерности, изучает сами факты в их зависимости от тех или других причин. Например, вопрос о наказаниях, о том, должны быть наказания или нет, не есть вопрос научного исследования. Педология как наука ставит вопрос иначе: какие наказания и почему существуют? В результате получается ответ: такие-то наказания при таких-то условиях существуют и не могут не существовать до исчезновения этих условий. П.П. Блонский делал вывод, что «воспитание создается не по воле отдельного человека, каким бы гениальным он ни был: воспитание есть функция определенных экономических и политических условий и при данных условиях существует и может существовать только данное воспитание».

Поэтому педология, изучающая развитие человека в детстве, и педагогика, изучающая факторы, благоприятствующие этому развитию, все больше сближаются друг с другом. Отношение между двумя науками такое же, как между зоологией и животноводством, ботаникой и растениеводством. Как животновод в своей деятельности опирается на зоологию, так и педагог должен опираться на педологию. Только зная, в чем состоит развитие ребенка, можно решить вопрос, как создать полноту и всесторонность его» [1, с. 26].

Исходя из этого, сущностью биогенетического направления педологии были выявленные возрастные особенности ребенка на отдельных ступенях развития в их единстве и взаимозависимости. Возрастные особенности – вот тот комплекс, из чего складывается концепция педологии П.П. Блонского. Возрастные симптомокомплексы, свойственные отдельным эпохам, фазам и стадиям детства, обусловленные изменениями конституции и поведения детской личности, – составляющие концепции педологии П.П. Блонского и других ученых-педологов биогенетического направления.

«Чем детский возраст, – спрашивает П.П. Блонский, – отличается от двух других возрастов человеческой жизни – зрелости и старости? По-моему, тем, – отвечает он, – что этот возраст – возраст роста. Ребенок – маленькое существо, постепенно становящееся большим. Этим он отличается от зрелого человека, который уже больше не растет, и от старика, который растет в землю. Масса ребенка с каждым годом увеличивается, у взрослого при прочих равных условиях масса держится все время на одном уровне <...> Оказывается, что количественный рост материала в организме вызывает ряд изменений в этом организме, в его конституции, в его поведении, причем тот или иной рост материи определенно связан с теми или иными изменениями в конституции и поведении. Совокупность этих изменений я называю возрастным симптомокомплексом» [8, с. 9].

Здесь наиболее последовательно сформулирована позиция П.П. Блонского по поводу специфики детского возраста, связанная с ростом и изменением симптомокомплексов возраста. Понимая рост чисто биологически, как процесс внутреннего созревания, он допускает, на наш взгляд, ряд неточностей. Во-первых, благодаря такому пониманию возраста – а возраст составляет предмет изучения педологии – совершенно отождествляется понятие возрастной изменчивости у человека и животного, а отсюда вытекает неспособность найти в многообразии сторон, входящих в понятие возраста, единство и то ведущее звено, которое обуславливает собой возрастное развитие ребенка как человека, а не животного. Во-вторых, выявляется неспособность проанализировать это возрастное развитие как процесс становления человека, как процесс развития социального существа, следовательно, и его умственного развития.

Определяя сущность педологии, П.П. Блонский и его сторонники выдвинули две задачи: 1) на каждой ступени возрастного развития вскрыть ведущие силы, звенья, оформляющие основные линии умственного развития ребенка; 2) показать то новое, что складывается на каждой из этих ступеней по основным линиям развития, и как постепенно развитие в пределах данной грани возрастного развития подготавливает переход к новой ступени.

Согласно их точке зрения, каждый возраст бесспорно имеет такие ведущие, главные признаки, равно как имеет и свою линию развития. «Жизнь всякого многоклеточного организма, в том числе и человека, проходит два основных периода: период развития и период взрослого состояния. Взрослый организм – относительно сложившийся организм, уже слабо развивающийся <...> Возрастом усиленного развития и, следовательно, наиболее действенного воспитания является детство, распадающееся на несколько подпериодов» [1, с. 24].

Так, преддошкольный возраст «охватывает» собой время до трех лет и определяется П.П. Блонским как период беззубого детства, характеризую-

щийся ростом костной системы: период роста, в течение которого организм усиленно растет [1, с. 24]. Этот период развития детской личности ознаменовывается рядом чрезвычайно крупных достижений в самых различных сферах (в конституции, в двигательной сфере и т.д.). В развитии детской личности обнаруживается ряд новых сторон. В психологическом аспекте, отмечает П.П. Блонский, мы имеем с самого начала специфически человеческие черты, и именно в этом надо видеть причину того, что ребенок очень рано вступает на путь интенсивного развития. Это развитие с самого начала осуществляется в специфически человеческих условиях. В этих условиях происходит овладение основным орудием человеческого мышления – речью и основными категориями человеческого мышления – категориями количества, меры, качества. А через свои отношения к природе, людям, к самому себе с помощью взрослых, по мере овладения общественным опытом, ребенок углубляет познание своей ближайшей чувственной обстановки.

Исходя из этого, П.П. Блонский делает важные выводы, определяющие базу педологии: 1) с самого начала развитие ребенка протекает по специфически человеческим линиям развития и в специфически человеческих условиях, 2) овладение основными категориями мышления облегчается потому, что это развитие совершается в специфически организованных педагогических условиях под руководством родителей и школы, 3) узловыми этапами этого развития является постепенное освоение основных категорий мышления, которые также представляют собой и ступени познания природы. Письмо, счет, речь, чтение и есть величайшие факторы овладения высшими формами мышления.

Все свои достижения в умственном развитии ребенок закрепляет образованием категорий мышления, т.е. понятий. Уже то обстоятельство, что преддошкольник среди мелькающих впечатлений действительности начинает выделять нечто, т.е. чувственно-целостные объекты, говорит о том, что ребенок реально вступил на путь выделения себя из природы.

По мысли ученого, ребенок-преддошкольник уже на основе примитивно-чувственного восприятия мира достигает больших эффектов в своем умственном развитии. К концу преддошкольного периода ребенок начинает отличать большое от маленького, начинает делать реальные шаги к овладению пространством (от пространства рта к пространству руки). Также он начинает в примитивно-чувственном плане пользоваться причинностью и т.д. Таким образом, ребенок-преддошкольник в зародышевой форме уже владеет всеми категориями мышления.

В общей характеристике преддошкольного периода, сформулированной П.П. Блонским, представляется правильным, что в основном в этом возрасте умственное развитие идет от стадии «мелькания» впечатлений к выделению «нечто» и затем к образованию первичных категорий. Речь выступает в этом периоде ведущим фактором развития.

Преддошкольник значительно увеличивает свою активность по отношению к действительности в форме зарождающейся начальной игровой деятельности, которая становится основной формой освоения действительности.

Основным фактором умственного развития преддошкольника остается речь. Речь, приобретаемая ребенком от взрослых, направляет его мышление, поэтому изучение речевой деятельности открывает многие стороны в развитии мышления. Ребенок от первоначальных диффузных слов, предложений переходит к расчленению слова. Образование глаголов, прилагательных уже говорит о том, что именно в преддошкольном возрасте складываются зачатки абстракции. У ребенка часто появляется слово, но в мышлении он еще остается неспособным им пользоваться. Однако уже то, что он начинает его употреблять, свидетельствует о постепенном приобретении словом действительного значения.

П.П. Блонский указал, что в преддошкольном возрасте речь выступает ведущим фактором умственного развития, и на основе усвоения и применения речи уже на этом этапе начинают складываться зачатки абстракции, определений. Количество прилагательных в словарном запасе ребенка с каждым годом увеличивается.

Дошкольный возраст охватывает значительный период в развитии ребенка – от 3 до 8 лет. Внешней приметой этого возраста, отграничивающей его от смежных возрастов, являются зубы ребенка: дошкольник обладает полным (20) набором молочных зубов, тогда как у «малюток» (термин использован П.П. Блонским) они еще прорезываются; с другой стороны, в дошкольном возрасте нет еще смены молочных зубов на постоянные, которая начинается на седьмом году. Молочные зубы, конечно, являются только внешней приметой того, что ребенок действительно находится в данном возрасте [5, с. 104]. В этот период оформляется ряд качественно новых сторон в развитии ребенка: повышенный интерес к игровым процессам, любопытство, значительно повышается интеллектуальная, социальная мощь детской личности. «Главная функция мышления в этом возрасте по отношению к восприятию – связывать отдельные восприятия, преобразованные в соответствующие понятия в том или ином суждении. Ребенок мыслит познаваемое, правда, обычно еще не выходя за пределы данного в нем в этот момент» [6, т. 2, с. 39].

В дошкольном возрасте начинают обнаруживаться совершенно новые черты в мышлении, свидетельствующие о значительном умственном развитии ребенка. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в этом возрасте изменяется отношение ребенка к действительности, к предметам. Наблюдаемое в преддошкольном возрасте примитивно-чувственное отношение к предметам в форме манипулирования ими начинает заменяться новыми формами отношения к действительности. В этом возрасте начинает оформляться игровая деятельность конструктивно-подражательного характера, в которой с каж-

дым годом начинают возрастать моменты творческого отношения к действительности. В отношении к действительности у ребенка все более и более выдвигается момент цели-плана, то есть целесообразной деятельности.

Специфику этого возраста П.П. Блонский увидел в конституции ребенка и его поведении: «По мере изменения конституции ребенка из лимфатической в астеническую и, далее, в атлетическую, по мере изменения темперамента его из кататимического в шизоидный, по мере роста производительной энергии ребенка и расширения его сотрудничества интересы его интеллекта из субъективных и эгоцентрических все более становятся объективными и социальными. Иными словами, мотивы удовольствия и неудовольствия отступают на задний план, уступая место заинтересованности ребенка занять определенное место в обществе. Из эгоцентрика ребенок постепенно становится наблюдателем и борцом за свое и своего класса общественное положение» [8, с. 54].

В истории умственного развития ребенка школьное обучение, рост общественной активности школьника обеспечивают не только рост содержания, но и переход этого умственного развития на высшую ступень. Образуются новые формы мышления. «Расширение круга детского мышления <...> происходит в связи с расширением радиуса передвижений ребенка и обучением» [6, т. 2, с. 11].

Новое содержание, которое складывается под влиянием школьного обучения, начинает «взрывать» первоначальные нерасчлененные формы отношения к действительности. Такая тенденция намечается почти по всем направлениям развития ума, интеллекта – по линии арифметического, геометрического, речевого, письменного мышления. По мере овладения школьником числовыми рядами и новыми единицами измерений величин окончательно преодолеваются примитивные формы восприятия чисел, нерасчлененный счет. Благодаря тому, что школьник усваивает счет, величины, геометрические понятия, восприятие пространства становится глубже. Изменение в структуре арифметического мышления начинает способствовать преодолению эгоцентризма и углублению реалистического отношения к действительности.

Усвоение категорий количества, разумеется, оказывает влияние не только на углубление понимания действительности. Это лишь одна небольшая сторона достижений школьника. Оформление категорий мышления в сознании школьника способствует повышению его активности. «Мышление становится более широким по объему, менее наглядным и более абстрактным, <...> более дисциплинированным и более обоснованным, более правильным и более истинным» [6, т. 2, с. 30].

В процессе овладения научным теоретическим опытом пространственное мышление в школьном возрасте обогащается и по форме, и по содержанию. Ученые-педологи биогенетического направления отмечают: с разви-

тием в школьном возрасте пространственного арифметического мышления в равной мере происходит и развитие исторического, обществоведческого мышления. Обществоведческие и исторические представления также складываются в итоге не личного опыта, а исключительно общественного. Развитие исторического и обществоведческого мышления идет как на основе овладения основными категориями обществоведческого мышления, так и по линии усвоения от взрослых сложившихся обществоведческих взглядов.

Благодаря тому, что ребенок начинает ориентироваться в общественных явлениях, происходит формирование его обществоведческого мышления, он сам начинает активно участвовать в общественной жизни. Это участие способствует дальнейшему развитию школьника и становится для него большой школой.

При овладении основами наук, совершенствовании арифметического, природоведческого, обществоведческого мышления совершается качественное перевооружение всего мышления ребенка. Можно указать на ряд качественных сдвигов в сознании школьника, выявленных П.П. Блонским.

Развитие мышления в школьном возрасте идет в сторону овладения важнейшей способностью: схватывать вещи и явления в их отношениях и связях между собой, как они существуют в действительности.

Основное направление развития мышления школьника состоит в том, что он все более и более начинает преодолевать, по выражению П.П. Блонского, абсолютистское мышление. Ученый прямо определяет школьный возраст как эпоху развития логического мышления [8, с. 59]. По мысли П.П. Блонского, «генерализация и спецификация – основные процессы логического мышления как мышления в определенных понятиях. В результате ребенок становится способным к логическим определениям – сначала только через род, а затем и через род и видовое отличие <...> Именно со второй половины предпубертатного детства (приблизительно с 10 лет) ребенок уже способен давать логические определения, причем легко дает определения через род, но определение через видовое отличие удается ему с гораздо большим трудом. Это и понятно, ибо стадия специфицирующего наблюдения еще не окончательно завершена» [6, т. 2, с. 30].

Благодаря тому, что в школьном возрасте укрепляется способность находить отношения между вещами, создаются условия для дальнейшего обогащения слова все новыми и новыми определениями и для дальнейшего расщепления образов. Складывается понимание причинности.

В сравнении с дошкольным возрастом в школьном периоде ребенок делает большие шаги на пути освоения категории меры. Овладение основами наук максимально содействует развитию этих категорий. Делая реальные шаги к пониманию меры вещей, школьник все более начинает согласовывать свои действия с требованиями объективного, независимого от него

мира. Реалистическая установка школьника на действительность становится неизбежной.

По мере развития категории меры происходит поворот сознания по отношению к действительности. Отметим наиболее существенные изменения в сознании ребенка, выделенные педологами и обязательные для дальнейшего развития категории меры.

1. Благодаря раскрытию узловой линии мер вещей, ранее воспринимавшихся обособленно в сознании ребенка, как не связанных между собой, школьник начинает обнаруживать в них внутреннюю связь, единство.

2. Преодолевается эгоцентрическое отношение к действительности. Школьник хорошо начинает понимать, что не всего, чего хочется, можно достигнуть.

3. Значительно увеличивается предвидение и понимание хода событий.

4. Увеличивается общая ориентация ребенка в действительности.

Благодаря тому, что школьник становится способным отображать действительность (природные, общественные, психологические явления в их внутреннем единстве и развитии), овладевает категориями меры и т.д., он совершает огромный скачок в своем умственном развитии. Значительно возрастает общая ориентация ребенка в действительности, его общая одаренность [7, с. 61].

В свете изложенных выше фактов становится понятным и утверждение педологов о том, что по сравнению с дошкольным возрастом ребенок-школьник становится реалистом. Они определяют школьный возраст как период завоевания внешнего мира.

На основании вышеизложенных концептуальных положений биогенетического направления педологии мы можем сделать следующие выводы.

1. В школьном периоде школьное обучение становится ведущим и основным фактором формирования умственной деятельности ребенка.

2. В школьном периоде школьное обучение на основе овладения категориями количества, пространства, времени начинает «взрывать» ранние формы нерасчлененного восприятия мира и у детей начинает складываться совершенно иное понимание мира и отношение к нему.

3. Линия умственного развития ребенка характеризуется постепенным освобождением мышления от эгоцентризма. На этой основе складывается реалистическая установка на действительность, и потому арифметическое, обществоведческое и природоведческое мышление становится все более и более адекватным действительности.

4. На основе развития и обогащения мышления и формирования основных категорий пространства, времени, количества в этом периоде значительно возрастает и активность, то есть умение разрешать новые задачи – проблемы. Вырастает и общественная активность, и понимание ребенком жизненных задач.

5. Оформляющееся сознание как определенное отношение к действительности способствует тому, что человек начинает ставить перед собой задачи, возникают новые потребности, чувства, которые толкают ребенка к дальнейшему развитию.

Таковы возрастные симптомокомплексы, составляющие основные положения педологии биогенетического направления, сформулированные П.П. Блонским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский П.П. Педагогика. М., 1924. 140 с.
2. Блонский П.П. Старая и новая школа // В.Струминский. Хрестоматия по основным вопросам теории и практики трудовой школы. Л.: Госиздат, 1924. Ч.1. С. 100-101.
3. Блонский П.П. Педология на службе у школы // На путях к новой школе. 1925. № 5. С. 24-30.
4. Блонский П.П. Педология в массовой школе первой ступени. М.: Работник просвещения, 1925.
5. Блонский П.П. Педология: учебник для высших педагогических учебных заведений. М.: ГУПИ, 1934. 334 с.
6. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. Т. 1–2 / под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.
7. Вахтеров В.П. Основы новой педагогики. М., 1917. 56 с.
8. Пипуныров П.Н. Основы педологической теории. Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1933. 100 с.

N.P. Senchenkov

The Biogenetic Concept of the Child Development in Pavel P. Blonskiy's Pedology: an Essential Aspect

Key words: pedology; Pavel. P. Blonskiy; biogenetic concept; age-based complexes of symptoms.

The article deals with the key ideas of the child's development at the early pre-school age, as well as at the pre-school and school stages, as viewed in the pedological investigations of the outstanding Russian scholar Pavel P. Blonskiy. The author considers some problems of physiological and psychic growth of the child's personality from the view-point of the biogenetic concept (i.e. changes in the constitution of the organism, in the sphere of motion, in speech development, spatial and socially-oriented thinking, as well as gradual mastering the category of measure).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К НРАВСТВЕННОМУ ВОСПИТАНИЮ В ШКОЛАХ США

Ключевые слова: *воспитание; нравственные качества; США; содержание и методы; рекомендации.*

Статья обращает внимание читателя на проблемы нравственного и гражданского воспитания школьников, знакомит его с современными американскими подходами к содержанию и методам осуществления этих важнейших ветвей воспитания. Данная статья может являться основой для попыток творческого использования зарубежного опыта в практике российских школ.

Моральные ценности, нравственность и гражданственность – эти понятия всегда были и будут актуальны для обсуждения в любом обществе, в любую эпоху. Воспитание таких ценностей в новых поколениях всегда остается насущной задачей педагогов и школ. Вопрос постоянного поиска путей улучшения нравственного и гражданского воспитания школьников в особенности важен в нашей стране на современном этапе, когда ещё не выработаны четкие подходы и стратегии к формированию достойных высококонрастных граждан нашего государства.

Зачастую, возмущенные недостатками в гражданской воспитанности молодого поколения, пытаясь разобраться в причинах, мы склонны обвинять власти, «систему», уровень жизни, общую атмосферу деградации и т.п. Вряд ли при этом задумываемся над тем, в чем виноваты *мы* и как *мы* – конкретные люди – можем и должны влиять на происходящее вокруг нас.

Таким подходом мы в достаточной степени отличаемся от американского общества, в котором многие ученые, исследовательские центры, программы стремятся показать гражданам, какова их личная роль во влиянии на окружающий мир.

Некоторые исследователи в нашей стране говорят о том, что американская школа ориентирована в большей степени на образование и воспитанию не уделяется должное внимание. Однако процессы последнего десятилетия опровергают этот факт, выявляя огромный интерес американского правительства и общества к проблемам нравственного и гражданского облика школьников. Так, в 2001 году в Северной Каролине был принят Закон «Школьники – граждане» (the Student Citizen Act of 2001), который предусматривает следующие положения:

– государственному отделу образования следует внести изменения в программу по социальным дисциплинам, включив в неё материал по граждановедению и воспитанию гражданственности. Закон рекомендует включить в новую программу в качестве минимума следующие компоненты.

Старшие классы:

- 1) письменное обращение учащихся к выборному должностному лицу по важным для них вопросам;
- 2) просвещение по поводу важности голосования и участия в демократическом процессе;
- 3) информация о текущих событиях и структуре правительства;
- 4) материал о демократическом процессе и о том, как создаются законы.

Средние классы:

- 1) посещение правительственных заведений, таких, как местная тюрьма, здание суда или муниципалитета;
- 2) анализ проблем местной общечественности и стратегические рекомендации местным должностным лицам;
- 3) информация по вовлечению в общественные объединения.

– всем местным отделам образования следует разработать и внедрить материал по нравственному воспитанию (*character education*) с задействованием местной общечественности. Этот материал следует объединить со стандартной учебной программой.

Закон 2001 года не просто диктует широкое развитие нравственного воспитания в школах, но и рекомендует, что конкретно следует воспитывать в современных учащихся. Предложенный список состоит из 8 основных качеств, впервые разработанных законодательством еще в 1996 году. Среди этих качеств: **смелость, способность принимать правильные решения, честность, доброта, настойчивость, уважение, ответственность, самодисциплина**. Рассмотрим эти черты подробнее.

Смелость. Это качество, на наш взгляд, правомерно занимает первое место в списке, поскольку именно его зачастую недостает нашим гражданам. Способность быть верным своей совести и противостоять толпе, решимость в отстаивании своей точки зрения, а также в начинании чего-то, что кажется сложным, но стоящим, – так разработчики расшифровывают это понятие. Мы можем обладать положительными качествами и хорошими намерениями, но это не принесет пользы, если мы боимся действовать, проявлять себя, если нас останавливают трудности, принятый порядок вещей или страх перед неудачей. Даже при хорошей академической подготовке в российских школах не уделяется должного внимания обучению действовать: писать в газеты или местным властям, проводить собрания по насущным вопросам или просто активно и грамотно выражать свой протест по определенной социальной

проблеме. Мы боимся быть «не как все»: убрать грязь на улице, сделать замечание ругающемуся, поговорить с побирающимся ребенком и т.п., и такая смелость – это то, чему стоит и необходимо обучать с раннего возраста.

Способность принимать правильные решения. В данном случае речь идет о том, чтобы ученики могли выбирать себе достойные цели и приоритеты, задумываться над последствиями своих действий и принимать решения, основываясь на благоразумии и здравом смысле.

Честность. В детях следует воспитывать внутреннюю силу быть правдивым, надежным, честным во всех отношениях. Нужно обучать действовать справедливо и с честью.

Доброта. Это качество связывается авторами с такими проявлениями, как: внимательность к другим, вежливость, готовность помочь, понимание и забота, сочувствие, дружба, щедрость, в конечном итоге обращение с окружающими так, как дети хотели бы, чтобы с ними обращались.

Настойчивость. В детях необходимо культивировать целеустремленность, способность преодолевать трудности, не опускать руки, достигать намеченных целей. Школьникам понадобятся терпение и стойкость, чтобы не поддаваться разочарованию от ошибок или неудач.

Уважение. Школьники должны проявлять уважительное отношение к руководству, другим людям, к себе, к собственности, к своей стране. Следует обучать пониманию того, что каждый человек представляет собой ценность.

Ответственность. Она подразумевает надежность в выполнении обязательств, умение сдерживать обещания, отвечать за свои слова и поступки, быть активным участником в жизни своего сообщества. На наш взгляд, отечественной школе во многом недостает практики воспитания именно ответственных, равнодушных граждан, которые бы имели *привычку* замечать проблемы своей местности – от маленьких до больших – и адекватно реагировать на них. Наши школьники в большинстве своем мало задумываются о собственной роли в изменении окружающей обстановки, они воспринимают свой мир как данность, которую формирует кто-то другой. Например, об этом свидетельствуют ответы на вопрос, заданный нами однажды в 4-м классе общеобразовательной школы: что мы можем сделать, чтобы парк и улицы стали чистыми? Среди ответов были: «Надо принять закон против загрязнения городов», «Надо, чтобы ввели штрафы»... – то, что напрямую не в компетенции школьников. Практически никто не предложил организовать уборку или выступить перед другими школьниками на тему необходимости поддерживать чистоту. Формировать *привычку видеть и действовать* – это то, что должно делать современное гражданское воспитание.

Самодисциплина. Это качество связано с силой воли личности и со способностью усердно работать, стремиться к достижению цели, совершенствоваться и вести себя достойно. Это способность контролировать свои сло-

ва, импульсы и поступки, воздерживаться от вредных привычек и проявлять себя наилучшим образом в любой ситуации.

Таковы основные требования Закона 2001, при этом их реализация может быть разной в различных штатах и школах. Главная задача – внедрение в учебный план элементов нравственного и гражданского воспитания.

Для успешной реализации нравственного воспитания исследователи рекомендуют учитывать следующие критерии:

- привлечение общественности;
- разработка стратегии нравственного воспитания;
- четкость в определении целевых качеств (рекомендуется проводить собрания родителей, учителей, представителей общественности для обсуждения четких дефиниций);
- взаимосвязь с учебным материалом;
- обучение на примере и опыте;
- оценка предпринимаемых шагов;
- пример родителей;
- подготовка и повышение квалификации кадров;
- активная деятельность учащихся;
- поддержка программы (финансирование, помощь координаторам, обучение, система контактов между учителями, внедряющими программу).

Распространен подход, при котором каждый месяц посвящен определенному качеству (Честность, Уважение и т.п.). В конце месяца школьным коллективом отмечаются ученики, показавшие наибольшее владение данным качеством. Разрабатываются комплексы полезных советов координаторам, директорам школ, однако мы остановимся на методах и приемах, доступных рядовым учителям. Среди таких методов и приемов нет тех, которые были бы кардинально новы для педагогики, однако в отечественной школе их применение единично, не системно, зачастую приоритет получают цели, связанные с усвоением учебного материала, а не формирование при этом привычки нравственного и гражданского поведения.

Прежде всего, сам учитель играет большую роль в воспитании нравственности и гражданственности. Он должен являться одним из ярчайших примеров для подражания, демонстрировать уважение к окружающим, предъявлять моральные требования, четко выполнять обещанное, быть справедливым. Не следует пренебрегать даже деталями: поднять бумажку в коридоре, оставить после урока чистую доску и т.п.

Большое внимание в школах США советуют уделять чтению на морально-этические темы и обсуждению в классе героев, их поступков и мотивов. Стимулируются рассуждения, важность приобретают детали. Биографии знаменитых людей разных сфер деятельности также могут служить материалом для анализа. При этом важно очертить разницу между «знаменитостями» и «геро-

ями». Интересен прием «переделывания» сказок, например, на основе мысли о том, что отрицательные персонажи вдруг стали не такими плохими.

«Мой личный герой» – так советуют исследователи назвать одно из главных сочинений школьников, в котором основная роль отводится нравственным достижениям и качествам выбранной фигуры. Пусть учитель назовет и своего героя, объяснив собственный выбор. Можно отмечать дни рождения великих людей, обсуждая их достижения и лучшие качества. В языковых умениях можно поупражняться и при написании адресных писем: благодарственных записок, обращений к чиновникам, писем в редакцию.

Полезными считают обсуждения и разъяснения некоторых правил, которые школьникам следует соблюдать: почему недопустим плагиат, почему нельзя опаздывать, зачем носить школьную форму и т.п. Хорошо, если сами ученики сделают правильный вывод.

Самостоятельной активности школьников придается большое значение. В качестве домашнего задания рекомендуется проведение исследования (например, достижений выдающейся личности), наблюдение за поступками окружающих и их оценка, поиск статей на нравственные темы, опрос знакомых, родственников. Распространено ведение личных журналов, где отмечаются результаты наблюдений, собственные поступки, комментарии и т.п.

Практика деятельности – важная сторона нравственного воспитания школьников США. Моральные качества воспитываются как на уроке, так и во внеурочное время. Например, современные учащиеся активно задействованы в помощи своему району, благотворительности, волонтерской работе и подобной деятельности. Рекомендуется, к примеру, организовать шефство над престарелыми людьми с коллективным обсуждением того, что класс может сделать для своего подшефного. При этом такая деятельность может быть организована любым учителем даже в рамках преподавания своего отдельного предмета. При корректном планировании, мотивации и руководстве подобный проект вполне может оказаться успешным, дать результаты, стать основой для дальнейшей деятельности и служить примером для коллег. В советской школе широко практиковалась общественно полезная деятельность. Отличия американского «обучения через служение обществу» (service learning) в том, что большая роль отводится обсуждению, размышлению над проектом (этап осмысления является главным). Школьники сами предлагают, обсуждают варианты, организуют деятельность и – в конце – представляют свои мысли и чувства по поводу проделанной работы. Помимо того, деятельность в данном случае тесно связана с учебным материалом, а также с большей самостоятельной работой по поиску новых знаний, требующихся для осуществления проекта.

При работе в классе активность стимулируют следующие методы и приемы: решение конфликта или ситуации в паре или в группе, ролевые игры,

представления, упражнения-игры, помощь друг другу по предмету. Приведем примеры.

Работа в парах.

Попросите детей стать в два ряда лицом друг к другу (линия X и линия Y). Дождитесь тишины и объясните заданную ситуацию. Дайте ученикам 30 секунд подумать над своей ролью, и при команде «Начинайте!» они приступают к разговору с партнером. Через две минуты по вашему сигналу школьники замирают на месте.

Примерные ситуации:

1. Линия X – Робин, Y – Лесли. Лесли просит Робина дать ей свою старую школьную работу, которую намеревается выдать за свою. Хотя Лесли хорошая подруга Робина, он не приветствует обман.

2. Линия X – Трейси, Y – Тоби. Трейси передразнила Тоби за его сильный акцент.

Обсуждение.

1. Как вы себя чувствовали в своих ролях? В какой из них вам было наименее комфортно? Почему? В какой сцене ваш персонаж был похож на вас?

2. Поделитесь с классом своими решениями разыгранных ситуаций. Было ли много разных решений? С какими подобными ситуациями вы можете встретиться в своей жизни?

3. Какие действия вашего партнера помогли в достижении решения? А какие поступки разочаровали вас? Что бы вы или ваш партнер могли сделать иначе?

Упражнения-игры

Попросите двух учеников (девочку и мальчика, возможно, разных национальностей) выйти к доске. Дайте задание остальным назвать признаки, по которым эти двое школьников различны. Пусть мальчик и девочка отходят друг от друга на шаг при каждом названном признаке (пол, одежда и т.п.).

Затем попросите класс назвать общие черты: строение, язык общения, разум, цвета в одежде, город проживания, номер школы и т.п. Двое у доски должны сближаться по мере называния общих черт. Вскоре им некуда будет двигаться, и игру придется остановить, поскольку общих черт больше, чем различий.

В заключение суммируем некоторые общие рекомендации американских авторов учителям, взявшим на себя ответственность воспитать нравственное и высокогражданственное поколение. Они заключаются в семи О (по-английски 7 O's). Итак, определив качество:

объясните его – дайте определение, проиллюстрируйте, обсудите его важность;

открывайте его – в литературе, истории, жизни;

лицетворяйте его – своим примером;
ожидайте его – с помощью правил, договоров и последствий;
обладайте им – непосредственно;
ободряйте его достижение – через постановку целей, практику, самооценку;
оценивайте его – демонстрируя обратную связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Character Education – ERIC Resources. www.indiana.edu/~eric_rec/ieo/bibs/characte.html
2. Character Education Information Handbook and Guide. www.ncpublicschools.org
3. Character Education Quality Standards. Character education partnership, 2008. www.character.org

О.Е. Savelyeva

Some Modern Approaches to Character Education in the USA

Key words: *education; moral traits; the USA; contents and methods; recommendations.*

The goal of the article is to draw the reader's attention to the problems of civic and character education at schools, as well as to give the idea of the contemporary American approaches to the contents and the methods of these important parts of education. This article can be the ground for creative implementations of the foreign experience in the work of Russian schools.

Т.Е. Денисович

Смоленский государственный университет

УДК 37.01

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *методология; культурология; противоречия; культура; педагогическая культура; научные школы; предмет исследования; аксиологический, технологический, личностно-атрибутивный компоненты; опережение; консерватизм.*

Статья посвящена анализу противоречий в современной теории педагогической культуры. Их обнаружение является одним из эффективных способов определения направлений исследования в данной отрасли гумани-

тарного знания. Изучение работ различных отечественных научных школ позволяет зафиксировать ряд противоречий: предметно-исследовательского, методологического и сущностно-типологического. По мнению автора, наличие выявленных противоречий свидетельствуют о достаточных возможностях этой теории перейти на качественно новый уровень теоретических исследований.

Для исследователя поиск и анализ противоречий внутри любой научной теории является закономерным способом определения направлений ее дальнейшего развития. Их обнаружение свидетельствует не о недостатках, а напротив, достоинствах и степени развитости научного знания. Наличие противоречий в теории педагогической культуры, обозначенных в данном тексте и оставшихся необнаруженными автором, позволяет зафиксировать потенциальные возможности дальнейшего движения научной мысли. Проблематика отечественной теории педагогической культуры, в пространстве становления которой идет поиск противоречий, стала активно развиваться в 90-х годах прошлого века и продолжает развиваться сегодня. В зависимости от уровня исследований их фарватер и архитектуру задает философско-культурологическая проблематика, собственно теория педагогической культуры, а также практика развивающего образования и общества. Учитывая, что исследование сложнейшего феномена педагогической культуры требует всестороннего и междисциплинарного подхода, следует признать относительную ограниченность понимания ее сущности в пределах только одной науки, в частности, педагогики. Поэтому обращение многих ученых не только к философии как методологии исследования, но и к психологии, истории, социологии, правведению и другим наукам не случайно, а является обязательным дополнительным научным ресурсом пополнения объема и повышения уровня теории педагогической культуры.

В научно-педагогическом информационном пространстве по анализируемой теории мы находим исследования следующих авторов, это – А.В. Барбанщиков, С.Н. Батракова, Е.П. Белозерцев, В.Л. Бенин, А.Г. Бермус, В.Б. Бойко, Е.В. Бондаревская, В.Н. Введенский, И.Е. Видт, О.В. Гукаленко, А.В. Иванов, С.П. Иванова, И.Ф. Исаев, Т.Е. Исаева, П.Г. Кабанов, В.В. Краевский, Н.Б. Крылова, Н.В. Кузьмина, В.С. Кукушин, В.С. Кульневич, Н.И. Лифинцева, Л.И. Мищенко, Л.С. Подымова, Е.В. Попова, Д.А. Салманова, Н.В. Седова, В.А. Слостенин, Л.В. Соколова, А.М. Столяренко, С.Н. Федорова, Е.Н. Шиянов и другие. Теоретики (в частности, Т.Е. Исаева) считают, что сегодня сложилось несколько научных школ по теории педагогической культуры: Е.В. Бондаревской (Ростов-на-Дону), В.А. Слостенина (Москва), И.Ф. Исаева (Белгород), признается также и некоторая обособленность петербургских исследований. Анализ необходимого и достаточного объема работ

ведущих отечественных ученых, разрабатывающих теорию педагогической культуры, позволяет автору обозначить в ней ряд противоречий.

Противоречие 1. Оно обнаруживается в предмете исследования, поэтому и назовем его *предметно-исследовательским противоречием*. Так, в теории педагогической культуры существуют две ярко выраженные точки зрения. Первая точка зрения: педагогическая культура – это составная часть общечеловеческой культуры, обладающая своей сущностью, специфическим содержанием, типологией, и ее следует осваивать каждому человеку, не только людям, профессионально занимающимся педагогикой, но и всем остальным людям, включая взрослых и детей, политиков и экономистов, артистов и журналистов и т.д. Вторая точка зрения: педагогическая культура – это профессиональная культура группы людей, занимающих определенное место в структуре общественного разделения труда, т.е. педагогов. Большинство исследователей избирают предметом исследования вторую точку зрения, но почти все они начинают свои рассуждения с определения педагогической культуры как составной части общечеловеческой культуры, возвращаясь затем к основному предмету своего исследования. Ученые исследуют педагогическую культуру как личностно-атрибутивную и личностно-творческую характеристику педагога, а затем экстраполируют совокупность накопленных и устоявшихся ценностей этой части профессионального сообщества, содержание профессионально значимых качеств на педагогическую культуру как часть общечеловеческой культуры. Более частый выбор теоретиками второго предмета исследования обусловлен, на наш взгляд, тем, что культурологические исследования в педагогике стали активно разрабатываться в то время, когда в деидеологизированных отечественных гуманитарных науках, включая педагогику, приоритетным общенаучным подходом стал личностно-ориентированный, а не социологический подход. Время значительных перемен в нашей стране заставляет ученых обращаться именно к исследованию носителя педагогической культуры (учителя, преподавателя высшей школы, офицера, воспитателя, методиста), так как культура и социум совершают переход на новый качественный уровень за счет отдельных личностей и инициатив группы людей.

Таким образом, в анализируемых текстах обнаруживается постоянная подмена и смешение двух предметов исследования. В выводах ученых педагогическая культура предстает как нечто необходимое и достаточное для получения личностью определенного социального и профессионального статуса, нечто в виде механизмов и техники ее профессионального поведения, но все это, чаще всего, отчуждено от самой личности и возможности обрести свой уникальный личностный облик.

В доказательство вышесказанного приведем примеры из научных исследований некоторых научных школ с констатацией ключевого понятия

«педагогическая культура». Так, Е.В. Бондаревская рассматривает педагогическую культуру в различных планах: в социально-педагогическом как средство педагогизации окружающей среды, носителями и творцами ее являются учителя, родители, педагогические сообщества; с позиций свойств, внутренне присущих образовательным учреждениям как сущностная характеристика среды, уклада жизни, особенностей педагогической системы; в индивидуально-личностном плане как проявление сущностных свойств личности профессиональной деятельности и общения учителя; как социальную среду, способ сохранения межпоколенных отношений и передачи социально-педагогического опыта; как часть духовной культуры; сфера педагогических ценностей, педагогических теорий, мышления, культурные образцы практической деятельности; как сферу педагогической деятельности, закономерности культурной идентификации педагога; личностное свойство всех тех, кто учит и воспитывает. Она дает и другое определение педагогической культуры как исторически развивающейся программы социального наследования, включающей в себя социально-педагогический идеал; адекватные ему формы, методы его достижения, субъекты педагогической культуры, структурированные в определенное педагогическое пространство. Согласно одной из точек зрения В.А. Сластенина, педагогическая культура – это универсальная характеристика педагогической реальности, проявляющаяся в разных формах существования, педагогическая культура – это специфическое проектирование общей культуры в сферу профессиональной деятельности. И.Ф. Исаев исследует педагогическую культуру преподавателя вуза, пути ее формирования и исторические процессы ее становления. Т.Е. Исаева считает педагогическую культуру преподавателя условием и показателем качества образовательного процесса в высшей школе. Н.В. Седова (Санкт-Петербург) предлагает рассматривать ее как культуру отношений в контексте общечеловеческой культуры, полагая, что овладеть педагогической культурой должен каждый человек на протяжении всей жизни.

Следует признать, что авторы этих исследований указывают пути разрешения обозначенного предметно-исследовательского противоречия, обусловленного в целом традицией гуманитарного знания, развивающегося в русле исследований «человек-общество». И.Ф. Исаев при обобщении культурологических исследований по вопросу о связи индивида и культуры, в частности позиции Л.Н. Когана, констатирует следующую особенность: проблема культуры – это проблема взаимодействия людей, в процессе которого происходит их формирование, а социальное взаимодействие обеспечивает актуализацию культуры. Большинство исследователей склоняются к тому, что разобраться в феномене педагогической культуры можно только с позиций взаимоотношений личности и среды ее пребывания.

Итак, для дальнейшего приближения к сущности педагогической культуры есть два возможных варианта. Первый вариант: в связи с тем, что точка зрения на педагогическую культуру как на профессиональную культуру педагога отражает ее развитие в концентрированном виде, надо полагать, что ее сущность более обнажена и лучше поддается исследованию. Познанное в частном можно экстраполировать на общее, т.е. на представление о педагогической культуре как культуре не только отдельной группы людей, педагогов, но и всего общества как его носителя. Второй вариант: в связи с тем, что педагогическая культура является частью общей культуры, следует рассматривать ее сущность в историческом и социологическом контексте, а затем использовать принцип адекватности общего и частного. Возможен выбор ученым одного или другого вариантов направления исследований, и это обусловлено его собственной субъективной позицией. Однако наличное состояние теории педагогической культуры таково, что эти два варианта не являются взаимоисключающими и разрывать обозначенную диалектику нельзя, следовательно, уход от противоречия №1 в исследовании педагогической культуры оказывается невозможным.

Противоречие 2. Оно обнаруживается в самом содержании теории педагогической культуры. Так как в ее обосновании лежит в качестве методологии современная философско-культурологическая модель сущности культуры и противоречие обусловлено этим методологическим основанием, условно назовем его *методологическим противоречием*. Тщательное изучение уже имеющихся теоретических исследований по педагогической культуре свидетельствует об их внутреннем единстве, методологически обоснованном наличным уровнем развития философско-культурологического знания. Все научные школы фактически фиксируют современное состояние теории педагогической культуры с ее единой моделью, составляющими компонентами которой является аксиологический как совокупность ценностей, созданных человеком и определенным образом включенных в педагогический процесс; технологический, представляющий способы и приемы деятельности и общения; личностно-творческий или личностно-атрибутивный, ведущий и раскрывающий механизм саморазвития и самоопределения личности в процессе ее жизнедеятельности.

Анализ деятельности научных школ позволяет предположить, что для дальнейшей разработки теории уже имеются необходимые и достаточные теоретические возможности: 1) выявить в имеющемся единстве противоречия, 2) обозначить их стороны и 3) продолжить исследование по разрешению этих противоречий. В первом компоненте педагогическая культура представлена как совокупность материальных и духовных ценностей или пребывающая в духовных и материальных формах. Очевидно противоречие между духовным и материальным феноменами. В теории в основном изучаются духовные ценности, а материальные ценности или материальные формы бытия педагоги-

ческой культуры почти не исследуются, хотя прекрасно известно, что ни одна культура не может без них существовать. Отсутствуют научные расчеты материального обеспечения духовных процессов не только в образовании, где педагогическая культура предстает как профессиональная, но и материального обеспечения становления педагогической культуры общества как части общечеловеческой культуры. История человечества подтверждает, что в противоречивости материального и духовного нет прямой связи и зависимости, а есть определенные границы и меры, требующие серьезного теоретического анализа и экспериментальных проверок.

Во втором компоненте педагогическая культура – это способ деятельности, и речь идет прежде всего о технологической культуре педагога. Здесь противоречие и его разрешение носит процессуальный характер, и его можно обозначить в виде ситуации постоянного выбора технологий, который педагог осуществляет самостоятельно в процессе своей деятельности, это противоречие между знанием разнообразных технологий и возможностью их применения в конкретной ситуации. Противоречивым представляется и процесс педагогизации общества (Е.В. Бондаревская) как процесс окультуривания населения при освоении им воспитательных механизмов, необходимых всем родителям, политикам, работникам сферы обслуживания, медикам, артистам, журналистам и т.д.

В третьем компоненте педагогическая культура – это личностно-атрибутивное качество педагога. Изучение исследований по этому направлению чаще всего показывает, что они завершаются констатацией ценностей, качеств, компетенций, отчужденных от самой личности педагога или желаемых социумом. Авторы исследований недостаточно четко определяют механизмы разрешения противоречия между профессионально должным и личностно сущим в становлении педагога, не рассматривается и зависимость становления педагогической культуры педагога как его профессионально-атрибутивного качества от типа его индивидуальной культуры. На наш взгляд, изучение психолого-педагогических характеристик учителя как типа личности (В.А. Сонин) может быть дополнительным импульсом научного поиска в этом направлении. Обогалят дальнейшие исследования и использование биографического анализа, направленного на выявление личностных характеристик педагогов, который предлагает И.Ф. Исаев, исследуя проблемы становления профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы в России.

Противоречие 3. Исторический подход к исследованию педагогической культуры позволяет фиксировать данный феномен как развивающийся в реальном времени и пространстве. Он позволяет определить: 1) основное противоречие между культурой отдельной группы людей и культурой общества; 2) этапы развития педагогической культуры, ее сущностных и типологических

характеристик, форм ее бытия, их внутреннее единство и противоречивость; 3) факторы внешнего воздействия на педагогическую культуру. Назовем это противоречие *сущностно-типологическим*. В современной теории уже существуют основания фиксации положений, свидетельствующих о внутренней противоречивости развития педагогической культуры и культуры общества. Так, И.Ф. Исаев, проводя анализ развития педагогической культуры преподавателя высшей школы в дореволюционной России, делает вывод о парадоксальном свойстве педагогической культуры как развивающейся обратно-пропорционально действиям официальных властей. Он выявляет следующую закономерность: чем консервативнее и жестче в обществе складывается ситуация по отношению к образованию и носителям педагогической культуры, т.е. процветает авторитарная политическая культура, тем интенсивнее развивается педагогическая культура. Не приводя конкретных хорошо известных фактов, можно сказать, что ситуация подобной *обратной зависимости* наблюдалась в нашей стране и на рубеже XX и XXI веков. В условиях сложнейшей экономической и политической ситуации, процветания культуры хаоса в стране наблюдался инновационный бум в образовании, связанный с освоением новых целей, ценностей, технологий, с созданием новых образовательных пространств, с появлением новых направлений научно-педагогических исследований. Все перечисленное, без сомнения, свидетельствовало о росте педагогической культуры и переходе на качественно новый этап ее становления. Многие исследователи фиксируют проявление этой сущностной тенденции и особенности педагогической культуры как культуры опережения развития социума. Действительно, педагогическая культура является важнейшим фактором развития культуры любого общества и государства. С выходом общечеловеческой культуры и педагогической культуры как составной части из традиционных рамок и переходом ее к креативному этапу развития (М.С. Каган, В.С. Гершунский) в глобальном и локальном масштабе педагогическая культура обеспечивает своеобразный «прорыв», неся в себе потенциал опережения развития социума. В этом смысле культуросообразное построение образовательных учреждений является наиболее адекватным запросам развивающегося общества, и разработка рекомендаций по построению таких учреждений и освоению педагогами знаний и ценностей культуросообразной деятельности – это одно из направлений развития теории педагогической культуры. Вместе с тем педагогическая культура как «программа социального наследования» должна обладать консерватизмом, обеспечивающим сохранение культурных традиций, быть фактором самосохранения национальной культуры. Таким образом, и в этой части рассуждений не удастся уйти от вновь обозначенных противоречий, наличие которых свидетельствует о достоверности фундаментальных исследований в теории педагогической культуры и возможности дальнейшего продвижения к истине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаревская Е.В. Развитие идей педагогической культуры в новых условиях // Введение в педагогическую культуру. Ростов-н/Дону, 1995.
2. Бондаревская Е.В. Педагогическая культура как общественная и личная ценность // Педагогика. 1999. № 3.
3. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
4. Седова Н.В. Педагогическая культура учителя. СПб., 2003.
5. Слостенин В.А. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 3.
6. Сонин В.А. Учитель как социальный тип личности. СПб.: Речь, 2007.

T.E. Denisovich

The Contradictions of the Contemporary Pedagogical Culture

Key words: *methodology; culture study; contradictions; culture; pedagogical culture; scientific school; subject of investigation; axiological; technological; personality attribute; advance; conservatism.*

This article is devoted to analysis of the contradictions in the contemporary pedagogical culture theory. Finding them helps the author to determine the research development in this branch of knowledge. During the research objective, methodological, typological contradictions have been found. The author of this article believes that the presence of these contradictions indicates sufficient potential of this theory to achieve the new qualitative level of scientific research.

М.А. Симоненко

Смоленский гуманитарный университет

УДК 159.922

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: *сознание; самосознание; структура сознания; функции сознания; человек; личность.*

В статье рассматривается понятие сознания как высшей интегрирующей формы психики. Раскрываются подходы к уровневой «градуировке» сознания.

Сознание – высшая, свойственная человеку форма обобщенного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего

мира, формирование у человека внутренней модели внешнего мира, в результате чего достигается познание и преобразование окружающей действительности, считают П.И. Сидоров, А.В. Парняков [9].

Сознание есть высшая интегрирующая форма психики, результат общественно-исторических условий формирования человека в трудовой деятельности при постоянном общении (с помощью языка) с другими людьми.

Л.С. Выготский [3], В.П. Зинченко [5] выделяли два основных слоя сознания:

1) бытийное сознание (сознание для бытия, экстравертированное сознание) выполняет свои функции при организации текущего поведения, где необходима актуализация нужного в данный момент времени чувственного образа и нужной двигательной программы;

2) рефлексивное сознание (сознание для сознания) более соотносится со значением и смыслом для человека содержания общественного сознания, т.е. того мира идей, понятий, житейских и научных знаний, которые он усвоил.

А.Г. Спиркин [11] предлагает выделять в структуре сознания три основных сферы, а именно: когнитивную (познавательную), эмоциональную и волевою.

Когнитивную сферу составляют познавательные способности, интеллектуальные процессы получения знаний и результаты познавательной деятельности, то есть сами знания. Традиционно выделяют две основные познавательные способности человека: рациональную и сенситивную.

Рациональная познавательная способность – это способность к формированию понятий, суждений и умозаключений, именно она является ведущей в когнитивной сфере.

Сенситивная познавательная способность – это способность к ощущениям, восприятиям и представлениям, которые выступают базой для рациональных знаний.

Помимо интеллекта и сенситивных способностей в когнитивную сферу входят внимание и память. Память обеспечивает единство всех сознательных элементов, внимание дает возможность концентрироваться на каком-то определенном объекте. На основе интеллекта, способности к ощущениям, внимания и памяти формируются чувственные и понятийные образы, которые и составляют содержание когнитивной сферы.

Эмоциональная сфера сознания – это сфера потребностей, интересов и целей. Элементами эмоциональной сферы являются эмоции. Эмоции представляют собой отражение ситуации в форме психического переживания и оценочного отношения к ней. Эмоциональная сфера сознания также участвует в познавательном процессе, повышая или, напротив, снижая его эффективность.

Волевая сфера сознания представлена мотивами, интересами и потребностями в единстве со способностью достигать цели. Главный элемент этой сферы – воля, то есть способность человека к достижению своих целей.

Функция сознания заключается в формировании целей деятельности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, что обеспечивает разумное регулирование поведения деятельности человека. В сознание человека включено определенное отношение к окружающей среде, к другим людям.

Сознание развивается у человека только в социальных контактах. В филогенезе оно развивается и становится возможным лишь в условиях активного воздействия на природу, в условиях трудовой деятельности. Сознание возможно лишь в условиях существования языка, речи и возникает одновременно с ними в процессе труда.

Процессы взаимной трансформации значений и смыслов выступают средством диалога и взаимопонимания. Бытийный и рефлексивный слои сознания находятся в тесной взаимосвязи. Каждый из них выполняет свои функции, и при решении различных жизненных задач может доминировать либо один слой сознания, либо другой.

П.Р. Чамата считает, что «сознание возникло сразу в своих двух формах – в форме предметного сознания и самосознания» [13, с. 236].

И.И. Чеснокова [14], вопреки традиции, не считает самосознание уровнем проявления сознания. Хотя сознание и самосознание по своему происхождению – однопорядковые явления психики, но оба достаточно сложны, и каждое из них представляет собой многоуровневую систему.

На наш взгляд, И.И. Чеснокова несколько сужает трактовку самосознания, дифференцируя его с сознанием лишь по признаку «внешнее – внутреннее», не рассматривая сам процесс осознания, рефлексии. Она пишет: «Самосознание не есть самостоятельное явление психики. Оно – тоже сознание, только с иной направленностью <...> Если сознание ориентировано на весь объективный мир, то объектом самосознания является сама личность. В самосознании она выступает и как субъект, и как объект познания» [14, с. 29].

Отказ от включения рефлексии в самосознание является принципиальной позицией И.И. Чесноковой: «Самосознание есть всегда сознание самого себя как сознательного субъекта, человека, реального индивида, а вовсе не сознание своего сознания» [14, с. 50].

Г.В. Акопов [1] анализирует работу В.М. Бехтерева «Сознание и его границы» и отмечает, что в хорошо операционализируемую уровневую систему сознания включаются все возможные направления его «интервенции». В зависимости от содержания сознания («присутствие в сознании сфер тех или других представлений») В.М. Бехтерев считал возможным говорить о «специальных видах сознания». С качественной точки зрения В.М. Бехтерев

выделяет шесть форм сознания, которые определяют также различные степени развития содержания сознания (от низшей к высшей): сознание своего существования; сознание своего тела; сознание окружающего пространства; сознание времени; сознание своей личности; сознание своего сознания.

Характеризуя простейшую форму сознания (сознание своего существования), В.М. Бехтерев пишет о «неясном безотносительном чувствовании собственного существования». Следующая форма (сознание своего тела) не вполне соответствует по сути своему названию, так как В.М. Бехтерев определял ее как «группу представлений о “Я” как субъекте, в отличие от “не-Я”, или объекте, и которой вырабатывается так называемое самосознание». Однако В.М. Бехтерев имеет в виду для этой второй формы именно рефлексированные телесные самоощущения – «состояния сознания, когда в нем присутствует или, что все равно, каждую минуту может быть вызван ряд представлений о положении собственного тела, о движении его членов и пр.» [1, с. 116-117].

Сознание пространства В.М. Бехтерев объясняет как сознание пространственных представлений об окружающем мире.

Высшую степень (форму) сознания В.М. Бехтерев определяет как «то состояние внутреннего мира, когда человек, с одной стороны, обладает способностью по произволу вводить в сферу сознания те или другие из бывших прежде в его сознании представлений, с другой – может давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы». В.М. Бехтерев называет сознание этого уровня способностью самопознания и считает ее «характеристичнейшим признаком полного сознания» (в современной терминологии – рефлексия).

А.Г. Спиркин считает, что можно говорить о ясном и темном, или сумеречном, сознании, когда осознание чего-либо носит «резко сниженный, смутный, сумбурный, клочковатый характер» [11, с. 43]. Сознание может быть максимально концентрированным и резко рассеянным. Бодрствуя, человек каждое мгновение «находится в сознании», но осознание им действительности осуществляется в виде дискретных актов сознания.

Если обратиться к структуре сознания П.В. Симонова [10] (подсознание – сознание – сверхсознание), то недизъюнктивность характерна для крайних уровней, т. е. подсознания и сверхсознания. П.В. Симонов включает в подсознание то, что было осознанным ранее или может стать осознанным в текущий момент при определенных условиях.

Ю.Б. Гиппенрейтер считает, что такая «неоднородность подсознания существенно усложняет его изучение и связь с другими уровнями. Логичнее было бы ту часть, которая может при определенных условиях стать осознанной, назвать предсознанием [4, с. 27].

«Сверхсознанием» П.В. Симонов называет порождение новой, ранее не существовавшей информации без контроля осознанного волевого усилия (как результат творчества) [10]. По логике П.В. Симонова, функциональная оправданность подсознания связана с защитой сознания от излишней работы и психических перегрузок, а оправданность сверхсознания связана с защитой от преждевременного вмешательства сознания, от «чрезмерного давления ранее накопленного опыта». Без этого (сверхсознания) мы получаем здравый смысл, псевдоочевидность, догматизм [10, с. 183].

Таким образом, в уровневой структуре П.В. Симонова подсознание связано с хорошо усвоенным прошлым опытом, сознание – с текущим опытом, а сверхсознание – с необходимостью нового опыта. Неясен, однако, механизм обращения к прошлому или будущему опыту. Дополнение схемы предсознанием может решить эту проблему (рис. 1).

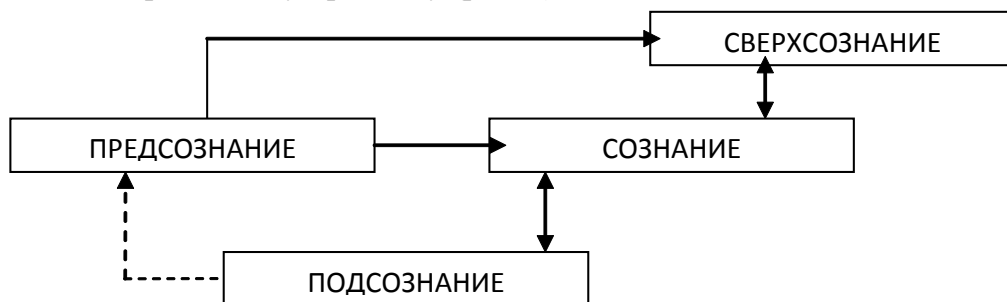

Рис. 1. Схема уровней сознания, основанная на модели П.В.Симонова

Согласно П.В. Симонову, в то время как формами проявления сознания являются вербальные понятия, математические знаки, художественные образы, язык подсознания – это кинестетические, слуховые, зрительные и другие образы, поэтому возможен прямой выход на подсознание, например, средствами имитационного поведения.

Таким образом, подсознание разгружает, облегчает работу сознания. С другой стороны, в отличие от научного познания, адресуемого только к сознанию других людей, произведения искусства, наряду с сознанием, обращаются к под- и сверхсознанию воспринимающего субъекта. Искусство вызывает подсознательные ассоциации, мобилизует подсознательный опыт, формирует наряду с осознаваемым и неосознаваемое отождествление себя с теми или иными героями, их мыслями, состояниями, поступками и т. д. [10].

Сходную уровневую структуру сознания находим у Ю.Б. Гиппенрейтер [4] (рис. 2).

Подсознание здесь включает неосознаваемые механизмы сознательных действий, состоящие из трех подклассов: неосознаваемые автоматизмы, возможно, и сознававшиеся в прошлом; явления неосознаваемой установки;

неосознаваемые сопровождения сознательных действий (непроизвольные движения, мимика и др.).

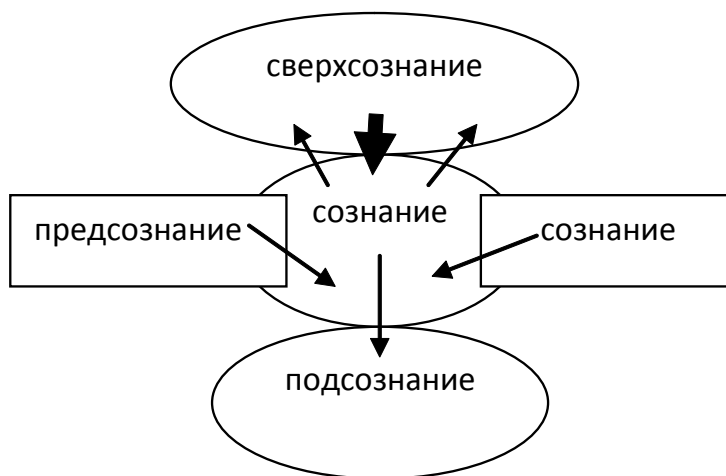

Рис. 2. Структура уровней сознания, по Ю.Б. Гиппенрейтер

Предсознание определяется как неосознаваемые побудители сознательных действий (сновидения, ошибки, забывание вещей, намерений, имен; описки, оговорки и т. д.), невротические симптомы.

Надсознательные процессы, согласно Ю.Б. Гиппенрейтер, развертываются в форме длительной и напряженной работы сознания, в результате которой появляется некий интегральный итог в виде новых идей, отношений, чувств, поступков, ранее не осознававшихся (творчество, интуиция, «катарсис»), что напоминает уровень «сверхсознания» в структуре, предложенной П.В. Симоновым.

Похожую структуру находим также у В.М. Аллахвердова. Базовым содержанием сознания автор называет «не осознаваемую в данный момент информацию, которая, тем не менее, влияет на то, что мы осознаем <...> Часть базового содержания может стать осознанной, но все базовое содержание не может стать полностью осознанным никогда». Автор рассматривает также понятие «поверхностного содержания сознания, или поверхность сознания», включающее «догадки и выставленную на проверку этих догадок информацию» [2, с. 313].

Существуют и другие подходы к уровневой «градуировке» сознания. Так, Е.И. Кузьмина связывает уровень развития сознания с тем или иным рангом рефлексии:

I ранг («образ себя») – «субъект видит себя воспринимающим препятствие в деятельности»;

II ранг («модель себя») – «субъект анализирует то, как он видит себя воспринимающим препятствие» [6, с. 9].

Иную градуировку выстраивает Е.В. Улыбина, определяя три следующих уровня сознания: уровень мифа – слитность, неразделенность частного и общего, амбивалентность содержания и невозможность существования противоречий; уровень обыденного сознания – многозначность, совмещение противоположностей; рефлексивное сознание (рациональный уровень) – ориентация на однозначность, определенность понятий, стремление к построению непротиворечивой картины мира [12].

В теоретической схеме контакта и свободы сознания в случае достаточной широты и интенсивности контакта уровень сознания растет с ограничением свободы; при фиксированной степени свободы уровень сознания растет с расширением или углублением контакта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов Г.В. Проблема сознания в российской психологии: учеб. пособие. М.: МО-ДЭК, 2004.
2. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1–6. М.: Педагогика, 1982.
4. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988.
5. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15-36.
6. Кузьмина Е.И. Психология свободы. М., 1994.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии СПб.: ПИТЕР Ком, 1999.
9. Сидоров П.И., Парняков А.В. Введение в клиническую психологию: учеб. для студ. мед. вуз. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
10. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М., 1987.
11. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
12. Улыбина Е. В. Обыденное сознание: продуктивность противоречий в развитии сознания // Мир психологии. 199. № 1(17). С. 128-140.
13. Чамата П.Р. К вопросу о генезисе самосознания личности // Проблемы сознания: мат. симп. М., 1966. С. 228-239.
14. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.

M.A. Simonenko

The Theoretical Study of Level Structure of Consciousness

Keywords: consciousness; self-consciousness; the structure of consciousness; the functions of consciousness; man; personality.

This article provides the definition of consciousness as a higher integration form of mentality. It reveals the methods of level «graduation» of consciousness.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА МЫШЛЕНИЯ

Ключевые слова: мышление; субъект; полезависимость-полenezависимость; личностное развитие; мышление как процесс.

Применение субъектного и процессуального подходов к исследованию мышления показывает, что в процессе решения задач происходит и микроизменение личностных характеристик (мотивации, способностей, когнитивного стиля, сознания, бессознательных установок и др.). В экспериментах продемонстрированы микродвижения, в том числе таких личностных свойств, как когнитивные стили – полезависимости-полenezависимости (Н. Witkin).

Значимой задачей для психологии оказывается рассмотрение закономерностей функционирования человека как субъекта тех отношений, в которые он вступает, в целом – как субъекта различных форм бытия. Становление человека субъектом политических, нравственных, семейных отношений, субъектом профессиональной деятельности (права, экономики, психологии, того или иного производства и т.д.), а не обычным исполнителем является важной целью общественного развития. Реализация этой гуманной цели требует создания условий для формирования целостности, интегральности, самодостаточности, относительной завершенности, способности к саморегуляции, которые бы проявлялись на всех уровнях системной организации психического мира индивида.

Наш взгляд, наиболее систематически и последовательно психологическая теория субъекта разрабатывается в рамках философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна и его последователей. С.Л. Рубинштейн одним из первых ввел понятие «субъект» в онтологию, в реальное бытие личности. В настоящее время уже сформулирован методологический принцип субъекта (К.А. Абульханова-Славская), который успешно развивался А.В. Брушлинским и другими.

Традиционное психологическое понимание природы субъекта часто связано лишь с отношением человека к себе (и другим) как к деятелю, как инициатору и источнику различных видов предметной деятельности (А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко и др.), в частности, педагогической деятельности (В.А. Сластенин, Е.Н. Волкова и др.). При этом субъектность (как овладение деятельностью) выступает одной из многообразных характеристик личности и является менее общим образованием по отношению

к личности, индивидуальности и т.д. Не умаляя значения данного аспекта в рассмотрении критериев, характеристик субъекта, необходимо отметить еще одну сторону содержания субъекта (к сожалению, остающуюся до настоящего времени вне основного поля внимания ученых) – его отношение к собственным психическим процессам, свойствам, переживаниям, состояниям. В современной мировой и отечественной психологии активно подчеркивается несводимость психических процессов к деятельности, отсутствие тождества между такими понятиями, как «познавательный процесс» и «деятельность», «личностное свойство» и «деятельность», «состояние» и «деятельность» (А.В. Брушлинский, В.В. Давыдов, Ю. Энгештрем (Y. Engestrom) и др.).

Таким образом, понятие «субъект» является достаточно высоким обобщением, включающим в себя различные уровни проявления активного, инициативного, интегративного, системного начала. Важной характеристикой субъекта, вероятно, будет выступать его многоуровневая природа и множественность конкретных проявлений, что предопределяет его функцию интегратора самых различных свойств. Целостность, единство, интегральность являются важными свойствами субъекта, которые выступают основой для системности всех его психических качеств, часто весьма противоречивых и трудно совместимых (А.В. Брушлинский).

Субъект в теории А.В. Брушлинского не всегда является личностью, его содержание оказывается более широким (например, существует групповой субъект). Тем не менее не всякая группа людей является субъектом, хотя любая личность выступает в качестве субъекта.

Важную роль в становлении человека субъектом психических отклонений и разных деятельностей играет его мыслительная активность. Человек как субъект жизнедеятельности – это прежде всего субъект мышления. Данное положение определяется тем, что появление субъекта в онтогенезе неразрывно связано с возникновением познавательного объекта. Субъект как факт онтологии во многом становится (формируется) через гносеологическое отношение субъекта к объекту. Способность отражать мир как объективную реальность, как самодостаточную и относительно независимую от личности сущность предопределяет появление субъекта, которое является генетически исходным по отношению к формированию (возникновению) личности в онтогенезе. Это предопределяет важную роль проблемы соотношения личности и мышления, личности и других психических функций в рассмотрении психологического содержания субъекта.

В современной психологии сложился достаточно серьезный разрыв между «психологией личности» и «психологией познавательных процессов», который уже с начала 50-х годов становится очевидной и «нетерпимой» реальностью как для отечественных, так и для зарубежных психологов.

подавляющее большинство исследований взаимосвязи личности и мышления сводится к установлению определенных форм связи (в лучшем случае, корреляционных) между личностными характеристиками и результативными показателями мышления. В это время два «айсберга» – мышление и личность продолжают автономно двигаться, не соприкасаясь друг с другом, а задача психолога сводится к установлению внешних аналогий между ними, к регистрации их возможных одновременных пульсаций, колебаний и изменений.

Проблема соотношения личности и мышления только сейчас начинает оформляться в качестве специальной области *теоретического* психологического знания. Она становится особенно востребованной в теории личности как субъекта жизнедеятельности в двух основных аспектах. Первый заключается в том, что в психологии субъекта особую роль играют мыслительные процессы, обеспечивающие критическое освоение социального опыта, самостоятельность, саморегуляцию и в конечном итоге возможность индивидуального развития личности. Второй аспект связан с тем, что человек выступает субъектом не только различных видов деятельности, но и психических процессов, свойств, переживаний. В этом случае проблема соотношения личности и мышления, личности и вообще всех психических функций (насколько они автономны, независимы друг от друга, насколько согласованы и т.д.) приобретает решающее значение для понимания критериев и сущности развития субъекта.

В современной психологии (особенно зарубежной) накоплен достаточный фактологический, экспериментальный материал, свидетельствующий о независимости, автономности личности от мышления. Некоторые эмпирические исследования не показывают значимых корреляционных связей между интеллектом и чертами личности (однако личностные особенности здесь отождествляются со структурными параметрами темперамента, которые, по определению, относятся к формально-динамической стороне психического). Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой интеллект не зависит от личностных свойств и никаким образом не связан с интересами, мотивацией личности. Существует ряд иных эмпирических исследований, свидетельствующих о тесной зависимости между личностными установками, мотивацией, способностями и процессами мышления (А.М. Матюшкин, В.А. Крутецкий, Н.Л. Элиава, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Д. Шадриков и др.). Таким образом, в современной психологии существует противоречие, которое выражается в том, что интеллект, мышление часто оказываются «независимыми», аличностными факторами, действующими сами по себе, без отношения к субъекту, который на самом деле является подлинным источником интеллекта, мышления, восприятия и др.

Существенные противоречия в трактовке проблемы взаимосвязи личности и мышления в современной психологии определяются отсутствием субъ-

ектного и процессуального подходов к рассмотрению этой проблемной зоны. Основной *идеей* нашего исследования поэтому выступает то, что именно прослеживание связи мышления и личности на процессуальном уровне позволяет установить микроизменения личностных свойств под влиянием мышления и снять ряд исходных противоречий и несоответствий через использование субъектной парадигмы становления психического мира человека.

В нашей работе стояла задача проследить наличие возможных микро-трансформаций, микроизменений самых различных сфер личности, происходящих под влиянием процессов мышления. Общая *логика* построения исследований заключалась в следующем. Несколько упрощая, можно сказать, что мышление и личность соотносятся как часть и целое. В норме они образуют единство, но не тождество. Следовательно, если с изменением уровней и фаз функционирования мышления как процесса будут наблюдаться микроизменения личностных параметров, то это выступает свидетельством того, что личностные и мыслительные компоненты находятся в *тесном взаимодействии*. В исследовании рассматриваются экспериментальные данные влияния мышления субъекта на изменение его мотивации, способностей, сознания и базовых личностных свойств.

На полюсе мотивации и способностей в исследовании выступили два наиболее обобщенных и жизнеспособных когнитивных стиля – полезависимость и полenezависимость, предложенные в рамках концепции психологической дифференциации (Н. Witkin, R. Dyk, D. Goodenough).

Многочисленные исследования последних лет показали, что когнитивные стили (полезависимость – полenezависимость) относятся, прежде всего, к личностному аспекту мышления. Это определяется несколькими причинами: 1) стиль является инструментальной, готовой, сформированной структурой мышления; 2) стиль объединяет в себе когнитивные и мотивационные компоненты; 3) стиль представляет собой в той или иной мере способность человека (познавательную и интерактивную); 4) стиль так или иначе организует процесс мышления; 5) в функциональном плане стиль обусловлен внешними требованиями, а значит, содержанием отражаемого.

Стилевые особенности сопрягают в себе *мотивационные* параметры, показатели *способностей, направленности*, что обеспечивает их функционирование в качестве *личностных* образований. То, что стиль обеспечивает реальную жизнедеятельность человека, его индивидуализированное поведение, познание, своеобразную саморегуляцию, позволяет с уверенностью включить его в *субъектные* свойства человека. Таким образом, когнитивный стиль (полезависимость – полenezависимость) оказывается центром притяжения и сосуществования характеристик субъекта и традиционных свойств личности (мотивации, способностей, направленности). Зрительная и в целом перцептивная полenezависимость выступает в каче-

стве начала, одного из источников более общей личностной независимости, субъектности.

Начало наших экспериментов было посвящено выявлению влияния полнезависимости – полнезависимости (как личностного образования) испытуемых на протекание их процесса мышления при решении задач. В ходе основных трех серий экспериментов участвовали 292 человека. Исходная выраженность когнитивного стиля (зависимости – независимости от поля) была прокоррелирована с принятием – отвержением подсказки при решении испытуемыми перцептивной задачи.

Значимой связи между начальной полнезависимостью и принятием подсказки не обнаружено ни в одной из серий эксперимента. В первой серии проявилась обратная зависимость: исходная полнезависимость испытуемых тесно коррелировала с принятием подсказки при решении перцептивной задачи ($r = -0,46$; $p < 0,002$).

Качественный микросемантический анализ протоколов эксперимента показал, что во всех случаях принятие – непринятие подсказки, перенос решения одного задания на другое определялись, прежде всего, реальным, достигнутым уровнем обобщения субъектом условий и требований основной и вспомогательной задач, несмотря на существенные различия в исходном когнитивном стиле испытуемых. Этот вывод подтвердили вторая и третья серии экспериментов. В этом случае значимой связи между полнезависимостью – независимостью и принятием – непринятием подсказок не обнаружено ($r = -0,24$; н. з.), подобные результаты мы наблюдали и в третьей серии ($r = -0,16$; н. з.). Наличие высоких корреляционных зависимостей между начальной полнезависимостью субъектов и принятием подсказки в первой серии свидетельствует о том, что не их исходная полнезависимость выступила в качестве причины принятия подсказки, но что полнезависимые оказываются в среднем гораздо более интеллектуально развитыми людьми и их общие умственные способности позволяют более успешно проанализировать основную задачу, более эффективно соотнести ее условия и требования и в конечном итоге включить подсказку в дальнейший мыслительный поиск.

Следующая часть экспериментальной работы была направлена на определение изменений исходных личностно-познавательных характеристик (когнитивного стиля) в то время, когда человек становится субъектом мышления, начинает осуществлять познавательную активность. Были получены данные о микроизменении личностных свойств в процессе познавательной деятельности субъекта. Наиболее заметные изменения когнитивного стиля наблюдались на различных уровнях мышления как процесса в условиях переживания успеха – неуспеха деятельности со стороны испытуемых.

В целом, в ситуации успеха деятельности (при развитых мыслительных процессах, высоких уровнях обобщения) у испытуемых существенно изме-

нялся исходный когнитивный стиль в сторону полнезависимости. Полезависимость же повышалась в ситуации неуспеха действий (на начальных фазах мыслительного процесса, в ситуации «непреодолимых» затруднений и т.д.).

Мыслительные процессы являются важным условием динамики основных образующих человеческого сознания. Для более детального выявления характера воздействия мыслительных процессов на структуры индивидуального сознания нами был осуществлен психосемантический анализ взаимосвязи коннотативных значений у студентов, которые оценивали двенадцать суждений о проблемах жизни и смерти по восьми униполярным признакам в пятибалльном семантическом дифференциале до и после специальных занятий по этой проблематике.

Результаты психосемантической обработки показывают, что мыслительные процессы способны за относительно короткий срок привести к изменению характера связей между коннотативными значениями внутри сознательной активности. Мышление субъекта, выявляя новые свойства объекта, рождает не только новые знания, но и новые отношения. Отношения, переживания, будучи осознанными, сами становятся новым знанием. В ходе мыслительной активности осуществляется постоянное движение систем значений и смыслов, знаний и отношений. В этом движении меняются сами знания и отношения, взаимосвязи между знаниями, взаимосвязи между отношениями и между знаниями и отношениями.

В исследовании таких личностных свойств, какие представлены в базовых шкалах ММРП, была также выявлена их подвижность, подверженность микроизменениям в ходе рациональной терапии.

Обратившиеся в психологическую консультацию по различным поводам первоначально обследовались по нескольким методикам, одной из которых обязательно был развернутый или сокращенный вариант ММРП. После этого клиентам назначалась рациональная терапия, заключающаяся в следующем: 1) изменение восприятия и мышления относительно психотравмирующих ситуаций и стимулов; 2) установление адекватного понимания событий личной жизни, включение их в контекст общих социальных условий; 3) принятие более правильной интерпретации поведения других людей; 4) обоснование верного понимания самого себя; 5) формирование способности к более гибкому изменению собственных ментальных схем на происходящее; 6) совместное рассмотрение моментов асубъектного мышления и действия в личной истории; 7) показ испытуемому необходимости перераспределения субъектности с отдельных личностных проявлений на личность в целом; 8) общая релаксация с вербальными установками на усиление субъектности личности в заключительной части сеанса.

Длительность процедуры обычно не превышала двух месяцев, включала в себя от 3 до 6 занятий, в среднем по 60 минут каждое. Естественно, си-

стема консультирования была жестко индивидуализированной применительно к тем проблемам и той личной событийной канве, с которыми сталкивался каждый из клиентов. После этих процедур еще раз использовался прежний набор методик, среди которых был и ММРІ.

Средние арифметические результаты по выборке изменились под влиянием рациональной терапии достаточно существенно: показатели ипохондрии (Hs) уменьшились в 1,2 раза; депрессии (D) – в 1,6 раза; истерии (Hy), гипомании (Ma) – в 1,2 раза; психопатии (Pd), паранойяльности (Pa), психастении (Pt) – в 1,4 раза. Все показатели черт, которые в начальной диагностике выходили за рамки нормы, при втором обследовании не превышали уровень нормального проявления (см. гистограмму 1).

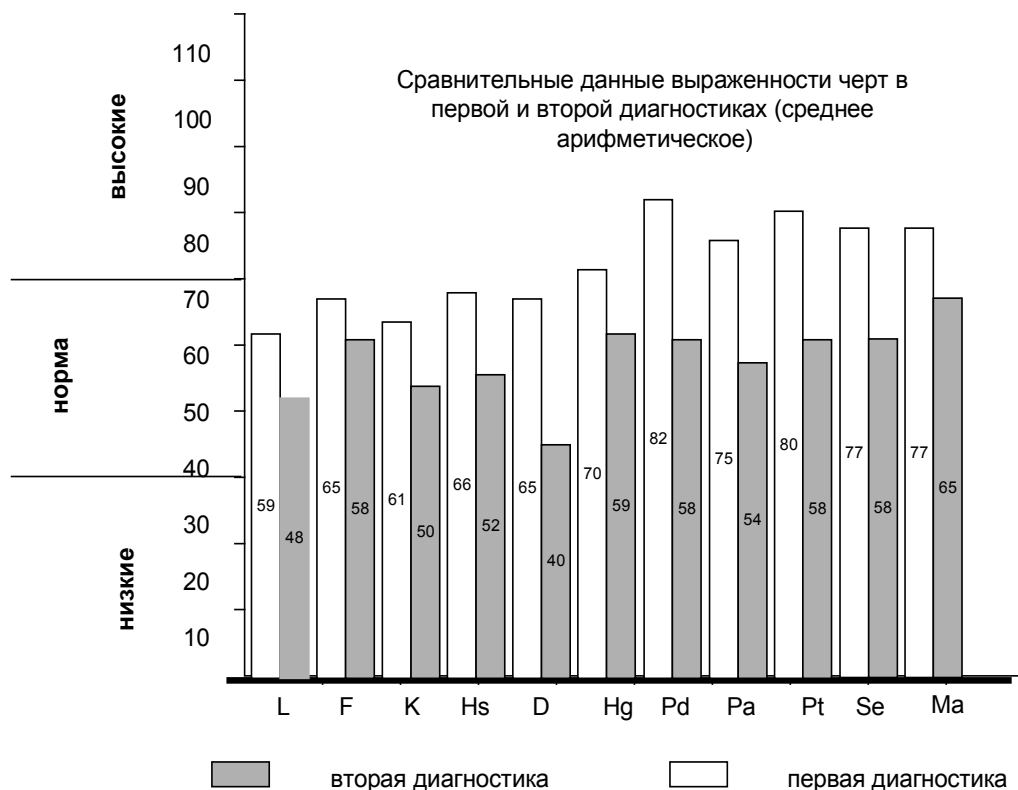
Эти данные свидетельствуют о том, что и достаточно устойчивые личностные особенности субъекта мышления не выступают в качестве жестких структур, но являются живыми, «дышащими», «питающимися», флуктуирующими образованиями, подверженными микро- и, впоследствии, макроизменениям. Одним из существенных факторов движения личности выступает процесс мышления, направленный на переформулирование, переосмысление и решение внешних и внутренних проблем субъекта.

В завершении экспериментальной части работы было установлено, насколько длительными оказываются функциональные личностные изменения, обусловленные мыслительным процессом. Для этого было проведено лонгитюдное исследование когнитивных стилей (полезависимости – полнезависимости).

Всем испытуемым (более 60 человек) в самом начале работы мы измеряли их исходный когнитивный стиль. Затем они решали задачи для активизации перцептивного анализа через синтез либо вариант нерешаемой задачи для снижения основных составляющих мыслительного процесса и создания ситуации неуспеха. Через каждый месяц, прошедший с начала эксперимента, делались замеры выраженности стиля на протяжении года и более.

Результаты исследований таковы: для всей группы (и полезависимых, и полнезависимых) было присуще следующее. Примерно 26% участников эксперимента возвратились по мере времени (в течение года) к прежнему уровню стилевого функционирования. 50% респондентов существенно изменили свой прежний когнитивный стиль (в 2 и более раза) после однократного его изменения через активизацию их мыслительных процессов, 24% хотя и изменили свой начальный стиль, но эти подвижки не были столь существенными.

86% испытуемых из полнезависимых оказались способными к достаточно длительному сохранению когнитивного стиля после однократного его изменения. Внутри выборки исходно полнезависимых были субъекты, которые специфично сохраняли изменения стиля. Почти 16% испытуемых в итоге вернулись на прежний уровень стилевого функционирования. Можно пред-

положить, что их личностные подвижки в рамках полнезависимых форм поведения при решении перцептивных задач не были закреплены надолго и не ассимилированы в базовые личностные структуры. 56% респондентов изменили свой стиль более чем в два раза, т. е. их полнезависимость в нахождении простой фигуры в сложной значительно выросла. 27,8% полнезависимых участников продемонстрировали интересные, на наш взгляд, данные: стиль у них с течением времени постоянно «улучшался», саморазвивался.

Парадоксальная группа продемонстрировала процесс самовозрастания стиля, саморазвития, «самоулучшения». Такие данные свойственны в основном молодым, интеллектуально развитым людям, которые обучаются в гимназиях или вузах. В течение времени у данных субъектов сложившиеся изменения когнитивного стиля в сторону полнезависимости растут, доходя до симультанного, почти мгновенного отыскания простой фигуры в сложной в тесте включенных фигур. Это происходит без тренинга, вне всякой работы с тестовым материалом.

На наш взгляд, анализируемые данные парадоксальной группы особенно говорят об эмерджентности мышления как процесса, в котором порождаются не только новые когнитивные конструкторы, но и новые личностные образования. В приведенных фактах отчетливо прослеживается и холистическая природа мышления, основной механизм которого (анализ через синтез) из-

начально направлен на творчество, на производство новых структур, новых целостных способов обращения с познавательным объектом.

Среди полезависимых 35% испытуемых показали относительную стабильность изменений когнитивного стиля. Они вернулись через 8 месяцев на свой первоначальный уровень стилевого функционирования. Среди полнезависимых таких было только 20%. Около 35% полезависимых существенно изменили свой начальный стиль в 2 и более раза и стали в итоге полнезависимыми (среди не зависимых от поля – 56%). Показали результаты, максимально приближенные к самовозрастанию стиля, 15% человек (у полнезависимых – 28%).

Самым важным нам представляется то, что стилевые изменения, произошедшие в мыслительном процессе, остаются надолго, правда, не во всех случаях. Таким образом, можно сделать вывод, что существуют различные типы личности: один из них надолго сохраняет изменения когнитивного стиля (и собственных черт вообще); представители другого типа оказываются неспособными к удержанию в течение длительного времени стилевых изменений.

Изменения стиля субъектов в течение длительного времени были обусловлены развитием процессуальных компонентов их мышления. Следовательно, мышление является основой стойких подвижек личностных структур, которые могут сохраняться длительное время.

Рассмотрение проблемы личностной обусловленности мышления и подходов к ее изучению показывает, что в современной психологии образовался достаточно серьезный разрыв между «психологией личности» и «психологией познавательных процессов», который выражается: 1) в нивелировании когнитивного компонента в структуре личностной организации; 2) в интерпретации мышления, интеллекта, психических функций в качестве независимых от личностных особенностей факторов, в качестве аличностных, асубъектных образований; 3) в представлении личностной обусловленности мышления как однонаправленного процесса, где детерминация исходит только со стороны личности и не осуществляется со стороны мыслительной деятельности. Основная причина подобного положения – отсутствие реализации субъектно-деятельностного подхода и ориентации на процессуальный уровень анализа в эмпирических и теоретических исследованиях проблемы, исторически сложившееся в психологии.

Как показывают наши исследования, личность и мышление имеют внутренние, глубинные взаимосвязи и в норме соотносятся как согласованная система и подсистема. Эти тесные взаимосвязи между личностными характеристиками и особенностями мышления обнаруживаются, прежде всего, на процессуальном уровне анализа их взаимоотношений, в ходе исследования конкретной содержательной ситуации, складывающейся при решении субъ-

ектом задач. Ранее сформированные личностные свойства, черты, особенности обеспечивают исходную детерминацию мышления (его появление, функционирование и т.д.). Мышление является лишь одним из многих свойств, качеств личности. Вместе с тем мышление – это особое свойство личности, которое через содержательное обобщение, фиксацию и решение проблемности ситуации и др. обеспечивает субъекту понимание его места и роли в системе межличностных отношений, обеспечивает самопонимание и личностное развитие. В ходе собственного функционирования само мышление как способ бытия личности оказывает воздействие на личностные структуры, приводит к их изменениям, динамике.

Полученные в ходе наших экспериментальных исследований факты существенного микроразвития всех основных компонентов личностной структуры (мотивации, способностей, направленности, сознания, черт) в мыслительных процессах свидетельствуют о том, что единство личности и мышления носит характер взаимодействия. В этом взаимодействии происходит одновременное, непрерывное изменение как познавательных, так и личностных компонентов. Субъект развивает личностные черты, в том числе осуществляя мыслительную деятельность по решению внешних и внутренних проблем.

В целом, прогрессивно формирующееся мышление (направленный анализ через синтез, теоретические прогнозы искомого, высокий уровень обобщения познаваемого объекта и т.д.) обуславливает полнезависимые познавательные и практические действия личности. Барьеры на пути адекватного соотношения условий и требований задачи, выдвижение преимущественно эмпиричных, ситуационно обусловленных критериев прогнозирования искомого, низкий уровень обобщения познаваемого объекта, ненаправленный анализ через синтез, сочетаясь с переживанием неуспеха деятельности, приводят к осуществлению субъектом полнезависимых форм поведения. Полнезависимость, как когнитивный стиль и форма социального поведения, тесно связана с общей субъектностью человека, входит в систему значимых качеств субъекта.

Мыслительные процессы (по своей сущности направленные на открытие и создание нового) обеспечивают холистическую природу психического. В мышлении порождаются не только новые когнитивные структуры, но и новые личностные свойства. Мышление – это не только движение мысли, но и движение личности. В мышлении субъект фиксирует проблемность складывающейся ситуации, что выступает необходимым условием формирования различных личностных переживаний, конструктов, вплоть до полярных, условием перехода от одного уровня когнитивно-личностного функционирования к другому. Как показывают наши экспериментальные исследования, полнезависимые испытуемые под влиянием выработанных обобщений при

решении перцептивной задачи и складывающихся мотивационно-оценочных компонентов (переживание успеха) способны переходить к полнезависимым формам действия.

Личностные и мыслительные характеристики субъекта соотносятся *не прямо, а опосредствованно*. Функциональными посредниками в их взаимодействии выступают минимум четыре уровня: 1) уровень мыслительного процесса как непрерывного взаимодействия субъекта с внутренним и внешним миром с целью познания; 2) уровень уже сформированного, сложившегося личностного плана мышления; 3) процессуальная динамика личностных особенностей; 4) уровень когнитивной сферы личности. Важнейшим является процессуальный уровень мышления и личности.

Введение процессуальных составляющих в анализ соотношения личности и мышления является необходимым условием для дифференцированного изучения личностных проявлений субъекта в зависимости от складывающейся познавательной ситуации. В частности, на разных качественных уровнях мыслительного процесса полнезависимый или полнезависимый когнитивные стили приобретают различную направленность и смысл. Например, ориентация испытуемого на принятие подсказки на ранних фазах мыслительного процесса не приведет к ее включению в содержательный анализ основной задачи и не может быть автоматически рассмотрена в качестве подлинной полнезависимости субъекта.

Мыслительные процессы субъекта оказывают существенное воздействие на его сознание. Результаты нашего психосемантического исследования свидетельствуют о том, что мыслительные процессы приводят к изменению характера связей между коннотативными значениями внутри сознательной активности, что выражается в различных индивидуальных семантических пространствах у испытуемых.

Изменению под влиянием мыслительных процессов подвержены и некоторые общие личностные черты. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что показатели содержательных свойств базовых шкал ММРІ у испытуемых могут изменяться в ходе активизации процесса мышления, направленного на переформулирование, переосмысление и решение внешних и внутренних проблем субъекта.

Эффективным способом изменения некоторых личностных свойств, связанных с нарушениями психического функционирования, является субъектная психотерапия, в рамках которой многие виды психической патологии получают трактовку в качестве общего ослабления субъектности личности, перераспределения субъектности на отдельную часть личности (идею, переживание и проч.), страха асубъектности. Система мер, направленных на перераспределение функции субъектности с отдельных составных частей психического на личность в целом (1), на усиление общей субъектности лич-

ности (2), является важным условием формирования согласованного функционирования психических компонентов, становления самодостаточности и эффективной саморегуляции человека.

Мера активности, динамизма личностных и когнитивных структур является индивидуальным, глубоко личностным процессом. Индивидуальные особенности субъекта будут определяться тем, в какой мере человек способен к сохранению личностного развития и каковы особенности данного процесса.

В свое время при разработке теории субъекта С.Л. Рубинштейн ввел реального, живого человека в гносеологию, в познавательное отношение субъекта и объекта, тем самым, по мнению К.А. Абульхановой, целый ряд абстрактных гносеологических, философских проблем был переведен в разряд жизненных, психологических. В данной работе мы попытались показать, что возможен и обратный ход – перенесения основного гносеологического отношения между субъектом и объектом в план онтологии, выявления его онтологических характеристик. Как показывают исследования, способ и уровень познавательного взаимодействия личности с объектом выступает важной онтологической характеристикой субъекта, оказывающей существенное влияние на компоненты всех основных сфер личностного бытия. Личностные характеристики субъекта мышления на процессуальном уровне оказываются движущимися, динамичными, живыми, постоянно реагирующими на изменения, происходящие в анализе объекта, в мыслительном отражении внешней и внутренней ситуации.

V.V. Selivanov

Personality Properties of the Subject of Thinking

Key words: thinking; the subject; Field Dependence – Field Independence; personality development; thinking as a process.

Application of subject and process approaches to research of thinking shows, that in the process of solving tasks micro change of personality characteristics occurs (motivation, abilities, cognitive style, consciousness, unconscious sets, etc.). Micro movements including were revealed in the experiments, such personal properties, as cognitive styles – Field Dependence – Field Independence (H. Witkin). The situation of success, the advanced thought processes, high levels of generalization at examinees determine field independent forms of cognition and action; the situation of unsuccess, the undeveloped thought processes, low levels of generalization of conditions and requirements of a task lead to Field Dependence of the person. As a whole thinking is an important condition of personality development.

ДИНАМИКА СЕКСУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЕЕ ИНТЕНСИВНОСТИ В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ ПОЛОВОГО СОЗРЕВАНИЯ

Ключевые слова: *половое созревание; сексуальное поведение; половая социализация; юношеский возраст.*

По результатам ретроспективного опроса юношей и девушек 1985–1989 годов рождения представлена динамика освоения ими различных форм сексуального поведения в связи со сроками наступления у них полового созревания.

Половое созревание – центральный психофизиологический процесс подросткового и юношеского возраста. Поскольку в различных обществах по-разному определяется то время, когда человека начинают считать достаточно зрелым, чтобы он мог взять на себя обязанности взрослого, период, который обычно называют подростковым, в разных обществах может иметь различную продолжительность [1]. Вместе с тем один аспект подросткового возраста остается универсальным и отличает его от более ранних ступеней развития: физические и физиологические изменения, свидетельствующие о наступлении пубертата [9].

Началу пубертата предшествуют первый (препубертатный, в 6–8 лет) и второй (пубертатный, 11–13 лет) ростовые скачки. От сроков начала препубертатного скачка зависит срок начала полового созревания [6].

Строго говоря, пубертат начинается с повышения уровня гормонов и проявлений этого повышения, таких, как постепенное увеличение яичников у девочек и мужских половых желез – семенников – у мальчиков. Но поскольку эти изменения не доступны для наблюдения, началом пубертата, как правило, считают появление волос на лобке и увеличение груди у девочек, а также увеличение размеров пениса и яичек у мальчиков [9].

В последовательности этапов полового созревания могут быть определенные вариации, однако физическое развитие и мальчиков, и девочек в пубертате довольно закономерно [13].

Нередко пубертат отождествляют с созреванием половых желез – гонадархе, считая его главным функциональным признаком менархе (начало регулярных менструаций у девочек) и эякулярхе (начало эякуляций, первого семяизвержения у мальчиков) [10].

По этому поводу Д. Колесов отмечает, что первая менструация у девочек и первое семяизвержение у мальчика представляют собой лишь начальные проявления функционирования репродуктивной системы. Полноценное воспроизводство потомства возможно лишь при достижении не только биологической, но и психологической (становление сексуального влечения и его избирательность), и поведенческой (умение контролировать сексуальные импульсы и направлять их на социально одобряемые цели) зрелости [6].

Если гонадархе свидетельствует о начале физического и физиологического полового созревания, то сексуализация интересов и осознание сексуальной привлекательности людей (половое влечение) могут говорить о начале психосексуального созревания. Таким образом, после того, как процесс полового созревания начался, он прогрессирует по вполне предсказанному пути, вместе с тем биологическое созревание (гонадархе) и психосексуальное созревание (осознание полового влечения) – процессы, разделенные во времени [12]. Причем в одних случаях сексуализация интересов может следовать за появлением физических признаков полового созревания, а в других – им предшествовать. Вместе с тем при определении возраста наступления полового созревания следует учитывать и время наступления гонадархе, и время первого осознанного полового влечения поскольку и в основании биологического созревания, и в основании психосексуального созревания лежат общие гормональные процессы [5]. Следует также учитывать, что на становление полового влечения и на сроки биологического полового созревания значительное влияние оказывают разнообразные социальные факторы, которые зачастую невозможно полностью учесть, и тем более проконтролировать [4; 8].

Общеизвестно, что скорость развития у мальчиков и девочек различна. В среднем, у девочек скачок роста и другие биологические изменения пубертатного периода происходят примерно на 2 года раньше, чем у мальчиков. Но существуют очень большие индивидуальные различия в скорости развития среди представителей одного пола. Так, у мальчиков первое семяизвержение может произойти как очень рано (например, в 11 лет), так и очень поздно (например, в 16 лет); равным образом и у девочек возраст менархе может колебаться от 9,5 лет до 16, 5 лет [10].

Обычно выделяют раннее начало полового созревания (8–13 лет у мальчиков и 10–15 лет у девочек), позднее начало полового созревания (12–17 лет у мальчиков и 14–19 лет у девочек) и средние варианты (10–15 лет у мальчиков и 12 – 17 лет у девочек) [11].

Существует большое число исследований, описывающих психические и поведенческие особенности юношей и девушек в зависимости от сроков их полового созревания.

Обычно отмечают, что у рано созревших мальчиков лучше развита мускулатура. Превосходство в телосложении повышает их социальный престиж

и статус, они чаще оказываются лидерами в группе сверстников. Взрослые, в свою очередь, склонны относиться к рано созревшим мальчикам с предпочтением. Таким образом, раннее половое созревание мальчиков обычно связано с положительной самооценкой. Позднесозревшие мальчики страдают от чувства социально индуцированной неполноценности: обычно они менее привлекательны и непопулярны среди сверстников [14]. Взрослые склонны относиться к позднесозревающему подростку как к маленькому ребенку и воспринимают его как менее компетентного [10].

Рано созревший юноша легко убеждается в том, что его развитие происходит в правильном направлении, которое одобряется обществом, тогда как позднесозревшего мальчика будет волновать вопрос о том, когда он достигнет полноценной физической и половой зрелости. В связи с чем позднесозревшие мальчики менее уравновешенны, более напряжены и обидчивы [9].

В средних классах школы раннесозревшая девушка выше ростом, более развита и часто стесняется того, что отличается от других; она пользуется меньшим авторитетом среди сверстников и меньшим вниманием мальчиков, в связи с чем раннее созревание у девушек связано с отрицательным образом Я и негативной самооценкой [14]. Вместе с тем в старших классах школы позднесозревшая девушка чувствует себя более привлекательной, поскольку она более популярна у старших мальчиков [10]. В целом, когда раннесозревшие девушки достигают 17-летнего возраста, у них, по сравнению с позднесозревшими, выше самооценка, лучшие результаты тестов на адаптацию и гармонические межличностные отношения. В то же время позднесозревшие девушки больше общаются с юношами-сверстниками [14].

Таким образом, раннее половое созревание предпочтительнее для мальчиков, а не для девочек [12].

Половое созревание и становление полового влечения приводит юношей и девушек к образованию сексуальных отношений, при этом на сексуальное поведение подростков оказывают влияние многочисленные факторы, среди которых уровень образования, психологическая конституция, семейные отношения и биологическое созревание [4; 8; 9; 10; 14].

В связи с этим целью настоящего исследования является определение особенностей сексуальной активности юношей и девушек и ее интенсивность в связи с возрастом полового созревания.

Исследование было осуществлено на выборке юношей и девушек в возрасте 17 – 21 лет, студентов вузов и ссузов. Выборка пропорционально-квотная по полу и по возрасту; шаг возрастной квоты – один год; общий объем выборки – 1000 человек.

В качестве инструмента исследования мы использовали анкетный бланковый опрос в режиме самозаполнения, в который были включены вопросы

об особенностях протекания процесса полового созревания, времени приобщения юношей и девушек к основным сексуальным практикам.

На первом этапе исследования выборка респондентов методом кластерного анализа к-средних была разбита на три подвыборки. В качестве критериев кластеризации были выбраны два: возраст начала менархе для девочек и возраст начала эякулярхе для мальчиков, а также возраст, в котором респонденты стали осознавать, что другие люди интересуют их в сексуальном плане.

На втором этапе исследования мы ставили перед собой цель выявить различия в возрасте приобщения молодых людей к основным формам сексуальных отношений, а также интенсивность их протекания.

Обработка эмпирического материала, процедура кластеризации и установление уровня различий между группами (методом Манна-Уитни для двух выборок) осуществлялись при помощи статистического пакета SPSS.

Анализ показал следующую наполняемость подвыборок юношей. Первую подвыборку составили 70 юношей (14%); средний возраст первого семяизвержения у них составил 11,4 лет; возраст осознания сексуального влечения – 9,4 лет. Во вторую подвыборку было отобрано 207 юношей (41,4%); средний возраст первого семяизвержения у них составил 12,7 лет, а возраст осознания полового влечения – 12,8 лет. В третью подвыборку были включены 223 юноши (44,6%), возраст первого семяизвержения которых составил 14,7 лет, а возраст осознания полового влечения – 14,8 лет.

Было установлено, что все подвыборки (1 и 2, 1 и 3, 2 и 3) юношей попарно различаются между собой как по возрасту наступления эякулярхе, так и по возрасту осознания сексуального влечения. Во всех случаях уровень достоверности различий составил $p < 0,000$.

Была установлена следующая наполняемость подвыборок девушек. Так, в первую подвыборку вошли девушки, средний возраст начала менструаций у которых составил 12,2 лет, а осознание полового влечения – 13,2 лет. Общее число респондентов-девушек в этой подвыборке составило 152 человека, или 30,4% от общего числа девушек, принявших участие в опросе. Во вторую подвыборку было отобрано 178 девушек (35,6%), средний возраст начала менструаций у них составил 12,7 лет, а возраст осознания полового влечения – 14,6 лет. В третью подвыборку было включено 170 девушек (34,0%), при этом и средний возраст менархе, и средний возраст осознания полового влечения для них составил 15,5 лет.

Так же, как и в подвыборках юношей, все подвыборки девушек (1 и 2, 1 и 3, 2 и 3) достоверно различаются между собой на уровне $p < 0,000$, как по возрасту начала менструаций, так и по возрасту осознания полового влечения.

Таким образом, в результате кластерного анализа было сформировано по три подвыборки юношей и девушек в зависимости от сроков начала поло-

вого созревания: раннесозревшие, позднесозревшие и те, созревание которых описывается средними значениями возраста наступления гонадархе и возраста первого осознания сексуальной привлекательности другого человека.

На втором этапе исследования группы, выделенные по признаку «возраст полового созревания», сравнивались между собой по выраженности признаков, описывающих возрастную динамику вступления их в сексуальные отношения и интенсивность сексуальной активности. В данном случае признак «возраст полового созревания» выступал в качестве субъективной переменной. Одной из характеристик переменных такого типа является то, что ими непосредственно управлять невозможно, однако возможно организовать процедуру отбора респондентов так, чтобы группы испытуемых различались лишь этой переменной, но по другим показателям уравнивались [3]. В таком исследовании основными статистическими показателями являются вариации зависимых переменных [2]. При этом, если в ходе исследования будут обнаружены различия между группами, неправомерно делать вывод о том, что их причиной является субъективная переменная, но можно говорить о том, что группы различаются по зависимому показателю [3].

В нашем исследовании в качестве зависимых переменных выступали: 1) возраст первой мастурбации; 2) возраст первого свидания; 3) возраст гетеросексуального дебюта; 4) число половых партнеров со времени гетеросексуального дебюта; 5) число половых актов за последние (до дня опроса) три месяца; 6) частота мастурбации за последний (предшествующий опросу) год.

Результаты анализа динамики и сексуальной активности юношей и девушек в связи с возрастом полового созревания представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Динамика и интенсивность сексуальной активности юношей в связи с возрастом полового созревания

Параметры оценки	Средние значения по группе			Достоверность различий, $p <$		
	1	2	3	1-2	1-3	2-3
Первая мастурбация, лет	11,1	12,9	14,3	0,00	0,00	0,00
Первое свидание, лет	14,7	14,6	15,8	0,71	0,03	0,00
Гетеросексуальный дебют, лет	16,2	16,1	16,7	0,94	0,00	0,00
Число сексуальных партнеров со времени гетеросексуального дебюта, человек	4,3	4,6	3,8	0,57	0,05	0,06
Число половых актов за последние (до дня опроса) три месяца, раз	14,5	14,9	12,9	0,24	0,03	0,04

Примечание: 1 – раннесозревшие; 2 – среднесозревшие; 3 – позднесозревшие.

Как видно из представленных данных, в группе позднесозревших юношей и возраст первого свидания, и возраст гетеросексуального дебюта наступил позже, чем в группах раннесозревших юношей и юношей, чьи временные варианты созревания описываются средними значениями. Кроме того, эта подгруппа юношей характеризуется самой низкой степенью сексуальной активности по сравнению с другими группами: они имели меньшее число половых партнеров со времени гетеросексуального дебюта и меньшее число половых актов за последние (до дня опроса) три месяца.

Между группами раннесозревших юношей и юношей, чьи возрастные параметры полового созревания описываются средними временными вариантами, по таким же параметрам оценки достоверных различий выявлено не было. В этой связи можно говорить о том, что ни возрастной динамикой, ни интенсивностью сексуальных отношений эти группы юношей между собой не различаются.

Рассмотрим результаты сравнения показателей сексуальной динамики и интенсивности сексуальной жизни в группах девушек в связи с возрастом их полового созревания. Они приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Динамика и интенсивность сексуальной активности девушек
в связи с возрастом полового созревания**

Параметры оценки	Средние значения по группе			Достоверность различий, $p <$		
	1	2	3	1-2	1-3	2-3
Первая мастурбация, лет	13,3	15,5	15,4	0,00	0,00	0,62
Первое свидание, лет	12,1	15,4	15,5	0,00	0,00	0,65
Гетеросексуальный дебют, лет	14,0	17,3	17,5	0,03	0,00	0,57
Число сексуальных партнеров со времени гетеросексуального дебюта, человек	3,1	2,8	2,4	0,21	0,57	0,27
Число половых актов за последние (до дня опроса) три месяца, раз	16,9	13,3	11,3	0,14	0,26	0,19

Примечание: 1 – раннесозревшие; 2 – среднесозревшие; 3 – позднесозревшие.

Как видно из представленных данных, и возраст первого свидания, и возраст гетеросексуального дебюта у раннесозревших девушек достоверно ниже, чем у девушек из других групп. При этом девушки из групп среднесозревших и позднесозревших достоверно не различаются между собой ни возрастом первого свидания, ни возрастом гетеросексуального дебюта.

Следует отметить, что не было выявлено межгрупповых различий у девушек ни по числу гетеросексуальных партнеров (со дня гетеросексуального

дебюта), ни в интенсивности протекания их актуальной гетеросексуальной жизни, показателем которой выступало число половых актов за последние три месяца до дня опроса.

Следуя логике событий, можно предполагать, что группы юношей и девушек будут различаться не только возрастом полового созревания, но и возрастом начала сексуальной жизни. Однако эта последовательность оказалась нарушенной и в случае с раннесозревшими мальчиками (параметры динамики их сексуальной активности схожи с таковыми у среднесозревших), и в случае с позднесозревшими девочками, у которых параметры динамики сексуальной активности схожи с таковыми у группы среднесозревших девушек.

На наш взгляд, это тот случай, когда в логику процесса сексуального становления вмешиваются разнообразные небиологические (социальные) факторы. Так, сексуальная активность раннесозревших мальчиков сдерживается социальными нормами, препятствующими им реализовать свои сексуальные интересы, а в случае с позднесозревшими девушками, напротив, социальное давление сверстников (общественное мнение) побуждает их искать сексуальных отношений и вступать в них.

Таким образом, социальные нормы (в случае мальчиков такой нормой выступает социально приемлемый возраст гетеросексуального дебюта, а в случае девочек – возрастные нормы молодежной субкультуры) выступают в качестве сил, нивелирующих биологически заданные временем наступления полового созревания различия в сроках и интенсивности проявления сексуальных потребностей индивида, что приводит сексуальную жизнь юношей и девушек к определенно выраженному единообразию.

Следует объяснить и факт того, что раннесозревшие девушки имеют сексуальный дебют раньше остальных сверстниц, а раннесозревшие юноши вынуждены «дождаться», пока значительная часть их сверстников достигнет возраста полового созревания. По всей видимости, дело в том, что раннесозревшие девушки могут находить себе партнеров, а раннесозревшие юноши – нет. Подтверждение этому мы находим в особенностях выбора сексуального партнера в подростковом и юношеском возрасте: юноши предпочитают девушек младших по возрасту или ровесниц, а девушки – более старших юношей или, опять же, ровесников [7].

Вместе с тем различия в динамике сексуальной жизни в связи с возрастом полового созревания все же существуют, и проявляются они и у юношей, и у девушек в возрасте начала регулярной мастурбации. Так, по этому параметру группы ранне-, средне- и позднесозревших юношей и девушек различаются между собой, при этом уровень достоверности различий при всех сочетаниях сравнений групп между собой составляет $p < 0,000$.

Полученные данные позволяют говорить о том, что именно мастурбация подросткового возраста является первой формой сексуальной активности, в которой юноши и девушки реализуют свои сексуальные потребности, в то время когда их сексуальная активность не может быть реализована в гетеросексуальных контактах ввиду существующих социальных норм, ее ограничивающих.

Были выявлены различия и в актуальной мастурбационной активности (частота мастурбации) в старшем юношеском возрасте в связи со сроками начала полового созревания (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Мастурбационная активность юношей и девушек
за предшествующий опросу год, в %**

Интенсивность мастурбации, число раз в единицу времени	Юноши			Девушки		
	1	2	3	1	2	3
Почти ежедневно	20,0	11,6	11,7	0,6	0,5	--
2 – 3 раза в неделю	38,0	18,2	23,6	11,8	7,8	3,3
Примерно раз в неделю	14,3	24,6	20,7	23,7	19,8	13,4
Пару раз в месяц	13,5	14,3	15,0	20,6	20,2	18,2
Примерно раз в месяц	7,1	17,3	16,4	16,4	24,7	21,1
Несколько раз в год	1,4	6,5	4,5	16,4	13,5	22,3
Ни разу	5,7	7,2	8,1	10,5	21,3	21,7
Всего, N =	70	207	223	152	178	170

Примечание: 1 – раннесозревшие; 2 – среднесозревшие; 3 – позднесозревшие.

Оценка достоверности различий, представленных в таблице 3, показала, что таковые различия достоверны между всеми группами юношей при их сравнении по парам (для раннесозревших и среднесозревших $p < 0,03$; для раннесозревших и позднесозревших $p < 0,00$; для среднесозревших и позднесозревших $p < 0,01$).

Были выявлены различия между группой раннесозревших девушек и девушек двух других групп. В сравнении с группой среднесозревших девушек различия достоверны на уровне тенденций ($p < 0,1$), тогда как при сравнении с группой позднесозревших девушек различия статистически достоверны ($p < 0,03$). Различий в частоте мастурбации между среднесозревшими и позднесозревшими девушками выявлено не было ($p < 0,405$).

Таким образом, в старшем юношеском возрасте и раннесозревшие юноши, и раннесозревшие девушки проявляют большую аутоэротическую активность

Результаты настоящего исследования позволяют говорить о том, что возраст полового созревания оказывает определенное влияние и на дина-

мику вступления юношей и девушек в сексуальные отношения, и на интенсивность протекания их сексуальной жизни в более старшем возрасте, но влияние это опосредуется различными внебиологическими (социальными) факторами, учесть которые в рамках данного исследования не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров В.В. Антропология возраста: учеб. пособ. СПб.: СПбГУ, 2001. 351 с.
2. Гудвин Дж. Исследования в психологии: методы и планирование. СПб.: Питер, 2004. 558 с.
3. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2002. 320 с.
4. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л.: Медицина, Ленинградское отд., 1979. 184 с.
5. Келли Г. Основы современной сексологии. СПб.: Питер, 2000. 896 с.
6. Колесов Д.В. Биология и психология пола. М.: Флинта, 2000. 176 с.
7. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XX века. Дубна: Феникс +, 2001. 208 с.
8. Кон И.С. Сексология: учеб. пособ. М.: Академия, 2004. 384 с.
9. Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. СПб.: Питер, 2002. 640 с.
10. Понтон Л. Сексуальная жизнь подростков. М.: Институт психотерапии, 2001. 272 с.
11. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. 624 с.
12. Фрэнкин Р. Мотивация поведения. СПб.: Питер, 2003. 651 с.
13. Boxer A.M., Petersen A.C. Pubertal change in a family context // Adolescent in Families / G. K. Leigh, G.W. Peterson (Eds.). Cincinnati.: South-Western, 1986. P. 73-103.
14. Simmons, R.G., Blyth D.A., McKinney K.L. The social and psychological effects of puberty on white female // Girls at puberty: Biological and Psychological perspectives / J. Brooks-Gunn, A.C. Petersen (Eds.). New York: Plenum, 1983. P. 229-273.

S.U. Devyatykh

The Dynamics of Sexual Activity in Connection with the Age of Sexual Maturity

Key words: sexual maturity; sexual behavior; sexual socialization; adolescent age.

Based on the results of the retrospective survey of boys and girls born in 1985 – 1989 the author reveals the dynamics of their acquisition of different forms of sexual behavior in connection with the terms of their becoming sexually mature.

ДИССЕРТАЦИИ

В.С. Баевский, Н.А. Максимчук

Смоленский государственный университет

ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА В 2008 ГОДУ

Диссертационному совету Д 212.254.01 при Смоленском государственном университете разрешено принимать к защите диссертации по специальностям:

10.01.01 – русская литература (филологические науки),

10.02.01 – русский язык (филологические науки),

10.02.04 – германские языки (филологические науки).

В 2008 году диссертационным советом было рассмотрено пять диссертаций.

1. Василевская Анна Леонидовна: *«Семантическая структура поэзии Георгия Иванова: тематика и образный мир»*. Специальность 10.01.01 – русская литература. Научный руководитель – доктор филологических наук профессор В.С. Баевский.

Диссертационное исследование посвящено творчеству большого русского поэта, в эмиграции развивавшего традиции русской литературы. Тематика и образная система Г. Иванова впервые исследуются с исчерпывающим охватом материала, в соотношении с творчеством выдающихся поэтов-современников: К. Бальмонта, З. Гиппиус, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова. Диссертант приходит к выводу о том, что в центре поэтического мира Г. Иванова находятся темы и образы а) жизни и смерти и б) России. Доказывая, что обновление образной системы Г. Иванова достигается в первую очередь за счет усложнения основания и образа сопоставления, а также за счет присоединительных сравнений, диссертант проводит детальное описание этих приемов. В работе развиваются точные методы исследования поэзии с использованием данных частотных словарей, сопоставляемых с помощью рангового корреляционного анализа.

2. Романова Екатерина Сергеевна: *«Тема судьбы военного поколения в поэзии Александра Межирова»*. Специальность 10.01.01 – русская литература. Научный руководитель – доктор филологических наук профессор В.С. Баевский.

В диссертации тема судьбы военного поколения в творчестве Межирова впервые рассматривается в полном объеме (567 стихотворений), в связи со всем лирическим творчеством Межирова и в сопоставлении с лирическим творчеством трёх других поэтов-современников. Диссертантом разработана периодизация творчества Межирова; определено место темы судьбы военного поколения в каждом периоде; путём сопоставления с творчеством С. Гудзенко (246 стихотворений), Д. Самойлова (432 стихотворения), Ю. Левитанского (581 стихотворение) выявлены индивидуальные особенности темы судьбы военного поколения в поэзии Межирова, ярче всего проявляющиеся в области лексики и стихосложения. Достоверность исследования усиливает опора на современные методики, позволяющие получить объективный результат: на анализ данных частотных словарей и сопоставление их с помощью рангового корреляционного анализа, на контекстуальный анализ наиболее показательных текстов, на анализ тематики с помощью ключевых слов.

3. Кутузова Наталья Вячеславовна: *«Структурно-семантические характеристики стихотворного переноса в английском языке (на материале стихотворных текстов У. Вордсворта)»*. Специальность 10.01.04 – германские языки. Научный руководитель – доктор филологических наук профессор С.Н. Андреев.

В диссертации исследуется соотношение разноуровневых лингвистических параметров, определяющих особенности функционирования в тексте стилистического приёма переноса, изучаются синтаксический, морфологический, ритмометрический и семантический аспекты организации синтаксического переноса с учётом характера их взаимовлияния. В работе выявлена система формально-структурных и семантических характеристик, маркирующих приём переноса в лирических текстах Вордсворта, разноуровневые модели сочетаемости признаков верхней и нижней строк, вовлечённых в перенос, интегральные и дифференциальные параметры организации строк при различных типах переноса.

4. Кузьмин Алексей Леонидович: *«Соотношение деривационной сочетаемости английских прилагательных с признаками других языковых уровней»*. Специальность 10.01.04 – германские языки. Научный руководитель – доктор филологических наук профессор С.Н. Андреев.

Диссертация посвящена исследованию механизмов деадъективного словообразования в современном английском языке. В исследовании выявляются фонологические, морфематические, семантические, этимологические и хронологические факторы, оказывающие воздействие на словообразовательную сочетаемость деадъективных основ в современном английском языке. Для определения вида и силы такого воздействия систематически используется методика корреляционного анализа.

5. Черногор Юлия Фёдоровна: *«Системные факторы деривационного ударения в современном английском языке»*. Специальность 10.01.04 – германские языки. Научный руководитель – кандидат филологических наук доцент Г.В. Сильницкая.

В диссертации исследуются факторы, обуславливающие акцентную структуру английских дериватов, местоположение ударения в которых до сих пор считалось непредсказуемым в силу его так называемого свободного характера. На основе компьютерного анализа репрезентативной словарной выборки (свыше 24 000 словарных единиц) диссертант выявляет 8 факторов деривационного ударения (этимология, слоговой вес суффиксов, их диахроническая продуктивность и др.), которые носят системный характер и позволяют определить акцентный класс суффиксов и местоположение главного ударения в дериватах. Определены акцентные модели 104 суффиксов.

И.В. Романова

Смоленский государственный университет

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ АСПИРАНТАМИ СмолГУ В СОВЕТАХ ДРУГИХ ВУЗОВ В 2008 ГОДУ

На заседании диссертационного совета ДМ 212.020.02 при Брянском государственном университете им. академика И.Г. Петровского **Мария Викторовна Авдащенко** защитила диссертацию **«Общество и личность XVII века в трудах Томаса Гоббса»** на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность 07.00.03 – всеобщая история). Научный руководитель – доктор исторических наук профессор Л.И. Ивонина.

Выбранная автором тематика впервые является предметом специального диссертационного исследования. Автор представил новый взгляд на соотношение в теории Гоббса прав суверена и обязательств подданных, обозначенных рядом современных историков понятием «теория политических обязанностей». Особое место в работе занимает рассмотрение и анализ исторического сочинения мыслителя «Бегемот», изучению которого исследователями трудов английского философа уделялось незаслуженно мало внимания. В работе проводится сравнительный анализ социально-политических идей Гоббса со взглядами не только его современников – видных представителей английского и европейского Просвещения (таких, как Бекон, Декарт), представителей различных идейно-политических направлений в революции (например, роялистов Филмера, Кларендона и республиканца Гаррингтона), но и с воззрениями мыслителей прошлого (Аристотелем, Платоном) и будущего (Болингброком, Локком, Гегелем). Автор показал историческую обстановку,

в которой формировалось мировоззрение Гоббса как политического и социального философа.

Среди защищенных в 2008 году диссертаций – две на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. На заседании диссертационного совета Д 212.136.01 при Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова **Ирина Валерьевна Алонцева** представила к защите работу под научным руководством доктора филологических наук Г.Н. Ермоленко «**Структура и семантика “итальянского текста” Н. Гумилева**». Автором впервые системно, монографически исследуется «итальянский текст» Гумилева. Впервые составлен частотный словарь «итальянского текста», выявлена семантическая роль образа/концепта «Италия» как смыслового центра, собирающего в единое целое многие магистральные темы и мотивы, выраженные как эксплицитно, так и имплицитно. Охарактеризован процесс символической и мофопоэтической трансформации образов Италии в поэтическом творчестве Гумилева.

На заседании диссертационного совета Д 212.263.06 при Тверском государственном университете **Татьяна Александрона Рябова** представила к защите работу «**Проблемы комического и трагического в творчестве А.Т. Твардовского**», выполненную под научным руководством доктора филологических наук профессора В.В. Ильина. Творчество Твардовского впервые рассматривается в ней под углом зрения диалектики комического и трагического, что способствует уточнению и углублению существующих представлений о его эстетической природе. В результате исследования открывается недостаточно изученная до сих пор сторона творчества поэта, связанная с трагикомическим ощущением.

Две диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык защищены под научным руководством доктора филологических наук профессора И.А. Королевой. Первая – на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 при Орловском государственном университете. Ее автор – **Ирина Николаевна Малютенко**, тема: «**Ономастикон произведений И.С. Соколова-Микитова о деревне (на материале рассказов и повестей 1922 – 1929 гг.)**». Автор исходит из представления о том, что система имен собственных воспроизводит на ономастическом уровне индивидуально-авторскую картину мира. Впервые исследуется ранее не привлекавший внимание языковедов ономастический материал произведений И.С. Соколова-Микитова о деревне с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на использование этого пласта лексики в художественных текстах писателя. В рамках диссертационного исследования дается комплексное описание всех разрядов имен собственных, встречающихся в изучаемых текстах И.С. Соколова-Микитова,

в качественно-количественном освещении. В работе представляются новые сведения, позволяющие рассмотреть имя собственное как языковую единицу, содержащую информацию об определенных уровнях организации языковой личности писателя, которые реконструируются при анализе ономастикона произведений художника. Индивидуально-авторский образ «малой» родины, запечатленный в рассказах и повестях И.С. Соколова-Микитова 1922–1929 годов, обусловлен в том числе и определенным набором ономастических единиц, служит своеобразным и уникальным источником знаний регионального характера.

Вторая диссертация – **Анастасии Александровны Сивцовой «Имена собственные в лирике Н.И. Рыленкова»** – была защищена на заседании диссертационного совета Д 212.084.04 при Российском государственном университете им. Иммануила Канта в Калининграде. В этой работе на материале поэтических текстов Н.И. Рыленкова ономастическое пространство рассматривается как полевая структура, определяется роль этой структуры в реализации художественно-эстетического потенциала имени собственного. Научную ценность имеет сам фактический материал, впервые вводимый в научный оборот ономастики как области знания, ибо ономастикон одного из основоположников «смоленской поэтической школы» пока еще не изучался. В русле антропоцентрического подхода исследуется роль имен собственных в лирике Н.И. Рыленкова с учетом личности поэта как уроженца Смоленского края. Комплексное исследование омонимов в пределах ономастического пространства лирики Н.И. Рыленкова определяет их способность участвовать в пространственно-временной организации художественного текста, в создании системы поэтических образов.

На заседании диссертационного совета Д 212.183.01 при Орловском государственном университете под научным руководством доктора филологических наук профессора Е.Ф. Троицкого **Евгения Валентиновна Сенченкова** защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык «**Доминанты в сочинительной конструкции**». В работе выделено обобщающее предложение как таковое; простые предложения с обобщающими словами сопоставлены с сочинительными конструкциями с доминантами; выявлена специфика сочинительных конструкций с доминантами; представлен комплексный (структурный и функционально-семантический) анализ разнообразных по структуре сочинительных конструкций с доминантами; в научный оборот введено понятие «ассоциативные смысловые отношения» в сочинительных конструкциях; составлены классификации сочинительных конструкций с точки зрения морфологического и синтаксического выражения, эксплицитного/имплицитного оформления доминант, их распространенности/нераспространенности, а также отношений между однородными предложениями.

Ю.Н. Власова

Смоленский государственный университет

УДК 811.133.1'38

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССОРА Э.М. БЕРЕГОВСКОЙ

Ключевые слова: французская стилистика; смоленская научная школа; кафедра французского языка СмолГУ.

В данной статье представлены результаты интенсивной работы профессора Э.М. Береговской и ее учеников в области французской стилистики за последние тридцать лет. Научная школа, в русле которой развиваются новые исследования, имеет три основных направления: 1) экспрессивный синтаксис и грамматическая стилистика, 2) стилистический потенциал субстандартной лексики, 3) проблемы индивидуального стиля: лингвостилистическое исследование творчества крупных французских писателей XIX – XXI веков.

Смоленская научная школа романистики начала складываться в 80-х годах под руководством профессора Э.М. Береговской, и сферой, в которой эта школа себя проявила, стала французская стилистика в разных её аспектах.

Эда Моисеевна Береговская родилась в 1929 году, в 1952 году окончила романо-германский факультет Киевского государственного университета, а потом 10 лет работала учителем в школе шахтерского городка Чистяково (Донбасс) Донецкой области. С 1962 года стала сотрудником Смоленского государственного педагогического института, теперь Смоленского государственного университета. Кандидатская диссертация Э.М. Береговской, защищённая во Львовском государственном университете, была посвящена проблеме синонимии («Стилистические функции синонимов» на материале произведений Флобера), а докторскую диссертацию «Язык художественной литературы и социальный диалект», выполненную на материале французской прозы 50–70-х годов, она защитила в Институте языкознания АН СССР. Эда Моисеевна Береговская стала автором книг «Социальные диалекты и язык современной французской художественной прозы» (Смоленск, 1975), «Очерки по экспрессивному синтаксису» (Москва, 2004), «Стилистика в подроб-

ностях» (Москва, 2008). Список её публикаций насчитывает более 200 наименований.

Основные области научных исследований Э.М. Береговской и её учеников можно разделить на три направления: 1) экспрессивный синтаксис и грамматическая стилистика, 2) стилистический потенциал субстандартной лексики, 3) проблемы индивидуального стиля: лингвостилистическое исследование творчества крупных французских писателей XIX–XXI веков, мало изученного у нас и за рубежом.

Первое направление разрабатывается на кафедре французского языка Смоленского государственного университета наиболее интенсивно. Учитывая возрождение научного интереса к риторике, которое стало особенно заметно во второй половине прошлого столетия, аспиранты и преподаватели кафедры исследуют ту область экспрессивного синтаксиса, которая граничит с риторикой, – теорию синтаксических фигур.

Набор синтаксических фигур в основном заимствован из наследия греческих и римских авторов, которые осмыслили множество экспрессивно заряженных конструкций и дали им имена. Но попытки классифицировать их, рассмотреть фигуры как упорядоченное множество делались с давних пор и продолжают осуществляться. На сегодняшнем этапе развития элокуции существуют классификации фигур В.И. Королькова, Ю.М. Скребнева, Т.Г. Хазагерова – Л.С. Шириной, Ж. Дюбуа, А.П. Сковородникова, В.П. Москвина. Э.М. Береговская предлагает последовательную и убедительную концепцию, которая выстраивается вокруг оси симметрии-асимметрии.

С точки зрения симметрии/асимметрии все синтаксические фигуры делятся на три класса. Они представляют собой либо ориентированный на симметрию синтаксис равновесия, или эквilibра (редупликация, дистантный повтор, анафора, эпифора, анэпифора, эпанафора, цепной повтор, симплока, синтаксический параллелизм, антитеза, хиазм, асиндетон, полисиндетон), либо тяготеющий к асимметрии синтаксис нарушенного равновесия, или дезэквилибра (инверсия, риторический вопрос, эллипсис, фигура умолчания, анаколүф, парентеза, сегментация, парцелляция). Промежуточное положение занимают синтаксические фигуры, в которых симметрия и асимметрия действуют одновременно (зевгма, полипют, антанаклаза, гомеотелевт). Они квалифицируются как биполярные.

За последнее десятилетие выработан чёткий методологический подход к лингвостилистическому анализу одной фигуры или группы синтаксических фигур. В первую очередь определяется лингвистическая природа исследуемой фигуры и её место в системе других синтаксических фигур, выявляются также частотные и раритетные морфо-синтаксические модели фигуры в микро- и макроконтесте. Во-вторых, изучаются комбинаторные способности каждой из фигур и факторы, определяющие возможность сочетаний

с другими фигурами. Большое место в подобном исследовании отводится функционально-стилистической характеристике фигур, то есть частотности той или иной фигуры в различных стилях, с одной стороны, и стилистическим функциям фигур в разных речевых сферах (прежде всего в прозе и поэзии) – с другой стороны. Завершающим этапом многих диссертаций обычно является определение роли конкретной фигуры в индивидуальном стиле.

Каждое диссертационное исследование в рамках симметрично-асимметричной системы фигур имеет комплексный характер и значительно обогащает выстроенную классификацию. Все исследования, касающиеся синтаксических фигур, позволили сделать вывод об универсальности изученных экспрессивных синтаксических структур.

Первые диссертации, написанные под руководством Э.М. Береговской, были посвящены именно синтаксическим фигурам: синтаксическому параллелизму, антанаклазе, корневному повтору, полиптоту. В 1992 году Татьяна Вадимовна Новикова в Московском государственном университете защитила диссертацию «Синтаксический параллелизм как элемент системы экспрессивного синтаксиса (на материале современной французской поэзии)», а Юлия Николаевна Пугачёва – диссертацию «Симметрично-асимметричные синтаксические фигуры» (МГУ, 1999). Она исследовала три вида повтора: антанаклазу – повтор слова в разных значениях в одном микроконтексте: «День прошёл, по примеру многих, / И опять на исходе дня / Я сижу, *подводя* итоги, / А итоги *подводят* меня» (Феликс Кривин); полиптот – повтор слова в разных грамматических формах: «Les jeunes gens disent ce qu'ils *font*, les vieillards ce qu'ils *ont fait*, et les sots ce qu'ils *feront*» (Proverbe) и деривационный (корневой) повтор: «Хочется *мирного мира* / И *счастливого счастья* / Чтобы ничто не томило, / Чтобы грустилось не часто» (Давид Самойлов).

В настоящее время Т.В. Новикова живёт и работает во Франции (г. Лилль), а Ю.Н. Пугачёва – в Испании (г. Мадрид), но они поддерживают связь с кафедрой французского языка Смоленского государственного университета.

Другой группе синтаксических фигур: анэпифоре, эпанафоре, симпложке и цепному повтору посвятила диссертацию Юлия Николаевна Власова – «Анафоро-эпифорические производные во французской поэзии XIX–XX вв.», защита которой состоялась в Московском государственном университете в 2002 году. Анэпифорой именуется повтор первого и последнего элементов речевого отрезка: «*La rose naît du mal qu'a le rosier / Mais elle est la rose*» (Louis Aragon); эпанафорой – повтор конечного элемента в начале следующего: «*O vent! ô flots! Ne suis-je aussi qu'un souffle, hélas! / Hélas! Ne suis-je aussi qu'une onde?*» (Victor Hugo); симпложкой называется повтор в смежных стихах, которые имеют одинаковые начало и конец при разной середине: «*Привычные к степям – глаза / Привычные к слезам – глаза, / Зелёные – солёные – Крестьян-*

ские глаза!» (Марина Цветаева), или разные начало и конец при одинаковой середине: «*Le talent fait ce qu'il peut, / Le génie fait ce qu'il veut.*» (Jacques Prévert); цепным повтором – ряд следующих друг за другом эпанафор: «*Quand on s'ennuie, on fume, / Quand on fume, on tousse, / Quand on tousse, on crache, / Quand on crache, on a soif, / Quand on a soif, on boit; mais / Pour éviter que cela devienne / Une coutume alors on fume <...>*» (Pierre Perret).

Ю.Н. Власова – доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета – продолжает научные исследования в русле грамматической стилистики. Она занимается изучением сложного и полифункционального явления – грамматической метафоры.

Самой грамматизированной стилистической фигуре – инверсии посвятила диссертацию Альбина Заурбековна Тавасиева – «Инверсия подлежащего как синтаксическая фигура (на материале современной французской литературы)» (МГУ, 2003). А.З. Тавасиева продолжает работать в русле экспрессивного синтаксиса и сейчас развивает теорию асимметричных фигур: инверсии, риторического вопроса, фигуры умолчания, эллипсиса, анаколуфа, парентезы.

Анастасия Валентиновна Сафронова (Генералова) представила к защите и успешно защитила диссертационное исследование «Синтаксические особенности индивидуального стиля Мориса Карема» (2003) в Московском государственном университете. Предметом изучения в этой работе стали синтаксические фигуры и другие синтаксические категории – предложение и абзац. Впервые была предпринята попытка дать полный анализ синтаксиса художественного стиля Мориса Карема. А.В. Сафронова совместила в своей работе сразу два направления смоленской стилистической школы: исследование фигур экспрессивного синтаксиса и индивидуального стиля. Во время работы над диссертацией А.В. Сафронова использовала богатейшие материалы Фонда Мориса Карема в Брюсселе.

Новое исследование А.В. Сафроновой посвящено вставным элементам и конструкциям во французской художественной речи.

Интересное исследование ещё одной синтаксической фигуры – гомеотелевта – вида синтаксического повтора слов с одинаковой финальной частью (*tout luit, tout bleuit, tout bruit <...>* Anna de Noailles) – заканчивает Наталья Владимировна Толстоус (Каверина).

Фигуре катахрезы, заключающейся в сочетании противоречивых, но не контрастных по природе слов в переносном значении, которые представляют своеобразное смысловое единство и создают образ, посвящена диссертация Ольги Леонидовны Якутиной – «Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы (на материале французской поэзии XIX–XXI вв.)», которую она защитила в 2007 году в Московском государственном университете. О.Л. Якутина предлагает отличать в катахрезе метафорическую и мето-

нимическую разновидности, поскольку эти стилистические явления имеют различную природу. Обнаруженные О.Л. Якутиной катахрезные сочетания делятся на три группы: 1) катахрезы метафорического происхождения с определённым набором конструкций («*J'entends des pierres qui échangent une musique chaude*» Alain Bosquet), 2) катахрезы метонимического происхождения с присущими метонимии видами переноса («*ces gens qui parlent nègre*» Léo Ferré), 3) катахрезы-парадоксы, не имеющие связи ни с метафорой, ни с метонимией, но обладающие всеми признаками катахрестического словосочетания («*un bouquet de pluie nue*» Paul Eluard).

Логическим продолжением ряда диссертационных исследований синтаксических фигур стала коллективная монография «Синтаксические фигуры как система», вышедшая в свет в 2007 году. Она состоит из трёх частей. Первую составили главы, описывающие фигуры, которые строятся на принципе симметрии: глава I – Э.М. Береговская. *Хиазм*; глава II – Т.В. Новикова. *Синтаксический параллелизм*; глава III – Ю.Н. Власова. *Каркасные фигуры*. Во второй части рассматриваются некоторые фигуры, выразительность которых связана с асимметрией: глава IV – А.З. Тавасиева. *Инверсия*; глава V – Ю.Н. Пугачёва. *Биполярные фигуры*; глава VI – Н.В. Толстоус. *Гомеотелевт*. В третью часть вошли главы, в которых показано, как синтаксические фигуры включаются в индивидуальный стиль: глава VII – Л.А. Пушкина. *Синтаксические фигуры в стихотворениях в прозе Шарля Бодлера*; глава VIII – А.В. Сафронова. *Синтаксические фигуры в творчестве Мориса Карема*; глава IX – М.П. Тихонова. *Синтаксические фигуры во французской поэзии для детей*. Работа выполнена в основном на французском материале. Профессор О.В. Раевская (МГУ) в рецензии на представленную монографию (Филологические науки. 2008. № 3) пишет так: «“Синтаксические фигуры как система” – не просто коллективная монография, и её авторы – не просто авторский коллектив с научным редактором Э.М. Береговской. Это настоящая научная школа, созданная профессором Э.М. Береговской, её многолетним научным и педагогическим трудом, научным и организаторским талантом, энтузиазмом, её любовью к науке и к своим многочисленным ученикам, одним словом – к своему делу. Именно благодаря ей риторическая проблематика всё отчётливей и уверенней звучит в научной среде, а риторические фигуры с периферии лингвистических исследований перемещаются к центру. У научной школы Э.М. Береговской не только своя область научных интересов – риторика, но и свой научный почерк, свой стиль, особую ценность которого составляет сопряжённость лингвистического анализа с литературоведческим, иными словами – настоящий филологический подход к тексту». Коллективная монография «Синтаксические фигуры как система» стала лауреатом Конкурса на лучшую научную книгу 2007 года в номинации «Гуманитарные науки».

Именно с глубокого изучения проблем экспрессивного синтаксиса и риторики началась научная школа Э.М. Береговской. Этот факт отмечал и профессор В.Г. Гак в одном из отзывов на диссертацию о синтаксических фигурах: «В нашей стране во французской филологии никто не занимается проблемами стилистических фигур так глубоко и широко, как Эда Моисеевна Береговская, она создала уже целую школу в этой области...».

К исследованиям первого направления школы Э.М. Береговской при-мыкают те, что специально посвящены особенностям однофразового текста. Этой теме Э.М. Береговская посвятила уже 35 публикаций и готовит монографию «Стилистика однофразового текста», куда войдут многие ценные наблюдения, сделанные ранее.

В этом направлении работает Ольга Ивановна Осаволук, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета, которая исследовала стилистические особенности малой поэтической формы – французской эпиграммы, выступающей в большинстве случаев в виде однофразового текста. Она успешно защитила диссертацию на тему «Лингвостилистические особенности французской эпиграммы XVI–XX веков» (МГУ, 2004). Сейчас О.И. Осаволук продолжает научный поиск в новой для себя области – она исследует особенности креолизованных текстов, то есть текстов, в которых вербальные знаки сочетаются с иконическими.

Теме однофразового текста посвятила свою диссертацию «Французский афоризм как текст» Алла Петровна Шумакова (Антипова). Сейчас она занимает должность заведующей кафедрой иностранных языков Ивановского государственного экономического университета. А.П. Шумакова применила разноуровневый лингвистический подход к исследованию французских афоризмов. Сопоставив афоризм с пословицей, сентенцией, парадоксом, трюизмом, А.П. Шумакова сформулировала своё определение афоризма.

Ещё один вид однофразового текста – короткие частные объявления – исследует аспирантка Валентина Александровна Якушина.

Второе направление – изучение стилистического потенциала ненормативных языковых явлений – разрабатывают О.В. Степанова, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета; Е.А. Козельская и Т.И. Ретинская, доценты кафедры французского языка Орловского государственного университета. В нашей отечественной филологии стилистическая роль ненормативной лексики в целом, и в частности на материале французской литературы, изучена очень мало, а между тем эта проблема очень актуальна, потому что она характерна для французской художественной речи XX–XXI веков.

Ольга Валериевна Степанова посвятила своё диссертационное исследование неразработанной до сих пор стороне французского арго – фразеологии. В своей работе «Культурологический аспект фразеологии французского

арго» (Институт языкознания РАН, 2002) О.В. Степанова убедительно доказала, что, несмотря на свою обособленность, арготическая субкультура представляет собой часть единой культурной системы французского языкового коллектива.

О.В. Степанова в настоящее время работает над исследованием арготических элементов во французском кино и драматургии.

Елена Анатольевна Козельская представила интересную диссертацию «Арго во французской поэзии XX века» (МГУ, 2003), в которой арготизм впервые рассматривался как средство интенсификации экспрессивных возможностей современного французского поэтического текста. Ею составлен словарь арготических лексем, вошедших в современную французскую поэзию.

Большую и серьёзную работу по исследованию студенческого арго проделала Татьяна Ивановна Ретинская («Источники и механизмы формирования французского студенческого арго», МГУ, 2004). Она составила словарь арго французских школьников и студентов, на основе которого констатировала глубокие преобразования в сфере французского студенческого арго, которые характеризуют конец XX – начало XXI веков. В 2005 году Е.А. Козельская и Т.И. Ретинская выступали с лекциями, посвящёнными французскому арго, в Реймском университете Шампань – Арденн.

Изучение арго продолжает привлекать молодых исследователей. Аспирантка Евгения Константиновна Максименкова изучает французскую некодифицированную лексику в современной французской литературе конца XX – начала XXI века. Аспирантка Ольга Алексеевна Овчинникова занимается анализом и систематизацией данных о словообразовательных характеристиках французского арго.

Все молодые исследователи арго сейчас работают над подготовкой коллективной монографии, где будут отражены принципы детального изучения французских арго, разработанные Э.М. Береговской. Критериев описания арготизмов в любом профессиональном арго пять. Необходимо определить: объём лексических единиц, источники и механизмы словообразования в данном арго, найти семантические доминанты, синонимы, описать образность арготических элементов.

Третье направление – изучение индивидуального стиля французских писателей – представлено в диссертациях доцента кафедры французского языка Смоленского государственного университета Н.Е. Макаровой «Стилистические доминанты прозы Бориса Виана» (МГУ, 2008), доцента кафедры романской филологии Удмуртского государственного университета Л.А. Пушиной «Лингвостилистические параметры в сборнике стихотворений в прозе Ш. Бодлера “Le spleen de Paris”» (МГУ, 2004).

Наталья Евгеньевна Макарова, изучив лексико-семантический уровень пяти романов Бориса Виана, сделала выводы о стилевых доминантах идио-

стиля этого французского писателя: синкретическая природа художественного языка Б. Виана проявляет богатые возможности синонимических связей; при построении индивидуально-авторской картины мира важную роль играют онимы; хронотоп романов характеризуется крайне ограниченной степенью конкретности и определённости; отличительной чертой идиостиля Виана является активное использование архаической, терминологической, разговорной и окказиональной лексики.

Любовь Александровна Пушина изучила лексико-тематические характеристики и систему тропов сборника «Цветы зла», чтобы обнаружить модель поэтического мира Ш. Бодлера. Она определила особенности композиции и экспрессивного синтаксиса на уровне абзаца и предложения, описала употребление и функционирование синтаксических фигур в сборнике, охарактеризовала лингвистические особенности индивидуальной модели жанра стихотворения в прозе.

Направление, связанное с изучением индивидуальных стилей, представлено и в диссертации Дениса Владимировича Матвеевкова «Лингвистическая концепция Р. Кено и её художественное воплощение» (МГУ, 2003). Исследование Д.В. Матвеевкова совмещает, собственно, два направления смоленской стилистической школы. С одной стороны, им проанализирована арготическая сторона творчества Ремона Кено, поскольку Кено пытался, систематически вводя ненормативные явления в художественную речь, создать некий «неофранцузский» язык, конгломерат разговорных и литературных элементов. С другой стороны, работа Д.В. Матвеевкова проливает свет и на новые подходы к анализу индивидуального стиля. В частности, для Р. Кено выход на качественно новый уровень в творчестве связан с ненормативностью, с продуманным отклонением от существующих правил.

В настоящее время Д.В. Матвеевков (проректор по социальной и внеучебной работе Смоленского государственного университета) исследует стилистический феномен графона – намеренного искажения орфографического облика слова с целью создания комического эффекта.

К третьему направлению школы Э.М. Береговской можно отнести и диссертацию Марины Петровны Тихоновой, которая исследовала реализацию людической функции в творчестве шести современных французских поэтов, пишущих для детей, – «Людическая функция в современной французской поэзии для детей» (МГУ, 1997). М.П. Тихонова установила, что все используемые для осуществления людической функции приёмы делятся на приёмы, специально приспособленные для реализации этой функции, и те, которые часто выступают как материал для реализации других функций. Среди приёмов, имеющих яркие людические характеристики, можно назвать следующие: тавтограмма, заумь, рифма-эхо, графон, каламбур, окказионализм, размораживание фразеологизмов, многократный контактный повтор, хиазм, зевгма, оксюморон. Люди-

ческая функция может создаваться в поэтическом тексте за счёт трёх факторов: фактора частотности, ритмообразующего фактора и комического фактора.

В настоящее время М.П. Тихонова (заведующая кафедрой французского языка Смоленского государственного университета) является старшим научным сотрудником кафедры и работает над докторской диссертацией, посвящённой стилю французской детской поэзии.

В диссертации Елены Владимировны Ларченковой, которая успешно защищена в Московском педагогическом государственном университете (2007), – «Индивидуальный стиль и жанровые признаки (на материале творчества Жака Шарпантро)» – исследован индивидуальный стиль современного французского поэта Жака Шарпантро.

К третьему направлению исследований смоленской школы стилистики частично относится и работа Юлии Витальевны Ивановой, которая посвящена отражению паралингвистических явлений в художественной литературе. Часть диссертации касается индивидуального стиля известной французской писательницы XX века Маргерит Дюрас.

Аспирантка Алина Иосифовна Попова (г. Санкт-Петербург) недавно закончила диссертацию, посвящённую описанию стилевых характеристик французского поэта XX века Анри Мишо.

Представители смоленской стилистической школы активно участвуют в крупных научных конференциях, которые проводятся в Москве – «Степановские чтения» (РУДН), «Романские языки и культуры: история и современность» (МГУ им. М.В. Ломоносова), «Риторика и культура речи в современном обществе и образовании» (ГосИРЯ им. А.С. Пушкина); в Нижнем Новгороде – «Социальные варианты языка» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова); в Санкт-Петербурге – «Проблемы идиоэтнической фразеологии» (РГПУ им. А.И. Герцена); в Красноярске – «Языковая игра в пространстве культуры и образования: современные гуманитарные практики» (Сибирский федеральный университет).

В течение последнего десятилетия аспиранты Э.М. Береговской – активные участники ежегодных аспирантских конференций совместно с аспирантами кафедры истории и теории литературы нашего университета. Научные исследования молодых учёных (студентов и аспирантов-филологов) из Смоленска, Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Гродно, Нижнего Новгорода, Красноярска, Пятигорска, Лиможа, Мэриленда публикуются в сборнике *Scripta manent*, 15 выпусков которого уже вышли в свет. Название этого сборника символично: оно представляет собой сохранённую вторую часть латинской пословицы *Verba volent, scripta manent* – сказанное улетучивается, написанное остаётся.

Коллектив исследователей под руководством Э.М. Береговской объединяет свои научные изыскания в сборниках статей, затрагивающих разные

лингвистические проблемы: «Экспрессивный синтаксис» (Смоленск: СГПИ, 1991), «Экспрессивность в языке и речи» (Смоленск: СГПИ, 1993), «Актуальные проблемы романистики» (Смоленск: СГПУ, 1998), «Стиль современной французской литературы для детей» (Смоленск: СГПИ, 1996 – 1-й выпуск; СГПУ, 2004 – 2-й выпуск), «Риторика ↔ Лингвистика» (6 выпусков с 1999 года). Эда Моисеевна Береговская – неизменный ответственный редактор большинства упомянутых сборников.

С 1999 года кафедра французского языка Смоленского государственного университета выступает инициатором межвузовской конференции «Риторика в свете современной лингвистики». Эта конференция организуется раз в два года и всегда является большим событием для гостей из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Гродно, Пятигорска, Вологды, Красноярска. Хочется закончить этот краткий обзор акrostихом Л.А. Кузьмина, который прозвучал на открытии конференции:

*Риторика, лингвистика...
И все, кто любит их,
Творят, чтобы до листика
Открыть все тайны книг.
Риторика, лингвистика...
И все, кто ныне тут,
Крушат, что было мистикой,
А в будущем прочтут!*

Материалы докладов и сообщений конференции печатаются в сборнике тезисов «Риторика в свете современной лингвистики» и в сборнике статей «Риторика ↔ Лингвистика».

J.N. Vlassova
Smolensk Scientific School of Professor E.M. Beregovskaya

Key words: French stylistics; Smolensk scientific school; the French Chair of the Smolensk state university.

The article is devoted to the results of intensive study of professor E.M. Beregovskaya and her followers in the field of French stylistics for the last 30 years. Working out new research, this scientific school has three main directions: 1) expressive syntax and grammatical stylistics, 2) stylistic potential of substandard vocabulary, 3) issues connected with individual style: lingo-stylistic study of creative work of eminent French writers of the XIX – XXI centuries.

КОНФЕРЕНЦИИ

Л.В. Павлова, И.В. Романова

КАФЕДРА ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ – ГОДУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кафедра истории и теории литературы Смоленского государственного университета ежегодно проводит научную конференцию «Современные пути изучения художественного произведения». Среди последних в рамках этой конференции были научные встречи, посвященные памяти академика М.Л. Гаспарова (2006), 40-летию Филологического семинара (2007), организованного Заслуженным деятелем науки РФ профессором В.С. Баевским. В 2008 году, который был объявлен ЮНЕСКО Годом русского языка, конференция прошла под расширенным названием – с подзаголовком «Языковое мышление писателей». В центре внимания исследователей были различные вопросы поэтики, отражающие своеобразие языкового мышления русских и зарубежных авторов – от Пушкина и Кюхельбекера, Лонгфелло и Вордсворта до Трифонова и Межирова.

Конференция, проходившая 20–21 мая 2008 года, объединила литературоведческий и лингвистический подходы к анализу индивидуального стиля писателей, стиха, образной и мотивной структуры художественных текстов.

В докладе Т.М. Зыбиной «Языковая рефлексия в книге “Лето Господне” И.С. Шмелева» в центре внимания оказалась реализация в речи металингвистической функции языка, которая заключается в выяснении свойств языка, в эксплицитном или имплицитном анализе языком самого себя. На примере героя книги Шмелева «Лето Господне» шестилетнего Вани Т.М. Зыбина показала, что языковая рефлексия (в тексте зафиксировано около ста фактов ее проявления) является одним из способов овладения ребенком родным языком и во многом определяет формирование его языкового сознания. В докладе были выделены разные виды данной рефлексии и предложена их классификация.

В.С. Ковалева представила доклад на тему «О сверхфразовых единствах в рассказах Б.К. Зайцева». Сверхфразовые единства (СФЕ) – один из терминов, которым в лингвистической науке называют текстовые единицы, большие чем предложение. Тип СФЕ тесно связан с художественным методом, способом познания и видения конкретным автором действительности. При всей несомненной важности вопрос о принципах выделения СФЕ остается дискуссионным.

В ранних рассказах Б.К. Зайцева представлены СФЕ разной структуры. Учитывая особые структурные признаки, можно повысить степень объектив-

ности при определении СФЕ. С опорой на объемно-прагматическое членение авторских текстов В.С. Ковалевой выделены три модели: 1) СФЕ, равные абзацу; 2) СФЕ, включающие несколько абзацев; 3) СФЕ, состоящие из одного абзаца и части следующего за ним абзаца. Первая модель демонстрирует чаще всего контактную связь компонентов СФЕ, в третьей проявляется как их контактная, так и контактно-дистантная связь; вторая модель, помимо контактной и контактно-дистантной связи компонентов, может включать еще и дистантную их связь. Каждая модель характеризуется также разной плотностью когезии, разной силой связи компонентов внутри СФЕ. Анализ СФЕ показал, что в ранних рассказах Б.К. Зайцева не остается «лишних кусочков», которые нельзя было бы включить в сверхфразовые единства.

Э.М. Береговская в своём докладе «Лингвистические компоненты в повести Ю. Трифонова “Обмен”» проанализировала, как проявляется языковое мышление в названной повести Ю. Трифонова. Оно облечено в некую систему весьма экспрессивных форм, в которую в качестве отдельных звеньев входят сложные приёмы организации переданной речи, оригинальное построение повествования от 1-го лица, связанное с обманутым ожиданием, рельефные окказионализмы, склонность к развёрнутым тропам, нестандартная сочетаемость лексем, яркие функционально-стилистические вкрапления (фамильярные коллоквиализмы, канцеляризмы), отклонения от нормы в употреблении глагольных времён и видов как средство организации художественного времени, акцентированное изображение паралингвизмов с помощью специальных ремарок и графики. Из сложного переплетения всех этих стилистических нитей и складывается так называемая московская повесть Трифонова «Обмен», которая в конечном счёте оказывается общезначимой, общечеловеческой.

В докладе А.В. Корольковой «Современная лексикография» поднимались проблемы лексикографической грамотности современных студентов и школьников. А.В. Королькова охарактеризовала основные типы словарей, которыми сегодня эти школьники и студенты пользуются. Особую дискуссию вызвала деятельность издательства «Аванта+», специализирующегося на выпуске энциклопедий. Была рассмотрена энциклопедия «Литература» и предложены тематические рубрики, ее дополняющие.

В центре внимания И.А. Казилиной в докладе «Парадигмы ‘ментальное → Y’, ‘экзистенциальное → Y’ в романе Д.С. Мережковского “Антихрист. (Петр и Алексей)”» была семантика образных парадигм ‘страх → Y’, ‘ужас → Y’, ‘тоска → Y’, ‘отчаяние → Y’, а также образа Святой Софии Премудрости Божией. И.А. Казилина показала взаимосвязь этих тем и образов с религиозно-мистической проблематикой романа. Преодоление страха смерти в романе является условием познания мистического Третьего Завета Царства Святого Духа. В докладе также были рассмотрены космически-антропологический,

интимно-романтический, эсхатологический и национально-русский аспекты образа Святой Софии Премудрости Божией.

В докладе М.Л. Рогацкиной «“Бог” и “отец” в художественном мире рассказов И.А. Бунина» рассматривалось развитие минимальных тем «Бог» и «отец» в прозе Бунина, определялись их функции в художественном мире писателя. Указанные темы у Бунина связаны с темами рождения и смерти. Их семантика в контексте произведений писателя соотносится со сложившимся в христианской традиции представлением о разделённости телесного и духовного рождения человека и Божественного в нем участия. Темы «Бог» и «отец» сближает функция созидания. При выявлении семантики понятий «Бог» и «отец» в художественной картине мира Бунина М.Л. Рогацкина опиралась на составленный ею частотный словарь 274 прозаических текстов писателя. Было выявлено, что тематические группы «Бог» и «отец» относятся к числу редких, но фундаментальных по своей значимости.

Материалом исследования Г.Н. Ермоленко «Библейские образы в публицистике И.А. Бунина» послужили книга Бунина «Окаянные дни» и речь «Миссия русской эмиграции». В «Окаянных днях» образы Исава и Каина возникают в контексте антитезы «Россия революционная – Россия дореволюционная», имплицитно соответствующие антитезы «Иаков – Исава», «Авель – Каин», являются образами сопоставления, основания которых восстанавливаются из контекста и являются множественными и вариативными. В речи «Миссия русской эмиграции» события революции представлены как мистериальный сюжет, подтекстом которого является ряд ветхозаветных и новозаветных сюжетов, в первую очередь сюжеты Исхода и казни Христа.

Доклад М.С. Козловой «М. Исаковский – наставник молодых литераторов (1930-е годы)» посвящен недостаточно изученному на сегодняшний день аспекту творческой деятельности Исаковского. Как выдающийся поэт, чей творческий и человеческий авторитет были чрезвычайно высоки, Исаковский оказал значительное влияние на писателей-современников. Речь идет не только о косвенном творческом влиянии, но и о прямом наставничестве, конкретной помощи, детальном разборе произведений, полезных рекомендациях. М.С. Козлова пополняет представление о литературно-критической деятельности Исаковского сведениями о принципах его работы с начинающими авторами, большинство из которых не были профессиональными авторами. Подробно рассмотрена одна из публикаций данного периода «Над чем надо работать начинающему писателю». Она проанализирована в контексте других литературно-критических материалов Исаковского.

Э.Л. Котова в докладе «А.В. Македонов о своем любимом поэте» рассказала о любви Македонова к поэзии Мандельштама, которую известный литературовед пронес через всю свою жизнь. В конце 1920-х годов он старался обратить внимание Твардовского, своего близкого друга, на возможности

использования особенностей поэтического языка Мандельштама. Но только в годы «оттепели» у Македонова появилась надежда опубликовать статью о своем любимом поэте: ему предложили написать вступительную статью для издания произведений Мандельштама в серии «Библиотека поэта». В докладе рассказывается о драматической истории этого издания. Македонов продолжил свое исследование творческого пути Мандельштама и задумал написать о нем книгу. Ему удалось опубликовать только две небольшие работы, которые можно воспринимать как фрагменты единого текста. Анализу этих работ посвящена большая часть доклада. Э.Л. Котова показывает, что работы Македонова являются результатом объективного, всестороннего и глубокого анализа поэтики Мандельштама, поэтому и сегодня продолжают вызывать научный интерес.

В.С. Баевский в заглавном для конференции докладе «Языковое мышление русских поэтов» на ярких примерах творчества Пушкина и Тютчева показал, как в сознании великих поэтов уживалось несколько языков и как *распределялась сфера* их употребления. Языковая борьба в поэтическом сознании приводила гениев к тому, что русский язык на фоне других языков воспринимался более обостренно, остранинно – со всеми своими неисчерпаемыми возможностями. Результат – обновленный русский язык. Этим феноменом объясняется и отсутствие корреляции между словарями языка романтизма и реализма и в целом одна из особенностей развития историко-литературного процесса.

В докладе В.С. Андреева «Развитие образной системы Г. Лонгфелло на начальном этапе его творчества» рассматривается развитие индивидуально-стиля известного американского поэта-романтика Г. Лонгфелло. В центре внимания находится образное пространство стихотворных текстов. На основании анализа наиболее распространенных моделей поэтических образов и лексической репрезентации входящих в них понятий выявляются значительные изменения в способе категоризации мира автором.

С.В. Зюзько в докладе «Предбытие в лирике В.К. Кюхельбекера» представил результаты исследования несобранного цикла Кюхельбекера об Элизе. На материале разных редакций стихотворений, эпитафий к ним, дневниковых записей поэта С.В. Зюзько рассмотрел мистический, инобытийный женский образ возлюбленной и музы лирического героя Кюхельбекера – Элизы. Исследователь пришел к выводу о том, что в лирике отразились оригинальные представления поэта о единстве двух родственных душ в предбытии (то есть бытии души до ее физического воплощения, рождения). Эти души оказываются разлученными в дольном мире. В мире эмпирическом встреча может произойти или не произойти. Лирический герой Кюхельбекера общается с Элизой в сфере видений и откровений. Основа мировоззрения, отразившегося в цикле, – античная философия Платона

и ряд представлений, содержащихся в произведениях Захарии Вернера и Жан-Поля Рихтера.

Л.В. Павлова в докладе «Яркая жизнь слова *бледный* в лирике Вячеслава Иванова» продемонстрировала применение специально разработанной методики, позволяющей с большой долей уверенности утверждать, наделяет поэт определенное слово символическим статусом или нет. Выявить максимально широкий круг значений слова-символа, реализованных в тексте, помогают контекстуальный анализ всех случаев появления данного слова в текстах автора (материалом исследования послужили четыре прижизненных книги лирики Иванова – «Кормчие Звезды», «Прозрачность», «Сог Арденс», «Нежная тайна. – Λεπτα»), анализ соответствующих образных парадигм и анализ специально созданного функционального тезауруса.

Доклад Л.Г. Каяниди также был посвящен поэтике Вячеслава Иванова: «Структура пространства и язык пространственных отношений в цикле Вячеслава Иванова “Дионису”». В цикле «Дионису» в центре поэтической рефлексии поставлен земной мир в его взаимосвязи с верхней пространственной сферой. В языке пространственных отношений цикла можно выделить четыре мифологических доминанты: 1) земной мир как жертвенник; 2) музыка как энергия взаимосвязей неба и земли; 3) уподобление нижней пространственной сферы верхней имеет богоборческий характер; 4) в человеческой личности, определенным образом организованной (такого человека Вячеслав Иванов называет «пламенником»), пространственные и бытийные противоположности земного и небесного примиряются и исчезают.

Доклад И.В. Романовой назывался «Мотивы, связанные с лирическим “я”, в поэзии И.А. Бунина». В науке бытует мнение о том, что в лирике Бунин пришел почти к полному устранению лирического героя, вообще – лирического «я». Автор доклада исследовала коммуникативную структуру лирики Бунина и получила результаты, свидетельствующие о том, что эготивные стихотворения (с лирическим «я» в центре и без адресата) заняли по численности третье место и составили 15%. Для сравнения: у Пастернака эготивный тип стихотворений оказался самым малочисленным (7%), а у Бродского занял предпоследнее место (10%). Между тем лирическое «я» в творчестве и Пастернака, и Бродского гораздо более узнаваемо, чем у Бунина. Исследование показало, что мотивы, связанные с образом «я», отражают пассивность героя, он – человек чувствующий и выступает обычно в качестве созерцателя. Более активным, действующим лицом является ролевой персонаж. Композиционно выделенными, организующими лирический сюжет также оказываются преимущественно статические мотивы. Названия эготивных стихотворений чаще всего не указывают на лирического персонажа. Поэтому у читателя создается ошибочное впечатление отсутствия у Бунина лирического «я».

В докладе А.В. Радионовой «Функционально-смысловые типы лирических ситуаций (на примере лирики Н. Гумилева)» лирическая ситуация рассматривалась в качестве композиционно-смысловой единицы, определяемой как ряд взаимосвязанных мотивов в стихотворении. Одним из факторов, скрепляющих мотивы в ситуацию, назван доминирующий функционально-смысловой тип (повествование, описание, рассуждение). Материалом исследования стало лирическое творчество Н. Гумилева в объеме 405 стихотворений, в которых выделено 749 лирических ситуаций, определена их функционально-смысловая принадлежность, рассмотрены некоторые особенности функционально-смысловых типов в лирике.

В докладе Е.С. Романовой «Основные темы творчества А. Межирова» рассмотрены тематические приоритеты Межирова на разных этапах его творческого пути. Исследование было проведено с опорой на периодизацию творчества поэта, включающую семь этапов. В рамках каждого периода выделены ведущие темы. Доминирующей в его творчестве остается военная тематика.

Три доклада были посвящены вопросам стихотворной речи, а именно метрике и поэтическому синтаксису.

В выступлении О.М. Таршиной «Четырехстопный хорей И.А. Бунина» были представлены результаты исследования 48 лирических текстов, написанных четырехстопным хореем. Было показано, что семантика этого стихотворного размера у Бунина формируется под влиянием литературной традиции. Усваивая опыт предшественников (Жуковского, Пушкина, Тютчева, Фета, Полонского), Бунин творчески его переосмысливал, перерабатывал, подчиняя собственному художественному поиску. Изученные стихотворения оказались по преимуществу не логическими, а эмоциональными. Предметом речи в них стали не абстрактные размышления, а непосредственное изображение конкретного явления и передача настроения. Ориентация на читателя выразилась в установке на диалог, использовании обращений, апелляции к слуховым и зрительным ощущениям, в употреблении определенных глагольных форм. Влияя на выбор тем и мотивов, связываясь с конкретными жанровыми ассоциациями, ситуативность является общим знаменателем, средством формирования стихотворной семантики четырехстопного хорей лирической поэзии И.А. Бунина.

В докладе Т.П. Лобановой «Хорей четырехстопный в книге С. Городецкого “Ярь”» представлены результаты анализа метрического репертуара первой книги стихов Сергея Городецкого. Одним из таких результатов стало выделение преобладающего размера – хорей четырехстопного. Тематический анализ стихотворений, написанных этим размером, показал, что в ряде случаев Городецкий ориентируется на некрасовскую традицию семантического наполнения данного размера, однако наиболее сильное влияние оказала на него элегическая традиция.

Задача исследования С.Н. Андреева и Н.В. Кутузовой «Семантические классы слов в стихотворном переносе» состояла в сопоставлении семантических характеристик стихотворного переноса в ранних лирических произведениях М. Лермонтова и У. Вордсворта, творчество которых относится к эпохе романтизма. Явление стихотворного переноса, в основе которого лежит несовпадение синтаксического и ритмического членений поэтического текста, представляет собой важный стилистический прием, изучение функционирования которого позволяет установить ряд отличительных особенностей авторского идиостиля. В рамках данной работы выявляются как наиболее, так и наименее типичные для обоих авторов семантические признаки слов, между которыми стихотворным переносом расчленяется тесная синтаксическая связь. На основе полученных закономерностей устанавливаются основные интегральные и дифференциальные семантические признаки переносов М. Лермонтова и У. Вордсворта.

В процессе обсуждения докладов наиболее оживленную дискуссию вызвали проблемы, связанные с методиками, направленными на изучение композиции поэтического текста. В связи с этим было *вынесено* единодушное *решение* посвятить этой проблеме следующую конференцию 2009 года, а также ежемесячные заседания Филологического семинара кафедры истории и теории литературы.

Л.Г. Каяниди

Смоленский государственный университет

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДЕБЮТ» 5 МАРТА 2008 ГОДА

5 марта 2008 года состоялась студенческая научная конференция «Дебют», организованная кафедрой истории и теории литературы. Восемь первокурсников представили на ней плоды своих первых научных изысканий, выполненных под руководством сотрудников кафедры. Диапазон научных интересов участников конференции, как всегда, оказался необыкновенно широк. Молодых исследователей интересовали проблемы карнавальной поэтики, семантика тропов, особенности композиции сатирических рассказов, функции мотивов и структура образов в лирических текстах. В круг исследовательских предпочтений попали авторы XVIII–XX веков, начиная с Державина и кончая Арсением Тарковским.

К участникам конференции с приветственным словом обратился профессор Вадим Соломонович Баевский.

Валентина Олеговна Фельдшерова в докладе «Еда и питье в поэзии Г.Р.Державина» (научный руководитель – профессор И.В. Романова) устано-

вила, что в целом ряде державинских стихотворений звучат анакреонтические мотивы, к которым традиционно относятся еда и питье. Изображение еды помогает поэту отойти от канонов классицизма и приблизиться к реализму. Исследуемые мотивы выполняют две функции: они являются составной частью застолья либо дают возможность приблизить героя стихотворения к читателю. Еда и питье могут выполнять символическую функцию, если они становятся частью божественной трапезы.

Ольга Юрьевна Попонина, выступавшая с докладом «Эпитеты в “Путешествии из Петербурга в Москву” А.Н. Радищева» (научный руководитель – профессор И.В. Романова), показала, что эпитеты в книге Радищева встречаются, как правило, в эмоциональных размышлениях и спорах. Причем можно выделить четыре группы эпитетов: 1) те, которые характеризуют самодержавие и его проявления; 2) те, которые показывают человеческие чувства и мысли; 3) те, которые обрамляют исторические вставки и размышления о Боге; 4) те, которые используются для описания природы.

В радищевских эпитетах проявляются черты сентиментализма. Это – 1) дидактизм, 2) идея прогресса и нравственного совершенствования, 3) появление нового типа героя – добродетельного простолюдина, который обладает чувствительностью.

Предметом исследования Натальи Петровны Кушнирчук оказалась «Карнавальная традиция в повести Н.В. Гоголя “Иван Федорович Шпонька и его тетушка”» (научный руководитель – доцент И.В. Марусова). Исследовательница показала, что в тексте нашли отражение такие элементы карнавала, как профанация, амбивалентность, эксцентричность, пир, свадьба, прием *qui pro quo* и вольный фамильярный контакт.

В повести происходит отступление от правил социальных, а также моральных и этических: персонажи позволяют себе различные вольности, в некоторых случаях совершенно отсутствует уважение к людям.

Карнавальная традиция пронизывает все произведение и позволяет раскрыть характеры персонажей.

Дмитрий Александрович Козлов выступал с докладом «Метаморфозы образа отца в романе Андрея Белого “Котик Летаев”», выполненным под научным руководством профессора Л.В. Павловой. Роман Андрея Белого «Котик Летаев» более всего соответствует одному из любимых тезисов младосимволиста о том, что смысл искусства – только религиозный. В романе раскрывается не только затекстовая реальность – сложные отношения в семье профессора Бугаева, но и последовательно распутывается цепочка мировоззренческих концептов Андрея Белого. Образ отца играет здесь главенствующую роль: каждое его превращение – это знак перехода к чему-то новому. Отец – символ развития культуры и религии. В его многочисленных трансформациях утверждается взаимосвязь культурных

эпох – язычества и христианства: отец – это и гераклитовский огонь, и Бог-Отец.

Полина Игоревна Маллер представила самостоятельно выполненный доклад «Эволюция желтого цвета в лирике Сергея Есенина». Как показало исследование, особое место в цветовой гамме есенинской лирики принадлежит желтому цвету. Он является одним из самых частотных и входит в тройку лидеров в позднем творчестве поэта. В ранней лирике желтый цвет имеет прямое значение, а в поздней он наполняется символическим смыслом, становясь знаком увядания и смерти.

Елена Александровна Шершакова под руководством доцента Э.Л. Котовой выявила особенности композиции рассказов Аркадия Аверченко из книги «Дюжина ножей в спину революции». Начинаящая исследовательница детально исследовала композицию трех рассказов Аверченко – «Черты из жизни Пантелея Грымзина», «Хлебушко», «Поэма о голодном человеке». В основе композиции рассказов лежит прием антитезы, который помогает выразить главную мысль писателя-сатирика: революция – это нечто противоестественное, несовместимое с понятием гуманизма и нравственности. Антитеза реализуется по-разному. В первом рассказе противопоставляются и персонажи, и быт дореволюционный послереволюционному. Во втором антитеза ограничена бытовым укладом, а в третьем касается только личности персонажей.

Арина Владимировна Фролова прочитала доклад «Коктебель в жизни и творчестве Максимилиана Волошина» (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова). Образы, навеянные Коктебелем, встречаются в цикле стихотворений «Киммерийская весна», «Киммерийские сумерки». Больше всего внимания Арина Фролова уделила тому, какое место Коктебель занимал в жизни поэта, затем она подробно проанализировала стихотворение «Полынь», которое открывает лирический цикл «Киммерийские сумерки», занимая в нем маркированную позицию. Особенностью композиции стихотворения является то, что текст построен по принципу зеркального отражения: первые два четверостишия как бы отражаются в последних двух, образ Вселенной отражается в мире человеческой души. Художественное пространство стихотворения несет на себе основную мысль текста – единство и разделенность человека и мироздания в целом. Художественный мир сначала расширяется от камерного человеческого пространства до космических просторов, а затем вновь возвращается в исходную точку.

Ольга Александровна Царева проанализировала семантическую структуру образа зеркала в лирике Арсения Тарковского. Оказалось, что он имеет в поэзии Тарковского такие основания сопоставления, как «дверь в прошлое», «душа», «природа», «жизнь», «человек и его внутренний мир». Образ зеркала не является самым распространенным в поэзии Тарковского, но, несомненно,

он значим. Об этом говорит большое количество оснований сопоставления, среди которых центральные философские категории – мир и человек.

А.А. Дюндик

Смоленский государственный университет

СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗОЛОТО И СЕРЕБРО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Студенческие конференции, которые проводит кафедра истории и теории литературы, проходят под названием «Золото и серебро русской литературы». В отчете об одной из таких конференций смысл названия был представлен следующим образом: «Уже много лет кафедра истории и теории литературы Смоленского государственного университета по крупицам собирает “золото” и “серебро” <...>» [1, 280]. В данном смысле «золото и «серебро» означают не только Золотой и Серебряный века русской литературы, но и просто указывают на лучшее, самое ценное. Причем как со стороны изучаемого материала, так и со стороны юного исследователя. Преподаватели кафедры строго следят за тем, чтобы на конференции были представлены самые достойные из студенческих работ. Поэтому выступить на такой конференции – большая честь и ответственность.

В 2008 году «Золото и серебро русской литературы» традиционно открывалось вступительным словом доктора филологических наук профессора В.С. Баевского. В.С. Баевский говорил о востребованности художественного (да и научного, впрочем) текста. Как известно, «Герой нашего времени» не стал востребованной литературой в период его первого издания. Публика была не готова соответствовать этому тексту, она не могла понять и, следовательно, принять его. Большое значение, по словам профессора Баевского, имеет не только научная ценность прочитанного доклада, но и подготовленность аудитории к его методологическим принципам.

«Вам трудно поверить, но недалеко ушло то время, когда формальный анализ художественного текста считали преступлением. Вот каким образом была подготовлена аудитория...», – рассказал слушателям В.С. Баевский.

Тематика представленных докладов оказалась разнообразной. Различными были и способы исследования. Первый доклад прочитала Александра Владимировна Боровецкая (научный руководитель – профессор В.С. Баевский), уже его название имело графически оригинальную формулировку: «Женщина → Комета». А.В. Боровецкая выделила особенности парадигмы *женщина → комета* в русской литературе. Своим появлением в русской поэзии парадигма *человек → комета* обязана Пушкину. Ему принадлежит первый

«очеловеченный» образ этого небесного тела. Явную аллюзию на Пушкина содержит цикл А. Блока «Три послания» 1910 года. А.В. Боровецкая делает вывод: и в первом, и во втором образах комета выступает как нечто положительное. Следующий образ, который анализирует исследовательница, создан В.Ф. Ходасевичем. В стихотворении «Звезды» он показывает, что парадигма обладает свойством амбивалентности. В данном тексте женщина-комета вызывает у автора отвращение. Другой образ, более поздний, принадлежит А.А. Галичу:

И все бухие пролетарии,
 Все тунеядцы и жулье,
 Как на комету в планетарии,
 Глядели, суки, на нее...

(«Баллада об одной принцессе...», 1967)

Данный текст, по мнению А.В. Боровецкой, можно сравнить с пушкинским «Портретом». Галич как бы снижает все образы Пушкина и усиливает противостояние общества и кометы ярко выраженной агрессией. У Галича сравнение строится, казалось бы, только на внешнем признаке, но уже существующая в литературе парадигма расширяет образ. К этой же парадигме, вероятно, можно отнести и произведение М.И. Цветаевой «Комета» 1921 года. Таким образом, подводит итог А.В. Боровецкая, образ кометы разрабатывается русской поэзией от Пушкина до Галича.

Предметом исследования в докладах «Образы животных в романах Достоевского» и «Обитатели поэтического мира Ю.Н. Верховского» явились образы живых существ, «населивших» художественный мир писателей. Образам животных в романах Достоевского был посвящен доклад Оксаны Игоревны Муравьевой (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова). Второе выступление, представленное Вероникой Вадимовной Авхимович (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова), имело название «Обитатели поэтического мира Ю.Н. Верховского». Исследование было проведено на основе анализа сборника «Идиллии и элегии». Словарь «Идиллий и элегий» включает в себя более 1000 слов (3142 словоупотребления), из них 59 лексем (118 словоупотреблений) можно объединить в тематическую группу «Обитатели поэтического мира». Наблюдения исследовательницы позволили утверждать, что поэтический мир Ю. Верховского достаточно густо и разнообразно населен: наряду с людьми (30 слов) здесь обитают мифологические персонажи (21), а также животные, хотя и не столь многочисленные (8), как можно было ожидать. Следовательно, для поэта важны гармоничные семейные, дружеские отношения, а также различные виды деятельности: странничество, присмотр за стадами, творчество и т. д. Большая часть мифологических персонажей взята Верховским из античной поэзии: это символы вечных влюбленных или твор-

ческого вдохновения. Поэт не просто пересказывает связанные с ними сюжеты, а по-новому интерпретирует каждый из них. В элегиях «обитателей» намного меньше, так как это обусловлено канонами самого жанра, предполагающего анализ и рефлексию личности персонажей. Отношения же с другими персонажами здесь не столь значимы. Мир природы должен быть един с миром как живых существ, изначально населяющих ее, так и человека. Таков идеал автора «Идиллий и элегий». Далее В.В. Авхимович выделяет сюжетные линии, связанные с той или иной группой обитателей.

Доклад Ольги Алексеевны Королевой (научный руководитель – профессор И.В. Романова) был посвящен ролевому персонажу в лирике И.А. Бунина. В частности, исследовательница замечает, что образ «я» у Бунина – двухсубъектный. О.А. Королева выделяет субъект-объект и субъект более высокого сознания.

Елена Александровна Глуховская (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова) с начальных курсов университета систематически занимается изучением творчества Эллиса (Л.Л. Кобылинского). В этот раз ее научный отчет о проделанной работе был посвящен образу Вечной Женственности в творчестве поэта. Цель исследования: рассмотреть эволюцию женских образов в творчестве Эллиса и сделать вывод о том, каким образом миф о Вечной Женственности отразился в поэтическом сознании писателя.

Материалом послужила книга стихотворений «Stigmata» (1911). Исследование показало, что в книге прослеживается эволюция женских образов (причем как маркированных личными именами (Изида, Аврора, Мария, Елизавета), так и «безымянных»), которые постепенно обнаруживают черты Вечной Женственности. Встречаясь на мистическом пути героя, они символически определяют его переход от адских пороков к райскому блаженству. Герой книги эволюционирует на протяжении страниц сборника. И после его прозрения чувство к возлюбленной воспринимается им иначе: все земное теряет свою значимость, единственное, что важно, – это любовь небесная. Одним из воплощений этой любви стала Дева Мария. В итоге исследовательница делает вывод, что Дева Мария, как воплощение любви и милосердия, исполненная жизнью Вечная Женственность христианизированного образа Софии во многих его реализациях, имела для Эллиса решающее значение, определяя поэтику его первой поэтической книги «Stigmata».

Круг писателей, чье творчество изучают студенты, широк. Так, Анастасия Владимировна Трифонова (научный руководитель – доцент И.В. Романова) выбрала темой своего исследования особенности рифмы такого активно изучаемого поэта, как Иосиф Бродский. В то же время Константин Викторович Забелин (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова) поставил своей целью изучить пространство России в творчестве малоизвестного поэта второй волны эмиграции Ивана Савина.

Кроме образов и тематики, участники конференции уделили внимание также исследованию фоники. В частности, работа Владлены Романовны Алексеюк (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова) была посвящена анализу фоники в рассказе В.В. Набокова «Слово». Целью работы явился анализ фоники текста, а именно: выявление различных звуковых приемов (аллитерации и ассонанса, других звуковых повторов; звукоподражаний; созвучий слов, характер которых возможно описать с помощью классификаций рифм), рассмотрение связи звука с фабулой, роль звука в построении образов. В ходе анализа исследовательница пришла к выводу, что звук как нечто поэтическое лежит в основе данного рассказа. Все элементы фабулы сопряжены с определенными звуковыми явлениями. Кроме этого, звуковые приемы используются и на другом уровне – уровне конкретных образов. Заметно внесение в структуру прозы тонического метра, т. е. повторяемости ударных и безударных слогов, создающей в прозаическом целом аналогии стихотворных стоп (похоже на дольник). Для наглядности исследовательницей была составлена таблица, в которой указывается количество обращений Набокова к различным звуковым приемам. В целом можно сделать вывод, что в прозе Набокова звуковой организации текста принадлежит важное место, и анализ произведений писателя невозможен без учета фоники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская филология: ученые записки кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета / сост. и ред. Э.Л. Котова, М.Л. Рогацкина. – Смоленск: СмолГУ, 2008. Т. 12. 334 с.

А.А. Дюндик

Смоленский государственный университет

**«СТРУКТУРА, ТЕМАТИКА, СЕМАНТИКА...»:
отчет о проведении аспирантской конференции
кафедры теории и истории литературы
6–7 октября 2008 года**

Аспирантская научная конференция – это третья по счету научная встреча, которую проводит кафедра истории и теории литературы. В традициях кафедры – четырежды в год проводить конференции разных уровней. Две из них – студенческие («Дебют» – для выражения научных амбиций первокурсников и «Золото и серебро русской литературы» – на которой представлены работы уже более зрелых учащихся вуза, студентов-старшекурсников). Большая гордость кафедры истории и теории литературы – ежегодное проведение «взрослой» конференции «Современные пути исследования литературы».

Особое место среди научных встреч кафедры имеет конференция аспирантов. По признанию сотрудников кафедры, это одна из самых любопытных научных встреч. Доклады аспирантов кафедры отличаются не только смелостью и новаторством (что можно объяснить внутренним поиском, который априори присущ молодому исследователю), но и «научной подкованностью», методологической обоснованностью, свойственной филологической школе, к которой принадлежит большинство аспирантов, представляющих здесь свои работы.

Очередная большая научная встреча, организованная силами аспирантов и сотрудников кафедры, состоялась 6–7 октября 2008 года. В этот раз аспирантская конференция была межкафедральной – на ней выступили молодые ученые, представляющие кафедру теории и истории литературы и кафедру французского языка. В связи с этим общее направление работ определить сложно. Можно сказать, что связь наблюдалась не между выступлениями, прозвучавшими на этой конференции, но между работами, которые аспиранты представляли в этом и прошлом году. Как известно, аспирант постоянно ведет научную работу, результаты которой формируются в главы его будущей диссертации, поэтому научные выступления взаимосвязаны.

Конференции любого уровня, будь то аспирантская или же «взрослая», на кафедре истории и теории литературы принято открывать вступительным словом. Обычно его произносит основатель литературной школы, в рамках которой существует кафедра, профессор В.С. Баевский. На аспирантской конференции 2008 года В.С. Баевский в своем вступительном слове говорил о существовании трех историй литературы. «Замечательный историк Василий Осипович Ключевский написал однажды, что в жизни писателя и ученого главные биографические факты – книги, а главные события – мысли. Я решил поделиться с вами одной мыслью, которой отдал много лет раздумий и вот, кажется, в последнее время все себе уяснил», – сказал В.С. Баевский. Перед исследователем литературы часто встает вопрос: каким годом правильно было бы датировать сборник стихотворений или рассказов? Здесь может быть три варианта: год создания, год первой публикации и год последней авторской редакции. По мнению В.С. Баевского, самое верное – изучать предмет литературы по первому изданию. В советские годы господствовал принцип «последней воли автора», то есть последней авторской редакции, которой придерживались последующие издатели. Однако в советское время, при существовании цензуры, а иногда и самоцензуры (когда, желая быть прочитанными, авторы сами «приглаживали» собственные тексты), «последняя воля автора» становилась «последней волей издателя». Вот почему существование «трех историй литератур» не может не волновать исследователя.

Открывал конференцию, пожалуй, самый «теоретический» доклад, прочитанный на ней: «Структурные особенности гомеотелевта». Доклад при-

надлежал Н.В. Толстоус (кафедра французского языка). Гомеотелевт по своей структуре представляет собой эстетически мотивированный набор слов одной грамматической категории с одинаковыми окончаниями и/или суффиксами. Основным условием построения морфолого-синтаксических моделей гомеотелевта является полная морфологическая и синтаксическая однородность его структурных элементов. Несмотря на жесткую заданность форм гомеотелевта, анализ Н.В. Толстоус обнаружил довольно большое разнообразие морфологических форм и синтаксических моделей в его образовании. Морфологическая природа гомеотелевта, как и всех биполярных фигур, отличается разнообразием моделей при доминанте глагола. Регистр синтаксических моделей, по которым строятся гомеотелевты, довольно широк. Чаще всего структурным элементом является сказуемое. В обследованном материале цепочка гомеотелевта может включать от 3 до 36 звеньев. Выявленная частотность морфо-синтаксических моделей исследуемой фигуры позволяет обнаружить разные отклонения в морфо-синтаксической форме гомеотелевта, характерной для того или иного стиля. Структурная организация гомеотелевта, а именно количество и расположение повторяющихся элементов в тексте, также может быть отличительной чертой стиля автора.

В выступлении А.А. Меликян (кафедра французского языка) речь шла о писателе Филиппе Жиане. По словам докладчицы, это один из самых «читаемых» и «продаваемых» авторов во Франции. О себе он говорит, что принадлежит к двум континентам: Европе – по рождению и Америке – по природе своего таланта. Он снискал славу самого непредсказуемого писателя современной Франции. В представленной работе А.А. Меликян охарактеризовала речь персонажей романа Филиппа Жиана «37,2 градуса по утрам» с точки зрения нормы. Роман «37,2 градуса по утрам» – это история любви, сильной и всепрощающей со стороны главного героя, надрывной и болезненной со стороны Бэтти – его возлюбленной. Жиан говорит: «Не стоит вешать на язык железный замок». Он учит не бояться новшеств, поскольку любой живой язык достаточно силен, чтобы отсеять чужое и оставить свое. Повествование в романе сугубо субъективно: ведется от первого лица – водопроводчика, написавшего роман. Следовательно, его монологи больше приближены к устной речи, необдуманной, насыщенной разговорной лексикой, преобладанием кратких реплик. С появлением Бэтти равновесие в жизни героя перестает существовать. Его язык грубоват, но бедным его никак не назовешь. Речь главного героя насыщена арготизмами, синонимами и метафорами, но остается всегда точной и краткой. Арготизмы в его случае не являются эпатажирующим элементом, но служат для лучшей характеристики чувств героя. Речь возлюбленной главного героя гораздо больше насыщена арготизмами, что придает речи взрывную экспрессивность. Почти все арготизмы и вулгаризмы в романе, замечает докладчица, связаны с образом Бэтти. Ненорма-

тивными лексическим единицам в романе принадлежит следующая роль: они помогают читателю понять мировосприятие главных героев, передают отношение персонажей к происходящему. Кроме главного героя и его возлюбленной, арготизмы употребляют почти все остальные персонажи романа. Таким образом, мы встречаемся с арготирующими персонажами на всех ступенях иерархической системы образов. Все персонажи романа были условно разделены исследовательницей по следующим параметрам – профессия, пол, возраст, насыщенность речи арготизмами. В список арготирующих персонажей попали: водопроводчик, хозяин пиццерии, продавцы и официанты, полицейские, издатели, врачи и медсестры, отставной военный, охранник в магазине, пенсионер. Также существенным моментом при речевой характеристике персонажа является пол – мужчины в романе арготируют чаще женщин. Следовательно, в речи женщин арго будет заметнее. Наибольшее количество арго встречается в речи более молодых персонажей. Арготизмы в речи персонажей романа выступают как форма их социального протеста против общества и даже самих себя.

Следующий докладчик – С.В. Зюзько (кафедра истории и теории литературы) – еще будучи студентом, опубликовал работу, определившую основное направление его диссертационного исследования. Сфера его научных предпочтений – жанровый состав поэзии В.К. Кюхельбекера. В этот раз С.В. Зюзько представил на суд своих коллег и преподавателей доклад «Тема мученичества в лирике В.К. Кюхельбекера». Не всегда поэты страдали в изгнании и нищенстве, утверждает докладчик, иногда мученичество их было внутренним: борьба со страстями, в стараниях простить врагов и клеветников. Путь страданий и самопожертвования Кюхельбекера пролегал в трех сферах: во-первых, принесение себя в жертву поэзии, несмотря на нищету и непонимание современников; во-вторых, принесение себя в жертву России, несмотря на обреченность восстания декабристов; и в-третьих, беспрестанная внутренняя борьба с унынием и маловерием. Кюхельбекер признавал, что жизнь и творчество – всегда страдание, но не всегда мучительное, а часто – желанное. В своем докладе С.В. Зюзько представил слушателям тему мученичества в творчестве Кюхельбекера в самых разных аспектах. Материалом исследования стал сборник лирики, изданный в 1967 году. Методом – учет всех случаев употребления в сборнике лексем «страдание», «страдать», «страдалец» и родственных им. Из 197 стихотворений сборника названные лексемы содержали 55. Лирический герой Кюхельбекера с полным правом может быть назван страдальцем. Его жизнь предстает как череда страданий. Кюхельбекер усиливает образ страдальца эпитетами «бедный», «одинокий» и т.д. Однако он – Поэт. То, что он поэт и мученик, наделяет его правом благословлять и проклинать. За оскорбление поэта обидчиков ждет проклятие потомков. И все же герой Кюхельбекера не проклинает, а благословляет. Хотя

его собственная жизнь предстает как вереница испытаний, другим он желает беззаботного счастья. Часто герой благословляет того, кто развеял его страдание. Страдание в лирике Кюхельбекера далеко не всегда оценивается как нежелательное состояние. В нескольких случаях страдание желанно. Страдание – признак подлинной жизни души. Как желанное страдание иногда описывается творчеством.

В докладе О.М. Таршиной (кафедра истории и теории литературы) были представлены результаты исследования семантики дактиля. Было показано, что семантический ореол бунинского дактиля неоднороден, он складывается из двух основных семантических окрасок – «Ожидание» и «Вечность», причем эти окраски, во-первых, не исчерпывают всю семантику данного метра, а во-вторых, не абсолютно четко разграничиваются друг с другом. В рамках дактиля прослеживается семантическая дифференциация двух метрических разновидностей. Так, для ряда текстов, написанных четырехстопным дактилем, характерны сюжетные устремления; ориентация на песенный жанр является важнейшим атрибутом стихотворений, написанных 3-4-стопным дактилем с чередованием дактилических и мужских окончаний. Автор показал, что данные темы, мотивы, жанровые ассоциации характерны для многих дактилических произведений предшественников и современников Бунина, что позволяет говорить не только о традиционности семантики бунинского дактиля, но еще раз демонстрирует проявление систематизирующей и «запоминающей» функций стихотворного метра в целом.

В докладе Ю.В. Скобелевой (кафедра истории и теории литературы) было рассмотрено несколько поэтических текстов И.Ф. Анненского в качестве иллюстрации к типам силлепса книги стихов «Тихие песни». Докладчица руководствовалась одним из определений силлепса литературоведческого, которое подразумевает, что реализация двух (или более) значений происходит в пределах одной лексемы. Таким образом, «силлепс – риторическая фигура, которая состоит в употреблении слова одновременно в его прямом и переносном значении.

Прием силлепса – один из ключевых в творчестве Анненского, во многом за счет силлепса создавался его знаменитый «импрессионистичный», суггестивный стиль. Силлепс в книге стихов «Тихие песни» – чаще всего реализация прямого и переносного или нескольких переносных значений. Реже в «Тихих песнях» встречается силлепс как мерцание двух переносных значений, когда прямое значение ослаблено.

Тема доклада Т.П. Лобановой (кафедра истории и теории литературы) звучала как «Хорей четырехстопный в книге С. Городецкого “Ярь”». «Ярь» – это первая вышедшая в свет книга поэта Сергея Городецкого. Книга вызвала откровенное восхищение Александра Блока и Вячеслава Иванова. Темы и образы, которые разрабатывал Городецкий, были в целом характерны для

поэзии Серебряного века. А вот ритмический рисунок, представленный Городецким в его первой книге, был нетипичен для современной ему поэзии. Блок сказал об этом так: «Ритм Городецкого завораживает». Большое количество стихотворных текстов в сборнике написано хореем. Часть из них – хорей четырехстопный. Именно этот размер чаще всего используется для имитации народной песни. В своей книге Городецкий использует также переходные метрические формы. По словам М.Л. Гаспарова, если в начале двадцатого века четырехстопный хорей по численности своего использования в русской лирике занимал третье место, то эпоха модернизма стала важным этапом развития этого размера. Постепенно эксперименты с рифмами и строфами отвлекают внимание поэтов от скромного четырехстопного хорea. Возникает вопрос, почему Городецкий отдал предпочтение размеру, который уже, казалось бы, исчерпал себя. Городецкий использует фольклорные темы, мотивы и образы. Поэзии Городецкого присуща песенность – доказательством может служить множественное присутствие дактилических окончаний, что является характерным признаком народной песни. Семантический ореол хорea четырехстопного неоднороден. Можно выделить две группы стихотворений Городецкого: элегические – по образцу Жуковского и народные – по образцу Некрасова. У четырехстопного хорea Городецкого четко прослеживается связь с этими двумя столь непохожими традициями. Для книги «Ярь» Городецкого, подвела итог докладчица, характерно явное разделение стихотворений, написанных данным размером, в зависимости от традиции, к которой стихотворение принадлежит.

Тема доклада А.А. Дюндик (кафедра истории и теории литературы) сформулирована как «Влияние философии Платона на образ Возлюбленного в поэзии Михаила Кузмина». Материалом исследования послужила одна из самых ярких (по признанию самого поэта и его современников) книг Кузмина – «Сети». То, насколько обоснованно можно говорить о влиянии философии Платона на творчество Михаила Кузмина, было исследовано в работе. Главное, признает исследовательница, что воспринял Кузмин у Платона, была сама концепция любви. В первую очередь, можно говорить о формальных признаках платоновской теории: диалоги Платона говорят о любви на примере любви мужчины к прекрасному юноше. С другой стороны, платоновская философия для Кузмина – это не только платоновский Эрот, но и платоновский Эрос. Для Кузмина характерна концепция любви, высказанная Платоном на протяжении его диалогов. Схематично это можно изобразить следующим образом:

- любовь к прекрасным телам;
- любовь к красоте душ;
- любовь к красоте нрава;
- любовь к красоте как таковой, гармонии.

По этим ступеням восходит лирический герой Кузмина в книге стихов «Сети» – доказано в ходе тематического анализа. Кроме этого, в докладе цитируется статья В. Соловьева «Жизненная драма Платона». По мнению исследовательницы, образ возлюбленного лирического героя строится по сценарию, нарисованному С. Соловьевым. Таким образом, потеря возлюбленного ставит лирического героя на высшую ступень «лестницы любви».

Доклад Л.Г. Каяниди (кафедра истории и теории литературы) представлял собой анализ пространственной структуры поэмы Вяч. Иванова «Солнцев перстень». Структура ивановского художественного пространства наиболее целостно представлена в лиро-эпических произведениях поэта. В поэме «Солнцев перстень» внимание поэта сосредоточено на особенностях пространственных сфер; а кроме того, на том, каким образом происходит их объединение в одно целое. Пространственная структура поэмы была восстановлена докладчиком на основе лексем, наделенных словарной и авторской семантикой. К лексике со словарным значением относятся такие, как «небо», «солнце», «облака». Контекстуально-пространственную семантику представляют такие слова и словосочетания, как «двойник», «роза», «рыба» «одноглазка золотая». Анализируя структуру пространства в данной поэме, Л.Г. Каяниди использовал и другие тексты Иванова, где религиозно-семантические комплексы, на которые есть указания в тексте поэмы «Солнцев перстень», реализованы в полной мере. Закат в поэме становится тайной, которую стремится постичь герой. Для этого он совершает путешествие на край земли. Уже в начале поэмы обозначена одна из особенностей художественного пространства – оно наделено предельными характеристиками. Герой достигает границы мифопоэтического космоса, заповедной черты, где небо сливается с землей. Инобытийное пространство в поэме имеет традиционную для Иванова вертикальную структуру: здесь есть и дол, и небо. Инобытийное пространство остается в рамках эмпирической сферы. Герой достигает его, передвигаясь в горизонтальном направлении на запад. Оно отличается тем, что находится на самой границе мира. Таким образом, эмпирическое пространство не остается однородным. Трансформация художественного мира происходит не только по вертикали, в результате перехода из сферы в сферу, но и по горизонтали, в результате приближения к границе мира. В целом, художественное пространство поэмы имеет сферическую форму. Эмпирическая сфера граничит с мистической. Нисхождение может оказаться восхождением в ивановском смысле – именно в нижней пространственной сфере герой узнает причину того, почему солнце обречено на вечное возрождение и вечное умирание. Иначе говоря, ему открывается причина разделения верхней и нижней пространственных сфер.

После исследования чисто условного пространства последовал доклад о пространстве, строго очерченном географически и исследованном совершен-

но другими средствами. М.С. Козлова (кафедра истории и теории литературы) в своей работе выясняла репутации смоленских поэтов в газете «Рабочий путь» в первой половине 30-х годов прошлого века. В 1930-х годах на территории Западной области выходили 4 специализированных литературных издания. В областных газетах литературе уделяли значительно меньше внимания. Здесь в основном печатались материалы о сельском хозяйстве, промышленности. Однако примерно раз в месяц в областных газетах, таких, как «Рабочий путь» и «Большевицкий молодец», были литературные страницы. В газете «Рабочий путь» была организована литературная консультация, в редакции с семи до восьми вечера принимали начинающих авторов. В литературной консультации, как в приемной больницы, дежурили по очереди Михаил Исаковский, Владимир Смолин, Александр Твардовский, Адриан Македонов. Таким образом, в 30-е годы на Смоленщине велась насыщенная литературная жизнь. Помимо множества писателей, сотрудничавших с издательствами, существовал целый ряд так называемых «непрофессиональных» авторов, писателей-рабочих, крестьян. В качестве методики анализа М.С. Козлова выбрала контент-анализ (систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и содержания информационного источника). Во время контент-анализа, проведенного исследовательницей, учитывались как публикации с непосредственным указанием на личности поэтов «смоленской школы», так и непосредственно публикации самих смоленских поэтов. Чаше всего на страницах газеты «Рабочий путь» встречается имя Твардовского. Немного реже встречается имя Николая Рыленкова. Кроме этого, упоминается имя Адриана Македонова. Реже всего на страницах «Рабочего пути» встречается имя Михаила Исаковского. Самой яркой и неоднозначной фигурой на страницах газеты «Рабочий путь», резюмирует исследовательница, предстает Александр Твардовский. Он выступает здесь как поэт, как литературный критик и как герой публикаций. В оценочном смысле его персона также многозначна: личность Твардовского оценивается как знаком «плюс», так и знаком «минус». В этом смысле репутация Твардовского близка к репутации другого поэта смоленской поэтической школы – Николая Рыленкова. Он на страницах издания выступает как герой публикаций, либо нейтрального, либо критического характера. Особняком стоит Адриан Македонов, поскольку фигурирует на страницах «Рабочего пути» исключительно как литературный критик. В этом смысле его фигура является одной из самых целостных.

В заключительном докладе аспирантской конференции Т.А. Матаненкова (кафедра истории и теории литературы) рассмотрела тематику книги Татьяны Бек «Скворечники». По мнению окружения Татьяны Бек, ее главные интересы всегда были сосредоточены на области литературы. Причем речь идет не только о ее собственной поэзии, но и о творчестве других писателей и поэтов. «Скворечники» – дебютная книга стихов поэта. В процессе

работы над исследованием докладчица создала тематический словарь книги поэзии. На основе него выделены несколько тематических сфер: природа, вещи, человек, пространство, звуки, чувство и состояние, время, экзистенция. Наиболее разветвленной по составу является сфера природы, которая, в свою очередь, делится на живую и неживую. Больше половины из лексем этой сферы – птицы. Удивительно, но в книге, названной «Скворечники», нет скворцов. Возможно, это объясняется преобладанием темы зимы среди объектов неживой природы – рассуждает докладчица. Частотный словарь возглавляют следующие лексемы: «снег», «ветер», «роща», «дом», «небо», «день», «рука», «душа». Таким образом, неслучайно названием книги становится слово «Скворечники». Оно объединяет в себе, отмечает исследовательница, «дом» и «небо»; что-то, сделанное руками человека.

Подводя итоги аспирантской конференции 2008 года, профессор В.С. Баевский обратил внимание участников на условия, которые необходимы для создания истинного научного труда. «Речь идет о том, чтобы серьезно изучать серьезные книги», – пояснил свою мысль В.С. Баевский.

М.В. Ливанова

Смоленский государственный университет

**56-я СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
26 АПРЕЛЯ 2008 ГОДА. СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА»**

Представленные студентами доклады были посвящены различным аспектам функционирования СМИ в обществе: типологической специфике, жанровому своеобразие, особенностям языка и стиля газетных текстов, публицистическому мастерству поэтов Серебряного века.

В докладе О.Г. Петрова (4 курс) «“Газета власти” в информационном пространстве региона» (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент М.В. Ливанова) методом контент-анализа была исследована «Смоленская газета» – издание областной администрации и областной Думы. По мнению автора, оно рассчитано на «служебного» (чиновного) читателя, в тематике преобладают сообщения властных структур, в авторском корпусе наблюдается приоритет пресс-служб над журналистами, около 90% рубрик носит информационно-аналитический характер. Несмотря на позиционирование себя как общественно-политического издания, газета является образцом официальной прессы, наследницей традиционной партийно-советской периодики.

Доклад Е.Н. Романовой (5 курс) «Колумнистика в качественной прессе: публикации М. Соколова в газете “Известия”» (научный руково-

дитель – кандидат филологических наук, доцент М.В. Ливанова), сопровождавшийся слайд-презентацией, вызвал большой интерес участников конференции прежде всего дискуссионной постановкой вопроса о жанровой сущности колумнистики: «Это не только и не столько жанр, сколько площадка для высказывания автора, обладающего интересным мнением или способностью увлекательно писать на избранную тему». Используя дитекс-анализ (исследование микросмыслов текста), Е.Н. Романова продемонстрировала с помощью графических схем наиболее характерные приемы построения материалов Максима Соколова, яркого и ироничного публициста «Известий».

Ю.В. Бавина (4 курс) в докладе «Стразы в текстах СМИ» (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент В.С. Ковалева) привлекла внимание к такому явлению, как неудачное использование журналистами выразительных средств. Речь идет о неоправданной образности, излишней «красивости», которые мешают медиатекстам эффективно выполнять свои коммуникативные задачи. В качестве иллюстраций использовались многочисленные примеры из региональной прессы. Студентка 3 курса Ю. Шенгур, выступившая с докладом «Современные тенденции в языке рекламы» (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент В.С. Ковалева), напротив, познакомила слушателей в основном с теоретическими концепциями, выработанными современными исследователями данной сферы.

От анализа деятельности сегодняшних СМИ участники конференции обратились к проблематике, связанной с историей русской литературы и журналистики начала XX века.

В докладе И.В. Романенко (3 курс) «Мастерство А. Блока-публициста» (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л.Л. Горелик) были проанализированы основные темы критических статей, рецензий и обзоров, написанных поэтом в процессе сотрудничества с редакциями ведущих литературных журналов (прежде всего «Весы» и «Золотое руно»). В публицистике А. Блока нашли отражение его взгляды на сущность искусства, идейно-эстетические искания, внутрисимволистская полемика, раздумья о судьбах России. Еще в недостаточной мере изученная, публицистическая деятельность А. Блока, по мнению автора, стала серьезным вкладом в развитие литературно-эстетической мысли своего времени. К творчеству другого поэта Серебряного века обратился Х.А. Асатурян (2 курс) в докладе «Первая публикация О. Мандельштама: общественные события 1905–1906 годов и тексты символизма в стихотворении «Среди лесов, унылых и заброшенных...» (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л.Л. Горелик). Сопоставив раннее, практически никем не исследованное стихотворение О. Мандельштама, написанное им еще в годы учебы в Тенишевском училище, с известными поэтическими произведениями В. Брюсова и Вяч. Иванова,

автор пришел к выводу, что они вошли в стихотворение О. Мандельштама в качестве интертекста.

После живого и заинтересованного обсуждения участники секционного заседания – студенты и преподаватели – признали лучшими доклады Е.Н. Романовой (диплом 2 степени) и О.Г. Петрова (диплом 3 степени).

Ю.Е. Ивонин

Смоленский государственный университет

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ХРИСТИАНСТВО И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: РОССИЯ, ФРАНЦИЯ, ЕВРОПА XVI–XX ВВ.»**

4–6 сентября в Москве при поддержке фонда «Русский мир», Франко-русского центра исследований в гуманитарных и общественных науках и Центрально-Европейского университета состоялась научная конференция «Христианство и представления о национальной идентичности: Россия, Франция, Европа. XVI–XX века». Конференция была организована одновременно по принципу слушания докладов и «круглых столов» по широким проблемам и сопровождалась оживленными дискуссиями. В конференции приняли участие специалисты из высших учебных заведений и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Саратова, Смоленска с российской стороны и ряда университетов Франции и Голландии, а также работающие в западноевропейских университетах в качестве приглашенных профессоров специалисты из Болгарии и Румынии. Работа конференции началась с «круглого стола» на тему «Christianitas, gentes, nationes: состояние исследований по проблеме взаимодействия христианства и протонациональных дискурсов в истории Европы», на котором с сообщением о состоянии современных исследований по этой теме выступил руководитель оргкомитета конференции доктор исторических наук профессор М.В. Дмитриев (МГУ), после чего произошел обмен мнениями среди участников. Профессор Ж.-М. Ле Галь (Университет Ренна, Франция) выступил с докладом «Культы святых и дискурсы национальной идентичности во Франции раннего Нового времени». Далее выступил с докладом на тему «Королевский Диктатор и Патриарх всея Франции»: проект реформы Галликанской церкви в эпоху Генриха II (к вопросу о "нации" как социальной категории французской культуры XVI в.)» член-корреспондент РАН П.Ю.Уваров (Институт всеобщей истории РАН). Профессор С. Брюнэ (Университет Монпелье 3, Франция) прочитал доклад «“Gallus Vasco” (М. Монтень, 1581 г.) и “испанец в потрохах!” (Генрих IV, 1599 г.): о “национальном” чувстве гасконцев в эпоху религиозных войн». Первое заседание закончилось докладом М.В. Дмитриева «Католицизм, про-

тестантизм, “французскость” во французских полемических сочинениях конца XVI в.». Следующие доклады были посвящены русской и славянской тематике: кандидата исторических наук О.Б. Неменского (Институт славяноведения РАН) «Православие, католицизм и идентичность униатского населения Речи Посполитой в период после Брестской унии 1596 г.»; доктора исторических наук В.Д. Назарова (Институт всеобщей истории РАН) «Иностранные авторы об этнической идентификации русских (середина XVI – середина XVII вв.)»; кандидата исторических наук Т.А. Опариной (Новосибирск) «Православие и “русскость” в русской культуре первой половины XVII в. (в контексте практики перекрещивания христианских “иноверцев”)»; доктора исторических наук профессора Е.А. Вишленковой (Казанский университет) «“Русский народ”: способы визуального конструирования и репрезентации (XVIII – первая треть XIX в.)» доктора А. Брюнинга (Университет Радбуд в Нимвегене, Голландия); профессора С.И. Жука (Университет Болла, США); кандидата исторических наук М.Д. Долбилова (Санкт-Петербургский университет) «“Русскость” и католицизм: противостояние двух дискурсов идентичности в российской имперской политике в XIX в.»; кандидата исторических наук А.Ю. Полунова (МГУ) «Русские консерваторы конца XIX в. о взаимосвязи религиозного и национального в управлении Российской империей».

Большой цикл докладов был посвящен западноевропейской и центрально-европейской тематике: профессора Хр. Амальви (Университет Монпелье 3) «Католицизм и национализм во Франции: националистическая метаморфоза образа Жанны д’Арк, 1868–1920»; профессора М. Альбер-Лорки (университет Тулузы Ле Мирай) «“Национал-католицизм” в Испании в 1930-е годы»; профессора Г. Валчиновой (Тулуза-София) «Споры о болгарской национальной церкви: православие, национализм и конфессиональный выбор в Болгарии во второй половине XIX в.»; профессора С. Антохи (Бухарест-Эссен) «Как можно быть румыном? Конфликты в церкви и среди интеллигенции вокруг “национального канона” (XIX–XXI вв.)». На заключительных заседаниях с докладами выступили: доктор исторических наук профессор Ю.Е. Ивонин (Смоленский университет) «Национальное и универсальное в представлениях о Священной Римской империи германской нации, XVI–XVIII вв.»; профессор С.И. Жук «Национальное и универсальное в представлениях об «американской нации», XVII–XIX вв.»; профессор П.-И. Кирхлежэ (Университет Монпелье 3) «Французские протестанты и нация. Национализм, универсализм и европеизм (XIX–XX вв.)»; профессор В. Ван дер Беркен (Радбуд университет, Нимвеген) «Универсализм и национализм в восприятии христианства русской религиозной мыслью XIX в.»; кандидат исторических наук доцент Е.Н. Моисеева (Саратовский университет) «Роль конфессионального фактора в имперской идеологии Франции последней трети XIX в.»; профессор Д. Авон (Университет Ле Ман, Франция)

«Католическая Франция в “земле ислама”: миссии иезуитов в первой половине XX в.»; доктор исторических наук профессор М.В. Дмитриев «Критика национализма в русской религиозной мысли конца XIX – начала XX вв.».

В последний день работы конференции состоялась заключительная дискуссия на тему «Конфессия и нация в "латинской и православной" Европе: общее и различное», участники которой обменялись мнениями и высказали удовлетворение состоявшимися дискуссиями.

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БРИТАНИЯ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ»

28 – 29 мая 2008 года в г. Ярославле имела место международная научная конференция «Британия: история, культура, образование». На первый взгляд, тематика конференции могла показаться некоторым ее участникам слишком широкой, но эти опасения не оправдались – она собрала большое количество специалистов (выступили с докладами 119 человек), что позволило представить масштаб отечественных исследований в различных областях английской истории на современном этапе и выявить лакуны, которые предстоит заполнить новому поколению ученых. Самое главное – конференция являлась действительно международной, в отличие от множества современных научных собраний, гордо именующихся таковыми, но в качестве «иностранцев» на которых числятся представители научного мира из государств СНГ. В Ярославль прибыли известные английские историки и дидакты истории, такие, как профессор Э. Кросс, выступивший с докладом о национальных стереотипах русских в Британии; доктор Дж. Никол и доктор Х. Купер, повествовавшие об историческом образовании в политическом контексте и преподавании истории в английских школах; профессор М. Ньюит, доктор Т. Риз и доктор Э. Торп, исследовавшие различные аспекты истории Великобритании XVII – XX веков. В ходе работы конференции проходило заседание общества по дидактике истории, в котором принимали активное участие специалисты из Великобритании и Румынии. Город на Волге посетили известные отечественные англоведы и специалисты в области европейской истории – А.Б. Давидсон, Т.Л. Лабутина, Л.П. Репина (Москва), Е.Г. Блосфельд (Волгоград), Н.С. Креленко (Саратов), Т.Н. Гелла (Орел), Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина (Смоленск). Надо сказать, смоленское представительство на конференции было солидным – помимо указанных уже коллег, в Ярославль прибыли также М.Н. Артеменков и М.Н. Алексеева. Доклад профессора Ю.Е. Ивонина был посвящен отношениям Англии и герцогов Саксонских в середине XVI в., профессор

Л.И. Ивонина обратилась к проблеме дружеских отношений в мире «дворов и альянсов», доцент М.Н. Артеменков рассказывал о внешней политике Елизаветы в 90-е годы XVI века, а доцент М.Н. Алексеева – об англо-голландских отношениях в годы войны за австрийское наследство. В заключение следует заметить, что международная конференция в Ярославле успешно состоялась во многом благодаря организаторским и научным усилиям известного ярославского англоведа, доктора исторических наук, профессора Ярославского педагогического университета А.Б. Соколова.

КНИГИ

Ермоленко Г.Н. Взаимосвязи национальных литератур и культур (русско-западноевропейские и романо-германские литературные связи): сборник научных статей. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. 237 с.

Профессор Г.Н. Ермоленко много лет занимается сравнительным изучением европейских литератур. В течение нескольких десятилетий ею в различных изданиях опубликовано большое количество статей, посвященных изучению взаимодействия русской, французской, итальянской литератур, а также франко-итальянских и англо-французских литературных связей. Отдельную группу составляют работы Г.Н. Ермоленко о судьбе античного наследия в русской и западноевропейской литературах. Можно только приветствовать решение автора опубликовать наиболее значительные и интересные из этих работ под одной обложкой.

Сборник дает представление о диапазоне компаративистских исследований автора. Значительная часть статей касается истории литературы XVII – XVIII веков. Это работы о русской и французской комической поэзии XVII – XVIII веков, о русской повести 1860–1880-х годов, о русских переводах итальянского ренессансного рыцарского эпоса, об итальянизме во французской поэзии XVII века, о творчестве Лафонтена и Вольтера. В статьях по истории литературы XIX века рассматриваются произведения А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Ж. де Сталь. Статьи, посвященные литературе XX века, касаются творчества Н. Заболоцкого, И. Бунина, С. Малларме, М. Турнье. Обращаясь к проблеме античной традиции в европейской и русской литературах, Г.Н. Ермоленко анализирует традиции мифологии, гомеровского эпоса, древнегреческой трагедии, Лукреция, Горация, Овидия, Апулея.

Для методологии компаративистских исследований Г.Н. Ермоленко характерно сочетание традиционных и современных методов. Она развивает подходы, разработанные в трудах В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева, М.Л. Гаспарова, с одной стороны, и нарратологические методы, описанные в

работах М.М. Бахтина, В.Я. Проппа, Ж. Женетта, В. Шмида. Еще одна характерная особенность работ Г.Н. Ермоленко – скрупулезный анализ конкретного литературного текста, его жанровой природы, сюжетной структуры, образов и мотивов. Анализ текста имеет целью в данном случае выявить интертекстуальные связи, литературные и мифологические подтексты. Во всех случаях сопоставительный анализ выполняется квалифицированно, выводы тщательно и убедительно аргументируются.

*Доктор филологических наук,
проф. МГГУ им. М.А. Шолохова
Т.В. Саськова*

Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: материалы международной научной конференции. В 2 ч. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. 174 с.; 190 с.

Представленные в настоящем сборнике материалы конференции «Язык. Текст. Культура», организованной кафедрой журналистики и зарубежной литературы (вып. 4), охватывают разнообразные историко-литературные и теоретические вопросы, демонстрируют различные методики анализа художественного текста.

Актуальные проблемы сетевой литературы затрагивает материал А.В. Вурман. Философские аспекты литературного процесса и восприятия художественных текстов рассматриваются в статьях Н.Б. Калашниковой, Я.С. Линковой и В.А. Белоглазовой. Специфика польского и русского фольклора анализируется в материалах Г. Гусяка и М.С. Ефременкова. Более широко, чем в первых выпусках, в настоящем сборнике представлены материалы, демонстрирующие лингвистические методы анализа художественного текста (доклады А.А. Серебрякова, О.И. Гутар, Н.А. Серебряковой, Т.А. Павлюченковой, В.С. Ковалевой), проблемы методики анализа художественного текста на уроках русского языка (доклады О.С. Рябиковой, А.В. Жариковой, Н.А. Малининой).

Значительное место в материалах сборника занимают проблемы сравнительного литературоведения, интертекстуальный анализ (доклады Л.Л. Горелик, М.Н. Капрусовой, В.Е. Захарова, Ю.М. Челомбитько, И.В. Алонцевой, А.Н. Кудиновой), вопросы эстетической коммуникации (доклады Н.В. Автухович, Е.А. Борисеевой), нарративной структуры текста (доклад М.И. Тарасова), проблема жанра (доклады Г.Н. Ермоленко, И.В. Романовой, Р.В. Гуревич, В.В. Ильина, Т.А. Рябовой, Д.В. Бутеева), творческого метода и эстетики литературных направлений (доклады М.М. Иоскевич, О.А. Иоскевич, Т. Мозговой), анализ художественного пространства (доклады О.Н. Щепиной, Г.М. Васильевой, Т.В. Карапетян), образно-тематической и мотивной структуры произведения (доклады Л.В. Павловой, Р.М. Ханиновой, О.П. Бодыка, И.В. Скибы, А.М. Русак, А.Н. Захаровой).

В разделе «Журналистика» читатель найдет материалы, освещающие отдельные вопросы истории отечественной печати (доклады Т.А. Белогуровой, А.Н. Новикова, Т.А. Семенцовой), сегодняшнее состояние российской прессы (доклады М.В. Ливановой, С.В. Аносовой), проблемы специфики медиатекста (доклад А.М. Шестериной).

Кузьмина Н.В. Русский язык и культура речи. Риторика и стилистика: учебно-методическое пособие для студентов нефилологических специальностей / Н.В. Кузьмина, Н.А. Максимчук, М.И. Тарасов. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. 56 с.

Настоящее учебно-методическое пособие содержит упражнения по курсу «Культура речи. Риторика» и является второй частью учебного комплекса, разработанного авторами по указанному курсу. Данная часть посвящена развитию у учащихся навыков построения текстов, соответствующих разным коммуникативным задачам. Упражнения в настоящем пособии охватывают материал базисных канонов классической риторики: изобретения (инвенции), расположения (диспозиции) и словесного выражения (элокуции). Ряд упражнений посвящен оратории – разделу риторики, содержащему сведения, необходимые для построения публичных речей различного типа.

В пособии содержится также ряд упражнений по стилистике русского языка. Отдельные упражнения посвящены выработке навыков правильного построения основных типов документации и написания типовых фрагментов студенческих научных работ.

В качестве иллюстративного материала в пособии используются отрывки из произведений русской классической и современной литературы, современные публицистические и научные тексты.

Пособие рассчитано как на аудиторную работу под руководством преподавателя, так и на самостоятельную работу студентов, результаты которой могут быть вынесены на семинарские занятия или оценены преподавателем индивидуально.

Литература. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. / автор-составитель Г.С. Меркин. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Русское слово, 2008. 328 с.; 256 с.

Учебник-хрестоматия «Литература» для 5 класса соответствует программе по литературе для 5–11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. / автор-составитель Г.С. Меркин. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Русское слово, 2008. 312 с.; 272 с.

Учебник «Литература. 6 класс» соответствует программе по литературе для 5–11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

Программа по литературе для 5-11 классов общеобразовательной школы / авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев. 4-е изд., перераб. М.: Русское слово, 2008.

Программа построена в соответствии с требованиями Федерального компонента государственного стандарта общего образования по литературе, приведенного в конце издания.

Программа допущена Министерством образования и науки РФ.

Литературное чтение: учебник для 1 класса общеобразовательных учреждений / авторы-составители Г.С. Меркин, Б.Г. Меркин, С.А. Болотова; под ред. Г.С. Меркина. М.: Русское слово, 2008. 96 с.

Учебник «Литературное чтение» для учащихся 1 класса начинает новый комплект учебников по литературному чтению для начальной школы, соответствует государственному стандарту начального общего образования.

Учебник допущен Министерством образования и науки РФ.

Проблемы преподавания литературы. Литературное чтение в начальной школе: Проблемы, перспективы, решения: материалы второй международной межшкольной научно-практической конференции. Смоленск – Москва: ГОУ ДПОС «Смоленский областной институт усовершенствования учителей», 2008. 284 с.

Сборник материалов второй международной межшкольной научно-практической конференции учителей средних общеобразовательных школ в 2008 году был посвящен проблемам преподавания литературных чтений в начальной школе. Прозвучало 65 докладов. В конференции приняло участие более 70 человек, 16 школ города Смоленска и 12 школ Смоленской области, преподаватель гимназии Германии, преподаватели СмолГУ, института усовершенствования учителей, областного департамента по культуре Администрации Смоленской области. Публикуемые материалы предназначены для школьных учителей, методистов, студентов. Авторы уверены, что их опыт будет востребован и вызовет понимание среди коллег.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баевский Вадим Соломонович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории литературы, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Борисов Валерий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: ValerijBorisov@yandex.ru.

Боровикова Тамара Васильевна – доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Власова Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета. E-mail: vlassovajulie@mail.ru.

Девятых Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, докторант Института психолого-педагогических проблем детства РАО (Москва). E-mail: devyatych@mail.ru.

Денисович Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Дюндик Анна Анатольевна – аспирант кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: anndie@rambler.ru.

Ермоленко Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики и зарубежной литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Ивенкова Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Смоленского гуманитарного университета. E-mail: ddga@yandex.ru.

Ивонин Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru..

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Каяниди Леонид Геннадиевич – аспирант кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Керов Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: ker@mail.girmet.ru.

Кирчанов Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Воронежского государственного университета. E-mail: webmaster@smu.vsu.ru.

Козлова Мария Сергеевна – аспирант кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: licorne@list.ru.

Красильников Игорь Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Кретинин Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Ливанова Марина Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и зарубежной литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Макарова Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета. E-mail: vladmak@inbox.ru.

Максимчук Нина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Нюбина Лариса Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Осаволюк Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета. E-mail: olgaguepe@rambler.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Пазникова Алла Дмитриевна – соискатель кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета. E-mail: hell_p-09@list.ru.

Пименов Виталий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Полухина Валентина Платоновна – доктор филологических наук, профессор Кильского университета (Англия). E-mail: valentina.polukhina@ntlworld.com

Ретинская Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры французского языка Орловского государственного университета. E-mail: tatret@rekom.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Савельева Ольга Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: o.e.savelyeva@gmail.ru.

Селиванов Владимир Владимирович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии №2 Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Селиванов Владимир Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Сенченков Николай Петрович – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Симоненко Максим Алексеевич – ведущий экономист отдела банковских карт Сберегательного банка Российской Федерации. E-mail: sma2@sberbank.keytown.com.

Смехнов Роман Юрьевич – аспирант кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Смирнова Людмила Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: naksemit@gmail.com.

Соколова Марина Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Смоленского гуманитарного университета. E-mail: mar1164@yandex.ru.

Степанов Александр Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы Тверского государственного университета. E-mail: poetics@yandex.ru.

Степанова Ольга Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета. E-mail: olga0072@yandex.ru.

Тихонова Марина Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французского языка Смоленского государственного университета. E-mail: brick_67@bk.ru.

Троицкий Евгений Фёдорович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Фоменков Анатолий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета. E-mail: fai5757@mail.ru.

Штерн Миньона Савельевна – доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей отечественной литературы Омского государственного педагогического университета. E-mail: minastern@mail.ru.

Якушев Павел Александрович – учитель истории Шимановской средней школы Вяземского района Смоленской области, аспирант кафедры истории и права Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Академическое междисциплинарное издание – журнал «Известия Смоленского государственного университета» публикует оригинальные научные труды (обзорные и актуальные статьи, научные сообщения, рецензии) по различным отраслям знания – философии, социологии, культурологии, педагогике, психологии, филологии, математике, техническим наукам, истории, биологии, наукам о Земле. Статьи группируются по тематическим рубрикам.

РУБРИКИ:

Биология и науки о Земле;

Исторические науки;

Математические и технические науки;

Педагогика и психология;

Филология;

Философия, социология и культурология.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1.1. Рекомендуемый объем – 0,4-0,6 п.л. (до 24 000 знаков с пробелами).

1.2. Материалы представляются в следующем виде:

– редактор Microsoft Office Word 2003;

– шрифт «Times New Roman»;

– основной текст – кегль 14 (кроме литературы и примечаний), печатается через 1 интервал;

– источники (литература и примечания) – 12 кегль;

– поля: верхнее – 2,5 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 2 см;

– отступ (абзац) – 1,25 см; параметры абзацев устанавливать с помощью опций меню «Абзац»;

– не использовать переносы;

– рекомендуемые символы: кавычки «...» (при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например, «...“...”...»); тире обычное (–);

– обязательна проверка орфографии.

1.3. Порядок расположения (структура) текста:

– **сведения об авторах** (фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы) на русском и английском языках; **полное и точное место работы** каждого автора в имени-

тельном падеже; должность, звание, ученая степень; **контактная информация** (e-mail, город, телефоны) для каждого автора; **указание тематической рубрики (УДК)**; **указание источника поддержки, если статья печатается за счет средств грантов**. Все сведения приводятся 14 кеглем, выравнивание по правому краю;

- наименование статьи (посередине);
- ключевые слова статьи (материала) / каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой (данные приводятся на русском и английском языках и выделяются курсивом);
- аннотация на русском языке (до 600 печ. знаков) / выделяется курсивом;
- основной текст статьи (материала);
- литература (источники);
- примечания (поясняющие ссылки);
- название статьи на английском языке (выделяется курсивом);
- аннотация на английском языке (выделяется курсивом).

1.4. Требования к оформлению структуры текста:

- фамилия и инициалы автора, а также название статьи набираются полужирным шрифтом (не допускается выделение прописными буквами);
- названия параграфов печатаются полужирным шрифтом (без нумерации);
- название подпараграфов печатаются полужирным курсивом;
- выделения внутри текста набираются только обычным курсивом (подчеркивания слов, а также слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем и пр. не допускаются);
- стихотворный текст набирается 12 кеглем;
- нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т.д.; а), б), в) и т.д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
- маркированный список пунктов допускается только в виде тире;
- список литературы располагается в алфавитном порядке и приводится 12 кеглем в конце текста статьи, перед примечаниями;
- литература на иностранных языках располагается после литературы на русском языке по алфавиту языка, к которому относятся данные источники;
- электронные источники (например, вебсайты) указываются в конце списка литературы 12 кеглем;
- примечания набираются также 12 кеглем, нумеруются и даются отдельным списком сразу после списка литературы;
- список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P.J., Barrett T.P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3, № 58. P. 75–85.

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13, №. 3. С. 369–385.

Кузнецов А.Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. М.: Научный мир, 2003. С. 340–342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. 2-е изд. М. : Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. Ярославль, 2003.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С.125–128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?number=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007)

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

1.5. Оформление содержания ссылок и сносок:

– сноски (на литературу) печатаются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты, выделенной кавычками (сначала указывается номер источника, а затем, после запятой – номер страницы);

– сноски на несколько источников с указанием страниц разделяются между собой точкой с запятой;

– номера сносок на другие источники и поясняющие ссылки (примечания) указываются в круглых скобках, после определенного абзаца (в конце предложения, перед точкой), а их содержание приводится в конце текста в отдельном списке примечаний.

1.6. Оформление рисунков:
– при выборе положения рисунка в тексте необходимо использовать опцию «В тексте» в меню «Формат»;
– рисунок должен располагаться по центру листа;
– подписи располагаются под рисунком по центру и выполняются 12 кеглем (Рис. 1. Мое название);
– от текста рисунок отделяется одной пустой строкой;
– рисунки подаются дополнительно на электронном носителе в отдельном файле.

1.7. Материалы могут содержать таблицы, выполненные в редакторе Microsoft Office Word 2003. Не допускается использование иных программ оформления таблиц. Черно-белые рисунки рекомендуется выполнять в графическом редакторе (Adobe Illustrator, Photoshop, etc.).

1.8. Формулы набираются в редакторе MS Equation или вставляются в текст картинками.

1.9. Материалы принимаются в распечатке (2 экз.) вместе с электронной версией (на дискете или CD-диске).

1.10. Редколлегия оставляет за собой право предложить автору переработать статью, а также отклонить подготовленную статью, если она не может быть доработана или не соответствует требованиям оформления. Редколлегия не вступает в переписку с авторами отклоненных материалов.

1.11. За опубликование рукописей аспирантов плата не взимается.

1.12. Статьи аспирантов обязательно сопровождаются рецензией редактора рубрики и письменным согласием научного руководителя на публикацию материала.

Материалы принимаются по адресу:

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. (ректорат, с пометкой «В журнал "Известия Смоленского государственного университета"»).

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

Гильденков М.Ю., Евдокимов С.П., Круглов Н.Д. (Биология и науки о Земле);
Ивонин Ю.Е., Козлов О.В. (Исторические науки);

Дьяконов В.П., Расулов К.М. (Математические и технические науки);

Меркин Г.С., Сенченков Н.П., Сонин В.А. (Педагогика и психология);

Баевский В.С., Сильницкий Г.Г. (Филология);

Грибер Ю.А., Славин А.В. (Философия, социология и культурология).

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2008 года** во всех почтовых отделениях России открылась подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2009», 1 том, зеленая обложка, с. 377 (в московском каталоге – с. 324).

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 813 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 419 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная** (журнал поступает к Вам заказной бандеролью).

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2009»

Подписка на **I полугодие** – **80190**

Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**

Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru,**

arpk@eg-online.ru.

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** <http://palt.ru/catalog>.

Адрес редакции:

214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 383157, факс: (4812) 383157

E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

Для заметок

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Ежеквартальный журнал
2009, №1(5)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Компьютерная верстка *В.В. Мастакалова*
Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко*

Подписано к печати 20.01.2009. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 22,5. Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 300 экз.
Заказ № 11.

Отпечатано в ИТЦ СмолГУ
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4